

Джек Кавано

ПУРИТАНЕ

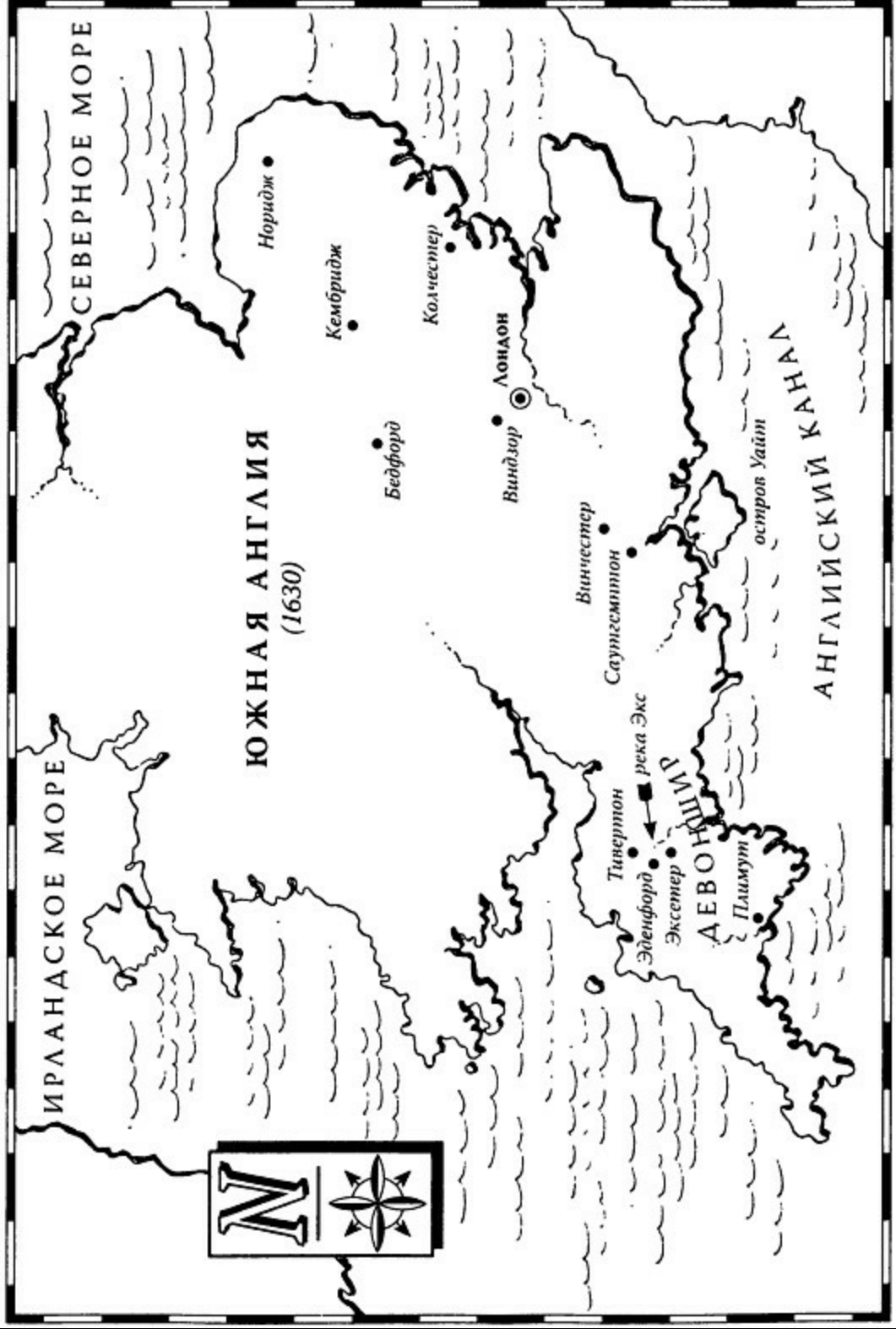
История одной семьи

Первая половина XVII века — Англия на пороге гражданской войны. Полным ходом работают суды по политическим и церковным делам. Внук легендарного «королевского пирата» Амоса Моргана — юный и отважный Энди Морган, поступив на службу к всесильному епископу Лоду, начинает новую жизнь, полную приключений и головокружительных поворотов судьбы. Обстоятельства, в силу которых Энди Морган оказался вовлечен в борьбу с пуританами, приводят его сначала в небольшой городок Эденфорд, а затем и в Северную Америку. Преодолев множество испытаний, познав горечь поражений и радость побед, молодой человек обретает веру, любовь и новый дом.

Джек Кавано Пуритане Книга первая

Посвящается моим близким

Юность Энди Моргана нельзя было назвать безоблачной. Он обрел веру, заставив страдать невинных людей, и это мучило его всю жизнь. Лишь незадолго до смерти он избавился от чувства вины, получив откровение от Бога, состоящее из одной-единственной фразы: «Чем ниже в грехе своем падет человек, тем сильнее проявится могущество Господа».

Вряд ли это безыскусное откровение могло сравниться с тем, что обрел Иоанн Богослов на Патмосе, однако с тех пор угрызения совести больше не терзали Энди Моргана. После его смерти потомки передавали эти слова из уст в уста, из поколения в поколение. Хранитель фамильной Библии устраивал особое торжество, на котором вручал книгу своему преемнику, — так же в 1654 году поступил Энди Морган. Во время церемонии имя нового хранителя вносилось на первую страницу Библии.

Торжество венчал рассказ об истоках семейной веры, начинавшийся словами: «Эта история ведет свое начало со времен короля Карла I [\[1\]](#), с того самого дня, когда Энди Морган встретил епископа Лода [\[2\]](#). С тех пор все в его жизни пошло не так...»

Энди вздрогнул: тяжелая деревянная дверь, с глухим скрежетом поворачиваясь на железных петлях, закрипела, словно кости старика, сладко потянувшегося после долгого сна. Юноша быстро оглянулся. Никого. Стражника с квадратной челюстью не видно. Затаив дыхание, будто это могло приглушить жалобы двери, Энди потянул ее вновь. Едва щель стала достаточно широкой, он заглянул внутрь. Перед ним открылся длинный коридор. В дальнем его конце виднелось величественное, во всю стену, окно. Отходящие под прямым углом переходы вели в другие части замка.

Все было тихо. Энди оглянулся. В огромном внутреннем дворе ни души. Отлично. Гости еще на приеме. Кажется, ему удалось улизнуть незаметно.

Энди резко дернул за ручку и, перешагнув порог, быстро и бесшумно закрыл массивную деревянную дверь. С минуту он постоял, прислонясь к ней спиной и прижимая к груди узелок. Его взору открылось великолепное зрелище. То, о чем он мечтал. Энди Морган попал в другой мир.

Все вокруг напоминало о славных рыцарских временах. Ничего общего с тем надменным царством пустоты в зале Святого Георга, где важно разгуливали придворные, жаждающие лести, богатства и славы. Перед ним была совсем иная Англия — страна благородных рыцарей. Англия той эпохи, когда в мужчинах ценились смелость, достоинство и честь, а женщины были прелестны и целомудренны.

Лучи ласкового вечернего солнца тихо струились сквозь огромное окно, заливая коридор божественным светом. Энди показалось, что он ступил на святую землю.

Вдоль стен помещения стояли щиты эпохи короля Артура [\[3\]](#), их ряды прерывали лишь двойные двери по обе стороны коридора. Щиты эти напоминали о былой славе знатных семейств: самец шотландской куропатки, расправивший крылья, представлял Галифаксов, лев с алебардой, изображенный над осадной башней, принадлежал Гилбертам, а на гербе Свэйнов победоносно потрясал мечом грифон. Эти эмблемы были предметом гордости владельцев, в отличие от северного оленя в упряжи, украшающего родовой герб Морганов. Разве можно утратить врага северным оленем? Особенно если на его губах угадывается

усмешка. Где это видано, чтобы олень улыбался?!

Внимание Энди привлек щит Гилбертов. Чтобы рассмотреть его, молодой человек подошел ближе. Внизу справа он заметил четыре длинные вмятины. Энди благоговейно прикоснулся к боевым шрамам. Был ли удар, оставивший эти следы, роковым для воина, или для него оказался смертельным следующий?

Внезапный щелчок заставил Энди вздрогнуть. Звук донесся из дальнего конца коридора: открылась дверь, потом послышались шаги и голоса. Молодой человек лихорадочно огляделся. Где бы спрятаться? Бежать назад, во двор? Нет, там наверняка поджидает стражник с тяжелой челюстью. Голоса зазвучали громче. Энди бросился к двери с правой стороны коридора. Заперто. Шаги приближались. Он метнулся к противоположной стене. Дверь поддалась. Энди юркнул внутрь, неплотно закрыв за собой дверь, — он боялся выдать себя щелчком.

— Сегодня вечером у нас свидание в комнате рядом с кладовой, — раздался высокий юношеский голос.

— Правда? — второй собеседник был явно моложе первого.

— Ага! Она хочет, чтобы я ее поцеловал.

Через щелку неплотно прикрытой двери Энди увидел говоривших. Два мальчугана из прислуги, оба младше Энди, несли серебряные подносы с крышками, ручки которых имели форму оленьих голов. Из-под крышек доносился приятный запах оленины.

— Она сама это сказала? — спросил тот, что помладше.

— Конечно, нет, дурья башка!

— Тогда откуда ты знаешь?

Старший понизил голос.

— Доживешь до моих лет, поймешь...

Энди видел, как младший, неловко держа поднос, с трудом нашупал щеколду на двери, ведущей к выходу. Старший поторапливал его, но помощи не предлагал. Спустя минуту они ушли. Остался лишь запах мяса.

Вздохнув с облегчением, Энди обернулся и замер в изумлении.

Если щиты в коридоре воодушевили молодого человека, то увиденное в этой комнате потрясло его до глубины души. Тесными рядами вдоль инкрустированных золотом стен стояло великое множество средневековых доспехов. Энди заворуженно обвел глазами комнату. Здесь были доспехи из Англии, Франции и Германии. Разглядывая их, Энди, как зачарованный, кругами, словно балерина, исполняющая пируэты в замедленном темпе, двигался к центру комнаты.

Узелок с глухим стуком упал на пол. Энди охватило благоговение. Юноше казалось, что его окружают рыцари. Так вот каково быть королем Артуром! В ту же минуту он превратился в сэра Энди Моргана, рыцаря Круглого стола ^[4].

— Благодарю вас, мои рыцари, — произнес он глубоким, низким голосом, подражая королю Артуру, — за то, что вы откликнулись на мой призыв. Из надежных источников мне доподлинно известно, где следует искать Святой Грааль ^[5]. Но, как вы знаете, найти его может лишь тот, кто чист в помыслах и справедлив.

Сэр Морган разглядывал доспехи, пока не увидел французские латы. Приосанившись, он молвил:

— Ты, Ланселот ^[6], без сомнения, один из лучших среди нас. Однако тебе не удалось

обуздать свою страсть к Гвиневре ^[7]. Ты не достоин чести отправиться на поиски Грааля. Сэр Гавэйн ^[8], — Энди обвел глазами комнату в поисках мессира Гавэйна и осекся на полуслове — его взгляд упал на черные доспехи из Германии. Они были просто великолепны! Новоиспеченного рыцаря потянуло к ним словно магнитом. В их идеально отполированной поверхности отражался не только Энди, но и мельчайшие детали убранства помещения. Это было совершенное творение искусного мастера, жившего сотни лет назад. Энди осторожно потрогал нагрудник кирасы и подставку для копья. Он поднял забрало и испытал разочарование, никого там не обнаружив. Ну что за шлем без рыцаря?!

Энди почтительно снял шлем с пустых доспехов. Сделать это оказалось на удивление легко. Он с трепетом приподнял его и водрузил себе на голову. На какое-то мгновение стало темно, а потом юноша посмотрел на мир глазами рыцаря. Узкая щель забрала позволяла видеть немного, но Энди все равно пришел в восторг. Он засмеялся от счастья — и металл эхом отозвался на его смех. Молодой человек взглянул на «рыцарей» вокруг себя, на обезглавленные доспехи, усмехнулся и подумал: «Почему бы и нет?» Положив шлем на пол, Энди разобрал доспехи на части. Он сбросил камзол и штаны и остался в одном белье. Не зная, как приступить к делу, он решил начать снизу. Надел поножи, покрытые металлическими пластинами, наколенники и изогнутые набедренники, обернул талию юбкой кирасы и застегнул ее сбоку, надел нагрудник, наплечники и наручи, соединив их на уровне локтей маленькими чашевидными застежками. Шею закрыл латным воротником, напоминающим ожерелье из небольших изогнутых пластин.

Облачаясь в доспехи, Энди постепенно менялся, чувствуя неведомый доселе прилив силы и отваги. Если здесь появится дракон, он сразит его не дрогнув. Если прекрасная дева попадет в беду, он не ведая страха устремится к ней на помощь. Если кто-нибудь осмелится бросить вызов королю и отечеству, Энди тут же вступит с ним в единоборство.

Преображение было почти полным. Не хватало только шлема. Энди потянулся за ним, и доспехи громко заскрежетали. Внезапно юноша осознал, что он не может достать до пола. Он выпрямился, поправил доспехи и еще раз попытался дотянуться до шлема, и опять у него ничего не вышло. «Тоже мне рыцарь, — сказал он сам себе. — Не могу даже одеться».

Титаническими усилиями молодому человеку удалось опуститься на колени, взять шлем и водрузить его на голову. Ура! Получилось. Вот только подняться было еще труднее. Сначала он перенес тяжесть на левую руку, затем уперся в пол правой ногой и, изо всех сил оттолкнувшись, встал. С трудом сохраняя равновесие, Энди зашагал по комнате, пошатываясь, как оглушенный ударом воин. Постепенно походка юноши обрела уверенность. И вот уже сэр Морган Отважный гордо стоит в окружении собратьев-рыцарей.

Теперь щит и оружие. Ведь без них воин беззащитен. Энди, лязгая доспехами, двинулся к палашу, висящему на стене под фамильным гербом Букингемов.

И тут громко хлопнула входная дверь. Вновь послышались голоса, но на этот раз вошедшие были значительно старше. Говорил взрослый мужчина, в его голосе звучали плаксивые ноты.

Собеседники приближались.

— Давай зайдем сюда, — сказал один из них, — не хотелось бы, чтобы нас подслушали.

Бряцая доспехами, Энди поспешно подошел к стене и влился в ряды рыцарей. Попутно он попытался ногой задвинуть грудку одежды в угол. В это мгновение дверь распахнулась. Энди изо всех сил старался унять колотящееся сердце. Он боялся пошевелиться: малейшее движение — и доспехи бы заскрипели.

Юноша отлично слышал, о чем говорили эти двое, но увидеть их мешал шлем. Голос собеседника плаксивого был выше, в нем сквозила снисходительная уверенность.

— Думаешь, лорд Честерфилд верен нам? — прозвучал высокий голос.

Ответа не последовало. Однако, услышав следующий вопрос, Энди догадался, что плаксивый кивнул.

— Почему?

— На Страстной неделе он говорил с лордом Нортон, — ответил плаксивый. — Они толковали о неприятностях, которые эти... пуритане ^[9]причиняют в Эссексе. Я слышал, как он сказал Нортону...

— Лорду Нортону, — поправил высокий голос.

— ...Лорду Нортону, что девонширские пуритане неплохие работники и, пока они делают отличный серж ^[10], он не намерен их трогать.

Незнакомцы приблизились. Теперь Энди мог их рассмотреть. Судя по одежде, обладатель плаксивого голоса был простолюдином. Когда он говорил, его густые черные брови двигались вверх-вниз. Его собеседник, толстый священник, неторопливо прохаживался по комнате, сложив руки на выпуклом животе.

Внезапно он заметил лежащий посреди комнаты узелок. Энди едва не застонал от досады. Как он мог забыть! Священник легко нагнулся и поднял свою находку. Он повертел узел в руках, а потом развязал его и достал книгу. Быстро пролистав ее, он улыбнулся.

— Что это, ваша милость? — спросил плаксивый.

— Да так, пустяки, — ответил священник. Он хотел было сунуть книгу в узелок, но остановился, пораженный какой-то мыслью. Затем он медленно и настороженно оглядел комнату. Юный рыцарь как можно глубже втянул голову в плечи. Цепкий взгляд толстяка, скользнув по ряду доспехов, остановился на Энди.

У молодого человека мороз пошел по коже. Ему показалось, что священник посмотрел ему прямо в глаза.

— Ладно, Элкинс, — сказал священник вздохнув. — Давай-ка, пока нас не хватились, вернемся на прием. И не забывай: сказанного лордом Честерфилдом недостаточно. Мне нужно быть абсолютно уверенным в его преданности. К тому времени, когда я приеду в Девоншир на охоту, ты должен собрать для меня новые сведения.

Энди наблюдал за священником и его собеседником, пока мог их видеть. Он слышал, как открылась и закрылась дверь комнаты, но продолжал стоять не шевелясь. Юноша ждал, когда захлопнется наружная дверь. Наконец все стихло. Благодаря хладнокровной решимости, достойной бывалого воина, Энди второй раз за день удалось остаться незамеченным.

Он облегченно вздохнул и сделал шаг вперед. Пожалуй, пора снять доспехи и вернуться на прием. Энди был доволен собой. Для новоиспеченного рыцаря не так уж и плохо...

— Стой, сэр рыцарь!

Услышав окрик, Энди неуклюже повернулся и лицом к лицу столкнулся со священником. Дверь тут же распахнулась и вбежал Элкинс.

— Вы были правы, ваша милость! — закричал он.

Слегка обескураженные, мужчины двинулись к Энди. Тот сделал шаг назад и зацепился за свою одежду, комом лежавшую на полу. Юноша потерял равновесие и, размахивая руками, с грохотом рухнул навзничь. На этом шум не стих: доспехи, падая друг на друга, как

косяшки домино, начали валиться на пол. Совершив всего одну оплошность, неустрашимый сэр Морган не только был повержен сам, но и прихватил с собой четырех доблестных рыцарей.

Лежа на полу, Энди мог видеть лишь своды потолка. Он безуспешно пытался встать, но был беспомощен, как жук, шлепнувшийся на спину. Послышалось шуршание одежды, и прямо перед ним появилась круглая красная физиономия. Встав на четвереньки, священник заглянул в щель забрала.

— Ну-ка посмотрим на нашего павшего рыцаря, — сказал он и приподнял забрало. Энди оказался с ним лицом к лицу. На юношу смотрели ясные, острые, немного навывкате глаза. У священника были широкие усы с проседью и изящная остроконечная борода, вроде той, что носил король.

— Я бы сказал, он довольно юн, — удивленно заметил священник и обратился к молодому человеку: — А имя у рыцаря есть?

Энди размышлял, как ему поступить. Можно выдумать имя и попробовать выкрутиться. Или сделать вид, что принял обет молчания. Насколько серьезно его положение? Есть ли закон, который запрещает надевать рыцарские доспехи? В крайнем случае придется сказать правду.

— А ну отвечай! — закричал Элкинс и, изловчившись, изо всех сил пнул Энди. Удар не причинил юноше никакого вреда, ведь его защищали прочные металлические пластины.

— Держи себя в руках, Элкинс! — прикрикнул на своего помощника священник. — Хочешь испортить доспехи? — И, взглянув на Энди, настойчиво повторил: — Имя у тебя есть?

Бедный рыцарь попытался кивнуть, но из-за тяжелого шлема не смог даже приподнять голову. Все, что ему удалось, — наморщить нос.

— Так как же тебя зовут? Назови свое имя, юноша.

— Энди.

— Энди, — повторил священник, как бы пробуя слово на вкус. — Энди. Энди. Это от Эндрю?

Молодой человек хотел было кивнуть, но передумал и ответил «да».

— И все? Просто Энди?

Энди надеялся, что ему не придется впутывать в это дело отца. Но он понял, что следует до конца оставаться рыцарем, отвечающим за свои поступки.

— Морган. Энди Морган.

Священник был поражен.

— Сын лорда Перси Моргана?

— Да.

— Ясно, — недовольно произнес священник. Кряхтя, он поднялся и теперь стоял, возвышаясь над Энди.

— Надо помочь рыцарю встать, — сказал он Элкинсу и спросил Энди: — Вы можете поднять руки, сэр Морган?

Поверженный рыцарь поднял обе руки. Священник ухватился за одну, а Элкинс — за другую. Когда они поставили его на ноги, забрало захлопнулось с таким лязгом, что у Энди зазвенело в ушах.

— Элкинс, — приказал священник, — иди в зал и приведи ко мне лорда Моргана. Я буду в часовне Святого Георга [\[11\]](#).

— А как же мальчишка? Не сбежит?

Священник прикрыл глаза и сказал немного утомленным голосом, которым обычно говорят с детьми:

— Он никуда не денется. В таком виде он едва может пошевелиться. Если захочет удрать, я догоню его в два счета.

Если Элкинс и был оскорблен снисходительным тоном священника, то виду не подал. Он безропотно отправился выполнять поручение.

— Сними шлем, — приказал священник. — Я хочу на тебя посмотреть.

Энди, повинувшись, обнажил голову. Натолкнувшись на холодный пристальный взгляд священника, он потупился.

— Смотри мне в глаза! — прикрикнул священник.

Энди поспешно поднял голову.

— Всегда смотри человеку в глаза! Никогда не опускай глаз! Даже если ты потерпел позорное поражение.

Энди заставил себя посмотреть в глаза тому, кто застал его врасплох, облаченным в рыцарские доспехи. Поначалу это было нелегко, взгляд священника казался острым, как меч, но чем дольше это тянулось, тем меньше Энди тревожился. Ему почудилось, что в глубине холодных глаз прыгают насмешливые искорки.

— Молодец, — сказал священник и, сунув под мышку книгу Энди, направился к двери. — Следуй за мной, — отчеканил он не оглядываясь и решительно зашагал по коридору.

— А как же моя одежда?

— Ну, на тебе ее более чем достаточно, — не оборачиваясь, бросил священник.

Зажав под мышкой шлем, Энди последовал за ним. Каждый шаг молодого человека сопровождался громким лязгом доспехов.

Как только юноша оказался во внутреннем дворе, ему тут же захотелось куда-нибудь сбежать. Прием у короля закончился, и здесь толпилась добрая половина английской аристократии. Едва нога Энди со звоном ступила на вымощенный булыжником двор, глаза всех присутствующих устремились на него.

Толпа придворных встретила странную фигуру молчанием, и у Энди появилась надежда, что он сумеет улизнуть, но не тут-то было. Родовитые особы просто не сразу сообразили, что происходит, ведь на королевских приемах уже давненько не видали рыцарей.

— Ты смотри! Да это сам сэр Ланселот! — наконец воскликнул кто-то.

Все дружно захохотали.

Несколько пышно разодетых господ приблизились к юноше. Энди старался идти быстро, но в тяжелых доспехах это было не так-то легко. Лысеющий человек с брюшком, который явно не упустил случая как следует приложиться к королевскому вину, паясничая и подражая конному рыцарю, вызывал Энди на поединок.

— Если ты ищешь целомудренную деву, — закричал джентльмен, на руку которого опиралась темноволосая леди, — в этом дворце ты ее не найдешь. — Его подруга визгливо засмеялась и игриво ткнула своего кавалера кулаком в бок.

Священник, не обращая внимания на этот балаган, невозмутимо шагал по дорожке мимо центральной башни к часовне Святого Георга. Энди старался не отставать.

Видя, что их жертва норовит улизнуть, двое мужчин схватили Энди за руки.

— Оставьте паренька в покое! — высокий голос священника прозвучал резко, как удар хлыста.

Сообразив, кто отдал распоряжение, насмешники отпустили виновника всеобщего веселья. Увидев, что священник придерживает перед Энди дверь часовни, они притихли.

Скрежеща доспехами, Энди поспешно шмыгнул внутрь.

— Что это с рыцарем, ваша милость? — ехидно полюбопытствовал кто-то.

В ответ священник захлопнул дверь.

— Тебя выдала книга, — священник указал на злополучный томик так, словно ему предстояло стать уликой в суде. Энди огляделся. Толстяк привел его в маленькую комнатку, расположенную за часовней. Это было скромное обиталище, обстановка которого состояла из небольшого деревянного стола и двух простых стульев. На столе валялись бумаги и карты, поверх них лежали стопки книг. Единственным украшением, кроме пары подсвечников, служило распятие над столом. Комната, судя по всему, предназначалась не для приема гостей, а для спокойной, уединенной работы.

Священник с величественной непринужденностью уселся за стол. Он не предложил Энди последовать его примеру, да это было и к лучшему — вряд ли молодому человеку удалось бы согнуть колени. Сложив руки на груди, толстяк прижал к себе книгу. Он помолчал, разглядывая Энди. Постепенно его губы расплылись в отеческой улыбке: так улыбаются набедокурившему ребенку.

Поглаживая книгу, священник сказал:

— Благодаря ей я догадался, где ты прячешься. А одежда на полу лишь подтвердила мои подозрения.

Он задумался, и его лицо приобрело добродушно-насмешливое выражение.

— Зачем ты сунул книгу в узелок?

Энди осторожно прокашлялся.

— Отец не хотел, чтобы я привозил ее в Лондон.

Повисла пауза. Священник ждал дальнейших объяснений.

Энди неловко пошевелился. Доспехи скрипнули.

— Отец говорит, что я слишком много читаю. Вот я и спрятал книгу в дорожном сундуке. Узелок среди одежды незаметен.

— Ты собирался читать ее, облачившись в доспехи?

— Нет, — Энди покраснел, — на приеме было очень скучно, и я сбежал. Почитал немного, а потом решил осмотреть замок. Это, — он указал на доспехи, — вышло случайно.

Священник взглянул на книгу и нараспев прочел:

— «Эпоха рыцарей». Джеффри Бербер, — он по-мальчишески улыбнулся. — В детстве я читал эту книгу раз пятнадцать, — он вскинул глаза на Энди и, не выдержав, рассмеялся. — В твоем возрасте я бы тоже не упустил случая примерить доспехи.

Энди с видимым беспокойством следил за священником. А тот вновь взялся перелистывать томик, словно хотел что-то найти. Такого поворота событий юноша не ожидал. Этому человеку беспрекословно подчинялся Элкинс. Одного его слова было достаточно, чтобы усмирить подвыпившую толпу придворных. Молодой человек полагал, что на него обрушится праведный гнев. Однако перед ним сидел добродушный, улыбчивый человек.

Внезапно священник резко захлопнул книгу и быстро спросил:

— Кто твой любимый рыцарь?

— Любимый рыцарь?

— Ну да, любимый. Есть же он у тебя!

— Вообще-то, — пробормотал Энди под скрежет доспехов, — мне нравится сэр Гавэйн.

Священник насупился.

— Гавэйн? Не Ланселот? Нет война отважнее Ланселота!

Энди вновь смутился. Он явно угодил пальцем в небо. Но юноша чувствовал себя неловко не только из-за своего ответа. Ему невыносимо хотелось сесть, сложить руки, сделать что угодно, лишь бы не стоять здесь, издавая противный скрежет. Теперь он понял, почему рыцарей всегда изображают в полный рост, — дело не в их добродетелях, просто они не могли согнуться.

— Ланселот доблестный воин, — примирительно сказал Энди и переложил шлем в другую руку. — На турнирах и в бою ему не было равных, но он не безупречен. Ланселот не смог обуздать свою страсть. Эта слабость погубила Круглый стол и короля Артура.

— Понимаю, — священник со смешанным выражением задумчивости и веселого удивления погладил свою остроконечную бородку. — А скажи-ка, Эндрю, ты когда-нибудь испытывал столь же сильное чувство к женщине, какое питал Ланселот к Гвиневре?

— Конечно! — воскликнул Энди.

Брови священника поползли вверх.

— Ну, может быть, не столь сильное. Но ведь на свете есть вещи поважнее женщин!

— Вот как? Звучит неплохо для того, кому... сколько? Семнадцать? Восемнадцать?

— Восемнадцать.

— Ясно. Тогда скажи, Эндрю, что, по твоему разумению, важнее женщин?

— Справедливость и... преданность! А уж этого Ланселоту явно недоставало. Он предал короля и своих товарищей, согрешив с королевой.

Священник одобрительно засмеялся.

— Неужели ты на самом деле сын лорда Перси Моргана?

В эту минуту послышались раздраженные голоса. Дверь распахнулась, и в комнату вбежал разгневанный лорд Морган, за которым следовали леди Эвелин, мать Энди, и Филипп, его брат.

Принадлежность родителей Энди к высшему обществу, несмотря на их крайне возбужденное состояние, не вызвала никаких сомнений. Лорд Морган очень заботился о своей внешности. Его темно-зеленый бархатный камзол был весь расшит золотыми нитями и усыпан драгоценными камнями, рукава украшали разрезы и буфы. Поверх камзола была надета подбитая мехом накидка. На шее болталась массивная золотая цепь с медальоном, изображающим усмехающегося северного оленя в упряжи. Лорд Морган не вышел ростом, зато имел очень зычный голос. Энди не раз слышал, как отец говорил: «Когда у невысокого мужчины громкий голос, он исполин».

Если в Англии кто-то и мог тягаться с лордом Морганом по части голоса, то это мать Энди. Леди Эвелин не уступала мужу и в любви к моде. Вряд ли ей понравилось бы жить в эпоху скромности и благоразумия. Туалет леди Морган соответствовал ее положению в обществе. На королевском приеме она блистала в парике из золотистых локонов, который смотрелся куда лучше ее собственных тусклых волос. Парик изготовил искусный парикмахер из прелестных кудрей маленькой нищенки, которую леди Морган встретила в Лондоне, куда частенько наезжала за покупками. Она затащила девочку к себе в карету и предложила продать волосы за два пенса [\[12\]](#). Слуги, не дав бродяжке времени на раздумье, сунули ей деньги и в два счета остригли.

На сей раз леди Морган щеголяла в белом платье с большим кружевным воротником в форме крыльев. Корсаж был усыпан драгоценными камнями, а юбка расклешена по последней моде. Тщательно продуманная длина наряда позволяла полюбоваться чулками,

украшенными самоцветами.

Туалеты леди Морган были предметом зависти почти всего королевского двора. Однако именно это «почти» и не давало ей покоя. Матери Энди хотелось, чтобы ее нарядам завидовал «весь» двор. Для того-то в тот день на ней и сверкало жемчужное ожерелье.

Подбирать украшения к своему туалету она начала задолго до королевского приема. Леди Морган страстно желала, чтобы при виде ее драгоценностей лондонские модницы — все как одна — позеленели от зависти.

Возвращаясь домой после набегов на испанские колонии в Калифорнии, сэр Фрэнсис Дрейк [13] погрузил на свой корабль столько золота, серебра и драгоценных камней, что «Золотая лань» [14] осела под их тяжестью. В числе прочих сокровищ он привез великолепное жемчужное ожерелье. До сих пор это украшение надевала только одна женщина в Англии — королева Елизавета [15]. После ее кончины бесценное ожерелье вернули семье адмирала. Наследники Дрейка хранили кольцо в надежном месте, пока Моргань не изъявили желание приобрести его.

Спустя десятилетия на королевском приеме ожерелье было выставлено на всеобщее обозрение: оно украшало изящную белую шею леди Морган. Впрочем, сейчас эта шея от гнева покрылась красными пятнами.

Леди Эвелин и лорд Перси, как одержимые, набросились с упреками на сына:

— Мы стали посмешищем для всего королевства! Тебе доводилось совершать глупости и раньше, но еще никогда...

— Я так ждала этого дня, не говоря о том, что подготовка к приему мне стоила бешеных денег. И ради чего?! Теперь все будут говорить не о богатстве Морганов, а о моем болвань-сыне, который разгуливает в доспехах...

— Тоже мне, нашел время! Несколько часов мы ждали, когда наконец нам удастся поговорить с королем, и как только нас представили...

— ...В зал врывается этот деревенщина и рассказывает всем и каждому, что мой сын пробрался в замок и нацепил на себя...

— Ты самый несносный и упрямый мальчишка на свете! Ну погоди, вернемся домой...

— Лорд Морган! — вмешался священник.

Но отец и мать Энди ничего не слышали.

— Никогда в жизни я не оказывалась в таком унижительном...

— Я с тебя шкуру спущу... Вздоху, как...

— Лорд и леди Морган! Будьте любезны!..

Высокий голос священника, прозвучавший на этот раз громко и властно, перекрыл возмущенные крики родителей Энди.

Лорд Морган стремительно обернулся, чтобы посмотреть на наглеца, осмелившегося прервать его, но, увидев священника, который поднялся со своего места, смертельно побледнел.

— Епископ Лод! — растерянно произнес он. — Простите, ваше преосвященство, я вас не заметил. Этот тупица, которого вы послали за нами, не сказал, кто именно поймал моего никчемного сына. Не тревожьтесь, мальчишка будет строго наказан. Глупость, которую он совершил, непростительна. Дома я ему задам взбучку...

Епископ Лод, сделав знак рукой, заставил лорда Моргана замолчать. В комнате воцарилась благословенная тишина. «Интересно, он о чем-то размышляет или просто наслаждается тишиной?» — подумал Энди, взглянув на епископа, и переступил с ноги на

ногу. Доспехи заскрежетали. Леди Эвелин закатила глаза и издала полный отвращения вздох.

Епископ подошел к Энди — родителям и брату пришлось уступить ему дорогу — и вперил в него пронзительный взгляд. Молодой человек чуть было не потупился, но, вспомнив давешние слова священника, взглянул ему прямо в глаза. Епископ Лод улыбнулся.

— Мальчик не сделал ничего дурного. Не наказывайте его.

— Если вам так угодно, — с жаром сказал лорд Морган. — Но, с вашего позволения, замечу, что мальчишке не впервой валять дурака. И если вы хотите знать мое мнение, лучшее средство от этого...

— У нас с Эндрю много общего, — оборвал его на полуслове епископ Лод. — Любовь к книгам. — Он погладил томик, который все еще прижимал к груди. — Интерес к легендам о короле Артуре... Должен признать, милорд, мне нравится ваш сын. Он смел. У него сильный характер.

— Мы делали для него все, что в наших силах, ваше преосвященство, — промолвила леди Морган, — но мальчишка ленив и непослушен. Хоть мы и отправили его в Кембридж...

Епископ взглянул на Энди.

— Ты учился в Кембридже?

Молодой человек кивнул.

— Я был почетным ректором Кембриджа, — объяснил Энди епископ. — На досуге я бы с удовольствием поболтал с тобой, вспомнил былые дни.

— По правде сказать, — повысил голос лорд Морган, стремясь вставить и свое слово, — парень все время грезит наяву.

— По правде сказать, — передразнил его епископ Лод, — я хочу, чтобы он приехал в Лондон и поселился у меня. Я найду ему дело по способностям.

— Вы хотите, чтобы мой сын стал священником? — надменно подняла брови леди Эвелин.

Епископ весело фыркнул:

— Нет, сударыня, не хочу. Мне нужен смелый юноша для особых поручений. Он поможет королю Карлу и мне спасти Англию от врагов. Энди, ты не против?

— Не против, ваше преосвященство, — ответил тот.

— Прекрасно! — звучным голосом сказал епископ и, повернувшись к лорду Моргану, произнес: — Отдайте мне вашего сына на пару лет. По истечении этого срока он вернется к вам, готовый вести род Морганов к вершинам богатства и славы.

На лице юноши мелькнула быстрая улыбка. Епископ знал, как добиться желаемого от лорда Моргана. Отец Энди тут же согласился.

— Эндрю, — обратился епископ к молодому человеку, — сними доспехи. И еще: перед тем как отправиться домой за своими вещами, зайди ко мне. У меня для тебя кое-что есть.

На следующий день Энди Моргану предстояло отправиться из Виндзорского замка [16] в Лондон. Казалось, что с этого момента его жизнь должна была превратиться в сплошную череду захватывающих дух приключений. Однако вместо них начались бесконечные неудачи и мучительные проволочки, словно сам хозяин преисподней выпустил злобных демонов, которым приказал следить за каждым шагом юноши. Вредные демоны тянули Энди во все стороны, кроме той, куда ему надлежало двигаться.

С утра все шло прекрасно. Энди предвкушал восхитительное путешествие из Виндзора [17] в Лондон. Прохладный ветерок ласково гладил его по щекам. Мерный стук копыт великолепного вороного жеребца возвещал миру о том, что Энди Морган выехал навстречу своей судьбе.

Он никогда не ездил в Лондон один, но сегодня в его жизни начиналась новая эпоха. Энди предстояло выполнить два важных поручения: забрать серебряные кубки, которые его отец заказал ювелиру, и — самое главное — справиться во имя Англии с первым заданием епископа Лондонского.

На прощание Лод вручил молодому человеку письмо, позволяющее Энди взять книгу из его личной библиотеки (для этого-то епископ и попросил юношу зайти к нему перед отъездом). Теперь это послание лежало у Энди в кармане.

Вручая письмо, епископ дал новому помощнику первые наставления.

— Эндрю, — сказал он, — в наши дни злейшие враги Англии — не Испания, не какая-нибудь иная иностранная держава.

Сейчас для нас нет ничего страшнее мятежников внутри страны. Умами многих наших соотечественников завладела опасная ересь. Их нельзя узнать по платью, среди них есть и богатые и бедные. Но души и тех и других черны. С невинным видом они разгуливают по улицам городов и деревень. Наш долг — разоблачить изменников и предать смерти тех, кто хочет погубить Англию. Перед нами стоит нелегкая задача сорвать маску с трусов, которые охотятся за слабыми душами, стараясь остаться незамеченными.

Епископ показал Энди брошюру с гравюрой на обложке. На рисунке была изображена собака с лицом Лода. На голове животного красовалась епископская митра.

— Вот образчик их работы, — сказал епископ, листая страницы. Найдя что-то, он прочел:

«Посмотри на себя, Лод, и не забывай, что твоя жизнь в опасности. Ты подлинное вместилище всех пороков, покайся же в своих чудовищных прегрешениях, пока не отошел в мир иной. Ни Бог, ни люди не потерпят, чтобы такой подлый грешник и клеветник продолжал ходить по земле».

Епископ закрыл брошюру и нахмурился:

— Негодяй, написавший это, схвачен и наказан. Он изобличен благодаря кропотливой работе одного юноши, который чем-то похож на тебя. Ты должен постоянно быть начеку, прислушиваться к каждому подозрительному слову. Это поможет тебе найти и вывести на чистую воду тех, кто пишет и издает клеветнические трактаты.

Лицо епископа искажилось мукой, словно он страдал тяжким недугом.

— Среди них есть один писака, который интересуется меня больше всего, — сказал он, понизив голос. — Его необходимо разыскать. Он называет себя Джастин... но, думаю, это псевдоним. Если услышишь что-нибудь об этом человеке, любую мелочь, сразу дай мне знать! Понятно? — На скулах епископа заиграли желваки, а лицо побагровело так, что Энди едва не испугался. Не хотел бы он оказаться на месте Джастина и навлечь на себя гнев такого человека.

Юноша послушно кивнул.

— Бог свидетель, — поклялся епископ, — я его... из-под земли достану!

Ярость епископа быстро утихла. Минуту спустя он был вновь весел до легкомыслия.

— Передай это письмо Тимминсу, — объяснял он Энди с юношеским энтузиазмом. — Я попросил его дать тебе одну из моих самых любимых книг, кое-что получше «Эпохи рыцарей» Бербера! Уверен, тебе понравится, — и, положив руки на плечи молодого человека, добавил: — Эндрю, как можно быстрее приезжай ко мне в Лондон.

В Лондоне Энди должен был выполнить поручение отца: забрать у ювелира со Стрэнда [18] четыре серебряных кубка тончайшей работы. Супруги Морган из-за неловкой выходки старшего сына не хотели лишней раз показываться в столице.

Лорд Морган намеревался объяснить сыну, как найти лавку ювелира. Но Энди, вскочив чуть свет, пустился в путь задолго до того, как проснулся отец. Юноша считал, что он не нуждается ни в чьих указаниях. Ювелира лорда Моргана он знал отлично.

Почти все утро ушло у Энди на то, чтобы добраться до Лондона. Ему предстояло забрать книгу епископа и кубки, а затем, пока не стемнело, встретиться с родными на постоялом дворе Короля Альфреда в Бэйсингстоке [19]. Лорд Морган собирался похвастаться кубками перед своим старым приятелем, мэром Бэйсингстока, и насладиться тщетными попытками друга скрыть зависть.

Таков был план до того, как в борьбу с Энди вступила неисчислимая рать демонов.

Энди въехал в Лондон по мосту Рыцарей, подумав, что не случайно при выполнении первого поручения епископа оказался именно здесь. Подгоняя Пирата, он выехал на развилку трех дорог: одна вела на север, в Паддингтон, другая — на восток, в Сент-Джайлс, а третья — на юг, к Темзе.

Вопреки обыкновению, Пират, явно подстрекаемый злыми силами, артачился. В лучшие дни он был послушен и радовался приключениям не меньше своего хозяина. Однако сегодня конь был не в духе и то и дело показывал норы.

Энди направился напрямик к городской резиденции епископа. Он тихонько постучал в деревянную дверь, которая тут же распахнулась. На пороге стоял краснощекий здоровяк в поварском фартуке. Впрочем, назвать этого детину здоровяком значило не сказать ничего. Казалось, Бог создал его из шаров плоти. Круглая голова сидела на круглом теле. Шеи не было видно. Из-под фартука, колыхаясь над большим животом, выпирали круглые груди, размером не уступавшие женским.

— Ну-с, молодой человек, — заговорил он, и его щеки, как красные мячики, приклеенные к уголкам рта, подпрыгнули вверх. — Что вам угодно? — И он энергично вытер пухлые руки полотенцем.

Энди учтиво обнажил голову. Этот жест, судя по всему, привел его собеседника в восторг, он улыбнулся, показав редкие зубы, и красные мячики подпрыгнули еще выше.

— Мне нужно... Точнее, мне бы хотелось повидать мистера Тимминса.

— Какая жалость, — огорчился повар, комкая полотенце. — Сегодня вам вряд ли удастся застать его. Приходите завтра.

— Завтра? — в голосе Энди зазвучали панические нотки.

— Что ж, — сочувственно сказал толстяк, — если у вас срочное дело, вы можете поискать его в Уайтхолле [\[20\]](#).

Это означало, что Энди придется потратить уйму времени: добраться до Уайтхолла, найти Тимминса, а потом вернуться сюда за книгой.

— А вы не могли бы мне помочь? — спросил Энди.

Эта мысль явно пришлась повару по вкусу.

— Не могли бы вы принести мне книгу из библиотеки епископа? У меня с собой его письмо...

Толстяк отшатнулся, его рот округлился в ужасе.

— О нет! Я не посмею войти в библиотеку епископа без его разрешения!

— Но у меня есть письмо...

Повар энергично затряс головой.

— Неужели мне никто не может помочь?

— Боюсь, кроме мистера Тимминса, никто.

И демоны, не считаясь с желаниями Энди, потащили его в Уайтхолл.

Энди в нетерпении стоял подле солнечных часов в саду Уайтхолла, резиденции короля Карла I. Сад, который имел форму квадрата, был разбит на шестнадцать участков, разделенных живыми изгородями. Здесь росли самые разные цветы и травы. Все вокруг благоухало и радовало красками. Энди успел пересчитать участки не один раз. Тень от часов показывала, что он ждал Тимминса около двух часов.

Место рядом с часами указал бесстрастный дворцовый стражник. Нежно погладив эфес шпаги, он приказал юноше стоять здесь и не слоняться где попало. Спорить с ним Энди не решился.

Наконец быстрым уверенным шагом к нему подошел невысокий лысеющий человек. Сзади его голову от уха до уха обрамляли снежно-белые волосы. Он держался очень прямо, руки его были сжаты в кулаки.

— Письмо от епископа Лода у вас?

— Вы мистер Тимминс?

— Не дерзите. Письмо у вас?

— Прошу прощения, если я показался вам дерзким, сэръ, но письмо предназначено мистеру Тимминсу.

— Мистер Тимминс — это я.

Без лишних слов Энди вручил ему письмо.

Тимминс открыл его, пробежал глазами и выругался.

— Книга? — он скомкал бумагу и швырнул в кусты, после чего молча повернулся и зашагал прочь.

Энди пришел в замешательство. Он подобрал письмо, расправил конверт и помчался за Тимминсом. Юноша обогнал секретаря епископа и встал у него на пути.

— Простите, что докучаю вам, мистер Тимминс, но мне было не так-то просто разыскать вас в Уайтхолле. Через час я должен покинуть Лондон. Епископ хотел, чтобы я

взял эту книгу. Намерены вы выполнить его распоряжение или нет?

Тимминс бросил на него такой злой взгляд, что Энди с удовольствием бы вернулся на старое место, к солнечным часам.

— Ровно через полтора часа ждите меня у резиденции епископа, — и Тимминс размеренным шагом проследовал к дворцу.

Через полтора часа? Энди явственно слышал ликующие вопли демонов.

Миновало утро, наступил день, а Энди все еще был в Лондоне. Хотя юноша и попал в переплет, он утешал себя тем, что до встречи с Тимминсом успеет забрать отцовские кубки. Это займет минут тридцать. У него останется почти час свободного времени для прогулки по любимому городу.

В Лондоне было все то, чего Энди так не хватало дома. Неумолчное гроыхание карет и экипажей казалось ему биением сердца огромного города, в то время как мертвую тишину в усадьбе Морганов нарушали лишь истошные вопли матери. Лондон был живой, меняющийся. Здесь каждое утро таило в себе нечто новое, а в Морган-холле оно приносило лишь новые скандалы: отец кричал на мать из-за денег, мать бранилась по любому поводу, брат хныкал.

Пробираясь с Пиратом по Стрэнду сквозь толпы торговцев, каменщиков, плотников и водовозов, Энди радовался тому, что скоро этот город станет его домом. На перекрестках толклись люди, откуда-то доносился стук молотков. Женщины с кувшинами теснились возле уличных баков с водой. Покрытые испариной грузчики шли по улицам, сгибаясь под тяжестью ноши. Как он любил все это!

На Стрэнде находилось около пятидесяти ювелирных лавок. Энди, не раздумывая, направился к мастеру, с которым всегда вел дела его отец. Когда он осведомился у владельца лавочки, человека по имени Карадос, о кубках, тот заявил, что лорд Перси Морган ничего у него не заказывал. Энди настаивал: заказ был. Что произошло на самом деле, они поняли одновременно. Лорд Морган обратился к другому ювелиру. Карадос разозлился не на шутку.

— Двадцать лет он торгуется со мной из-за каждого пенса! Двадцать лет я продаю себе в убыток. А он? Наносит мне удар в спину! Бьюсь об заклад, он отправился к Борсу! К этому проходимцу! Неблагодарный! Вон! Вон отсюда! И передай этому Иуде, что я больше не желаю иметь с ним дела!

На Стрэнде пятьдесят ювелиров. У кого из них отцовские кубки? Демоны оглушительно расхохотались.

«Борс. Карадос сказал, Борс. Что ж, начнем с него».

На поиски лавочки Саймона Борса ушло полчаса. Сцена, которая произошла у Карадоса, повторилась и здесь. Лорд Морган обещал Борсу работу, но заказ не оставил. Боре был чрезвычайно зол, а Энди изгнан вторично.

И что теперь? Осталось еще сорок восемь лавок, а юноша понятия не имел, с какой начать.

— Иди-ка сюда! Только тихо. — Энди оглянулся. Его манил рукой сухопарый человек, стоящий в узком переулке. Энди узнал продавца из лавки Саймона Борса. Мужчина бурно жестикулировал и шнырял глазами по сторонам.

— Дай мне фунт [\[21\]](#), и я скажу, кому оставил заказ твой отец.

— Фунт! — Энди подозрительно взглянул на продавца.

— Это я помог лорду Моргану заключить выгодную сделку. — И мужчина протянул

руку.

У Энди не было выбора. Зажав деньги в кулаке, он сказал:

— Сначала назовите имя ювелира.

— За кого ты меня принимаешь? За уличного воришку?

— Имя.

— Ладно, — прошипел тощий. — Его зовут Гарет.

— Где его лавка?

— Ты что, безголовый? — окрысился продавец.

Энди сделал вид, что прячет деньги в карман.

Сухопарый выругался.

— В конце улицы, прямо напротив каменного резервуара для воды.

Энди отдал деньги.

— Передай отцу, чтобы больше не присылал сосунков, — презрительно бросил продавец.

В конце улицы... Ну конечно, лавка должна была оказаться именно там!

Движение на Стрэнде становилось все более оживленным. Демоны словно глумились над Энди, подначивая каждого, кто встречался на его пути, будь то человек или животное, вставать поперек дороги. Столпотворение людей и повозок... Зловоние и духота... Ругань... Энди был близок к отчаянию. Юноше пришлось в два раза дольше, чем обычно, добираться до конца Стрэнда. А тут еще Пирату все опостылело, и он перестал слушаться хозяина. Он даже попытался укусить пешехода, но, к счастью, успел схватить зубами только шляпу.

В лавке Гарета юноша чувствовал себя как на иголках. Ювелиру очень хотелось показать Энди свой товар, но тот слишком торопился. Он боялся опоздать на встречу с Тимминсом. А жаль. Гарет был одним из немногих, кто сегодня держался с ним приветливо и дружелюбно.

Энди сунул кубки, завернутые в бархат, в сумку. Ему предстояло проехать по Стрэнду еще раз, хотя и в другую сторону.

— Я же сказал: ровно через полтора часа! — закричал Тимминс, открыв дверь. За его спиной, сочувственно разводя пухлыми руками, маячил толстяк-повар. — Ты считаешь, что у меня нет другого дела, кроме как нянчиться с бестолковыми юнцами? — Тимминс сунул Энди огромную книгу и захлопнул дверь.

Размеры этого фолианта ошеломили Энди. Ему совсем не хотелось тащить его всю дорогу до Морган-холла в руках. С трудом он затолкал книгу в сумку. На дне лежали кубки, поэтому сумка не закрылась и книга торчала наружу, но Энди решил, что это не страшно. Вывалиться она все равно не могла.

Когда обессиленный Энди собрался ехать в Бэйсингсток, солнце опустилось совсем низко. Однако подлые демоны приберегли кое-что напоследок. Едва Энди взял Пирата под уздцы, жеребец укусил его за руку, повредив палец и оставив глубокую алую рану на ладони.

Через Темзу Энди перебрался на пароме. Сонная вода лениво плескалась о деревянные борта — ведь реке, в отличие от путешественников, некуда было спешить. Сидя в седле, Энди ерзал от нетерпения. Дело шло к вечеру, а до Бэйсингстока полдня езды. Он не успеет туда добраться засветло. Отец будет вне себя.

Едва паром причалил к пристани Ламбет, Энди пустил Пирата галопом, надеясь, что злые силы, преследовавшие его весь день, наконец смилостивятся над ним. Путь его лежал на юг. Примерно в часе езды от Лондона молодой человек заметил в высокой траве лежащую

без сознания девушку. Неподдалеку мирно пасся осел. Лицо незнакомки закрывала тонкая рука, светлые волосы беспорядочно рассыпались.

Спешившись, Энди подбежал к несчастной. Девушка была бедна, одета в лохмотья, ее руки покрывала корка засохшей грязи.

— Не бойся, я не причиню тебе зла, — сказал юноша ласково и осторожно отстранил ее руку от лица. Ресницы незнакомки затрепетали, и на Энди взглянули чудесные синие глаза. Это была необыкновенно красивая девушка лет четырнадцати или пятнадцати. Увидев молодого человека, она попыталась приподняться, но оказалась слишком слаба. Энди пришлось поддержать ее за плечи.

— Ах, сэр, — произнесла она чистым мелодичным голосом, — позвольте мне поблагодарить вас.

Красота незнакомки поразила Энди. Никогда еще он не видел столь прелестной девушки. Природа щедро наградила ее тем, чего так страстно добивалось большинство знакомых ему дам. У нее были высокие скулы, нежный румянец, длинные лучистые ресницы и яркие пухлые губы, которые выглядели так восхитительно, что юноша просто не мог отвести от них взгляд.

— Ты цела? — запнувшись, спросил Энди.

— Не знаю, — молвила красавица и оглядела себя, словно проверяя, цела ли она. — С вашей стороны было так любезно прийти мне на помощь, — проворковала она.

Энди скромно потупился:

— Не мог же я бросить тебя здесь. Так поступил бы каждый.

— Нет, — возразила девушка, — не каждый...

Энди поднял глаза.

Лицо девушки исказила злая усмешка.

— Не каждый, — фыркнула она, — а только круглый дурак!

В этот самый миг кто-то сильно ударил Энди по голове. Теряя сознание, юноша повалился прямо на руки красавицы, которая тут же оттолкнула его. Последнее, что увидел Энди, — макушки деревьев на фоне вечернего неба.

Он очнулся, услышав раздраженные крики. Где он? Дома? Просыпаться от звуков ругани было делом привычным.

— Нужно прикончить его! — долетели до него чьи-то слова. Кричала не его мать.

Энди открыл глаза, но не увидел ничего, кроме зелени.

— Давай же!

Он вспомнил. Девушка... Удар по голове... И вот он лежит в густой высокой траве, лицом вниз.

— Я придержу его, а ты бей!

Энди попытался встать, но не смог из-за острой боли в затылке.

— Я придержу его, а ты прикончишь! — громко повторил тот же голос.

Энди узнал его. Говорила красавица, которой он пытался помочь.

Превозмогая боль, юноша попробовал встать на колени, но не успел он приподняться, как у него потемнело в глазах и он рухнул на землю. Переведя дух, Энди вновь возобновил свою попытку. Руки он вытянул перед собой, дабы не быть застигнутым врасплох.

— Убей его! Убей! — кричала девушка.

Но удара не последовало. Энди не сразу сообразил, что голоса доносятся издалека.

Юноша несколько раз моргнул. Постепенно туман в глазах рассеялся.

Его прекрасная дама и какой-то чумазый старый коротышка кругами бегали за Пиратом. Девушка держала в руках поводья; конь вставал на дыбы и лягался. С трудом ухватившись за сумку, коротышка выругался. Он попытался достать книгу, но Пират изогнул шею и укусил его. Судя по окровавленной левой руке старика, это был не первый успешный выпад жеребца.

— Держи крепче! Голову, голову держи! — вопил коротышка.

— Не могу, — кричала в ответ девушка. — Его надо убить!

— Не смейте! — подал голос Энди, и тут же резкая боль в затылке заставила его пожалеть о содеянном. В глазах вновь потемнело, голова закружилась, мир чуть не померк.

Старик вытащил из-за пояса нож. Пират жалобно заржал, пытаясь взвиться на дыбы, но девушка крепко держала его под уздцы. Энди зашагал к грабителям, положив руку на затылок, каждый его шаг отдавался болью.

— Па! — крикнула девушка, указывая на Энди.

Старик обернулся, выставив нож в сторону молодого человека.

— Иди сюда, сынок, иди... — прошипел он, обнажая редкие почерневшие зубы. — В твоей сумке лежат кубки. Бьюсь об заклад, золотые или серебряные. Я хочу, чтобы ты помог мне до них добраться.

— Кубки? — изобразив на лице удивление, переспросил Энди.

— Не валяй дурака! — завопил старик, вцепившись в свои спутанные седые волосы. — Я нащупал их на дне сумки.

— А, так вы про кубки... — протянул Энди. — Они не из золота. Это олово. Не стоит ваших стараний.

— Объясни, какого черта такой расфуфыренный парень таскает с собой четыре оловянных кубка?

— Никто не знает, где ему придется встретить трех приятелей с бочонком отменного вина, — ответил Энди.

— Проклятье, — выругался старик и, бросившись вперед, попытался пырнуть Энди ножом. Не отскочи молодой человек — беды бы было не миновать. Конь вновь вздыбился и едва не вырвал поводья из рук девушки.

— Вот что, парень, предлагаю сделку, — насмешливо сказал старик. — Ты отдаешь мне кубки, а я отпускаю тебя на все четыре стороны. Кубки за жизнь. По рукам?

Энди сначала покосился на нож, а потом посмотрел на старика и девушку. Ему еще не доводилось драться с человеком, вооруженным ножом. По правде сказать, ему вообще не доводилось драться ни с кем, кроме брата, — маленький ябеда порой мог вывести из себя кого угодно. Энди требовалось оружие, но где его взять?

— Я отдаю вам кубки, и за это вы отпустите меня и Пирата?

— Не верь ему, па! — закричала девушка.

— Я никому не верю! — огрызнулся старик и, не сводя с Энди настороженного взгляда, добавил: — Вытащи кубки, потом поговорим. А ты, Присси, — кивнул он дочери, — держи поводья крепче! Следи, чтобы он их не выхватил.

С этими словами старик отошел в сторону — чтобы в случае чего успеть броситься на юношу. Энди, подойдя к Пирату, ласково похлопал его по шее и взглянул на девушку. Она стояла, сверкая глазами и изо всех сил сжимая поводья.

Для того чтобы извлечь из сумки книгу, Энди потребовалось несколько минут. Как

только он вытащил ее, старик ринулся к нему и оттолкнул в сторону. Сила толчка и тяжелый фолиант в руках заставили молодого человека пошатнуться. Он споткнулся, но не упал.

Зажав в зубах нож, старик запустил руки в сумку. Он вытащил два серебряных кубка и, потрясая ими, победоносно оскалил зубы.

И тут Энди осенило. Он размахнулся и что было силы ударил старика. Грабитель, напоровшись на собственный нож, закрыл лицо руками и пронзительно закричал. Кубки отлетели в сторону. Старик осел на землю, разинув чернозубый рот. Из носа у него хлестала кровь, на левой щеке зияла глубокая рана.

Юноша ошарашенно замер. Старик попытался подняться, прижимая одну руку к сломанному носу, а другую к располосованной ножом щеке. Рядом с Энди что-то мелькнуло. Это девушка схватила нож и яростно бросилась на своего врага, подняв оружие высоко над головой. Защищаясь, молодой человек, словно щит, выставил перед собой книгу. Нож, со свистом распоров переплет, вонзился в толщу страниц и застрял там так прочно, что юная грабительница не смогла извлечь его. Энди резко толкнул девушку, она оступилась и упала прямо на отца. Ухватившись за нож, юноша вытащил его из книги.

Девушка в ужасе подняла глаза на Энди. У ее ног, сжавшись в комок, скулил старик. Энди стоял над ними, держа в одной руке книгу, а в другой — оружие.

— Забирай своего отца и убирайся прочь, — приказал он.

Девушка в смятении посмотрела на молодого человека.

— Давай-давай, вон отсюда! — закричал Энди.

Красавица бережно помогла отцу встать. Прежде чем они скрылись в лесу, она несколько раз обернулась.

Энди долго глядел им вслед. Их путь был отмечен каплями крови. Молодой человек никак не мог унять дрожь. Его тошнило, голова раскалывалась. Трудно сказать, сколько бы он так простоял, если бы не страх. А ну как девчонка пошла за подмогой?

Трясущимися руками он подобрал кубки и, завернув в бархат, сунул их в сумку. Затем торопливо затолкал в нее книгу, вскочил на Пирата и направился в Бэйсингсток. Вновь и вновь мысленно переживая происшедшее, он еще долго не мог унять дрожь. Только теперь Энди осознал, как ему повезло. Его запросто могли убить, пока он был без сознания, или зарезать в драке. Грабителям ничего не стоило отнять у него драгоценные отцовские кубки.

Чем больше он думал об этом, тем больше гордился собой. Он не ударил в грязь лицом. Он проявил сострадание к девушке. Он отважно вступил в битву со злом и вышел из нее победителем.

Время было позднее, и Энди после всех перенесенных испытаний совсем обессилел. Несмотря на это, он держался в седле прямо и гордо, как рыцарь, возвращающийся домой с поля брани.

Постоялый двор Короля Альфреда представлял собой меблированные комнаты, предназначенные для богатых и знатных гостей. Более ста пятидесяти лет деревянная вывеска у его ворот встречала королей и королев, герцогов и герцогинь, лордов и леди. По преданию, эта гостиница была любимым местом свиданий Генриха VIII^[22] с его бесчисленными фаворитками. Легенда гласила, что четверем из шести своих жен он назначал свидания именно в Бэйсингстоке. Такая репутация способствовала популярности постоялого двора; книга для записи постояльцев являла собой длинный перечень аристократических фамилий и имен видных политиков. Кто-то из них останавливался здесь отдохнуть после долгого пути, а кто-то искал тайное убежище для встречи с возлюбленной.

Здание стояло у самой дороги. Выйдя из экипажа и сделав всего два шага, приезжие оказывались в просторной столовой, где их ожидал радушный прием.

Король Уэссекса, в честь которого был назван постоялый двор, вошел в историю под именем Альфред Великий. О смелости и великодушии этого правителя ходили легенды. Рассказы о том, как он продолжал свою борьбу, в то время как все короли Западной Саксонии сложили оружие перед превосходящими силами датчан, неизменно находили благодарных слушателей. Король Альфред в одиночку собрал войско и атаковал датчан через семь недель после Пасхи 878 года, в битве при Эдингтоне. Датчане потерпели сокрушительное поражение, их король Гутрум обратился в христианство, причем его крестным отцом стал Альфред.

Альфред Великий считался покровителем и духовным наставником путешественников — ведь ему самому довелось много странствовать и даже дважды, в 853 и 855 годах, побывать в Риме. Альфред полагал, что Англию можно сделать великой державой, лишь просвещая молодежь. Он окружил себя книгами и лично участвовал в переводе на английский язык нескольких важнейших латинских сочинений. О его пристрастии к чтению напоминала обширная библиотека постоялого двора — в нее так любил заглядывать Энди Морган, когда сопровождал своих родителей в Лондон.

Прибытие лорда Перси и леди Эвелин в Бэйсингсток было обставлено с особой помпой. Сначала приезжали слуги, вручавшие хозяину перечень того, что понадобится Морганам во время их пребывания на постоялом дворе. Особое внимание уделялось еде. Кроме того, составлялся список лиц, к которым Морганов благоволили, а также тех, кого они не желали видеть ни при каких обстоятельствах.

Первыми о появлении кареты Морганов горожан извещали звонари. После торжественной речи мэра почетные гости в сопровождении многочисленных чиновников и музыкантов направлялись на постоялый двор.

В благодарность за столь радушный прием Морганов не жалели денег и не скупились на похвалы. Лорд Перси демонстративно вносил в городскую казну круглую сумму в пользу местной бедноты.

Хорошо исполнив свою роль в этом действе, каждый из его участников помогал поддерживать в обществе установленный порядок. Отнесись городские власти к Морганам иначе, те не чувствовали бы себя важными особами. Не ответь лорд Перси на гостеприимство местных жителей щедрыми жертвованиями — его бы обвинили в предательстве собственного сословия. Малейшее проявление скупости — и все бы подумали,

что Моргань не столь богаты, как кажется, — а это, кстати, соответствовало истине: семья жила не по средствам и Перси Морган с болью расставался с каждым фартингом. Тем не менее, приезжая в Бэйсингсток, он ради своей репутации забывал о скарденности и безоглядно сорил деньгами. Иначе говоря, Моргань проявляли подобающее знати великодушие, а простолюдины, как им и надлежало, — чувство благодарности. Так в стране поддерживалась стабильность.

Не успел Энди спешиться, как его уже приветствовал невесть откуда взявшийся маленький помощник конюха, мальчик лет шести или семи отроду. В руке ребенка покачивался фонарь.

— Мастер Морган?

Слезая с коня, Энди что-то буркнул и утвердительно кивнул.

— Мы давно вас ждем. — Мальчуган от волнения широко распахнул глаза. Он отлично знал, что такое неприятности, и был рад, что на сей раз в них не замешан.

— Отец сердится?

Мальчик кивнул, еще шире распахнув глаза.

Энди нагнулся, чтобы расстегнуть под брюхом Пирата ремень, удерживающий сумку. Конь не сопротивлялся. После прогулки по Лондону, стычки с грабителями и долгой дороги от его боевого задора не осталось и следа.

— Мы принесем ваши вещи. Скорее идите в дом.

Энди потянул за ремень сумки.

— Нет, это я возьму с собой...

Ремень не поддавался, и Энди дернул сильнее. Усталый жеребец угрожающе заржал.

— Посвети-ка, я ничего не вижу.

Мальчик опустил фонарь и осветил живот Пирата, покрытый коркой грязи.

— Так вот почему им не удалось снять сумку! — воскликнул Энди. — Пряжку заклинило!

Молодой человек выпрямился и стал вытаскивать книгу.

— Я сам возьму вещи, — сказал он мальчику. — Пусть кузнец займется пряжкой. Может, он с ней справится.

— Хорошо, сэр, — ответил маленький слуга, наблюдая, как Энди пытается извлечь из сумки тяжеленный фолиант. Ему было жаль путешественника. Жизнь бедняги состояла из одних неприятностей: на постоялом дворе его поджидает рассерженный отец, книга застряла, ремень не расстегивается.

Наконец Энди справился с книгой. Между делом он обдумал, как объяснить свое опоздание, и решил рассказать правду. Пока его близкие наслаждались неспешным путешествием из Виндзора в Бэйсингсток, ему пришлось выдержать бой с сонмищем демонов, стремившихся помешать ему любой ценой. Он едва не погиб в схватке с грабителями. Родители поймут, что его нужно не наказывать, а похвалить за отвагу и стойкость и поздравить с победой. Книга епископа, шишка на затылке и нож грабителей подтвердят его слова. Главным же доказательством будут серебряные кубки. Вопреки всему, он привез их в целости и сохранности и сейчас вручит благодарному отцу.

Энди вытащил из сумки кубок. Бархат соскользнул с серебряного сосуда, и в свете фонаря он засверкал, как бриллиант. В ту минуту, когда Энди увидел это сияние, его точно пронзило молнией: «Этот кубок — мой Святой Грааль! Он символ моей победы над силами

зла! Подобно рыцарю, который преподносит Святой Грааль своему королю, я вручу кубки своему отцу».

Энди быстренько вынул сосуды из сумки. Накрыв бархатом книгу епископа, он поставил на нее кубки, а между ними поместил оружие. Результат привел его в восторг: у него получился настоящий символ битвы и победы.

Маленький помощник конюха старательно делал вид, что в поведении Энди нет ничего необычного. Он привык не удивляться поступкам взрослых, какими бы странными они ни казались. Энди осторожно двинулся к дому, держа перед собой шаткое свидетельство своих побед. Мальчик открыл перед ним дверь. Юноша набрал в грудь побольше воздуха и переступил порог, готовясь скромно, но достойно принять заслуженную похвалу.

— Где ты болтался? — загремел лорд Перси.

Столовая выглядела так, словно здесь пронесся небольшой ураган. Повсюду валялись пустые винные бутылки, горы костей и объедков. Судя по всему, гости попиروвали на славу. Родители Энди сидели в глубине зала, а Филипп — у самой двери. В помещении еще оставалось более десятка гостей. Мэра среди них не было.

Не успел Энди войти, как его мать издала сдавленный крик. Трясущейся рукой она указывала мужу на серебро. Лорд и леди Морган в смятении метнулись к сыну и схватили кубки. Повернувшись к гостям спиной, они пытались спрятать их в складках одежды.

— Эй, Перси! — оглушительно заорал один из гостей. — Чего это ты прячешь серебряные кубки?

Энди впервые видел этого человека. Пузатый, изрядно захмелевший, он сидел, развалившись в кресле.

— Тащи кубки сюда. Давай наполним их.

Лорд и леди Морган не шелохнулись.

— Дай мне кубки, — прошептала леди Эвелин, — я отнесу их к нам в комнату.

Лорд Морган оглянулся. Все, кто был в зале, — и слуги и гости — не отрываясь глядели на них. Перси Морган смачно выругался и внезапно наотмашь ударил Энди по лицу.

Такого бедняга не ожидал. Он отлетел к двери и ударился о деревянный косяк. От нестерпимой боли из глаз Энди посыпались искры, и он рухнул, как подкошенный. Книга и нож со стуком упали на пол.

Нанося удар, лорд Перси ослабил хватку, и два кубка со звоном покатались по полу. Леди Морган проворно опустилась на колени, попробовав скрыть их в складках юбки. Но муж остановил ее. Он нагнулся, подобрал с пола сосуды и громко произнес:

— Дамы и господа, возможно, я буду первым, нет, скорее, вторым, — он бросил уничижительный взгляд на Энди, который пытался встать, — кто продемонстрирует вам последнее пополнение фамильной коллекции. За счастье лицезреть эти серебряные кубки поблагодарите моего болвана-сына, Эндрю Моргана!

Лорд Морган швырнул кубки на стол и картинно зааплодировал, жестом приглашая присутствующих присоединиться. Словно в тумане, Энди видел, как все, не исключая слуг, хохоча, хлопают в ладоши.

— За что ты меня ударил? — крикнул он.

— Что?! — саркастически возвысил голос лорд Перси. — Оказывается, этот пентюх умеет разговаривать!

В комнате раздался новый взрыв смеха.

— За что ты меня ударил? — повторил Энди.

— Замолчи! Марш в комнату! — взвизгнула леди Морган. Скрестив руки на груди, она раскачивалась взад-вперед, как маленький ребенок, у которого болит живот.

— Нет! — не унимался Энди. — Я хочу знать, чем я заслужил такое обращение!

В отличие от Филиппа он редко пререкался с родителями. Но сегодня после одержанных за день побед в нем выиграла кровь.

— Он спрашивает, что он сделал не так! — в негодовании воскликнул лорд Перси. — Неужели кто-то еще, кроме этого олуха, не понимает, что он сделал не так?

В ответ послышались гогот и улюлюканье. Гости от души наслаждались представлением, которое оказалось куда забавнее, чем дуэт флейты и мандолины, услаждавший их слух во время ужина.

— Что ж, — подбоченясь, продолжал свое фиглярство лорд Перси, нимало не смущаясь тем, что выставляет сына на всеобщее осмеяние. Делая вид, что подает жалобу в «Звездную палату» [\[23\]](#), он произнес:

— Лорд-канцлер, — после чего отвесил низкий поклон своему пьяному толстопузому дружку, — господа члены Тайного совета [\[24\]](#) и лорд главный судья, — поприветствовал он воображаемых членов «Звездной палаты». — Я намерен доказать вам, что этот дурошлеп, публично продемонстрировавший пример непроходимой тупости, — и он кивнул в сторону Энди, — виновен.

Энди, почувствовал, как к горлу подступает тошнота.

— Он утверждает, что ничего не понимает, ваша честь, — продолжал лорд Перси, — и я готов признать это. Он действительно ничего не понимает. Он тупой, безмозглый болван!

Присутствующие одобрительно рассмеялись и, стуча пивными кружками по столам, заорали:

— Виновен! Виновен!

— Ближе к делу, отец! — крикнул Энди.

Лорд Морган поднял руку, требуя тишины.

— Ну что ж, перейдем к делу. Итак, я хочу задать обвиняемому вопрос. Случалось ли вам раньше путешествовать вместе с семьей?

— Разумеется!

— Разумеется, — насмешливо передразнил сына лорд Морган. — И кто в таких случаях выносил багаж из кареты?

— Мы с Филиппом, — тихо ответил Энди. Он понял, к чему клонит отец.

— На этот раз мне пришлось все делать самому. Я таскал вещи, пока мой безмозглый брат строил из себя рыцаря! — вставил Филипп. Язык у него заплетался. Надо полагать, он уже успел украдкой хлебнуть вина. Мальчишка просто не мог не поиздеваться над Энди при всей честной компании.

Лорд Морган вновь поднял руку:

— А тебе, болван, я слова не давал! — оборвал он своего младшего отпрыска и, обращаясь к Энди, спросил: — Потрудись объяснить нам, почему мы вместе с твоим братом таскали вещи, в то время как кругом было полно здоровенных слуг?

Энди понял: отец выиграл. Даже малым детям было известно, что гостиничные слуги частенько выступали в роли наводчиков. Они встряхивали дорожные сундуки, прислушиваясь, не звенят ли внутри монеты, а еще определяли содержимое багажа по весу и форме. Если им казалось, что у постояльцев есть деньги или драгоценности, они сообщали об этом своим пособникам, и те подстерегали незадачливых путешественников на дороге.

Чтобы этого не случилось, сыновья лорда Моргана всегда выносили из кареты свои сундуки сами.

— Я не подумал... — робко начал Энди.

— Он не подумал! — радостно возвысил голос лорд Морган. — Это первое здоровое высказывание за долгие годы!

— Прости, я действительно оплошал! — закричал Энди.

— Теперь он просит прощения, — повернувшись к «суду», лорд Морган скроил недовольную гримасу, — да теперь половина английских разбойников выстроится вдоль дороги в Винчестер и будет драться за право ограбить меня!

Энди повернулся, чтобы уйти, но лорд Морган схватил его за руку.

— Мы еще не закончили, — сказал он. — Я хочу знать, как тебе удалось забрать кубки, ведь я не назвал имя ювелира.

— Первым делом я отправился в лавку Карадоса.

— Но там их не было, верно?

— Да.

— И как повел себя Карадос, когда ты спросил его о заказе, который он не выполнял?

— Он разозлился...

— Разозлился?

— Да, ужасно разозлился. Сказал, что больше не намерен иметь с тобой дела.

Лорд Морган задумчиво погладил подбородок.

— Понятно, — протянул он. — И как же ты узнал, кто сделал кубки?

— Мистер Карадос подумал, что ты отдал заказ Саймону Борсу.

Лорд Морган поморщился:

— Борсу! Но ведь и у него не было кубков?

— Не было, — смущенно подтвердил Энди. — Один из продавцов мистера Борса сказал, что ты заказал кубки Гарету.

— Таким образом, уважаемые судьи, дамы и господа, — провозгласил лорд Морган, — теперь не только половина английских грабителей ждет не дождется меня, но и половина ювелиров Стрэнда не захочет иметь со мной дела! За какие грехи Господь послал мне такого сына?

Раздался новый взрыв хохота.

Энди решил, что с него хватит. Конечно, он зря выставил серебряные сосуды на всеобщее обозрение и зря уехал из Виндзора, не выслушав отцовских наставлений, но ему очень хотелось, чтобы эти люди знали, чего ему стоило привезти кубки в целости и сохранности.

— А ты не хочешь спросить, почему я опоздал? — закричал Энди. — Почему моя одежда изорвана и грязна? Откуда у меня на голове рана?

— Так это еще не все! Теперь нам поведают о захватывающих дух приключениях! — воскликнул лорд Морган, обращаясь к своим благодарным слушателям. Он уселся на край стола и скрестил руки на груди. — Что ж, пощекочи нам нервы рассказом о своих подвигах.

— Так вот, — начал Энди, — едва я выехал из Лондона, на меня напали.

— Напали? Кому же пришлось в голову напасть на болвана, который едет из Лондона, держа перед собой книгу, на которой выставлены четыре серебряных кубка?

Гости загоготали.

— Ведь в Лондоне это самое обычное дело! — невозмутимо добавил лорд Морган.

При этих словах его толстый приятель свалился от смеха с кресла.

— Кубки лежали в сумке! — пытаюсь перекрыть раскаты хохота, Энди перешел на крик. — На меня напали грабители. Двое... Один ударил меня по голове. Они пытались отобрать кубки, но я не позволил им это сделать.

В зале воцарилась тишина.

— Полагаю, ростом они были не меньше семи футов ^[25], — съязвил лорд Морган.

— Нет, не были, — Энди понял, что дело проиграно.

— Что ж, расскажи нам о злодеях, — попросил отец. — Это были зрелые люди?

— Один.

— А второй?

— Это были старик и девочка.

— Таков мой сын, истинный рыцарь! — воскликнул лорд Морган. — Одной левой он отбил нападение превосходящих вражеских сил, состоящих из девчонки и старика!

— У них был нож! — запротестовал Энди и поднял нож так, чтобы все могли его увидеть.

— Поведай мне, — попросил отец, — как тебе удалось справиться с этими негодьями?

Энди объяснил, как он защищался книгой епископа. Он поднял книгу и вонзил в нее нож, чтобы показать, как глубоко тот вошел внутрь.

Лорд Морган величавой поступью приблизился к сыну и, взяв у него толстый том, внимательно осмотрел его.

— Это книга епископа? — спросил он.

Энди кивнул.

Лорд Морган поднял фолиант над головой.

— Дамы и господа, члены суда, книга епископа Лондонского! Мой сын испортил книгу епископа Лода!

Энди видел, что все присутствующие изнемогают от смеха. Кто-то схватился за бока, кто-то вытирал слезы. Повсюду виднелись побагровевшие, перекошенные лица. Один из гостей зашелся в приступе кашля.

— За день мой старший сын, моя надежда и опора, выдал меня грабителям и разрушил мои деловые связи в Лондоне. А теперь еще я буду отлучен от церкви, ведь он испаскудил книгу епископа Лода!

Энди опрометью выбежал из комнаты. На этот раз его никто не держал.

Утром следующего дня, перед тем как Морганы покинули Бэйсингсток, лорд Перси при всем честном народе преподнес своему другу мэру четыре кубка с просьбой продать их, а вырученные деньги пожертвовать на нужды бедняков. При этом он тайно договорился с мэром, что, когда Морганы отъедут от города на несколько миль, один из слуг догонит их и вернет серебро. Сделка обошлась недешево, но только так можно было избежать ограбления.

В тот же день у Энди произошла еще одна стычка с отцом, на сей раз без свидетелей. Юноша заявил, что намерен немедленно вернуться в Лондон. Лорд Морган не согласился на это и предупредил, что после вчерашнего он еще подумает, стоит ли отпускать его вообще. В ответ Энди пригрозил, что сбежит. Лорд Перси в свою очередь заявил, что лишит Энди наследства и передаст все права старшего сына Филиппу. Если бы речь шла только о деньгах, Энди махнул бы на все рукой. Но он не мог просто так отказаться от Морган-холла — слишком много значило для него это место. Дом не должен был достаться брату-ябеде.

Нехотя молодой человек согласился вернуться.

От Бэйсингстока до Морган-холла Энди сопровождал экипаж, в котором ехала его семья, верхом на Пирате. Он бдительно следил, не грозит ли близким опасность. Это ему нравилось намного больше, чем сидеть в карете с родителями и братом.

Путь домой оказался невыносимо долгим и скучным. Внезапно началась гроза, дорога размокла, лошади перешли на шаг и двигались, еле перебирая ногами. Дважды карета увязала в раскисшей глине. Оба раза Энди угрюмо помогал слугам вытащить ее из грязи.

Наконец Морганы добрались до Винчестера, находившегося всего в пяти милях ^[26] от их дома. Свернув на Хай-стрит, карета проехала мимо Большого зала, который когда-то служил пристанищем для рыцарей Круглого стола. Будь Энди не так расстроен, он обязательно заглянул бы туда. Но сегодня юноша даже не повернул головы в его сторону.

Морганы проехали Королевские ворота, одни из пяти старинных городских ворот, построенных в XIII веке. Когда, миновав мост, они покинули пределы города, вдали показались очертания Морган-холла. Это был двухэтажный особняк, один из самых роскошных в Англии, — с его великолепием могли соперничать лишь дома Теобальдов и Лонглитов. Но для Энди Морган-холл стал настоящей тюрьмой.

Нежное прикосновение девичьего пальчика вызвало у Маршалла Рамсдена сладкую дрожь во всем теле. Он прикрыл глаза, не позволяя себе ответить на ласку.

— Нам надо спешить, милая, — прошептал он. — Нужно закончить до рассвета.

— Я знаю, — обиженно ответила она, обводя пальцем пятна типографской краски у него на руке. — Но я думала, мы успеем и у нас останется время на себя.

Толкая пресс печатной машины вдоль направляющих, Маршалл установил его под валиком. Затем, ухватившись обеими руками за рукоятку валика, опустил его, прижав бумагу к металлическим литерам. Мэри, смеясь, нырнула под ручку и оказалась лицом к лицу с Маршаллом, почти в его объятиях.

— Сумасшедшая! — сказал он с улыбкой.

— Да, — легкомысленно ответила она и задорно чмокнула его в губы, — когда я с тобой.

Маршалл отпустил рукоятку и привлек Мэри Седжвик к себе. Забыв о том, что минуту назад он сопротивлялся ее ласкам, молодой человек пылко обнял свою возлюбленную, которая была еще и соучастницей преступления и дочерью его преподавателя.

Маршалл Рамсен, студент третьего курса факультета теологии Кембриджского университета, был сыном известного лондонского типографа. Отец Маршалла, член гильдии печатников, трудился, как пчелка, надеясь стать одним из издателей короля. В 1611 году сбылась его заветная мечта: он вошел в число тех, кому после Хэмптонкортской конференции [\[27\]](#) доверили печатать Библию короля Якова. Человек набожный, он испытывал глубочайшее благоговение перед Библией. Мысль о том, что несколько поколений англичан будут читать Слово Божье, напечатанное на его станке, рождало в душе Рамсдена-старшего огромную радость.

Маршалл был его единственным ребенком; предполагалось, что он пойдет по стопам отца. Но с раннего детства чтение интересовало мальчика куда больше, чем издательское дело. Ну, а поскольку работа Рамсдена-старшего по большей части была связана с духовной литературой, Маршалл рано пристрастился к литературе такого рода.

Многие годы Маршалл тайно мечтал о стезе богослова. Он очень долго не решался признаться в этом отцу, ведь тот так хотел, чтобы сын продолжал семейное дело. И вот однажды, весенним воскресным утром — Рамсдену как раз возвращались домой из церкви Святого Павла [\[28\]](#) — Господь предоставил Маршаллу долгожданный шанс.

Когда экипаж въехал на Лондонский мост, отец с сыном обсуждали отрывок из Писания, прочитанный во время службы. Это была первая глава Книги пророка Иеремии. Обращаясь к пророку, Господь говорит: «...Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя: пророком для народов поставил тебя» [\[29\]](#). Рамсен-старший сказал, что больше всего его волнуют слова о Божественном предвидении. Маршалл ответил, что ему нравится другой стих, в котором говорится: «...Вот, Я вложил слова Мои в уста твои» [\[30\]](#).

После этого он сказал, что его предназначение — изучать и преподавать богословие и что Господь вложил Свое слово в его уста, а типографская краска под ногтями — не его удел. Реакция отца поразила Маршалла.

— Всю жизнь я печатал то, что писали другие, — сказал он. — В том, что англичане

прочтут Слово Божье, я надеюсь, есть и моя заслуга. — Он обнял сына за плечи. — И вот ты говоришь мне, что Господь призвал тебя пером и устами нести Его Слово людям! — Старый печатник помедлил, стараясь справиться с волнением, и воскликнул: — Как же я счастлив! Отныне я буду молиться лишь о том, чтобы дожить до того радостного дня, когда смогу напечатать твои слова.

Но Богу не было угодно выполнить просьбу старика. Он скончался, когда Маршалл учился на втором курсе. И все же Рамсден-старший успел сделать главное — передать сыну свою любовь к Библии.

Трепетное отношение к Слову Божьему как раз и заставило Маршалла печатать запрещенные памфлеты Джастина на станке Кембриджского университета. Преподаватель богословия Вильям Седжвик познакомил юношу с учением пуритан, а его дочь Мэри, к которой Маршалл испытывал нежные чувства, подвигла на отважный поступок — печатание недозволенной литературы.

Пуритане твердо верили, что руководством к действию, данным человеку свыше, является Библия. Они с тревогой взирали на то, как духовенство — и в первую очередь епископ Лод — ведет народ Англии назад, к римскому католицизму. Вильям Лод проводил свою политику железной рукой. Сразу после посвящения в сан епископа он представил королю Карлу список английского духовенства. Рядом с каждым именем стояла особая пометка: «о» означало «ортодокс», а «п» — пуританин. Тех, кто был помечен буквой «о», повышали в должности и всячески поощряли. Пуритан же под любым предлогом притесняли, чинили им разного рода препятствия и изгоняли из рядов духовенства.

Диссентеры ^[31] по-разному реагировали на преследования. Одни считали, что положение безнадежно, и покидали Англию, через Голландию отправляясь в Новый Свет. Эти люди отделились от англиканской церкви, и их стали называть сепаратистами ^[32].

Другие не желали оставлять англиканскую церковь. Они стремились очистить ее от влияния католицизма, поэтому их стали называть пуританами.

Несгибаемые и решительные, пуритане видели свой долг в спасении англиканской церкви. Бегство сепаратистов они расценили как недостаток веры. Эти люди были готовы трудиться ради возрождения церкви столько, сколько потребуется. Они полагали, что народ и церковь должны руководствоваться Библией, а не традициями и ритуалами.

Оружием пуритан стали проповеди и памфлеты, а основной мишенью для критики и насмешек — епископ Лод. Чтобы крепче держать священников в руках, епископ регламентировал процедуру богослужения, потребовав привести ее в соответствие с предписаниями «Книги общей молитвы» ^[33]. Следить за сказанным было нетрудно — любая проповедь предполагает слушателей. Другое дело — остановить поток памфлетов.

По закону право издавать книги имели несколько печатников в Лондоне и две университетские типографии в Оксфорде и Кембридже. Все типографы получали особое разрешение на печатание каждого произведения.

Строжайшая цензура принудила издателей пуританских памфлетов уйти в подполье. Нарушителю закона грозило суровое наказание. Авторов запретных книг допрашивали в «Звездной палате». Виновным отрезали одно или оба уха, а на щеках выжигали клеймо в форме букв «к» и «л», что означало «Клеветник» и «Лжец». Пуритане шутили, что эти буквы означают «клеймо Лода».

Если бы Маршалла Рамсдена и Мэри Седжвик поймали с поличным, их ждала бы та же участь. Молодые люди никогда не встречались с Джестином — человеком, который сделал

своим псевдонимом имя одного из раннехристианских мучеников [34], но они ему верили. В отличие от прочих памфлетистов тон Джастина не был враждебным, воздерживался он и от личных нападок на епископа Лода. Излагая свою точку зрения, сочинитель обращался к Библии, и его доводы выглядели убедительно. Здравый смысл Джастина производил на таких верующих, как Маршалл и Мэри, столь сильное впечатление, что они, рискуя собственным благополучием, распространяли его идеи по всей Англии.

Мэри была одной из первых в Кембридже, кто присоединился к движению сопротивления. Она-то и привела с собой Маршалла. Сына типографа, умеющего обращаться с печатным станком, встретили с радостью. Обязанностью Мэри было доставлять отпечатанные памфлеты тем, кто распространял их на территории университета. Увлечение произведениями Джастина постепенно переросло у молодых людей во взаимное увлечение друг другом.

Когда Маршалл обнимал Мэри в предрассветные часы в печатной мастерской, весь мир сводился к таинственному равенству: мужчина + женщина = вселенная. Королей, народов, войн, просвещения больше не существовало. Не было на свете и близких, родных, друзей. Никого, кроме двух влюбленных. Исчезало даже время.

Дверь мастерской со стуком распахнулась и тут же захлопнулась. От неожиданности Мэри ударилась затылком о рукоятку валика. Эссекс Марвелл, самый странный и самый верный друг Маршалла, стоял, прислонившись спиной к дверному косяку. «Зови меня просто Эс, — сказал он, когда молодые люди познакомились. — Меня все так называют».

Юноша дышал, как загнанный зверь, его рубашка пропиталась потом, в глазах застыла тревога.

— Они здесь! — выдохнул он.

Незачем было объяснять, кто это — «они». Печатающие памфлеты Джастина рискуют лишиться ушей и приобрести клеймо на лице.

Маршалл деловито скомандовал:

— Мэри, прячься! Печатными формами и бумагой мы займемся сами.

С тревогой посмотрев на него, Мэри на мгновение заколебалась. Ей так хотелось сказать ему о своей любви. Маршалл нежно улыбнулся девушке. Он все понял.

— Эс, — Маршалл указал на стопки отпечатанных памфлетов на полке, — сложи это в мешок. Я сниму со станка печатную форму.

— Закреть засов? — испуганно спросил Эс.

— Нет, делай, что я сказал.

Эс подбежал к стопкам готовых брошюр и принялся торопливо заталкивать их в большой холщовый мешок — в нем обычно выносили с территории университета запрещенную литературу. Маршалл ухватился за рукоятку печатного станка и потянул ее на себя до упора. Молодой человек извлек рукоятку из отверстия в верхней части червячного пресса, вставил ее в другой паз и потянул снова. Чтобы поднять форму над бумагой на новом станке, достаточно одного движения ручки. Но только не на этом — машины в университетах были старыми. Маршалл понимал: если он замешкается, в два счета окажется в тюрьме.

Времени на то, чтобы рассыпать набор и сложить шрифт в наборную кассу, уже не оставалось. Маршаллу пришлось снять печатную форму с пресса и спрятать ее. Он поднял глаза. Мэри не было видно. Эс торопливо набивал мешок брошюрами.

Маршалл изо всех сил крутил рукоятку червячного пресса, молясь о том, чтобы успеть.

Еще два оборота. И тут пресс заклинило. Снаружи раздались какие-то звуки. Молодой человек нащупал лигатуры по краям печатной формы и отвинтил их.

Едва Эссекс успел сунуть мешок с памфлетами в шкаф, дверь распахнулась. На сей раз она осталась открытой, зияя, как разинутая пасть. В комнату вбежали два солдата и направили оружие на студентов. За ними следовал хорошо одетый господин знатного происхождения, в котором Маршалл узнал Джорджа Маколэя. Маршаллу не раз случалось приходить к нему по делам: он выдавал разрешения на все печатные работы и публикации в Кембридже. Маколэй был высок и болезненно худ. Его недовольно искривленный рот напоминал перевернутую букву «U», это делало его похожим на куклу-марионетку.

— Утро доброе, джентльмены, — поприветствовал их кукольный рот. Маколэй не сомневался: новый день принесет ему заслуженную славу. Об этой его уверенности свидетельствовала твердая поступь длинных ног.

— И вам доброе утро, сэр! — приветливо отозвался Маршалл.

Маколэй ответил ему настороженным взглядом. Он не любил преступников с чувством юмора. Эссекс, не обладающий хладнокровием Маршалла, прислонился к двери шкафа, в который только что затолкал мешок с памфлетами. Он стоял, скрестив ноги и сложив руки на груди. Пальцы юноши нервно подрагивали.

— Рановато для работы, — процедил Маколэй, подходя к станку. — У тебя есть разрешение?

— Сказать по правде, сэр, нет. Да я и не пытался его получить. Знал, что вы откажете.

Маколэя злило, что жертва не боится его.

— Что ж, посмотрим, что там у вас, — проворчал он.

— Был бы рад помочь вам, сэр, — сказал Маршалл, поморщившись, — но форма застряла в прессе. Я не могу сдвинуть ее с места.

Маколэй кивнул солдату, который держал под прицелом Маршалла, и приказал:

— Помоги ему!

Солдат опустил ружье и поставил его на пол, прислонив к прессу.

— Возьмитесь здесь, а я ухвачусь с этой стороны, — распорядился Маршалл. — Форма основательно застряла, но если мы рванем посильнее — вытащим. Готовы? На счет три. Раз. Два. Три!

И они рванули. Форма выскочила из пресса. Литеры разлетелись по комнате. Маколэю пришлось закрыть лицо, чтобы защититься от посыпавшегося шрифта. Некоторые буквы успели оставить на его одежде и руках нечеткие отпечатки.

— Здорово! Я знал, что у нас получится! — лукаво улыбнулся Маршалл.

Невольного соучастника Маршалла это не развеселило. Развернувшись, он ударил смеющегося печатника металлической формой, сбив его с ног. Подходя к поверженному юноше, солдат поставил ногу ему на грудь.

— Посмотрим, кто будет смеяться, когда ты предстанешь перед «Звездной палатой», — закричал Маколэй, пытаясь носовым платком очистить одежду от краски. — Обыщи шкаф! — приказал он солдату, стоящему рядом с Эссексом, и, хмыкнув, добавил: — Твой приятель слишком нерасторопен.

Словно перышко, отшвырнул солдат хрупкого Эссекса. Чтобы извлечь мешок, ему пришлось опуститься на четвереньки и залезть в глубь шкафа.

Эссекс стоял рядом, ожидая, пока солдат выберется наружу. Когда тот начал приподниматься, юноша, улучив момент, выхватил у него мешок. От толчка мужчина

потерял равновесие и упал. Эссекс стрелой метнулся к черному ходу. Второй солдат бросился за ним, но Маршалл подставил ему подножку.

Эссекс исчез за дверью и тут же снова влетел в комнату. На пороге показался еще один солдат, здоровенный и неуклюжий.

— Неужели ты думаешь, что я не позаботился о черном ходе? — язвительно осведомился Маколэй.

— Откровенно говоря, ваши умственные способности вызывают у меня некоторые сомнения, — не замедлил отозваться Маршалл. Солдат, которому он поставил подножку, пинком заставил его замолчать.

Неуклюжему детине, стоявшему в дверях, Маколэй крикнул:

— Возьми книгу и прочти ее вслух. Посмотрим, как повеселится тогда этот горепечатник.

— Я плохо читаю, господин Маколэй, — запротестовал громила.

— Тем лучше, — отрезал Маколэй. — Ты-то и зачитаешь приговор о тюремном заключении этих мальчишек. Не сомневаюсь, что наш остряк с радостью объяснит тебе непонятные слова.

Солдат пожал плечами. После недолгих сомнений он запустил в мешок огромную ручищу и вытащил брошюру, затем неумелыми пальцами открыл первую страницу и уставился на нее. Внезапно его лицо расплылось в улыбке.

— Неплохо!

— Читай вслух! — завопил Маколэй.

Солдат начал читать:

«ОБОЛЬСТИТЕЛЬНИЦА ДАЛИЛА И ПАДЕНИЕ ДЕКАНА

Услышав, что декан Винтерс очень груб,
Она решила убедиться в этом сама.
Когда он вошел в класс, она была...»

— О-о-о! — завизжал Маколэй и, выхватив брошюру, быстро просмотрел наугад несколько страниц.

Маршалл, все еще лежавший на полу, расплылся в улыбке.

— Конечно, это не Шекспир, но мне нравится.

— Мне тоже, — согласился здоровяк.

— Болван! — крикнул Маколэй солдату, стоявшему рядом со шкафом. — Ты взял не тот мешок!

— Но там больше ничего не было!

— Проверь еще раз!

Солдат покорно встал на четвереньки и заполз в шкаф — наружу торчал лишь его зад. Спустя мгновение донесся голос, которому эхом вторили стенки шкафа:

— Я же сказал, здесь больше ничего нет!

Под бдительным взглядом одного из солдат Маршалл поднялся на ноги.

— Послушайте, я не знаю, что вы ищете. Но эти рассказы про Далилу у нас просте

обожают. Прямо из рук рвут. Готовы платить по полкроны [\[35\]](#) за книгу!

— Молчать! — оборвал его Маколэй и, обратившись к страже, приказал: — Обыщите мастерскую!

Солдаты перерыли все шкафы и заглянули во все ящики. Они внимательно изучили каждый клочок бумаги, обнаружили недоделанные учебники, разрозненные листки пьес и афиши, но не нашли ничего похожего на памфлеты пуритан.

— Выведите их отсюда! — еле сдерживаясь, прошипел Маколэй, после того как охрана проверила последний ящик.

Маршалла и Эссекса вывели из мастерской. Маколэй вышел последним. Он еще раз окинул взглядом помещение и, выругавшись, захлопнул дверь. В руке у него был мешок с непристойными сочинениями. Что ж, по крайней мере, он уходил с добычей.

...В окно мастерской заглянули первые утренние лучи и осветили балки потолка. В комнате царили тишина и первозданный хаос. Пол был усыпан литерами и междустрочиями. Печатная форма наполовину торчала из-под перепачканного краской прессы. Ящики выдвинуты, шкафы полуоткрыты. Повсюду валялась бумага...

Когда солнечные лучи коснулись верхней части стены, тишину нарушил негромкий скрип — схожий звук раздается при трении дерева о дерево. Из шкафа, где совсем недавно торчал зад охранника, показалась тоненькая девичья рука и открыла дверь пошире. Мэри Седжвик вылезла из своего тесного убежища, находившегося за внутренней стенкой шкафа. Девушка держала в руках холщовый мешок — точь-в-точь такой унес с собой Маколэй. Вот только этот мешок был набит пуританскими памфлетами, написанными пресловутым Джастином и напечатанными ее возлюбленным.

Мэри не теряла времени даром. Она стремительно направилась к черному ходу, накинув по пути на плечи плащ, чтобы спрятать под ним мешок и заодно укрыться от утренней прохлады. Мэри шла быстрым шагом. Она выглядела, как все молодые женщины, спешащие с утра пораньше по своим делам.

Она добралась до Бридж-стрит и свернула на север. Чуть погода пересекла реку Кембридж, давшую имя университетскому городу. Затем миновала колледж Магдалины, прошла между церковью Святого Петра и церковью Сент-Джайлс, мимо старого средневекового замка и свернула на проселочную дорогу, которая вела за пределы города, на ферму Платта.

Дорогой она с гордостью думала, что с честью справилась с трудной задачей. Но ее самообладания хватило ненадолго. Подойдя к ферме, она почувствовала, что у нее дрожат руки и ноги.

— Мистер Платт! — громко закричала она, едва владея собой.

Со стороны скотного двора показался добродушный пожилой мужчина в рабочей одежде, которой были не страшны грязь, непогода и навоз. По голосу Мэри и ее встрепанному виду он сразу понял: случилось что-то серьезное. Мистер Платт распахнул объятия, и девушка бросилась к нему. Рыдая, она рассказала о разгроме мастерской и аресте друзей.

— Значит, они задержали Маршалла за непристойные брошюры? — переспросил он. Мэри кивнула.

— Это хорошо, — сказал он, — мы легко отделались. Куда как хуже лишиться станка.

— Но теперь Маршалла и Эссекса выгонят из университета! — заплакала девушка.

— Выгонят, — согласился Платт. — Зато они не попадут в «Звездную палату».

Мэри смахнула слезы.

— Меня утешает лишь то, что отца Маршалла нет в живых. Он бы не пережил того, что сын не окончил университет и не оправдал его надежд.

— Ты недооцениваешь этого человека, девочка. По рассказам Маршалла, мистер Рамсен был просто святым. Он гордился бы сыном, которому хватило мужества постоять за веру.

— Как же меня это злит! — воскликнула Мэри, немного успокоившись. — В чем они виноваты? Почему нельзя хранить безобидные брошюры, в них ведь нет ничего дурного?

Старый Платт тяжело вздохнул. Он присутствовал на тех заседаниях комитета по сопротивлению, где пуритане вырабатывали план действий. Несколько человек внесли свои предложения. Получил одобрение план Мэри. В соответствии с ним и действовали студенты сегодня утром.

— Девочка моя, такова природа человека, — объяснил фермер. — Маколэй знал, что в типографии печатают запрещенные книги. Чтобы обнаружить их, он готов был разобрать ее по кирпичику. Мы предоставили ему такую возможность. Само собой, он искал кое-что другое, но и эти брошюры — преступление. Зато теперь Маколэй не станет обыскивать типографию столь тщательно.

Мэри прижалась к груди Платта. Конечно, он был прав, но боль в душе не утихала.

— Стоит ли все это такого риска? — спросила она.

В ответ Платт сунул руку в мешок и достал памфлет. Раскрыв книгу, он прочел:

«В жизни каждого человека наступает час, когда нужно принять решение. Речь идет не о решениях на день, год или даже на всю жизнь. Есть выбор, от которого зависит нечто более важное, чем личные дела или жизнь одного человека, решения, которые на многие годы определяют судьбу всего мира.

Настал час для каждого из нас принять такое решение.

Нам предстоит ответить на очень простой вопрос: будем ли мы соблюдать законы, данные Господом, или подчинимся воле человеческой? Следовать ли нам Библии или повиноваться епископу Лондонскому?

На простой вопрос должен быть простой ответ. Вспомните слова Петра: «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян. 5:29).

Прислушиваясь к голосу совести, можем ли мы как христиане ответить иначе, не отрекаясь от своей веры?

Только Библия может научить нас, как следует жить. С ее помощью Господь Бог дает нам Свои наставления.

Неудивительно, что эти наставления столь ясны и четки, ведь достоинство любого хорошего закона в отсутствии двусмысленности и неопределенности.

Нравственные и судебские законы, данные Богом, четко сформулированы, в них ясно прослеживается Божья воля. Закон Господа вечен. Никакой король, министр или епископ не вправе отменить его.

Является ли Библия единственным воплощением Слова Божьего или нет?

Будем ли мы повиноваться Ему или нет?

Нам предстоит сделать выбор. Принять решение нетрудно, гораздо труднее жить в соответствии с ним, ведь это потребует великого мужества и глубокой веры.

Мы живем в опасное время. Никто не знает, какую цену нам предстоит заплатить. Однако мы делаем выбор не только ради себя, но и ради своих детей и внуков. Какой бы ни была цена, наше решение стоит этого.

Пришла пора для сильных духом. Не время подставлять вторую щеку: нас не оскорбили, но обманули. Для праведных и благочестивых англичан настал час, который определит их будущее.

Что до меня, то я выбираю Бога. Я предпочту погибнуть, повинувшись Господу, чем преуспеть, стараясь угодить людям».

Платт опустил брошюру на колени.

— Маршалл может гордиться тем, что помог донести до людей эти слова, — проговорил он.

Мэри вытерла глаза и кивнула.

— Думаю, тебе пора домой, деточка, — нежно сказал Платт. — Я сам займусь памфлетами.

В тот же день сочинения Джастина покинули ферму Платта на тележке молочника, спрятанные в двойном дне бидонов. Оттиски повезли на восток, в Ньюмаркет, Тетфорд и Норидж, где один из памфлетов попал к его преподобию Томасу Калмерсу, приходскому священнику Спиксворта.

Прежде чем прочитать написанное Джестином, Калмерс запер дверь своего кабинета. На столе перед ним лежал циркуляр епископа Лоуа, обращенный к церквям Нориджа. Епископ приказывал священникам во время проповедей облачаться в подобающие случаю церковные одежды. Кроме того, в документе подчеркивалось, что алтарь должен находиться в восточной части церкви. Вокруг алтаря следовало построить ограждение, дабы отделить его от прихожан. Нарушителей ждало строжайшее взыскание — вплоть до прекращения выплаты жалованья, а возможно, и более суровое наказание.

Когда его преподобие дочитал памфлет Джастина, он заплакал. За тридцать один год пребывания в духовном сане с ним это случилось впервые. Два противоречивых чувства раздирали его на части. Как супруги в несчастливом браке, его вера и его церковь вступили в непримиримую борьбу. Прежде неразлучные, теперь они ненавидели друг друга. Сможет ли он отдать предпочтение одной и отказаться от другой?

Целый день Калмерс плакал и молился. Село солнце, и в комнате стало темно. Священник медленно, словно под бременем тяжелой ноши, поднялся из-за стола, положил памфлет в карман и бросил в огонь циркуляр епископа.

Дворяне из Корби доставили новую брошюру Джастина на север — в Питерборо, Лестер и Ноттингем. В Дерби, что западнее Ноттингема, отец девятерых детей прочел памфлет своей семье за ужином. Он произнес благодарственную молитву за родителей Джастина, воспитавших такого благородного и честного сына, и попросил Господа укрепить в вере его собственных детей.

Памфлеты отправились и на юг, в Лондон и Кентербери. Отсюда их повезли дальше, на юго-запад — в Бристоль, Эксетер и Плимут. В Эденфорде, маленьком городке на реке Экс, нотариус Эмброуз Дадли внимательно изучил каждое слово в запрещенной книге. Он пометил несколько характерных для автора фраз и, аккуратно сложив брошюру, сунул ее в

свою Библию.

В Англии почти не осталось уголка, куда бы не попал памфлет Джастина: его читали матросы из Портсмута, свечники из Суиндона, адвокаты из Ипсуича и школьный учитель из Ковентри.

Юный посыльный Лода в Нортхэмптоне был первым, кто раздобыл для своего хозяина новое сочинение Джастина. Памятуя о наказе, юноша немедленно доставил памфлет в резиденцию епископа в Лондоне.

Собравшись с духом, молодой человек вручил опасную находку епископу. От своих товарищей он уже знал, в какую ярость приходит Вильям Лод при виде запрещенных книг. Но случившееся превзошло все его ожидания.

Епископ взял памфлет, наградил посыльного шиллингом ^[36] за прилежную работу и отпустил его. Лод хотел прочесть брошюру в одиночестве. Чувствуя некоторое разочарование из-за того, что ему не удалось лицезреть его светлость в гневе, юноша выскользнул в коридор, неплотно закрыв дверь. Он собирался понаблюдать за происходящим.

Епископ тяжело опустился в стоящее у камина кресло и погрузился в чтение. Он сидел тихо и неподвижно: не кричал, не швырялся разными предметами, не топал ногами. Посыльному было видно, как ритмично вздымается его грудь.

Потеряв всякую надежду, юноша хотел было уйти и вдруг увидел, как епископ выдернул из книги страницу, разорвал надвое и сунул в рот, а затем медленно, с мрачной решимостью разжевав бумагу, проглотил ее. И вновь вырвал лист и вновь начал жевать. Он жевал и глотал без остановки, страницу за страницей. Лицо Вильяма Лода побагровело, на лбу выступили крупные капли пота.

Гробовую тишину нарушал лишь хруст рвущейся бумаги и жуткие утробные звуки, издаваемые епископом, когда он глотал очередную страницу. Он разделался с памфлетом за несколько минут. Затем уставился на огонь... Его лицо все еще было красным и мокрым. И вдруг откуда-то, из самых недр его груди, вырвалось грозное ворчание. Постепенно оно стало членораздельным: «Буду нападать на них, как лишенная детей медведица, и раздирать вместе с сердцем их, и поедать их там, как львица; полевые звери будут терзать их» ^[37].

Морган-холл — роскошное поместье Морганов, ставшее яблоком раздора двух поколений, — был построен в елизаветинскую эпоху. Особняк возвели в соответствии со вкусами владельца-мореплавателя. Деньги на строительство будущий хозяин дома добыл грабежом испанских кораблей (морское пиратство поощрялось королевой). Новое поколение Морганов, которое куда больше интересовало богатство и положение в обществе, стремилось переделать особняк под себя.

Здание построил в 1590 году один из героев английского флота — адмирал Амос Бронсон Морган. Сын кораблестроителя из Плимута, он был человеком необычным, всю жизнь занимался самообразованием и слыл заядлым книголюбом. Его считали непревзойденным специалистом в области кораблестроения и знатоком древнегреческой литературы.

Столь обширными познаниями Амос Морган был обязан своему отцу. Чему-то Морган-старший научил сына сам, остальное Амос освоил вопреки (или благодаря) его запретам.

Эдвард Морган добился успеха без чьей-либо помощи или поддержки. Чтение книг он считал пустой тратой времени. Он не пускал Амоса в школу, полагая, что всему научит сына сам. Мальчик осваивал арифметику, складывая цены поставляемых материалов и суммы в ведомостях на выплату зарплаты рабочим, а высшей математикой занимался, рассчитывая плавучесть судов. Решение проблем по распределению мест в доках заменяло ему уроки логики. Вместо букваря он читал подшивки заказов на изготовление продукции, графики поставок древесины и товарные накладные. Когда Амосу исполнилось пятнадцать, он знал о судостроении все.

Несмотря на отцовские запреты, Амос пристрастился к чтению. Подростком он набрасывался на книги со страстью, которую его сверстники обычно направляют на девушек. Он мечтал поступить в Оксфордский университет с его великолепными библиотеками и преподавателями, облаченными в длинные мантии, но Эдвард Морган и слышать об этом не желал. Вопреки здравому смыслу отец запрещал сыну заниматься тем, что тому особенно удавалось, даже если речь шла об учебе. По его мнению, мальчик знал все, что требуется для семейного бизнеса, — и хватит.

Большую часть своего заработка Амос тратил на книги, которые покупал у местного книготорговца в Плимуте. По ночам или в свободную от работы в доках минуту он погружался в запретное чтение. Греческая литература очаровала юношу. Его любимцем был Гомер, более всего Амоса пленяла история странствий Одиссея. Он читал эту книгу столько раз, что мог закрыв глаза цитировать наизусть целые страницы. Гомер помог молодому человеку понять: его призвание — мореплавание, а не судостроение.

Впервые с морскими приключениями Амос Морган столкнулся на борту «Миньона». Семья Джона Хокинса [\[38\]](#), капитана «Миньона», сколотила состояние, торгуя чернокожими рабами.

Однажды весной, пока Эдвард Морган вел со старшим Хокинсом переговоры об условиях контракта на строительство четырех кораблей, Амос решил обсудить свое будущее с Хокинсом-младшим. Целеустремленность юноши произвела впечатление на Джона, и он принял Амоса в члены экипажа. Узнав о договоре, который заключили молодые люди, Эдвард Морган впал в такую ярость, что едва не разорвал контракт на строительство

кораблей. Но юноша был уже не в том возрасте, когда отец может удерживать сына. Амос Морган дорого заплатил за свою настойчивость: отец не разговаривал с ним до конца своих дней.

Трудности морской жизни, длительные стоянки во время ремонта судов в порту Сан-Хуан быстро помогли сдружиться двадцатилетнему Джону Хокинсу, совсем юному Амосу и умудренному опытом Хокинсу-старшему.

У Хокинса было десять кораблей. Они надолго уходили в Карибское море, где, не считаясь с правилами торговли, установленными Испанией, меняли африканских рабов на сахарный тростник из Вест-Индии, золото и шкуры. Испанцы полагали, что Новый Свет принадлежит им, и требовали соблюдать законы своей страны. Англичане относились к притязаниям испанцев с демонстративным пренебрежением и не упускали случая совершить набег на их земли или нарушить установленные правила.

На следующий день после того, как корабли Джона Хокинса встали на якорь у Сан-Хуана, показались испанские галеоны [\[39\]](#). Капитан одного из них попросил Хокинса оказать ему любезность и позволить войти в гавань для пополнения запасов. Испанский флот перекрыл вход в гавань, не оставив Хокинсу выбора. Он передвинул свои корабли поближе друг к другу, пропуская испанцев в порт. Не успели англичане бросить якорь, как на их суда со всех сторон напали вооруженные испанские матросы. Англичане были разбиты.

Утром в этом сражении Амос Морган впервые убил человека, а к вечеру уже приобрел в военном деле изрядный опыт.

День закончился для английских матросов печально. Лишь двум кораблям, «Миньону» Хокинса и «Юдифи» Дрейка, удалось спастись бегством.

Долгое время после Сан-Хуана у Амоса сосало под ложечкой. В тот день он потерял немало товарищей. С тех самых пор молодой человек всей душой возненавидел заносчивых испанцев и начал вынашивать планы мести. Однако осуществить их Моргану удалось лишь тогда, когда Джон Хокинс был назначен казначеем английского флота. Новый казначей жаждал отплатить испанцам за старые обиды. Ему потребовался специалист в области судостроения, и Амос с радостью пришел на помощь другу.

Джон Хокинс и Амос Морган разработали судно нового типа. Их корабль уступал по размерам испанскому галеону. Для устойчивости парусника орудия разместили вдоль бортов и по осевой линии. Борта от уровня нижней батарейной палубы до верхней наклонили внутрь. Благодаря этим усовершенствованиям судно по быстрходности и маневренности превосходило любой корабль того времени.

Уменьшение размеров судна требовало уменьшения размера орудий. Хокинс и Морган придумали дальнобойные пушки, оснащенные ядрами от девяти до тридцати двух фунтов весом. Орудия были гораздо меньше испанских — те стреляли пятидесятифунтовыми ядрами, — но куда более меткими. К тому же они могли поражать цель на большем расстоянии.

Изменение конструкции судов заставило англичан задуматься и об изменении стратегии. Обычная тактика ведения морских сражений заключалась в нападении на врага, обстреле из орудий, таране судна и взятии его на abordаж. Новые корабли предназначались для отражения атаки противника. В ближнем бою они уступали испанским. Разрабатывая стратегию английского флота, Хокинс обратился за помощью к сэру Фрэнсису Дрейку. Когда план сражения был детально продуман, все встало на свои места. Оставалось опробовать новые идеи на практике. Такая возможность представилась в июле 1588 года.

Первыми огромный испанский флот, приближающийся к берегам Англии, увидели дозорные с полуострова Корнуолл. Филипп II Испанский с благословения Папы Римского двинул на Англию «Непобедимую армаду» [40], намереваясь обуздать эту непокорную страну и вернуть ее в лоно Римско-католической церкви. Ни Филиппа, ни Папу совсем не волновал тот факт, что Англия не желала возвращаться в это лоно, — они верили, что такова Божья воля, и следовали ей.

Дозорные подняли тревогу. Амос Морган, бывший теперь капитаном собственного судна «Даттон», вместе с другими капитанами немедленно вышел в море. Чарльз Ховард [41], командуя английским флотом, приказал кораблям собраться в Портсмуте. Это была ошибка, едва не ставшая роковой. Испанские галеоны, сблизившись, попытались окружить врага прямо в порту. Запертые в гавани корабли почти наверняка потерпели бы поражение, ведь англичанам пришлось бы вступить в ближний бой. Их спасли лишь новые суда.

Более легкий и быстрый английский флот вырвался из гавани и, сменив курс, напал на испанские корабли с запада, атакуя их с носа. Испанские суда были слишком неповоротливы, чтобы отразить нападение. В открытом море, применяя стратегические находки сэра Фрэнсиса Дрейка, англичане маневрировали, используя ветер.

Небольшие быстроходные английские корабли играючи избегали выстрелов тяжелых испанских пушек и осыпали сбившиеся в кучу галеоны градом ядер из дальнобойных орудий. Легкие ядра не могли нанести серьезный вред испанским судам, зато, точно рой пчел, жалили их без передышки. Не устояв в этом сражении, испанцы вернулись в порт Кале.

Там они устроили засаду, рассчитывая заманить английские корабли в гавань и заставить их вступить в ближний бой. Пойти на это подданные Елизаветы не могли, по крайней мере пока у сэра Фрэнсиса Дрейка не созрел новый план.

Ночью англичане подожгли шесть своих кораблей и направили их на стоявшие на рейде испанские. Испанскому флоту пришлось немедленно сняться с якоря и выйти в море, прямо на пушки поджидавших их англичан. «Непобедимая армада» была разбита наголову, она навсегда утратила свою мощь.

Даже ветер был на стороне англичан.

«Этот ветер послал сам Господь», — говорил потом Дрейк. Испанский флот был рассеян, значительная часть кораблей пошла ко дну. Из ста тридцати судов, которые отправились завоевывать Англию, лишь семьдесят шесть вернулись в Испанию. Англичане одержали блестящую победу. С их стороны насчитывалось менее ста раненых; непобедимым доселе испанцам не удалось потопить ни одного английского судна.

Планы Испании были сорваны. Народ и королева желали выразить свою признательность отважным соотечественникам. Джон Хокинс, Фрэнсис Дрейк и Амос Морган стали национальными героями. Среди прочих наград Амос получил звание адмирала. Вскоре он стал своим человеком при дворе. Молодой адмирал купался в деньгах и славе — был он богат, как Крез, а жил весьма скромно, интересовался только кораблями и библиотекой, которую продолжал пополнять.

Вложить растущее состояние в недвижимость адмирала Моргана надоумила сама королева Елизавета, посоветовав ему купить участок земли и построить особняк. Амос ответил, что он не очень хочет владеть домом, который слишком часто будет пустовать. Однако королева прозорливо заметила, что с возрастом он может изменить свое мнение. Кто знает, не захочется ли бывшему бродяге уютно расположиться с книгой у камелька. Скорее из учтивости, чем из желания стать землевладельцем, Амос Морган начал подыскивать дом

и участок. Чем больше зданий он осматривал, тем сильнее загорался идеей найти пристанище на суше и построить там хранилище для своей громадной библиотеки.

Амос Морган купил большой холмистый участок земли неподалеку от Портсмута, где было пришвартовано его судно, и к востоку от Винчестера. Впервые в жизни он был всецело поглощен мыслями о собственном доме. Адмирал вникал в каждую мелочь, от проекта до внутреннего убранства. Когда Морган-холл построили, о нем заговорили как об одном из самых оригинальных особняков Англии.

Знаменитое поместье Лонглит, возведенное в 1580 году в стиле итальянского ренессанса, славилось великолепными гобеленами, коллекцией картин и фарфора, мебелью и огромным залом с мощными деревянными балками и исполинскими рогами ирландских лосей на стенах.

Теобальд-холл, с его лесными мотивами, был любимым местом отдохновения короля Якова. Внутри здания находились искусственные деревья, кустарники и ветви — они выглядели так естественно, что птицы, залетавшие в открытые двери, не хотели покидать дом. Этот особняк славился и другими диковинами — взять хотя бы комнату со звездами и планетами на потолке, которые благодаря часовому механизму меняли свое положение в зависимости от времени года.

Морган-холл занял достойное место в ряду этих великолепных особняков. Подобно иным замечательным домам, он отражал характер своего владельца. А его хозяин любил античную Грецию, океан и книги.

Преодолев восемь мраморных полукруглых ступеней, гость Морган-холла оказывался под высоким — двадцать футов — сводом, опиравшимся на шесть величественных коринфских колонн.

Увенчанная куполом лестничная площадка имела три арки, которые вели в разные части дома. Арки опирались на античные мраморные колонны, найденные при раскопках в устье Тибра в Риме.

Подняв глаза, посетитель видел перила, служившие ограждением галереи второго этажа, и свод купола, украшенный росписью: на фоне открытого, с легкими облаками, неба были изображены боги-олимпийцы в окружении легкокрылых купидонов и полуобнаженных красавиц.

Через северную арку гость попадал в гостиную, а затем в отделанную кедром столовую.

От восточной арки шли две лестницы с угловыми площадками наверху: одна по правой стене, другая — по левой. Лестница слева предназначалась для женщин, а справа — для мужчин. Различались они только перилами. Лестница для кавалеров радовала глаз затейливой деревянной резьбой. Дамскую лестницу украшали не резные, а рельефные панели, оберегая таким образом женские ножки от нескромных мужских взглядов. В отличие от большинства членов своей команды адмирал Амос Морган был настоящим джентльменом.

Центральным входом служила южная арка. Она вела в большой зал, где устраивались балы, вечера и банкеты. Зал был длинным и просторным, с деревянным полом, так хорошо отполированным, что в нем отражалась драпировка стен. Стены украшали гобелены и картины художников-маринистов. Между пилястрами находились круглые медальоны, на которых было изображено голубое небо и пушистые облака. Зашедшему сюда гостю начинало казаться, что он совершает морское путешествие в погожий день.

Тяжелая дубовая двустворчатая дверь в восточной стене зала вела в любимую комнату

адмирала — библиотеку. Здесь хранилось то, чем Амос Морган дорожил больше всего на свете: книги, памятные подарки королевы и коллекция оружия, в том числе и старая абордажная сабля, спасшая своему хозяину жизнь в бухте Сан-Хуан. В библиотеке Морган-холла стояли сочинения Цицерона [42], Ливия [43], Светония [44] и Диодора Сицилийского [45], «Травник» Джерарда [46], «Правитель» Элиота [47] и сонеты Сидни [48].

Двойные стеклянные двери в восточной стене через крытый переход вели в сад. В сухую, ясную погоду двери открывались, и библиотека наполнялась воздухом и солнцем — впрочем, и в дождь здесь хватало света: Морган-холл стал одним из первых домов в Англии со стеклянными окнами. Еще большей диковинкой были стеклянные двери. Редкий материал доставляли из Европы по баснословной цене. Толстые стеклянные пластины вставляли в свинцовые рамы, само стекло было мутным, и при закрытых дверях виднелись лишь нечеткие очертания предметов.

Личные покои Амоса Моргана находились наверху, в центральной части дома, и не имели окон и выхода на улицу. По всей длине здания шел коридор со стеклянными дверьми, которые вели на маленькие балкончики, расположенные на равном расстоянии друг от друга. Адмирал частенько прохаживался по этому коридору с подзорной трубой, осматривая свои владения, — когда-то он так же обходил свое судно.

Морган-холл стал для адмирала тихой пристанью, а еще — тем местом, где время от времени — как того требовало его положение в обществе — Амос устраивал великолепные приемы. А в один прекрасный день, ко всеобщему удивлению и неожиданно для самого хозяина, Морган-холл превратился в приют для новобрачных.

Морган никогда не помышлял о женитьбе. Он был твердо уверен: мореплавателю не должен заводить семью, в противном случае жене придется ждать мужа месяцами, а то и годами. К женщинам он относился как типичный закоренелый холостяк: сдержанно и серьезно. Но Амос не учел того, что на свете существует любовь.

Ему посчастливилось познакомиться с Джорджианой Рейнольдс. Как говорил сам адмирал, это была настоящая мечта моряка — тропический рай, который неожиданно появился на горизонте его жизни.

Их встреча не была случайной. Будущих супругов свела королева Елизавета. Она всегда благоволила к адмиралу — скромному, доброму и бескорыстному; при дворе такие качества встречались нечасто. По ее высочайшему мнению, замечательный человек нуждался в хорошей жене. Недолго думая королева лично занялась поисками невесты. Остановив свой выбор на Джорджиане Рейнольдс, она едва не издала указ, обязывающий Амоса Моргана жениться на избранной ею девушке. Однако это оказалось лишним: адмирал и Джорджиана полюбили друг друга с первого взгляда.

Невеста была хороша, как солнечный день. Юная и скромная дочь английского аристократа стала для Амоса центром вселенной. Спустя два месяца после первой встречи влюбленные поженились. Никогда жизнь в Морган-холле не казалась такой восхитительной. Молодые люди любили книги и природу. Их дом был всегда открыт ветрам и солнцу. Каждый вечер счастливые супруги рука об руку прогуливались по парку.

Джорджиана стремилась познакомить своего любимого с самыми замечательными местами Британии. Адмирал с удивлением обнаружил, что развезжать по родной стране с женой нравится ему куда больше, чем ходить в море. Зная о любви мужа к истории, Джорджиана задумала путешествие по историческим местам Англии. Они проехали страну от края до края и увидели форт Хаустидс и стену императора Адриана [49] на севере, Фоссуэй

на юге, побывали в Стоунхендже ^[50] и на горе Скофелл ^[51]. Они странствовали целых пять месяцев, наслаждаясь супружеским счастьем. Но внезапно Джорджиана слегла в постель, и поездкам пришел конец. Жена Амоса ждала ребенка.

Адмирал не хотел заводить детей. Чем больше он думал о беременности своей супруги, тем меньше ему это нравилось. Он считал, что ребенок отнимет у него любовь и внимание Джорджианы. Амос понимал, что им руководят эгоистические соображения, но ничего не мог с собой поделать. Любимая жена стала для него смыслом жизни. Если в доме появится младенец, все изменится.

Что до Джорджианы, то в целом мире не было женщины счастливее. Мысль о ребенке приводила ее в восторг, и она стойчески переносила беременность. Джорджиана знала о сомнениях адмирала, но она твердо верила, что когда малыш родится, муж его полюбит.

К сожалению, Джорджиана была из тех женщин, которым не дано благополучно произвести на свет ребенка. Беременность протекала тяжело. Спустя несколько месяцев сияющее выражение ее лица померкло. Когда пришло время рожать, она чувствовала себя слабой и больной.

Ее муки длились восемнадцать часов. Она корчилась и кричала, сжимая руку повивальной бабки и скрипя зубами от боли. Но дело не двигалось. Дважды пришлось менять мокрые простыни. Роженица совершенно обессилела. Как выразилась потом одна из женщин, присутствовавших при родах, бедняжка таяла, словно кусок мыла, которым моются без передышки. Но Джорджиана не сдавалась. Она должна была родить во что бы то ни стало.

Позже повитуха говорила, что при таких тяжелых родах мог выжить кто-то один: либо мать, либо дитя. По ее словам, Джорджиана отдала ребенку все свои силы, и, едва малыш появился на свет, молодой женщины не стало.

В жизни Амоса Моргана не было большего счастья, чем обретение Джорджианы, и горя страшнее, чем ее смерть. Уход любимой жены стал для него настоящим кораблекрушением.

Пытаясь забыться, адмирал вернулся в объятия своей первой любви — моря. Он нанял нянюшек и домашних учителей и препоручил сына их заботам. С двух месяцев и до совершеннолетия Перси видел отца в основном по праздникам и особым случаям. Немудрено, что между ними не было близости. Совершенно очевидным это стало тогда, когда Морган-младший выбрал невесту и привел ее в родительский дом.

Перси Морган женился на Эвелин Норт — на одной из тех самых Нортов. Женился не по любви. По правде сказать, между молодыми людьми не наблюдалось даже и намек на роман. Их союз стал браком по расчету, продуманным до мелочей и выгодным для обеих сторон. Адмирал — натура романтическая — не понимал и не одобрял выбора сына. И жених и невеста были честолюбивыми авантюристами, при этом каждый из них имел то, чего недоставало другому. Хотя Норты считались весьма состоятельными людьми, денежный поток, позволявший им жить безбедно, постепенно начал иссякать. Брак Эвелин Норт с единственным наследником Амоса Моргана пришелся как нельзя кстати. В свою очередь, Норты обладали тем, чего так страстно желал Перси, — они принадлежали к верхушке аристократии. Королева Елизавета скончалась, а ее преемник не знал отважного адмирала. Разумеется, Амос Морган по-прежнему пользовался уважением при дворе, только вот теперь в уважении сквозило вежливое отчуждение: его не признавали равней. Вступая в брак, Перси попросту покупал титул Нортов.

Став хозяйкой Морган-холла, Эвелин Морган сразу начала устанавливать в доме свои

порядки. Возраст адмирала давал о себе знать: он больше не ходил в море и просиживал дни напролет в библиотеке. Хотя Амос и не питал теплых чувств к невестке, он старался быть терпимым. Если та заводила разговор о каких-нибудь нововведениях в Морган-холле, старый моряк вежливо, но твердо говорил «нет». Он полагал, что последнее слово осталось за ним, однако, как показало время, адмирал недооценил упорство и хитрость леди Морган.

Новая хозяйка Морган-холла обладала мертвой хваткой. Когда Эвелин пыталась добиться своего, она не отступала ни перед чем. У нее и в мыслях не было пасовать перед отжившим свой век адмиралом. При первом удобном случае — как, впрочем, и без него — леди Морган выражала свое неудовольствие домом — картинами, мебелью и обивкой. На приемах в Морган-холле она донимала своими жалобами гостей. Каждый вечер, лежа в постели, она пилила мужа, упрекая его в преступном бездействии. В конце концов Перси не выдержал и перебрался в другую комнату. День за днем она объясняла слугам, что в Морган-холле не так. Всякий, имеющий уши, знал, как не нравится Эвелин дом Амоса Моргана.

Особую неприязнь у нее вызывала гостиная, стены которой были обшиты темным деревом.

«В этой комнате я чувствую себя совершенно подавленной! — картинно стенала леди Эвелин. Свое мнение она всегда выражала в категоричной форме, в ее словах не было и тени неопределенности. — У нас темно, словно в тюрьме. Если мы все оставим как есть, я просто умру!» Своих гостей она первым делом вела в гостиную — чтобы задать тон разговору и определиться с темой. «Согласитесь, это ужасно! — восклицала она. — Вам не кажется, что светлый дуб или ясень здесь смотрелись бы лучше?» Когда гости вежливо соглашались, Эвелин считала своим долгом немедленно донести их мнение до адмирала. «Видите, голубчик, — увещевала она непокорного старика тоном взрослого человека, разговаривающего с капризным ребенком, — Маргарет тоже согласна со мной. Темное дерево в гостиной абсолютно невозможно. С этим что-то надо делать».

Как говорится, вода точит камень, и постепенно невестка сломила сопротивление свекра.

В конце весны 1625 года леди Эвелин Морган праздновала долгожданную победу: гостиная наконец-то была обшита панелями светлого дуба. Адмирал допустил тактическую ошибку. Он надеялся, что, пойдя на уступки, добьется мира, но гончая, взяв след, устремилась вперед с новыми силами. Теперь Эвелин критиковала картины в большом зале.

«Меня мутит от одного взгляда на эти волны и утлые суденышки, — жаловалась она мужу, грациозно прижимая к груди белую руку. — Неужели тебе от них не дурно? С этим безобразием нужно что-то делать».

И она купила новые картины. На них были изображены обнаженные женщины, пухлые и розовые, и жеманные нимфы, похищаемые сатирами, — над головами и тех и других парили перепуганные купидоны. «Настоящий бордель», — с отвращением кривился адмирал.

Картина за картиной, панель за панелью, комната за комнатой — и леди Эвелин постепенно отвоевала у Амоса весь Морган-холл. В конце концов нетронутой осталась лишь библиотека, в которой старый адмирал держал оборону.

В то время Энди исполнилось четырнадцать. Он никогда не забудет, как, вооружившись абордажной саблей, той самой, что помнила запах крови испанцев из Сан-Хуана, дедушка угрожал леди Морган, осмелившейся открыть дверь в библиотеку без его ведома, физической расправой. Однажды вечером, упоенная победой, леди Эвелин вошла к адмиралу

без стука. Старый пират впал в ярость. Несколько раз лезвие сабли едва не задело мать Энди — мальчику даже показалось, что еще немного, и дедушка убьет ее. Адмирал вышвырнул леди Морган из библиотеки так же, как раньше изгонял врагов с палубы своего корабля. Она больше не отваживалась перешагнуть порог этой комнаты.

Остаток своих дней Амос прожил в уединении, с головой уйдя в мир книг. Он был уже слишком слаб и для моря, и для бесконечных стычек с невесткой.

Энди проводил с дедом целые дни. Порой он прятался в библиотеке от матери, но чаще всего приходил сюда послушать рассказы о морских путешествиях. Дед и внук были очень близки, и это родство душ помогало им выстоять. Красочные истории адмирала расцвечивали серую и скучную жизнь мальчика. Ну а Энди, в свою очередь, дарил Амосу надежду на то, что молодое поколение обитателей Морган-холла пойдет по его стопам.

Когда Морганы наконец добрались до дома, Энди по-прежнему был невесел. Первым из экипажа вылез Филипп, за ним вышла леди Морган. Отцу не терпелось проверить, как чувствуют себя рыбки, и он, не заходя в дом, отправился в сад.

Энди спешил. Пират, пребывавший, как и его хозяин, в мрачном настроении, от самого Бэйсингстока плелся еле-еле. Энди взял часть вещей из экипажа, прихватив изуродованную книгу епископа, воровской нож и, конечно, «Эпоху рыцарей» Джеффри Бербера. Еще со двора он услышал, как в доме кричат мать и брат — можно было разобрать отдельные слова о слугах, окнах и каком-то сундуке. «И как это я переживу разлуку с любимым домом?» — саркастически пробормотал Энди.

Он толкнул тяжелую дубовую дверь — та лишь приотворилась. Юноша сунул голову в щель и увидел старый морской сундук. Интересно, что он здесь делает? Энди толкнул дверь посильнее. Сундук неожиданно легко сдвинулся. «Наверное, пустой», — подумал Энди, протискиваясь в дом.

Из большого зала до молодого человека донеслись визгливые вопли матери. Леди Эвелин в бешенстве колотила кулаком в закрытую двойную дверь, ведущую в библиотеку.

— Опять ты махал здесь своей саблей, старый черт! — Из-за тебя теперь зуб на зуб не попадает!

— Отстань от дедушки! — гневно воскликнул Энди. — Это его дом!

— Не смей так со мной разговаривать, щенок! — Леди Морган побагровела от злости. — Ты выкинул кое-что похуже, чем он. Марш к себе в комнату! — И, повернувшись к закрытой двери лицом, она вновь закричала: — Если ты думаешь, что можешь забаррикадироваться своим дурацким сундуком, то глубоко ошибаешься! У тебя ничего не выйдет!

Леди Эвелин сделала паузу, ожидая ответа. Старик не откликнулся. Этого доселе никогда не случалось. Обычно адмирал, не стесняясь в выражениях, начинал браниться с невесткой. Энди подошел к двери и прислушался. Внутри было тихо.

— Может, он заболел, — сказал Энди.

— Может, он умер, — предположила леди Морган и при мысли об этом радостно ухмыльнулась, однако, взяв себя в руки, тут же нахмурилась: — Вряд ли. Мне не дожить до такого счастья.

— Дедушка, — позвал Энди.

Тишина.

Юноша подергал дверь. Она была заперта.

— Дедушка! — с нарастающим ужасом закричал Энди и быстро взглянул на мать. Она вновь оскалилась. Толстый слой грима делал ее издевательскую улыбку еще более омерзительной. Молодой человек почувствовал отвращение. Леди Морган торжествовала.

Бросив вещи на пол, Энди принялся что было сил дергать двери. Они не поддавались.

Выбежав из зала, юноша обогнул дом и через парадный вход выскочил наружу. В саду он увидел отца, который стоял на четвереньках возле пруда. Стеклопанные двери дедовой обители были открыты. Энди влетел в библиотеку, пребольно ударившись о дверной косяк.

— Дедушка! — взволнованно позвал он.

Оглядевшись, молодой человек заметил около камина любимое кресло деда. Над спинкой кресла виднелась голова старика. На лысой голове тут и там торчали пучки седых волос, словно трава, которая пробивается сквозь трещины в скале. В эту минуту дед, сидевший абсолютно неподвижно, действительно походил на скалу. В комнате стояла мертвая тишина. Лишь языки пламени плясали в камине.

Энди приблизился к старику.

— Дедушка?

Молчание.

Энди помедлил. Если дед умер, лучше не знать об этом. Но что если ему нужна помощь? Энди осторожно заглянул в лицо старика. Глаза Амоса Моргана были закрыты, на губах играла улыбка:

— Как съездил, сынок? — ласково спросил адмирал Морган.

Весть о том, что старик жив, испортила леди Морган остаток дня. Энди предпочел остаться у деда в библиотеке, единственном месте, где он мог укрыться от злых насмешек матери.

— Отвратительно!

Опираясь на саблю, адмирал стоял у открытой двери, ведущей в сад, и наблюдал за тем, как его сын возится с рыбками. Энди сидел в кресле, перекинув ногу через подлокотник, и лениво листал книжку.

— Он что, целуется с этими рыбами?

Энди поднял глаза.

— Он с ними разговаривает.

Адмирал покачал головой:

— Он их целует!

Энди нехотя поднялся и подошел к деду. Лорд Морган стоял на четвереньках около пруда. Его губы беззвучно шевелились. Раздался всплеск, и над поверхностью воды мелькнуло что-то ярко-оранжевое.

— Действительно, целует, — согласился Энди.

Сад Морган-холла был любимым творением Перси Моргана. Он лично руководил огромным штатом садовников, которые превратили уголок дикой природы в лабиринт живых изгородей и аллей и украсили его каскадами водопадов.

Лорд Морган разбил свой великолепный сад на участки и называл их «землями». На Фруктовой земле заботливо выращивали яблоки, апельсины, самые разные ягоды. Лесная земля была миниатюрной копией легендарного Шервудского леса. Поросшая травой низина — там обычно накрывали стол и ставили скамьи — пышно именовалась Землей весенних лугов. Все это впечатляло даже выдавших виды аристократов, но самым грандиозным

проектом лорда Моргана стала Земля тропических рыб.

В этой части сада находилось несколько расположенных каскадом прудов с морской водой. Лорд Морган и его садовники более трех лет обустроивали водоемы, в которых могли бы обитать тропические рыбы. Два раза в месяц в прудах меняли воду — ее привозили в поместье на повозках. Перси Морган заключил с капитанами кораблей договор о поставке тропических рыб из Карибского моря. Судовладельцам такая сделка пришлась по душе — благодаря ей корабли возвращались из Вест-Индии, куда они доставляли чернокожих рабов, не порожняком, а с грузом. К тому же им хорошо было известно, что хозяин Морган-холла готов заплатить за редкую рыбу не меньше, чем за молодого крепкого раба.

— Вот в чем разница между нами, — сказал адмирал Морган внуку, ткнув саблей в сторону сына. — В мое время англичане воевали с испанцами, а этот англичанин воюет с рыбьим грибком.

Фыркнув, старик захромал назад, в свое кресло у камина. Он опирался на саблю, как на трость. Энди с тревогой наблюдал за ним: «Я паникую или дед действительно идет слишком медленно?» С трудом доковыляв до кресла, адмирал, словно судно, которое входит в док, развернулся в нужном направлении и чуть помедлил, прежде чем сесть. Потом, тихонько крикнув, грузно опустился в кресло. Не так давно Амосу Моргану перевалило за семьдесят. Закрыв глаза, он пытался отдышаться.

— Ты видишь перед собой старую развалину, дружок, — раздался наконец его усталый скрипучий голос. — Дни мои сочтены, Энди. Признаться, я даже рад этому. Надоело быть жалкой рухлядью.

Энди промолчал. Он не впервые слышал это от адмирала и не слишком встревожился. Когда дед начинал рассказывать о своей жизни, не было человека бодрее и энергичнее. Надеясь, что старик вновь предастся воспоминаниям, юноша настороженно замер.

Адмирал продолжал:

— Дрейк умер, Хокинс умер... Англия была на вершине славы! Но все миновало... — Он тяжело вздохнул. — Лучший выход — смерть. Слишком долгая жизнь — это проклятье. Дрейку и Хокинсу хотя бы не довелось увидеть, как гибнет их любимая страна.

«Что ж, — подумал Энди, — уже кое-что. Раз он вспомнил про Джона Хокинса и Фрэнсиса Дрейка, дело пойдет. Осталось немного помочь ему».

— Дед, объясни мне, почему не все любили сэра Фрэнсиса Дрейка?

Адмирал приоткрыл один глаз и пронзительно взглянул на внука. Старик знал, чего добивается Энди. Усмехнувшись, он смежил веки и умиротворенно откинулся на спинку кресла.

Наконец-то! Амос Морган всегда рассказывал свои истории, приняв такую позу. Энди терпеливо ждал, когда адмирал заговорит о тех, кто уже покинул эту землю. Молодой человек готов был отдать все на свете за возможность проникнуть в видения деда.

— Дрейка многие не любили, — промолвил адмирал. — Его называли «парвеню», — последнее слово он произнес с нарочитым французским акцентом.

— Парвеню?

— Выскочкой. Прохвостом. Дрейк никогда не был кладезем добродетели. Он ведь так и не научился правильно говорить, — адмирал улыбнулся. — Если бы Дрейк не состоял в родстве с Хокинсом, в его кармане так бы и свистел ветер и умер бы он нищим фермером.

Амос засмеялся, смех тут же перешел в кашель. Прокашлявшись, старик вытер рот носовым платком и тихо продолжил:

— Однако наглости ему было не занимать! Этот выскочка не раз вытаскивал нас из самых опасных передряг... Он вытворял такое, что нормальному человеку и в голову бы не пришло.

Адмирал вновь закашлялся, на сей раз он совсем уж задохся. Когда приступ миновал, старик грузно откинулся в кресле, ослабевший и мокрый от пота.

— Но Дрейк умер, — прерывистым голосом прошептал Амос Морган. — И Хокинс тоже... — он помолчал. — Так почему же я все еще здесь?

— Наверное, потому, — нерешительно сказал Энди, — что ты нужен мне.

Амос улыбнулся и ласково погладил внука по руке.

— Нам было хорошо вместе, правда? — спросил он. — Но теперь наступает твое время. Тебя ждут приключения. Твои приключения.

И тут Энди вспомнил о том, как его едва не ограбили на большой дороге.

— Ах, дед, да ведь я чуть не забыл! Знаешь, я попал в переплет.

И Энди побежал за ножом и книгой епископа, которые оставил у входа в библиотеку. С гордостью продемонстрировав их старику, он поведал ему о своей схватке с грабителями. Адмирал внимательно выслушал его. Он взял нож и поднес поближе к своим слабеющим глазам, затем тщательно обследовал увесистый том, заинтересованно расспрашивая Энди о деталях происшедшего. Амос Морган искренне радовался находчивости своего внука, додумавшегося защищаться книгой. Юноша рассказал деду и о том, что епископ Лод пригласил его к себе в Лондон.

— Епископ Лондонский? — поморщился адмирал. — Мне всегда казалось, что от священников мало проку. Что ему от тебя надо?

— Епископ сказал, что я буду защищать Англию от внутренних врагов. Я буду докладывать о них ему, а он — самому королю Карлу.

— Внутренние враги, смотри-ка... — Адмирал пролистал книгу, чтобы посмотреть, глубоко ли вонзился нож. — Хорошая вещь, — заметил он, — мне нравится Лэйфилд. Много полезных сведений, ничуть не мешающих увлекательному повествованию. — Вернув книгу Энди, он продолжил: — Внутренние враги... их нелегко узнать. В мое время все было куда проще. Ты всегда знал, кто твой враг. Это был тот, кто лез на твой корабль с саблей наголо, ругаясь по-испански.

— Думаешь, мне не стоит ехать в Лондон? — спросил Энди.

Адмирал хотел было ответить, но опять мучительно закашлялся. Когда приступ утих, он едва дышал. Наконец, справившись с собой, старик сказал:

— Нет, это не так, мой милый. Думаю, ты должен ехать. Сегодня же.

— Сегодня?

— А почему нет?

— Сегодня я не могу. Если я уеду, отец отдаст Морган-холл Филиппу. Я не намерен терять дом, а уж тем более уступать его брату. Я хочу сохранить дом для тебя, дедушка, хочу сделать его таким, каким он был раньше.

Адмирал сидел, опираясь на спинку кресла и тяжело дыша.

— Уж я-то понимаю, как тяжело расставаться с Морган-холлом, — прохрипел адмирал. — Но в жизни есть вещи и поважнее. Порой, расставшись с чем-то очень дорогим, ты можешь найти то, что полюбишь еще больше. Так я встретил Джорджиану. — При упоминании о жене глаза старика увлажнились. — Знаешь, когда мы с Джорджианой покидали Морган-холл, у нас было заведено так: я доставал дорожный сундук, она паковала

вещи и мы отправлялись в путешествие. Когда я был с ней, я забывал о кораблях и морских приключениях. И даже Морган-холл отступал в тень.

Он поднял глаза на внука, и тот увидел на морщинистой щеке старого адмирала тяжелую слезу.

— Для меня в целом свете нет ничего дороже Морган-холла. Кроме тебя, Энди. Ты не должен оставаться здесь ради меня. Уезжай прямо сейчас. Тебя ждут приключения. Это будут твои приключения. Ты построишь свой Морган-холл. Ступай и найди свою Джорджиану.

— Дед, я же еще успею...

Старик поднял руку, не давая Энди договорить.

— Знаешь, настоящий капитан жизнь отдаст за свой корабль. Но если судно спасти нельзя, мудрый капитан понимает, что пришло время отдать команду: «Покинуть судно!» Энди, сынок, битва проиграна. Пора оставить судно.

Энди разрывался на части. Ему не терпелось поехать в Лондон, но он не мог бросить деда. А мысль о том, что Морган-холл достанется Филиппу, была просто невыносимой.

— Я хочу, чтобы ты взял с собой это, — адмирал протянул внуку саблю в ножнах.

— Твоя сабля? Но я не могу ее принять!

— Чепуха! Она тебе пригодится, ты же собираешься защищать Англию от врагов. Я отдал бы тебе свои книги. — Старик с любовью посмотрел на книжные полки. — Но их слишком много. А саблю ты вполне можешь взять с собой. На память обо мне.

Энди благоговейно принял из рук адмирала оружие.

— Я сделаю все, чтобы ты мог мной гордиться, — торжественно пообещал он и с живостью добавил: — Но я еще не уезжаю.

Ночью Энди разбудил кашель в коридоре. Это был старый адмирал. Юноша хотел встать, но потом передумал. Может, старику вздумалось, как прежде, побродить ночью по дому. Дед не любил, когда ему мешали. Шарканье ног и кашель переместились в конец коридора: надо полагать, Амос Морган направился в другой конец Морган-холла. Постепенно шаги стихли. Зато зазвучали голоса. Кричали лорд и леди Морган. «Зачем этот старый дурак ночью бродит по дому? Окна и двери нараспашку! Когда же это в конце концов кончится?!» Продолжая браниться, они отвели старика в его комнату. Энди слышал, как хлопнула дверь. Потом все стихло.

Утром следующего дня Энди проснулся поздно. Решив позавтракать, он отправился на кухню — и никого там не обнаружил. Заглянул в комнаты прислуги — пусто. В гостиной и в столовой ни души. Войдя в зал, он заметил, что двери библиотеки распахнуты настежь. Энди встревожился. Дедушка редко оставлял их открытыми. Юноша подошел поближе: в библиотеке было темно. Заглянув внутрь, он увидел горничную Алисию, которая вытирала пыль на книжных полках. Здесь же сутились другие слуги — они двигали мебель. Посреди комнаты стояла мать и, подбоченясь, отдавала распоряжения.

— Что ты делаешь в дедушкиной библиотеке? — воинственно спросил Энди. — Он запретил тебе входить сюда!

— Теперь это моя библиотека, — твердо и жестко ответила леди Морган.

— Она никогда не будет твоей! Никогда, пока дед... — Энди осекся.

На лице матери появилась вчерашняя отвратительная улыбка.

— Он не мог умереть! — в отчаянии воскликнул молодой человек. — Я слышал, как он ходил ночью по коридору!

— Ты слышал, как он умирает, — отрезала леди Эвелин и, повернувшись к слугам, потребовала, чтобы они отнесли кресло адмирала в кладовку.

Энди был не в силах смотреть, как оскверняют библиотеку деда. Резко повернувшись, он выбежал вон. Одним духом юноша взлетел по лестнице и вошел в комнату адмирала. Амос Морган в ночном белье лежал на неразобранной постели. Никто не пришел к старику, никто не оплакивал усопшего. Лорд Перси, его сын, кормил в саду рыбок. Филипп, его внук, шнырял неизвестно где. Леди Эвелин, его невестка, торжествующе уничтожала следы пребывания старого адмирала в Морган-холле.

Энди взял одеяло и накрыл им умершего. Молодой человек никогда не отличался набожностью, но теперь ему захотелось помолиться. Он попытался найти подходящие слова — и не смог. Он чувствовал, как в нем закипает ярость. Энди Морган посмотрел на тело деда, накрытое одеялом, и понял, что ему нужно делать.

Он бросился к себе в комнату и, схватив саблю, ринулся вниз. Как армия, штурмующая крепость, ворвался он в библиотеку.

— Вон! Убирайтесь отсюда! — закричал он, замахнувшись саблей. Перепуганные слуги, побросав книги и вещи, выбежали из библиотеки.

— Энди Морган, ты в своем уме?! — завопила леди Эвелин.

В эту самую минуту сын в бешенстве набросился на нее. Ненависть, копившаяся годами, вырвалась на свободу. Позже Энди признавался, что готов был на все, и только Господь удержал его от убийства.

— Ты! — Он направил лезвие сабли на мать. — Убирайся! Библиотека никогда не будет твоей! Вон отсюда!

— Да как ты смеешь! — завизжала леди Морган. Она не только не отступила ни на шаг, но двинулась на сына.

Обезумев от гнева, Энди сделал выпад саблей, одним махом сбросив со стола все, что на нем было. Ваза, книги и пустая чашка пролетели полкомнаты и приземлились в углу.

— Считаю до пяти, если на счет шесть ты все еще будешь здесь — отправишься следом за дедушкой! Раз!

— Не глупи, Энди. — Мать не сдавалась.

— Два!

В комнате не осталось никого из слуг.

— Три!

Энди сделал шаг в сторону леди Эвелин. Та медленно отошла к дверям, ведущим в зал.

— Четыре!

Хозяйка Морган-холла остановилась в дверях, видимо, не желая сдавать позиции.

— Пять!

Энди бросился на мать с саблей. Пообещав вернуться вместе с мужем, леди Морган исчезла.

Подбежав к двери, Энди запер ее на ключ, затем стремительно пересек комнату и закрыл дверь, ведущую в сад. Усевшись посреди библиотеки, юноша начал готовиться к штурму.

Очень скоро снаружи послышались голоса. Леди Морган вернулась с подкреплением. Вопли отца и матери не смолкали несколько часов. К ним присоединился Филипп, время от

времени отпускаявший язвительные шуточки, — впрочем, это быстро ему наскучило и он оставил Энди наедине с родителями. К ночи супруги Морган охрипли от крика и покинули поле боя.

Когда все стихло, Энди наконец смог оплакать смерть деда. Он благоговейно прикасался к книгам, шепотом произнося их названия и вспоминая, что говорил о тех или иных авторах Амос Морган. Затем, опустившись в кресло, молодой человек стал перебирать в памяти истории, услышанные от деда. Ему так хотелось вновь увидеть самого рассказчика, сидящего в своем любимом кресле, — голова откинута, глаза закрыты!.. Несколько раз Энди садился на пол и горько плакал, обхватив колени руками.

Перед самым рассветом, когда темнота за стеклянными дверьми начала понемногу рассеиваться, Энди задумался о том, что его ждет. У него нет еды. Как долго он продержится? И что потом? Он чувствовал, что поступил правильно, отвоевав у матери библиотеку, но стоит ли сражаться за нее дальше? Остаться здесь на осадном положении было просто нелепо... «Мудрый капитан понимает, что пришло время отдать команду: «Покинуть судно!»» Разве не об этом говорил дедушка? Битва проиграна. Настала пора покинуть судно.

Когда на востоке забрезжила заря, Энди поднялся к себе в комнату и собрал вещи, не забыв взять дедушкин подарок и книгу епископа. Держа наперевес саблю, он бесшумно спустился вниз, через черный ход вышел на улицу и направился в конюшню. Торопливо оседлал Пирата, стараясь не разбудить конюхов, и выехал из Морган-холла.

Оглянувшись на дом в последний раз, молодой человек увидел на крыльце, рядом с одной из коринфских колонн, матросский сундучок. В суете слуги забыли убрать его. Энди невольно вспомнил слова дедушки: «Когда мы с Джорджианой покидали Морган-холл, у нас было заведено так: я доставал дорожный сундук, она паковала вещи и мы отправлялись в путешествие. Когда я был с ней, я забывал о кораблях и морских приключениях. И даже Морган-холл отступал в тень».

На сей раз адмирал покидал Морган-холл навсегда. Он снова был рядом со своей обожаемой Джорджианой. И он радовался этому путешествию.

— Ты кого-нибудь убивал?

— Ты о чем?

— Мух. Жуков. Убивал или нет?

— Ну да. А что?

— А кого-нибудь покрупнее?

Энди все меньше нравился этот разговор.

— Давай поговорим о чем-нибудь другом.

Элиот Веннер фыркнул.

— Нет уж. Сначала ответь: тебе приходилось убивать кого-нибудь покрупнее жука?

Энди взглянул на своего приятеля, с которым они плечом к плечу вышли воскресным утром из Лондона и теперь шагали по грунтовой дороге. Он был знаком с Элиотом всего несколько месяцев, но знал этого странного рыжеволосого паренька уже достаточно хорошо, а потому не удивлялся такому разговору.

— Однажды я убил змею, — осторожно сказал Энди. — Мы с братом рассекли ее лопатой пополам.

— Это было приятно? — Глаза Элиота загорелись.

— Что значит «приятно»?

— Тебе было приятно убивать ее?

— Ты больной, Веннер.

— Я знаю, — с улыбкой согласился Элиот. — Когда я давлю жука, у меня все тело звенит.

Последовала минутная пауза. Энди отвернулся. А его дружок как ни в чем не бывало продолжал:

— Тебе бы хотелось убить человека?

— Заткнись, Элиот.

Элиот пожал плечами. Он был настоящим повесой и вел разгульную жизнь. Жутковатые белесые глаза и огненно-рыжие волосы придавали ему свирепый вид. Энди не раз замечал, что его товарищ пугал людей своим странным взглядом. Неприятное впечатление усиливала недобрая усмешка и непослушные рыжие волосы — растрепанная и до крайности взъерошенная шевелюра Элиота напоминала взрыв ядра.

Юный Веннер был старше Энди. Невысокий, с лицом, испещренным оспинами, он ходил слегка прихрамывая (этому Элиот был обязан жизни на лондонских улицах). Элиота считали хулиганом, но Энди он нравился. Порой он напоминал ребенка, с которым было очень весело, если его не заносило, как сейчас.

— Нам еще далеко? — спросил Энди.

Друзья устало брели по пыльной дороге на север. Воскресенье выдалось солнечным, и движение было очень оживленным. Энди надеялся, что, несмотря на многолюдье, им удастся остаться незамеченными. Меньше всего ему хотелось угодить в тюрьму за посещение запрещенного развлечения ровно за день до того, как он получит свое первое поручение.

— Еще мила, — ответил Элиот. — Поверь мне, ты не пожалеешь.

— Не знаю. По-моему, травля медведя — не самое веселое зрелище.

— Ты будешь в восторге! — воскликнул Элиот. — Ведь насчет Розмари я оказался прав?

Вот уже три месяца Элиот Веннер был наставником Энди во всем — от азов шпионажа до прогулок по ночным увеселительным заведениям Лондона. Элиот по праву считался лучшим агентом епископа: в выслеживании пуритан он не знал себе равных. Однако едва ли юным сыщиком двигали благие побуждения. Просто такая работа идеально подходила лондонскому пареньку, выросшему на улице. Он мог лгать, воровать, шпионить и получать за это деньги.

Епископ не случайно сделал молодых людей напарниками: он хотел, чтобы Энди поучился у лучшего в своем деле. Тем не менее, обнаружив, что его протеже с удовольствием участвует в вылазках Элиота, он огорчился. Лод знал о ночных пирушках и не одобрял их, хотя и не запрещал. Чтобы войти в доверие к избранной жертве, Веннеру неделями, а порой и месяцами приходилось изображать из себя благочестивого христианина. Епископ понимал, что это давалось пареньку нелегко. В конце концов, должен же Элиот как-то утолять свою юношескую жажду развлечений?.. Подобная возможность представлялась ему только в перерыве между поручениями епископа. Лод не требовал от Элиота добродетельного поведения и не пытался перевоспитывать его — это повредило бы делу.

Для Энди он готовил иное будущее. Зная силу юношеских вожделений, епископ не считал нужным запрещать дружбу молодых людей. Тем более, что обучение Энди подходило к концу и скоро им предстояло расстаться.

А пока Элиот Веннер развлекал Энди прогулками по кабакам. До знакомства с этим рыжеволосым пронырой Энди предпочитал вечеринкам одиночество и не брал в рот ни пива, ни вина. Даже когда он учился в Кембридже, ему больше нравилось сидеть у себя в комнате и читать, чем участвовать в дружеских пирушках. Элиот стал учить его пить, и Энди оказался прилежным учеником. Не раз наставник и ученик просыпались на холодных камнях лондонской мостовой в самом неприглядном виде.

Элиот не только привил Энди вкус к выпивке, но и дал ему первые уроки общения с женщинами. В таверне на Майл-Энд-роуд Элиот познакомил своего подопечного с Розмари. Он шутливо сказал, что это награда за успешное окончание первой учебной недели. Когда Элиот представил девушку, Энди успел захмелеть. Он решил, что ему предлагают встретиться с ней, и вежливо отказался. Несообразительность юнца вызвала в таверне приступ хохота. Завсегдатаи, разинув щербатые гнилозубые рты, покатались со смеху, когда Розмари приблизилась к Энди, соблазнительно покачивая бедрами. Краска бросилась юноше в лицо, и он пулей вылетел из таверны.

На следующее утро Энди чувствовал себя просто отвратительно. Он всегда мечтал, что его первая встреча с женщиной будет напоминать романтическое приключение. Молодой человек представлял себе красавицу с нежной кожей, похожую на Гвиневру, — ради такой девушки он с готовностью отдаст жизнь. Вряд ли кто-то из вчерашних посетителей таверны мог понять, о чем мечтал юноша. Неужели Элиот думал, что Энди ляжет в постель с девицей из таверны, которая оказывает свои услуги так же равнодушно, как поденщик, вынужденный зарабатывать себе на хлеб тяжелым трудом?

Энди тщательно вымылся и дал себе зарок никогда не бражничать с Элиотом. Но вскоре острота неприятных воспоминаний притупилась, и Энди вновь отправился в питейное заведение отмечать завершение очередного этапа своего обучения.

Когда Элиот и Энди добрались до Флит-дитч, где должна была состояться травля

медведя, они увидели взволнованное людское море. Предвкушая жестокое зрелище, толпа проявляла нетерпение — звучал хриплый смех, возбужденно заключались пари, слышались грубые шутки. Противозаконность развлечения только разжигала страсти. Элиот чувствовал себя здесь как рыба в воде. Пробираясь сквозь гудящую толпу, Энди думал, что никогда раньше не видел столько неумытых физиономий.

Зрители с жадным любопытством разглядывали бурого медведя, на вид больного и испуганного. Один его глаз был полужакрыт, под опущенным веком виднелось бельмо, левый бок и шея пестрели грубыми шрамами. Раздались возмущенные голоса, кричавшие, что зверь слишком стар и немощен и что травля окажется сплошным обманом. Когда гул недовольства докатился до ушей устроителей, один из них взял длинную жердь и, сунув ее меж прутьев клетки, злобно ткнул медведя. Тот издал такой громовой рев, что даже выдавшие виды зрители отпрянули назад. Стоящие у самой клетки принялись подтрунивать над трусостью друг друга, скептики были посрамлены.

— Я же говорил, будет здорово. — Элиот дружески ткнул Энди локтем.

Энди не ответил.

Зрители уселись в естественном амфитеатре, по одну сторону большого рва, на расчищенном от кустарника месте, и представление началось. Посреди площадки был врыт большой деревянный столб.

Откуда-то справа выскочил осел, которого преследовали четыре собаки. На спине у осла визжала во все горло перепуганная обезьянка. Толпа зарыдала от смеха. Несчастный осел проскакал мимо. Элиот хохотал громче всех. Смех у него был очень странным, как, впрочем, и он сам, и напоминал залиvistое повизгивание. Энди подумал, что так, должно быть, кричит возбужденная гиена. Устроители на дальнем конце рва настолько напугали осла, что он развернулся и промчался перед толпой еще раз; обезьянка продолжала верещать — ее кусали за ноги собаки.

Несколько дюжих мужчин вывели из клетки медведя и привязали цепью к столбу. Один из устроителей зажег несколько шутих и бросил их зверю под ноги. Они начали взрываться, и старый медведь в ужасе заревел и стал приплясывать, к великой радости толпы. Спустили собак, три из них бросились к столбу.

Возбуждение зрителей росло, они осыпали проклятьями медведя и науськивали собак, которые увертывались от свирепых ударов зверя. Энди посмотрел на своего приятеля и увидел, что тот лихорадочно кусает губу. Глаза юноши были одурелыми и жестокими. По подбородку у него стекала струйка крови. Энди перевел взгляд на толпу. Его окружали Элиоты — обезумевшие звери с дикими глазами. Сидевшие рядом с ним люди жаждали насилия и крови. Энди почувствовал отвращение.

Медведь не сдавался, обороняя свою территорию.

— Сначала они спускают старых собак, — пояснил взбудораженный Элиот, вытирая кровь с подбородка тыльной стороной ладони. — Не хотят, чтобы его задрали сразу.

Псы лаяли и бросались на зверя, время от времени вырывая из его шкуры клочья шерсти. Медведь, который от ужаса не чувствовал боли, не подпускал их к себе, отчаянно отмахиваясь огромными лапами. Собаки старались увернуться от его мощных ударов. Одна из них оказалась чуть менее ловкой и тут же была отброшена в грязь. Она коротко взвизгнула, забилась в судорогах и затихла. Ее бок был распорот.

Толпа выкрикивала ругательства и требовала еще собак. Спустили трех мастифов, специально обученных для травли медведей и быков. Они как одержимые бросились к

столбу, их глаза сверкали злобой, они вцеплялись и рвали в клочья всех без разбора — медведя, собак и даже друг друга.

Медведь начал уставать. У него было слишком много противников. Стоило ему отбросить одного пса, три других набрасывались и кусали его за лапы. Чувствуя, что силы медведя на исходе, собаки начали подпрыгивать, хватая животное за морду и пытаясь повалить на землю. Медведь отшвырнул одного из мастифов. Обезумевший пес ударился о землю, несколько раз перекувырнулся, но тут же вскочил и, не чувствуя боли, вновь бросился в драку.

Толпа возбужденно требовала смерти медведя. Лица зрителей побагровели, шеи со вздувшимися венами покрылись пятнами, а налитые кровью глаза сверкали безумием. Это были обычные люди, мирные торговцы и ремесленники. Но в этот ясный воскресный день они превратились в изуверов, жаждавших крови. Только смерть могла удовлетворить их.

Внезапно медведь отбросил двух мастифов, которые вцепились ему в бока. Медленно и величественно он распрямился и встал в полный рост. Казалось, он не замечает того, что творится вокруг. Огромный и сильный, он посмотрел на небо и издал протяжный рев. Это не был крик боли, это был гордый рык, могучий и свободный, такой благородный звук мог бы издать молодой медведь, который весной выходит в пустынное поле.

Но собаки не отступили. Они продолжали беспощадно рвать свою жертву. Толпа в едином порыве поднялась и загудела — псам удалось повалить медведя на землю. Их пасти покраснели от медвежьей крови, они терзали поверженное животное с удвоенной яростью. Зрители восторженно аплодировали и подбадривали собак криками.

— Я же говорил, это здорово! — воскликнул Элиот, дрожа от возбуждения.

Энди не нашелся с ответом.

— Конечно, бывает и лучше, — с жаром продолжал Элиот, — но и сегодня получилось неплохо. Иногда быки дерутся яростнее медведей. Прошлым летом я видел, как бык поднял собаку на рога...

Энди, ускорив шаг, обогнал приятеля.

Элиот остановился и посмотрел ему вслед.

— Наверное, медвежья травля не для всех. — И бросился догонять Энди, крича во весь голос: — Но ведь насчет Розмари я был прав?

Утром следующего дня Энди проснулся совершенно разбитым: всю ночь ему снилась травля медведя. Это жуткое зрелище не выходило у него из головы. Молодой человек все время вспоминал взгляд животного — полный муки и упрека. Энди презирал себя за слабость, но ничего не мог с собой поделать. В то же время он испытывал странное томительное волнение — сегодня ему предстояло явиться к епископу за первым поручением.

Епископ Лод был уже в саду. Он стоял на коленях и садовым совком подсыпал землю под розовый куст.

— Эндрю! — радостно приветствовал он молодого человека. — Не правда ли, чудесное утро?

Энди вежливо, но вяло согласился.

Епископ сразу понял, в чем дело.

— Опять ходил куда-нибудь с Элиотом?

Энди кивнул.

— Похмелье?

Энди покачал головой.

— Лезу не в свое дело? — Епископ встал, отряхивая землю с колен. Было видно, что он расстроен. — Ладно, не будем об этом. Ты знаешь, как я отношусь к вашим забавам. Поговорим о другом. Я получил письмо от твоего отца.

Энди насторожился.

— Это ответ на мое письмо. Я отправил его в тот день, когда мы вернули Пирата в Морган-холл.

Покинув дом, Энди напрямик отправился в резиденцию епископа. По прибытии он объяснил, почему ему пришлось так быстро вернуться в Лондон. По совету своего патрона молодой человек немедленно возвратил лорду Моргану Пирата. В противном случае отец мог бы обвинить сына в краже. Епископ встретил Энди очень радушно. С восторженным вниманием он выслушал рассказ о том, как книга из его библиотеки спасла юноше жизнь. Епископ ничуть не рассердился из-за того, что бесценный фолиант пострадал. Напротив, он был счастлив — книга выручила Энди в трудную минуту.

Первое время епископ не отпускал Энди от себя ни на шаг. Даже его кровать он велел поставить у себя в спальне. Энди несказанно удивлялся такому вниманию. Никто и никогда не относился к нему столь заботливо, участие епископа было ему приятно.

По вечерам, лежа в постели, они увлеченно беседовали о короле Артуре, крестовых походах и жизни в Кембридже. К удовольствию Энди, епископ иногда открывал ему маленькие непристойные секреты чопорных преподавателей университета, которых молодой человек так боялся в студенческие годы.

Когда Энди связался с Элиотом, ему предоставили отдельную спальню. Но в покоях епископа по-прежнему стояла вторая кровать, и юноша ночевал там, если им случалось увлечься беседой о славных рыцарских временах.

Энди был почти безоговорочно счастлив. Мысли о смерти деда и потере Морган-холла, доставшегося Филиппу, все еще причиняли ему боль, но теперешняя жизнь и новый дом полностью устраивали молодого человека. Толстяк повар, с которым он познакомился в свое первое посещение дома Лода, каждый раз, встречая протезе епископа, смущенно хмыкал. Хотя Энди и считал его странноватым, он признавал: толстяк готовил отменно. Тимминс держался с ним официально, разговаривал только в случае крайней необходимости, что вполне устраивало Энди. Резиденция епископа стала ему домом, и, если бы не отцовское письмо, Энди и не вспомнил бы о Морган-холле.

— Тебе неинтересно, что он пишет? — спросил епископ.

— Не очень.

— Собственно говоря, письмо небольшое, — продолжал епископ, не обращая внимания на резкий тон Энди. — На похороны твоего деда съехалось много людей.

— Не сомневаюсь: для матери это был настоящий праздник.

— Лорд Морган благодарит нас за коня.

— Нас?

— Меня.

— Ко мне он не обращается вообще?

Епископ замялся.

— Я так и знал, — кивнул Энди, — но это неважно. Теперь у меня другая жизнь, и мне

не терпится получить первое задание.

Епископ пристально взглянул на Энди. Казалось, он хотел прочитать юноше нотацию, но почему-то передумал.

— Ты прав, — миролюбиво сказал он. — Давай займемся делом. У меня в кабинете есть кое-что для тебя.

Кабинет епископа производил на посетителя такое же сильное впечатление, как и библиотека адмирала Амоса Моргана, только книги здесь по большей части были богословского содержания.

Епископ Лод протянул молодому человеку Библию.

— Возьми. Это подарок.

Энди быстро пролистнул книгу.

— Ты вообще-то читал Библию?

— Нет. Я и в руках-то ее держу впервые.

Если епископ и был удивлен, то он не подал виду:

— Значит, мой подарок не будет лишним. Но дело не только в этом. Посмотри-ка на титульный лист.

Энди открыл титул.

— Это Библия короля Якова, ее напечатали... — Епископ Лод сделал паузу, прикидывая что-то в уме, — лет двадцать назад. Я хочу отдать тебе именно это издание. В-первых, пуритане терпеть его не могут. По их мнению, тот, кто читает Библию короля Якова, — еретик. Готов поспорить, они обязательно постараются навязать тебе Женевскую Библию. Если ты притворишься, что им удалось переубедить тебя, завоеешь их симпатию. Воспользуйся этим. Ну и во-вторых... Видишь ли, с ее помощью мы сможем обмениваться зашифрованными сообщениями.

Энди вопросительно взглянул на епископа, и тот продолжил:

— Я разработал несложный код, пользуясь которым, ты будешь зашифровывать сообщения для меня. Непосвященным такое письмо покажется просто бессмысленным набором цифр.

И епископ объяснил Энди, как пользоваться шифром. Каждой книге Библии, начиная с Бытия и заканчивая Откровением Иоанна Богослова, присваивался порядковый номер. Главы и стихи отдельных книг были уже пронумерованы — при необходимости нетрудно пронумеровать слова в стихе. Используя эти цифры, можно составить любое сообщение.

— Лучше всего найти в тексте готовую фразу, — втолковывал Энди епископ. — Допустим, ты хочешь дать мне знать, что обнаружил человека, за которым мы охотимся. В этом случае твое послание может иметь такой вид. — Епископ протянул Энди клочок бумаги. На нем было написано: (43/1/45/7–9). — Запомни порядок: книга, глава, стих, слова.

Энди открыл Библию и нашел книгу под номером сорок три.

— Евангелие от Иоанна.

— Верно.

— Первая глава, стих сорок пятый, — Энди полистал страницы и нашел сорок пятый стих первой главы Евангелия от Иоанна. Он отсчитал семь слов и прочел: «Мы нашли Того».

— Отлично, — похвалил его епископ. — Тому, кто хорошо знает Библию, проще составлять сообщения. Попробуй-ка расшифровать еще одну фразу. — И он протянул юноше лист бумаги, на котором было написано: (6/1/17/11–17) (40/13/30/10–11) (23/57/10/3–4).

Нахмутив брови, Энди сосредоточенно принялся за дело. Итак, шестая книга Библии.

Это книга Иисуса Навина. Глава первая, стих семнадцатый. Отыскав нужные ему строки, молодой человек прочел: «Господь, Бог твой, да будет с тобою». Затем в Евангелии от Матфея он нашел слова «во время», а в Книге пророка Исаии обнаружил «пути твоего».

— Прочти, что у тебя получилось.

— «Господь, Бог твой, да будет с тобою во время пути твоего». Здорово! Но почему Элиот не научил меня этому?

— Элиот знать ничего не знает, — ответил епископ, положив руку на плечо Энди. — Шифр известен лишь нам двоим.

У Энди перехватило дыхание. Епископ почувствовал это и сменил тему.

— Для начала ты отправишься в Норидж. Постарайся разузнать побольше о человеке по имени Питер Ласлетт. Это викарий Нориджа. Думаю, он сторонник пуритан.

Викарий оказался пятидесятилетним человеком, начисто лишенным чувства юмора. К вере он относился очень серьезно. Сказать по правде, не существовало такой вещи, к которой Питер Ласлетт относился бы иначе. Он был твердо убежден, что в забавах и развлечениях нет ничего хорошего, и старался искоренить всякий намек на веселье. Во время богослужения в церкви Нориджа гимны исполнялись так медленно, что у поющих, казалось, замедлялось биение сердца. Но по сравнению с тем, как читал свои проповеди викарий, гимны пели просто скороговоркой.

Викарий делал паузу после каждого предложения. При этом он закатывал глаза так, словно в голове у него был темный чулан, в котором он пытался вслепую найти необходимые ему слова. С трудом выслушав проповедь, Энди понял, что, если он поможет убрать этого человека с кафедры, его возблагодарит весь город.

После службы Энди подошел к Питеру Ласлетту и попросил его о помощи. По совету Элиота он приехал в Норидж грязным, оборванным и голодным. Перед отъездом юноша неделю не менял платья и два дня ничего не ел. «Если у тебя урчит в животе, они беспременно попадутся, — говорил Элиот. — Сразу видно: не притворяешься».

Энди рассказал викарию, что, потеряв родителей в раннем детстве, он пошел просить милостыню. Однако на подавание ему было не прожить, и он начал воровать. У каждой воровской шайки в Лондоне своя территория. Воришку-одиночку избили за нарушение границ и заставили работать на одну из банд. Но такая жизнь не для него. Вот он и решил сбежать и найти место, где смог бы зарабатывать себе на пропитание честным трудом.

Ласлетт поверил всему от первого до последнего слова.

«Они обожают жалких и несчастных, — наставлял своего друга Элиот. — Это сразу располагает их к тебе».

Ласлетт был вдовцом, жил тихо и одиноко. Выслушав историю Энди — молодой человек назвался Гилбертом Фуллером, — викарий открыл перед ним двери своего дома. Когда дамы, посещавшие церковь, прослышали о молоденьком холостяке, поселившемся у викария, они сразу забросали Энди приглашениями на обеды и ужины. Юношу зазывали в гости и одинокие женщины, и матери взрослых дочерей. Однажды его позвала к себе госпожа Адамс, старая дева преклонных лет.

На воскресном обеде у госпожи Адамс Энди допустил досадный промах. Брат хозяйки дома, господин Орвил, владелец похоронного бюро в Лондоне, недоверчиво и удивленно покачал головой, когда юноша не смог вспомнить названия кое-каких лондонских переулков. Энди еле-еле выкрутился, выдумав на ходу, что его память ослабела от

постоянного недоедания, а возможно, и из-за тяжелой болезни, которую он перенес прошлой зимой. Это объяснение всех удовлетворило, и молодой человек облегченно вздохнул.

Прошло несколько недель. Однажды утром Энди с изумлением обнаружил, что викария нет дома. Хотя это и показалось ему странным, юноша успокоил себя тем, что у Питера Ласлетт могло возникнуть какое-то срочное дело. Когда Энди переступил порог храма, он сразу заметил, что некоторые нарушения, интересующие епископа, были устранены: алтарь перенесли в восточную часть церкви и обнесли его наспех сколоченным ограждением. Началась служба, и молодой человек впервые увидел Питера Ласлетта в традиционном церковном облачении. Секретный агент епископа Лода удивился, но не встревожился.

Гимны следовали один за другим. Шла обычная воскресная служба. Энди уселся поудобнее, готовясь к бесконечной проповеди. Питер Ласлетт стал читать девятую главу Книги пророка Иеремии. Делая длинные паузы в конце стихов, он искоса поглядывал на мнимого Гилберта Фуллера.

— «Берегитесь каждый своего друга, и не доверяйте ни одному из своих братьев; ибо всякий брат ставит преткновение другому, и всякий друг разносит клеветы. — Смахнув капли пота со лба, Ласлетт монотонным голосом продолжал читать: — Каждый обманывает своего друга, и правды не говорят: приучили язык свой говорить ложь, лукавствуют до усталости. Ты живешь среди коварства; по коварству они отрекаются знать Меня, говорит Господь. Посему так говорит Господь Саваоф: вот, Я расплавию и испытаю их; ибо как иначе Мне поступать со дщерью народа Моего? Язык их — убийственная стрела, говорит коварно; устами своими говорят с ближним своим дружелюбно, а в сердце своем строят ему ковы».

Викарий поднял глаза. Прежде чем он вновь подал голос, прошло несколько секунд:

— Братья и сестры, вы слышали, что сказано в Священном Писании о клеветниках. И вот, как оказалось, среди нас есть такой человек. Наш брат обманывал нас. Он обращался к нам с улыбкой на устах, а в сердце своем затаил зло. — По своему обыкновению Ласлетт говорил замедленно, тем не менее прихожане слушали его, затаив дыхание. — Этот человек попросил нас о помощи, и мы помогли ему. Он пользовался нашим гостеприимством, входил в наши дома, сидел за нашим столом, но он не был одним из нас. — Питер Ласлетт в упор посмотрел на Энди и смело продолжал: — Он говорил, что вырос на улицах Лондона, а сам не знает их названий. Он говорил, что неграмотен, а сам изъясняется, как человек начитанный. Он говорил, что его воспитали бродяги, а сам имеет прекрасные манеры. Братья и сестры во Христе, боюсь, что среди нас находится лжец, состоящий в союзе с дьяволом.

Викарий прикрыл глаза и опустил голову. Прихожане затаили дыхание. Впервые за тридцать лет службы Питера Ласлетта во время его проповеди под сводами церкви царил напряженная тишина.

— Господин Гилберт Фуллер, если это ваше подлинное имя, не соизволите ли встать и объяснить нам, в чем дело?

Люди молча повернулись в сторону Энди. Одни смотрели на него с изумлением, другие — ощерившись, как псы, готовые броситься на медведя. Энди вскочил со скамьи и метнулся к окну. Крепко прижимая к себе Библию, полученную от епископа, он пробежал без остановки не меньше двух миль и лишь далеко за пределами города позволил себе перевести дух.

Элиот предвидел и такую развязку. Если случится нечто подобное, предупреждал он Энди, следует возвращаться в Лондон не спеша, окольными путями. Это необходимо, чтобы никто не узнал, что Энди — агент епископа.

И молодой человек направился вдоль побережья Северного моря в Шерингэм, откуда послал епископу зашифрованный текст.

Епископ Лод получил письмо Энди прямо перед ужином. Не обращая внимания на протестующие крики толстяка повара, он удалился к себе в кабинет. Там он снял с полки Библию. Послание состояло всего из четырех слов: (23/6/5/4-7)! «Горе мне! Погиб я!» — сообщал Энди, воспользовавшись Книгой пророка Исаии.

Со вторым заданием начинающий агент справился успешно. Епископ отправил его в Бедфорд — городок, расположенный в плодородной долине реки Уз, севернее Лондона и западнее Кембриджа. На сей раз Энди сочинил легенду попроще и поправдоподобнее. Прибыв в Бедфорд, он без промедления отправился в церковь и, дождавшись окончания службы, заговорил со священником. После проповедей Питера Ласлетта служба Роберта Сьюэлла стала для него приятным сюрпризом. Красноречие святого отца поразило Энди. Молодой человек предположил, что Роберт Сьюэлл учился в Кембридже или Оксфорде.

Энди заметил непорядок, едва переступил порог церкви. Алтарь располагался не там, где надлежало, а на священнике не было традиционного одеяния. Однако куда более серьезной провинностью было то, что «Книге общей молитвы» не уделялось почти никакого внимания, — а ведь от всех священников строго требовалось следовать ее предписаниям в течение службы. Регламентировала она и содержание проповедей. Выражать личное мнение во время проповеди категорически запрещалось. Епископ настаивал на том, что в любой церкви нужно подчиняться общим правилам, именно единообразие богослужения и определяло целостность англиканской церкви. Тексты, не включенные в «Книгу общей молитвы», также не одобрялись епископом. Кто знает, до чего можно дойти, если позволить каждому говорить, что вздумается? Куда как лучше использовать разрешенные церковью молитвы.

Энди сразу понял, что Роберт Сьюэлл был пуританином. Во время богослужений он свободно высказывал свои мысли и не придерживался утвержденного текста молитв. Три месяца Энди внимательно слушал проповеди, делая заметки и хладнокровно намечая план действий.

Юношу смущало лишь одно: во время своего пребывания в Бедфорде, он успел подружиться с дочкой священника, Эбигейл. Это была очаровательная застенчивая девушка с прелестными ямочками на щеках. Долгими летними вечерами Энди и Эбигейл гуляли за домом священника по заросшему густой травой лугу. Они болтали о разных милых пустяках, делились друг с другом мечтами и надеждами, рассказывали о том, что любят и что ненавидят. Впервые Энди чувствовал себя с девушкой непринужденно и легко.

«Хорошо, что скоро я уеду из Бедфорда, — говорил он сам себе, — так и влюбиться недолго. А этого тайный агент позволить себе не может».

Бедфорд стал первой победой Энди. Выслушав обвинение в совершенных преступлениях, Сьюэлл откровенно признал свою вину. Его осудили и сместили с должности приходского священника. Энди сделал все как надо: не выдав себя, он сумел собрать информацию и в зашифрованном виде переслать ее епископу. А еще, листая во

время проповедей Сьюэлла Новый Завет, молодой человек сделал удивительное открытие, которое позволило ему поставить в конце письма свое имя: (40/10/2/12), Эндрю [\[52\]](#).

С третьим заданием Энди также справился успешно, а четвертое выполнил просто блестяще. На этот раз он отправился на восток, в город Колчестер. Объектом наблюдения стал еще один священник, Престон Оливер. И он оказался участником заговора пуритан, но, самое главное, в Колчестере обнаружилась добыча покрупнее.

Для Колчестера Энди сочинил байку о том, как его выгнали из Кембриджского университета за связь с пуританами. Оливер не только проявил к нему участие, но и познакомил с юной леди, приятель которой, студент, тоже вынужден был покинуть Кембридж. Девушку звали Мэри Седжвик, ее друга — Маршалл Рамсен. По словам Маршалла, он пострадал за распространение брошюр непристойного содержания. Однако Оливер намекнул Энди, что на самом деле этого чистого и честного юношу, искренне верующего в Бога, исключили из университета за его богословские взгляды.

Открытая, веселая, располагающая к себе, Мэри с первого взгляда понравилась Энди. Выслушав своего нового друга, с жаром рассказавшего ей историю своих мнимых злоключений, она схватила его за руку и потащила по улицам Колчестера в кузницу, где Маршалл работал подмастерьем.

Приятная внешность и непринужденные манеры Маршалла Рамсдена поначалу заставили Энди напрячься: он почувствовал укол ревности, когда увидел, с какой нежностью Мэри смотрит на своего друга. Но Энди удалось быстро справиться с собой, и скоро молодые люди стали неразлучны. Они частенько засиживались допоздна в кузнице, вспоминая забавные случаи из студенческой жизни и обсуждая любимые книги, а по воскресеньям обедали втроем.

Однажды Мэри попросила Энди сопровождать ее в дороге — а в случае необходимости и защитить. Девушка должна была раздать очередную партию памфлетов. Маршалл и не думал ревновать. Он доверял Мэри и, судя по всему, Энди тоже.

Прошло еще немного времени, и секретный агент епископа начал помогать Маршаллу печатать сочинения Джастина. Молодым людям было хорошо вместе. Энди показали все тайные ходы и объяснили, как незаметно покинуть кузницу. По вечерам Мэри обычно приносила им что-нибудь поесть. Иногда они хохотали так громко, что казалось непонятным, как их до сих пор не обнаружили.

Энди было очень тяжело доносить на Маршалла Рамсдена и Мэри Седжвик. Впервые в жизни у него появились близкие друзья. Юноше никак не удавалось заставить себя думать о Маршалле и Мэри как о врагах Англии. Да, они — преступники, но Энди полюбил их всей душой. Две недели он мучительно пытался найти выход — и не смог...

Люди епископа пришли с обыском, когда Маршалл и Энди печатали запрещенную литературу. Предупрежденный о готовящейся облаве, Рамсен успел рассыпать набранный текст и спрятать брошюры. Мэри удалось скрыться. Но на сей раз рядом с Мэри и Маршаллом был не их верный друг Эссекс Марвелл, а Энди Морган, тайный агент епископа.

На основании его показаний Маршалла Рамсдена и Мэри Седжвик арестовали допросили и признали виновными.

Они были первыми людьми, которые из-за Энди оказались в печально знаменитой «Звездной палате», заседавшей в зале с потолком, украшенным звездами. Энди с болью в сердце слушал, как зачитываются его письменные показания, и видел, как предъявляются

вещественные доказательства. Присяжных не было. После изложения дела члены суда один за другим огласили свое решение. Итог прениям подвел лорд-канцлер. Подсудимых признали виновными в распространении подстрекательских клеветнических заявлений, порочащих короля и его власть.

Во время оглашения приговора и приведения его в исполнение Маршалл и Мэри не обнаружили ни малейших признаков раскаяния. Сначала молодых людей высекли, а затем на их щеках выжгли клеймо — «ПМ» — «Подстрекательство к мятежу». Маршаллу, совершившему, по мнению «Звездной палаты», более серьезное преступление, кроме этого отрезали левое ухо.

— Что-нибудь случилось?

— Что? — Энди, уютно расположившийся с книгой в кресле, вздрогнул. Епископ Лод сидел за столом, заваленным бумагами, и, отложив перо, пристально глядел на юношу.

— Ты читаешь эту страницу уже полчаса.

Энди кашлянул и сел прямо.

— Я задумался.

Епископ выжидательно посмотрел на него.

— Я вспоминал о своем последнем задании.

— Это была первоклассная работа, Эндрю. Лучшего нельзя пожелать. Пожалуй... — Епископ поднялся и медленно обогнул стол. Грузно опершись на край стола и смяв при этом несколько листов бумаги, он продолжил: — Я собираюсь в поездку. Видишь ли, меня пригласили на охоту, хотя я и не люблю забавы такого рода. Но король настаивает, а я и так слишком часто позволяю себе отклонять его приглашения. Хочу взять тебя с собой. Отдохнешь, развеешься, тебе это пойдет на пользу. Да и мне будет веселей. Заодно, — он помолчал, затем лукаво улыбнулся: — Увидишься со старым приятелем.

— С кем?

— С Элкинсом.

Энди недоуменно наморщил лоб. Это имя ему ни о чем не говорило.

— Помнишь нашу первую встречу в Виндзорском замке? — Епископ улыбнулся еще шире. — Если мне не изменяет память, на тебе тогда были рыцарские доспехи.

Особняк лорда Честерфилда, спроектированный и построенный молодым талантливым зодчим Иниго Джонсом ^[53], выглядел великолепно, хотя и достаточно традиционно — с высоты птичьего полета он напоминал гигантскую заглавную букву «Е». В полную силу дарование архитектора проявилось при создании убранства дома. Особенно хороши были сводчатые потолки, расписанные безмятежными пасторальными сюжетами.

Дом лорда Честерфилда располагался на лугу, который окружал густой лес. В этом лесу и должна была состояться королевская охота.

Энди стоял, прислонившись спиной к стене особняка. Скрестив руки на груди, он, шурясь, разглядывал съезжающих на охоту гостей. Солнце, которое едва показалось над горизонтом, освещало охотников, снующих по лугу. Погода выдалась прохладная, изо рта шел пар. Трава была покрыта обильной росой.

Юный Морган не спешил присоединиться к гостям. Ему нравилось стоять у стены, подставив лицо солнцу. В Девоншир молодой человек поехал по настоятельному требованию епископа. Четырехдневное путешествие на юго-запад Англии оказалось интересным и утомительным одновременно. Путь был долгим, но Энди — он никогда не видел этой части страны — с удовольствием смотрел в окно кареты, предвкушая открытия, ждущие его за каждым поворотом. Епископ был прав, ему не мешало развеяться. Чем дальше он отъезжал от Лондона, тем реже вспоминал обезображенные лица Мэри Седжвик и Маршалла Рамсдена. В это утро в мире существовали только солнце, зелень и деревья. Юношу ждал чудесный день.

— Неужели это сэръ Энди?

Сначала Энди ощутил резкий неприятный запах перегара и только потом увидел

Элкинса, главного садовника лорда Честерфилда. Неопрятный, нечесаный, желтозубый, он выглядел так, словно неделю не мылся и не менял платья. Садовник приблизил к Энди лицо настолько, что тот почувствовал, как воняет у Элкинса изо рта.

Молодой человек молча закрыл глаза. Ему не хотелось отвечать. Скорее бы Элкинс исчез вместе со своим смрадом!

— Э-э-э, парень, разве так встречают друга, который хочет сообщить тебе нечто важное?

— Важное? — Энди открыл глаза.

— Да, кое-что о леди Гвиневре, — гнусаво захохотал Элкинс и, подмигнув, добавил: — Она ждет тебя в своих покоях. Смекаешь, о чем я?

— Вы мне неприятны. Оставьте меня. — Молодой человек вновь закрыл глаза.

— Что же ты за рыцарь? Рыцари не заставляют даму ждать.

Окончательно выведенный из себя, Энди глубоко вдохнул и тут же пожалел об этом. От едкого запаха невымытого тела у него перехватило дыхание.

— Простите, — сказал он, отстраняя Элкинса, — меня ждет епископ.

— Я с тобой, — не сдавался Элкинс, пристраиваясь к нему. — Мне тоже нужно поговорить с епископом.

Энди поискал глазами дебелую фигуру Лода. По зеленой лужайке расхаживали знатные особы в изящных охотничьих костюмах. Казалось, молодой человек попал на костюмированный бал, а не на охоту. На мужчинах были фетровые шляпы с перьями. Кавалеры галантно ухаживали за дамами, одетыми в усыпанные драгоценностями платья. Гости толпились у невысоких столиков, накрытых под ветвями раскидистых деревьев. У подножия холма безмятежно текла по камням мелкая речка с чистой, прозрачной водой.

Столы ломились от яств: холодная телятина, баранина, говядина и гусятина, пироги с голубями. Несмотря на раннее утро, уже стояли повозки, груженные бочонками с вином. Не похоже, что охотники лишь слегка промочат горло.

Молодой человек с молчаливой иронией наблюдал за гостями. Высокопоставленные особы даже в веселье старались не забывать о своем происхождении. А то еще, чего доброго, кто-нибудь решит, что они ведут себя как простолюдины. По мнению Энди, из-за излишней чопорности они многого лишали себя.

Энди увидел, как кто-то призывно машет ему рукой. Юноша приложил ладонь к глазам, защищаясь от слепящего солнца, и напряг зрение. Это был епископ Лод. Рядом с ним стояли еще два человека, но их Энди разглядеть не удалось. Он не узнал бы и самого епископа, когда б не знакомый жест пухлой руки, который он видел сотни раз. Лод не часто выбирался из дома, поэтому ежедневно упражнялся, поднимая над головой книги. Движение, обратившее на себя внимание Энди, было именно таким.

Когда Энди приблизился к епископу почти вплотную, он узнал одного из двух его собеседников. Это был Карл, король Англии.

— Ваше величество, — произнес епископ, — позвольте мне представить вам Эндрю Моргана.

Энди низко поклонился.

— Так это тот самый юноша, о котором вы мне говорили? — спросил король, с любопытством разглядывая Энди. — Епископ очень хорошего мнения о вас, молодой человек, а на него не так-то просто произвести впечатление.

— Благодарю вас, ваше величество, — Энди вновь поклонился.

Тридцатилетний король недаром слыл очень привлекательным мужчиной. Этим он отличался от своего отца, мрачного и чопорного короля Якова [54]. До сих пор Энди приходилось видеть короля лишь издали. Теперь молодой человек смог рассмотреть его лучше. У Карла были спокойные глаза с поволокой и шапка густых темных волос. Король носил усы и остроконечную бородку, которые вошли в моду среди английских аристократов. В длинных тонких пальцах монарх держал узорчатый кубок.

Гости внимательно наблюдали за королем. Леди, лорды, судьи, чиновники беседовали между собой, пожирая короля глазами и ловя каждое сказанное им слово.

— А это, — епископ указал на третьего участника беседы, — лорд Честерфилд, наш гостеприимный хозяин.

Честерфилд холодно кивнул. Взгляд лорда был таким же жестким, как его накрахмаленные манжеты. Энди никогда не видел на мужской одежде столько оборок. Леди Морган обожала кружево, поэтому юноша немного разбирался в нем. Кружево лорда Честерфилда было высочайшего качества.

Энди тоже кивнул лорду.

— Признаться, не ожидал вас увидеть здесь, — обратился король к епископу.

— Вы пригласили меня, ваше величество...

— Ну да, — король оборвал его на полуслове, махнув рукой с кубком и расплескивая вино. — Но я не сомневался, что какое-нибудь срочное дело не позволит вам покинуть Лондон. Так было уже не раз.

Лицо епископа побагровело.

— Мое единственное желание — быть полезным вам, — проговорил он скорбно.

— О, не будьте же таким обидчивым, Лод, — надменным тоном произнес король. — У меня и в мыслях не было задеть вас. — Обращаясь к лорду Честерфилду, он театрально понизил голос: — Епископ не большой любитель таких развлечений. Вот если бы в вашем парке водились пуритане, а не олени, он поохотился бы на славу.

Лорд Честерфилд, с готовностью рассмеявшийся королевской шутке, резко оборвал смех, когда к нему стремглав подбежал взъерошенный темноволосый мальчик лет восьми. Честерфилд попытался шлепнуть его, но промахнулся. Он сделал знак Элкинсу, который остановился в почтительном отдалении от беседующих. Садовник выругался сквозь зубы и бросился за ребенком.

— Простите моего сына, ваше величество, — промолвил Честерфилд. Было видно, что выходка мальчика взбесила его.

Молодой человек едва сдержал улыбку. Лорд Честерфилд напомнил ему отца. Не так давно маленький Энди на королевских приемах сам пугался под ногами гостей. А теперь он беседовал с королем Карлом и представил его не кто иной, как епископ Лод, — второе лицо в государстве. Энди добился успеха всего за несколько месяцев. Он гордился своими заслугами перед отечеством. Богатство волновало юношу куда меньше. Его дед, адмирал Амос Бронсон Морган, был другом английской королевы. Внук продолжил замечательную традицию. Энди подумал, что никогда не забудет этот день.

По сигналу лорда Честерфилда звук трубы возвестил о начале охоты. Изумрудный луг вмиг заполнили всадники и собаки. Породистые лошади, до блеска вычищенные конюхами, были под стать своим седокам. Псы задорно лаяли и рвались с поводка, пока охотники натирали мокрые собачьи носы уксусом, чтобы чутье стало еще острее. Лорд Честерфилд

гордо вывел великолепных борзых — на этот раз он остановил свой выбор на них, а не на гончих, ведь дичь предстояло искать на открытом месте, а не гнать ее по следу. К тому же его гончие неслись столь стремительно, что сразу оставили бы собак гостей позади. Охотники наполняли вином фляги, проверяли оружие и обменивались с дамами прощальными поцелуями и шуточками. (Надо сказать, что высокопоставленные особы — а многие из них были страстными любителями этой забавы — съехались не столько на охоту, сколько на светский прием.)

Ход охоты продумали заранее. В лесных угодьях лорда Честерфилда обитало около четырех сотен оленей. По сигналу трубы охотники должны ринуться в лес, стреляя во все, что хоть отдаленно напоминает дичь. Это продолжится до тех пор, пока звук трубы не возвестит о сборе на лугу, около изгороди. После этого слуги выгонят из леса оленей, которые попадут в суживающийся по ходу их движения загон. Испуганные животные будут тесниться за изгородью, а благородные охотники смогут стрелять в упор. Так гостеприимный хозяин заботился о том, чтобы никто из гостей не остался без добычи.

— Энди, я хочу, чтобы ты был рядом.

В руках епископ вертел арбалет, не зная, как к нему подступиться. На лице Энди промелькнула быстрая улыбка. С оружием его преосвященство смотрелся довольно нелепо.

— Ты умеешь с этим обращаться?

— С арбалетом?

Энди взял арбалет и зарядил его. Раздался звук трубы. Охотники спустили гончих, а лорд Честерфилд — борзых. Топот копыт возвестил о том, что всадники уже мчатся по лесу. Энди осторожно подал заряженный арбалет епископу.

— Вы когда-нибудь стреляли из него? — спросил он.

— Когда был моложе... гораздо моложе... — Воспоминания юности, навеянные арбалетом, судя по всему, воодушевили епископа. Он вдохнул полной грудью. — Знаешь, мне здесь нравится.

Может, я даже подстрелю дикого оленя. Представь, возьму и попаду. Его голову я повешу в библиотеке, у камина. По-моему, там для нее самое место, как ты считаешь?

С тех пор как Энди поселился в доме епископа, ему не раз приходилось наблюдать за быстрой сменой настроения своего патрона. Когда епископа что-то тревожило, он выглядел удрученным и подавленным, а порой бывал излишне весел и легкомыслен. Именно в таком расположении духа он находился сейчас, и именно таким больше всего нравился Энди.

— Итак, в погоню за оленем! — и с этими словами епископ беспечно зашагал к лесу. — Где же Элкинс? Он хотел пойти с нами.

— Думаю, мы справимся с оленем и без его помощи, ваше преосвященство, — заметил Энди.

Лод удивленно обернулся.

— Ваше преосвященство? Почему так официально, Эндрю? — И тут, догадавшись, в чем дело, он поднял бровь: — А, ты из-за Элкинса? Не хочешь, чтобы он шел с нами. — Епископ обнял Энди за плечи и мягко произнес: — Я тоже его не люблю. Неприятный тип, но он мне нужен.

Оглядевшись, епископ увидел своего осведомителя на опушке леса. Элкинсу, судя по всему, удалось догнать юного Честерфилда, и теперь из охотника он превратился в жертву. Мальчик вился вокруг садовника, как надоедливая пчела, наскაკивая на мужчину и хватая его за руки и ноги. Элкинс безуспешно пытался избавиться от маленького пристава.

— Элкинс! — закричал епископ. — Ты мне нужен!

Садовник, наклонившись к мальчику, строго грозил ему пальцем, отчитывая за недостойное поведение. Услышав епископа, он обернулся, кивнул и направился к нему. Выговор не произвел на мальчугана никакого впечатления, и он, точно пиявка, повис на ноге Элкинса.

— Сынок, оставь его! — Епископ замахал на ребенка руками. — Иди, займись чем-нибудь, нам нужно поговорить. Ты меня слышишь?

Мальчик отпустил Элкинса и встал подбоченясь. Он оценивающе смотрел на епископа, размышляя, стоит ли подчиняться.

В конце концов юный лорд решил, что возражать нет смысла, или просто вспомнил про какое-то более интересное занятие, и вприпрыжку побежал в лес.

Когда большая часть охотников собралась в назначенном месте, епископ и его спутники вошли в лесные угодья лорда Честерфилда с противоположной стороны. На то было две причины. Во-первых, епископ намеревался поговорить с Элкинсом без свидетелей, а во-вторых, садовник обещал показать, где прикармливают оленей. Это еще больше раззадорило Лода, которому очень хотелось подстрелить добычу прямо в лесу.

Энди тихонько шел сзади. Он понимал, что вряд ли им удастся увидеть оленя, а уж тем более подстрелить его. От Элкинса так разило перегаром, что все животные уже давно разбежались.

По дороге Элкинс громким шепотом докладывал епископу о том, что ему удалось разнюхать. У пуритан в Девоншире немало сторонников, однако пока нет сведений о каких-либо преступных действиях или фактах, на основании которых можно было бы выдвинуть обвинение. Что касается лорда Честерфилда, то хотя его и нельзя назвать другом пуритан, он не желает преследовать их, считая этих людей усердными работниками и надежными арендаторами. Они делают прекрасные вещи, например плетеное кружево, и лорд Честерфилд не хочет рисковать своими доходами.

Элкинс сообщил, что нынешним утром викарий из Эденфорда Кристофер Мэтьюз привез его хозяину годовой отчет о производстве шерсти. Услышав имя священника, Лод знаком приказал садовнику остановиться. На минуту задумавшись и что-то вспомнив, епископ велел ему продолжать. Элкинс слышал, как лорд Честерфилд произнес следующее: «Пока вы делаете свое дело, аккуратно платите арендную плату и держите свои убеждения при себе, вас никто не тронет».

На последние слова епископ отреагировал таким громким «Хм!», что напугал зайца, который сначала выскочил на дорогу, а затем судорожно метнулся в густые придорожные заросли.

— Господи! — вскрикнул Элкинс. Его лицо исказил ужас.

Энди не поверил своим глазам. Неужели какой-то заяц мог так напугать главного садовника?

— Заяц! Заяц! Это дурной знак! — запричитал Элкинс.

— Глупости! — бросил епископ, не останавливаясь.

— Если по дороге тебе случится встретить зайца, — Элкинс явно цитировал какой-то неизвестный Энди текст, — куропатку или иную пугливую тварь, которая питается зерном или травой, — это дурной знак. Будь готов к тому, что судьба в тот же день сыграет с тобой злую шутку!

— Повторяю, все это глупости и бессмысленные суеверия!

С делами было покончено, и к епископу вернулось его легкомысленно-веселое настроение. Пробираясь через лес с арбалетом в руках, он высматривал оленя.

Со стороны эта тройца выглядела презабавно. Двигаясь гуськом и припадая к земле, начинающие охотники подкрадывались к площадке для кормления оленей. Впереди шел грузный и неповоротливый епископ, за ним следовал худощавый Энди, а неумытый Элкинс тащился сзади. Любому было ясно, что если горе-охотникам с одним арбалетом на троих удастся хотя бы увидеть оленя, это будет настоящим чудом.

— Никогда не думал, что охота — такое волнующее занятие, — прошептал епископ.

Садовник прижал грязный палец к губам, призывая соблюдать тишину. Потом тем же пальцем он ткнул в сторону густых зарослей. Здесь кормят оленей. Держа арбалет наготове, епископ, чуть ли не на цыпочках, пошел к кустам.

Там никого не было.

Выбравшись на небольшую лужайку, Энди увидел лишь тихий лесной ручеек. Никаких оленей. Словно оправдываясь, Элкинс стал показывать епископу и Энди следы. На деревьях он обнаружил отметины, оставленные рогами. По уровню этих отметин он определил, что здесь был взрослый самец. О том же, по мнению садовника, свидетельствовали и отпечатки копыт.

Но епископ был так расстроен, что не желал его слушать.

Внезапно справа в кустах послышался шорох. Охотники замерли.

Энди с колотящимся сердцем следил за епископом, который поднял арбалет и направил его в сторону зарослей. В кустах что-то шевелилось. Судя по всему, какое-то животное, явно крупнее зайца, лакомилось ягодами. Епископ прицелился.

— Задержите дыхание перед выстрелом, — шепнул ему Элкинс.

Епископ сделал глубокий вдох и замер. В кустах снова зашуршало. Энди улыбнулся, представляя, каким приятным воспоминанием на всю оставшуюся жизнь будет для епископа удачная охота.

Раздался выстрел. Стрела со свистом исчезла в кустах. Глухой удар говорил о том, что она поразила цель. Послышался странный звук, словно какое-то животное беспомощно скребло лапами по земле, затем все стихло.

— Вы попали! — закричал Энди.

— Отличный выстрел, ваша милость! — вторя ему, восклицал Элкинс.

Невысокий круглолицый епископ выпрямился во весь рост. Юноша живо представил себе, с каким довольным видом он предстанет перед королем Карлом и лордом Честерфилдом.

Лод отдал арбалет Энди и победоносно двинулся к зарослям. Раздвинув кусты, епископ застыл. Он стоял, как громом пораженный. Его плечи опустились. Энди услышал сдавленный рыдающий звук и понял: случилось что-то ужасное.

Кусты были такими густыми, что Энди пришлось подойти к епископу вплотную. Лишь тогда, заглянув через его плечо, он увидел, на что смотрел Лод.

Сын лорда Честерфилда!

Стрела вошла мальчику в левую щеку, наконечник торчал у него в затылке. Лево́й рукой ребенок сжимал стрелу. Умирая, он пытался вытащить ее.

— Господи, прости меня! — Епископ Лод опустился на колени и заплакал.

Через три дня по возвращении из Девоншира Энди обнаружил у себя на подушке послание. Оно было кратким: (18/3/3–6). Взглянув на шифровку, Энди забеспокоился: цифры выглядели как-то коряво, а ведь епископ Лод всегда писал уверенно и размашисто. Энди смутило и другое. Никогда раньше епископ не посылал ему зашифрованные послания из соседней комнаты. Что заставило Лода это сделать? Почему он не мог просто поговорить?

Несокрушимый епископ Лод так и не пришел в себя после несчастного случая на охоте. По пути в Лондон он был печален и молчалив. Четыре дня он не ел и не спал. Забившись в угол экипажа, он сидел неподвижно и смотрел в окно. Когда карету подбрасывало на ухабах, его тело беспомощно сотрясалось, словно это был не человек, а тряпичная кукла. Едва прибыв в Лондон, епископ прошел к себе в комнату и заперся там, как преступник, отправившийся в тюрьму отбывать наказание.

Было предпринято несколько попыток убедить Лода открыть дверь. Он не реагировал на мольбы толстяка повара и не отвечал Тимминсу, который сначала уговаривал его спокойно и сдержанно, а затем — жестко и требовательно. К ним присоединился Энди, и тоже безрезультатно. На два дня Лондон остался без епископа, словно тот умер. На третий день на подушке Энди появилось послание.

Это была первая попытка Лода вступить в контакт с внешним миром. Энди открыл Библию и нашел нужные строки в Книге Иова: «...погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: зачался человек! День тот да будет тьмою; да не взыщет его Бог свыше, и да не воссияет над ним свет! Да омрачит его тьма и тень смертная, да обложит его туча, да страшатся его, как палящего зноя! Ночь та, — да обладает ею мрак, да не сочтется она в днях года, да не войдет в число месяцев!» [\[55\]](#)

Энди несколько раз перечитал послание, не зная, что делать.

Следующее утро не принесло перемен. После завтрака Энди сидел в библиотеке с письмом епископа в руке. Ему очень хотелось с кем-то поговорить, спросить совета. И вдруг он услышал:

— Ты не можешь придумать занятия получше, чем сидеть здесь и сосать палец?

Энди поднял глаза. В дверях стоял Элиот. Мотнув взъерошенной огненной головой, приятель Энди беспечно плюхнулся в кресло.

— Как провели время в Девоншире? Славно поохотились?

— Не очень.

— Что значит «не очень»? Ты подстрелил оленя?

— Нет.

— Неудивительно. Небось даже не пытался.

Энди покачал головой.

— Я так и знал. Ты не охотник, — Элиот энергично поскреб макушку, еще больше взлохматив волосы. — А где епископ?

— У себя в комнате. Вряд ли сегодня тебе удастся его увидеть.

— Он болен?

— Нет. Просто никого не желает видеть.

— Что значит не желает? Мы договорились встретиться утром. Я только что вернулся

из Скарборо, — и, скорчив многозначительную мину, Элиот тут же добавил: — Забудь, что я сказал, это тайна. Хотя епископ наверняка не стал бы от тебя это скрывать.

Элиот Веннер оглянулся и убедился в том, что их не подслушивают. В его глазах вспыхнули злые огоньки.

— Там есть один священник, который скоро будет щеголять с клеймом на щеке. Лод останется доволен. Он давно имеет зуб на этого типа!

Энди взгляделся в рябое лицо друга. Ему было просто необходимо с кем-то поговорить о епископе. Годится ли для такой беседы Элиот? Едва ли он способен к состраданию, хотя, без всякого сомнения, Элиот целиком и полностью предан епископу. Наверняка душевное состояние Лода было ему небезразлично. Но Энди что-то мешало.

Он смотрел на Элиота так пристально, что тот почувствовал себя неудобно.

— Чего это ты на меня уставился?

Энди не знал, с чего начать.

— Епископ доверяет нам с тобой, верно?

Голос Энди звучал так печально, что Элиот насторожился.

— Да, и что с того?

Энди помолчал. Что-то в нем противилось этому разговору.

— Хватит тянуть! — нетерпеливо прикрикнул Элиот. — Что стряслось с епископом? Он болен?

— Не знаю, — ответил Энди.

— Заладил: не знаю, не знаю! — Элиот начал злиться. — Давай выкладывай!

И Энди рассказал приятелю о несчастном случае и о том, что последовало за ним. Епископ плакал над неподвижным телом сына лорда Честерфилда и никак не мог успокоиться. Несмотря на уговоры молодого человека, он не отходил от убитого. Особенно потрясло его то, что голова ребенка пронзена насквозь. Лод дважды протягивал руку, чтобы вытащить стрелу, но ему не хватало решимости прикоснуться к ней. Энди пришлось самому извлечь ее из головы мальчика. Сделать это оказалось гораздо труднее, чем он думал. Однако он справился. Епископ тут же схватил стрелу. Энди испугался, что он поранит себя, но, казалось, Лод немного успокоился. Он прижал стрелу к груди и сидел, раскачиваясь взад-вперед.

Элкинс тоже был не в лучшем состоянии. Он стоял неподвижно и не отрываясь смотрел на труп ребенка.

Затрубили трубы, приглашая всех на луг.

Энди попытался помочь епископу подняться. Он предложил рассказать обо всем лорду Честерфилду. При упоминании имени лорда Лод просто обезумел. Он схватил Энди за руку и крепко сжал ее. В его глазах застыл ужас.

— Нет, он ни о чем не должен знать! — закричал епископ. — Никто не должен знать!

— Но это был несчастный случай!

— Нет! — Лицо епископа побагровело и покрылось каплями пота. Он упал на колени. Все еще сжимая в одной руке стрелу, другой он начал лихорадочно набирать полные пригоршни земли и бросать их на мертвое тело.

Энди понял: нужно действовать. Не без труда удалось уговорить Элкинса помочь ему. Вдвоем они оттащили епископа от тела и усадили его под деревом. На другой стороне ручья стояли два исполинских дуба, а между ними рос густой кустарник. Энди решил, что убитого ребенка лучше всего похоронить около кустов — под раскидистыми ветками

свежевыкопанная земля не будет бросаться в глаза.

Он нашел палку и выкопал неглубокую могилу, куда положил тело мальчика и арбалет. Засыпав тело землей, Энди спросил епископа, не хочет ли он прочесть молитву. Тот молча отвернулся.

Энди рассказал Элиоту, как он отвел епископа в поместье. Они вернулись в момент всеобщего веселья, когда под рукоплескание гостей король собирался собственноручно освежать подстреленную дичь. Крупный самец лежал на спине, в руках у Карла был нож, а главный егерь помогал его величеству, придерживая голову оленя. Животное было хорошо упитано. Когда король сделал надрез, епископ заплакал и спрятал лицо на груди Энди.

— Мы уехали в тот самый момент, когда слуги отправились на поиски сына лорда Честерфилда. В Лондон вернулись три дня назад. С тех пор Лод ни с кем не разговаривает, — закончил Энди свой рассказ. Записку он продолжал держать в руке. Стоит ли показывать ее Элиоту?

— Слышно, что делается в его комнате?

Энди покачал головой.

— А вдруг он покончил с собой?!

Элиот устремился к лестнице.

— Подожди! Посмотри-ка на это. — И Энди протянул своему приятелю записку.

Элиот впился глазами в письмо.

— Но это не его почерк, — сказал он.

— Это писал я.

— Я думал, ты дал мне письмо епископа.

— Так и есть.

— А что это за цифры?

— Я не могу тебе рассказать.

Элиот бросил на приятеля злой взгляд.

— Будь уверен, это послание епископа, — Энди дождался, пока Элиот закончит читать, и спросил: — Как по-твоему, можно, написав такое, покончить с собой?

Элиот покачал головой.

— Не знаю. Для предсмертной записки слишком красиво. Где ты ее нашел?

— У себя в комнате. Видимо, он принес ее, когда я спал.

Элиот вновь уселся в кресло.

— Если это предсмертное письмо, зачем приносить его тебе? Его все равно бы нашли вместе с телом.

Это показалось Энди разумным.

Элиот, скомкав листок, вскочил.

— Куда ты?

Элиот не ответил. Перепрыгивая через ступеньки, он бросился вверх по лестнице. Энди услышал, как он стучит в дверь епископа и кричит. Через несколько минут Элиот вернулся.

— Ну что? — поинтересовался Энди.

Элиот покачал головой и снова уселся напротив. Он закрыл лицо руками и энергично потер глаза.

— Во всяком случае он жив.

— Он тебе ответил?

— Нет, но я слышал скрип — как будто передвигают стул.

Молодые люди помолчали.

— Я не рассказывал тебе, как познакомился с епископом? — Элиот сел поудобнее, подперев подбородок руками. — Он поймал меня, когда я хотел стянуть кошелек Тимминса.

— Да ты что! — засмеялся Энди.

— Чистая правда! — Элиот тоже засмеялся. — Мне было тогда лет семь или восемь.

— И что потом?

— Вместо того чтобы отправить меня в тюрьму, епископ взял меня к себе. Он так и не объяснил, почему. Но если бы не он, я бы не выжил. Была чума. День и ночь звонили церковные колокола — люди мерли, как мухи. Болезнь уносила целые семьи, на нашей улице умерло тридцать детей. Я тоже болел... Епископ первый, кто был добр ко мне.

Энди улыбнулся.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать.

— А ты откуда его знаешь? — спросил Элиот.

Энди засмеялся и покачал головой.

Элиот с жадным вниманием наклонился вперед.

— Думаю, тебе есть что рассказать. Давай выкладывай. Где вы познакомились?

— В Виндзорском замке.

Элиот ударил рукой по струнам воображаемой арфы.

— Ух ты! Ла-ли-ла! И что дальше?

— Во время приема у короля.

— И?..

— Он поймал меня, когда я примерял рыцарские доспехи.

Элиот покатился со смеху. Он так хохотал, что упал с кресла.

Толстый повар, услышав его смех, похожий на визг гиены, прибежал посмотреть, что стряслось. Увидев Элиота, лежащего на полу, он только покачал головой.

Весь день молодые люди говорили о епископе. Элиот вспомнил, как Лод первый раз купил ему новую одежду. До этого он носил только обноски и краденые вещи. Энди поведал, как епископ заполнил пустоту, образовавшуюся в его душе после смерти деда. Истории были то грустными, то веселыми. Случайный человек мог бы подумать, что оказался на поминках.

В комнате стало темнеть, когда Элиот внезапно спросил:

— А Элкинсу можно доверять?

— В каком смысле?

— Он не проболтается?

Об этом Энди как-то не подумал.

— Надеюсь, нет.

Воцарилась тишина. Элиот встал.

— Если епископ спросит обо мне, скажи, что меня некоторое время не будет.

— Прямо так и передать? Больше ничего? А как же Скарборо?

— Сам расскажу, когда вернусь.

Энди снова остался один. Он уселся за стол епископа и открыл его Библию. Он все еще не очень уверенно ориентировался в содержании Книги и потратил добрую половину вечера, чтобы найти нужные фразы. Конечно, проще было написать обыкновенное письмо, но раз Лод послал ему зашифрованное послание, Энди считал своим долгом ответить тем же.

Твердой рукой он написал: (23/41/10/1–8). (20/17/17). (20/18/25/11–17). (40/10/2/12). «Не бойся, ибо Я с тобою; не смущайся. Друг любит во всякое время и, как брат, явится во время

несчастья. И бывает друг, более привязанный, нежели брат. Эндрю».

За ужином Энди несколько раз перечитал написанное. Лишь перед сном он подошел к спальне епископа и сунул письмо под запертую дверь.

Энди разбудило яркое утреннее солнце. Пели птицы, из сада доносилось благоухание цветов. Встав с постели, юноша сладко потянулся, и тут его взгляд упал на клочок бумаги на полу. На нем четким знакомым почерком было написано: (9/2/1/6–8), (22/5/4/1–2). (5/13/6/23–24) (66/22/5/26–28).

Энди бросился к Библии. Расшифровывая письмо, он торопливо листал страницы. Закончив работу, он подумал, что расшифровать послание куда проще, чем зашифровать его: «Возрадовалось сердце мое, возлюбленный мой. Друг твой во веки веков».

Из сада до него донеслось мурлыканье епископа и шелканье садовых ножниц. Энди улыбнулся. Епископ Лод вернулся!

— Кристофер Мэтьюз — настоящий дьявол. — Лод проглотил очередной кусочек баранины. — Он чрезвычайно опасен. Если не остановить его и ему подобных, они уничтожат церковь. Необходимо заставить его замолчать.

Отодвинув тарелку, Энди внимательно слушал своего патрона. Обычно епископ заканчивал есть вместе с сотрапезником. Ужинали они вдвоем.

— Не понимаю, почему он так опасен, — сказал Энди. — Ведь он обычный викарий в небольшом городишке.

Епископ торопливо проглотил кусок и ответил:

— Именно поэтому, — и выразительно указал ножом в сторону Энди. — Преподаватель из Оксфорда не осмелится распространять взгляды пуритан, потому что знает: не пройдет и дня, как мы посадим его под замок. Наибольший вред причиняют именно священники из захолустья. Им легче всего обманывать своих неграмотных прихожан, — он вновь энергично взмахнул ножом. — Нет, «обманывать» сказано слишком мягко. Они попросту «околдовывают» людей. Когда с этих еретиков срывают маску, прихожане частенько встают на их защиту!

— Но это же совсем маленький городок. Какая беда, что где-то в глуши действует горстка диссентеров? Если просвещение под контролем, значит, под контролем вся страна, разве не так?

Епископ просиял.

— Ты не похож на остальных моих мальчишек. Ты задаешь умные вопросы, и это меня радует, — подбирая слова, он пожевал кусочек картошки. — Речь идет о единстве. «Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания; один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас». Ефесянам, глава четвертая. Диссентеры подрывают единство нашей веры. Ради единства мы настаиваем на том, чтобы вся англиканская церковь следовала общим догматам, чтобы любой прихожанин, зайдя в любую церковь, знал, как будет проходить богослужение, — вот почему так важна «Книга общей молитвы». Прихожанин должен быть уверен, что священник утвержден церковью и принимает ее атрибуты, о чем свидетельствует традиционное церковное облачение. Прихожанин вправе ожидать, что святые оберегаются должным образом, — для этого регламентируется расположение алтаря, который следует обнести ограждением. Это нужно, чтобы никто не осквернил его, используя как обычный стол, не

положил на него свои вещи и не делал на нем записей легкомысленного содержания. — Перед тем как продолжить свою речь, епископ расправился с картофелем. — Пуритане стремятся подорвать единство веры. Они считают, что каждый может молиться, как ему вздумается. Они заявляют, что готовы беседовать с Богом, но среди них полно пустоголовых людей! Свое невежество они в полной мере проявляют во время общей молитвы, искажая предписанный текст. И эти люди собираются вести народ к трону Господнему! С преступной безграмотностью необходимо бороться! Я преодолею все препятствия и любой ценой избавлю Англию от еретиков! — после этих слов епископ замолчал — ему надо было перевести дух. Затем он посмотрел на Энди и усмехнувшись провозгласил: — Конец проповеди.

Энди улыбнулся в ответ. Ему было приятно видеть епископа оживленным и решительным.

— Когда я уезжаю? — спросил он.

Вопрос застал епископа врасплох. Он отодвинул полупустую тарелку и отложил нож. Прежде Лод никогда не оставлял недоеденную пищу.

— Утром, — кратко ответил он. У него на глазах показались слезы.

Энди почувствовал комок в горле и опустил глаза.

— Я собирался поручить эту работу Элиоту, — промолвил епископ, — а он куда-то запропастился.

— Он обязательно вернется, — заверил Энди.

— Да я в этом и не сомневаюсь. Элиоту я доверяю. Просто... Я пытался убедить себя, что ты не готов выполнить мое поручение. Но я обманывал себя. Ты вполне готов. Ты справишься с ним не хуже Элиота, а может, и лучше, потому что ты умнее. Видишь ли, на эту работу уйдет несколько месяцев, и мне просто не хотелось тебя отпустить.

Энди покраснел, вертя в руках десертную ложку.

— Думаете, это надолго?

— Люди в Эденфорде непростые. Чтобы завоевать доверие жителей этого городка, тебе потребуется время, но, — епископ Лод ударил по столу пухлой ладошкой, — я не могу ставить личные интересы выше служения Богу. Пусть Господь облегчит твой путь в Эденфорд, Эндрю, и позволит поскорей вернуться ко мне.

Дорога на запад пробудила у Энди тяжелые воспоминания. Прошло всего несколько недель после трагического происшествия в Девоншире. Этой дорогой они возвращались в Лондон вместе с убитым горем епископом. Молодой человек старался не думать о злополучной охоте, но знакомые места рождали в его душе горькие чувства, от которых он с радостью бы избавился.

Юноша решил, что лучший способ отвлечься от неприятных мыслей — думать о предстоящей работе. Он собирался доехать верхом до Бриджуотера, оставить там лошадь и остаток пути пройти пешком. Предстояло преодолеть около тридцати миль через Веллингтон, Халбертон и Тивертон. Такую длинную дорогу он выбрал намеренно: по прибытии в Эденфорд хорошо бы выглядеть утомленным и проголодавшимся. При себе у него имелся черствый хлеб, который за время пути успеет заплесневеть. Это придумал епископ — идею он почерпнул из Библии [\[56\]](#). Энди заинтересовался, не говорится ли там о других хитроумных приемах, ведь их тоже можно взять на вооружение. Он решил впредь посвящать больше времени чтению Священного Писания. С собой он взял Библию для

шифровки сообщений, кое-что из одежды и дедову саблю — для защиты от грабителей.

На четвертый день путешествия Энди добрался до Девоншира. Путь пролегал через высокие холмы, откуда открывался великолепный вид на поместья и волнистые равнины. От Тивертонна дорога шла вдоль чистой и прозрачной реки Экс, берущей начало в Эксмуре и впадающей в Английский канал ниже Эксетера, главного округа Девоншира. Река сопровождала Энди до конца путешествия — холмистая дорога в Эденфорд тянулась вдоль нее. Слои сланца, видневшиеся в красноватой почве холмов на одном берегу реки, и зеленые возвышенности и поля на другом делали местность очень живописной. Перебравшись через реку по арочному каменному мосту, Энди оказался в Эденфорде.

— Ни с места!

Не успел Энди сойти с моста, как его остановил тучный старик с растрепанными седыми волосами. В руках он держал кремневое ружье. Увидев вооруженного человека, Энди остановился.

— Что тебе здесь нужно? — пропыхтел старик. Он говорил медленно, растягивая слова. При этом он смотрел в сторону, поджав губы и стараясь казаться грозным.

— Честно говоря, никакого дела здесь у меня нет, — ответил Энди. — Я путешественник.

— Где твой дом? — Руки старого сторожа дрожали, и ружье подпрыгивало при каждом слове.

— Можно сказать, что я иду из одного дома в другой.

— Хочешь сказать, у тебя два дома?

Дуло ружья опустилось. Мысль, что у человека может быть два дома, удивила старика. Суровое выражение на его лице сменилось задумчивым.

— Нет, просто сейчас у меня нет дома.

Старик крепко сжал ружье и вновь прицелился.

— Руки вверх! — крикнул он. — Ты арестован!

— Подождите!

Но сторож не собирался ждать.

— Брось саблю! — Он закрыл левый глаз, правым разглядывая Энди через прицел ружья.

Энди медленно опустил дедову саблю на землю и поднял руки.

— От чьего имени вы действуете?

— От своего собственного, чертов парвеню! Я городской сторож.

«Парвеню? — быстро соображал Энди. — Где-то я слышал это слово? Вспомнил! Так называли сэра Фрэнсиса Дрейка. Выскочка. А ведь он был родом из этого захолустья!»

Возможно, человек, на которого направлено дуло ружья, склонен преувеличивать опасность, но Энди очень не нравилось, как трясутся руки сторожа, — более всего юношу тревожил палец на спусковом крючке. Спокойным и чрезвычайно вежливым тоном он спросил:

— Могу я узнать, сэр, в чем моя вина?

— Мой долг — арестовывать всех бродяг, жуликов и нищих.

— А к какому разряду принадлежу я?

Старик не сразу нашелся с ответом.

— Пока не знаю, — промолвил он наконец, — но ты явно из них, это точно. Ладно, пусть решает нотариус.

Судя по всему, туповатый сторож был настроен серьезно, и Энди решил, что будет лучше, если его судьбу решит неведомый ему чиновник.

Нотариусом Эденфорда оказался нелепого вида человек по имени Эмброуз Дадли, живший недалеко от моста в беленом кирпичном доме. Когда старик привел к нему Энди, он сидел за столом с пером в руке и смотрел вдаль поверх очков. Молодому человеку он напомнил школьного учителя.

— Что у тебя, Сайрес? — спросил нотариус сторожа, который подтолкнул Энди к столу.

— По-моему, он мошенник, Эмброуз, — протянул сторож.

— Вот как? — Нотариус начал что-то бодро строчить в конторской книге.

— Я не мошенник, — подал голос Энди.

Нотариус громко вздохнул, перестал писать и поднял глаза, недовольный, что его прервали.

— По крайней мере я себя таковым не считаю, — продолжал Энди. — Что сказано об этом в законе?

Эмброуз фыркнул и вернулся к своей книге. Открыв ее на первых страницах, он ровным голосом прочел: «Мошенником является тот, кто имеет на плече клеймо, выжженное за совершенное преступление», — и снова уткнулся в конторскую книгу.

— Пойдите! — закричал Энди. — Значит, я не мошенник!

Нотариус неприязненно поглядел на него.

— Неужели?

— Конечно! Если хотите, можете проверить — у меня нет клейма!

Нотариус вопросительно взглянул на сторожа, тот пожал плечами.

— Значит, нищий, — сказал Эмброуз и вернулся к работе.

— Э, нет! Какой же я нищий!

— Молодой человек! Если вы будете мне мешать, я арестую вас за то, что вы препятствуете должностному лицу исполнять свои обязанности.

— Сэр, не хочу показаться дерзким, но могли бы вы назвать хоть одного человека, у которого я просил подаяние?

Нотариус посмотрел на сторожа, тот вновь пожал плечами. Эмброуз Дадли неспешно отложил перо, снял очки и сложил руки на конторской книге.

— Может, вы сами скажете, кто вы? — предложил он.

— Я честный человек, сэр, — убежденно сказал Энди. — И буду рад помочь вам.

Нотариус кивнул.

— Тогда поведайте мне, мастер...

— Морган. Энди Морган. — Молодой человек решил, что в сложившейся ситуации ему незачем выдумывать вымышленное имя. На то имелось две причины. Работа предстояла долгая, и Энди не нужны были лишние проблемы. Ну и потом, маловероятно, чтобы здесь, на западе, кто-то слышал о его близких, а тем более лично знал их.

— Мастер Морган. Где вы живете?

— Я живу восточнее Винчестера.

— Вы владеете домом или арендуете жилье?

— Не то и не другое. Там находится дом моих родителей.

— Понятно, — сказал нотариус, — значит, вы живете с ними.

— Нет, — ответил Энди, — уже нет.

— Понятно. Вы перебираетесь на новое место?

— Я просто путешествую, без особой цели. Подумывал отправиться в Плимут и наняться на торговое судно, если по пути не подвернется что-нибудь другое.

— Как долго вы были матросом?

— Да я не матрос. Я просто хотел им стать, но, по правде сказать, я никогда не ходил в море.

Нотариус глянул на сторожа.

— Бродяга, — сказали они хором. Нотариус водрузил очки на нос и вернулся к своему занятию.

— Подождите!

Прежде чем Энди успел что-либо произнести, нотариус опять заглянул в свою книгу и провозгласил: «Бродягой является тот, кто не имеет постоянного и определенного места жительства».

Юноша пытался собраться с мыслями. Он полностью подпадал под это определение.

Продолжая писать, нотариус пояснил:

— Вы будете задержаны до прибытия главного констебля. Когда он приедет, вы получите возможность опровергнуть выдвинутые против вас обвинения.

— Как долго мне ждать? — спросил Энди.

— Не меньше недели.

— Вы посадите меня в тюрьму?

— Тюрьмы у нас нет, — сказал старик. — Днем придется ходить со мной по улицам, а ночью за тобой последит ночной сторож.

Энди представил, как целую неделю он будет бродить по городу под присмотром старого сторожа. Все свыкнется с мыслью, что он преступник. Как после этого завоевать доверие местных жителей? А если он уже провалил дело и ему остается одно: вернуться в Лондон? Элиот поднимет его на смех. Епископ разочаруется в нем. Молодой человек вспомнил прощальные слова своего покровителя: «Ты справишься с этой работой не хуже Элиота, а может, и лучше, потому что ты умнее». Необходимо срочно спасать положение.

— Есть в этом городе человек, способный защитить мои интересы? — воинственно крикнул Энди.

— Бродяги так не выражаются, — пробубнил сторож.

— Закон не принимает во внимание лексикон обвиняемого, — отрезал нотариус.

— Но, сэр, на карту поставлена моя честь. Я имею право защищать свое доброе имя, иначе моей репутации будет нанесен непоправимый ущерб!

Размышляя вслух, нотариус предложил:

— Закон сформулирован достаточно четко. Но сегодня должно состояться городское собрание. Мы вправе обсудить с эденфордцами, как поступить с вами до прибытия главного констебля.

Домом городских собраний жители Эденфорда называли большой грязный сарай, стоящий рядом с Рыночной улицей. Внутри него находились стойла для скота; пол был покрыт соломой. Отцов города, которые начали собираться здесь после захода солнца, Энди, судя по всему, волновал мало. Входя, они бросали на него неприветливые взгляды. Кое-кто с подозрением спрашивал, откуда он, кто-то показывал на него пальцами. Энди, любезно отвечавший на все вопросы, засомневался в благополучном исходе своего дела.

Первым делом собрание решило разобраться с Энди. Никто не выяснял, виновен юноша или нет, — для них он был бродягой. Горожане обсуждали, что с ним делать до

прибытия главного констебля. Один из членов городского собрания — как понял потом Энди, хозяин постоянного двора — предложил временно поселить его у себя. Ему возразили, что это слишком обременительно для Эденфорда. В конце концов все сошлись на том, что если никто не согласится приютить Энди, ему придется ходить по улице вместе со сторожем.

— Пусть молодой человек поживет у меня.

Все посмотрели на говорившего. Это был приятный мужчина среднего роста, темноглазый и темноволосый. Сидящий рядом с ним великан осуждающе пробасил:

— Христианское милосердие тоже должно иметь пределы. А твои дочери? Мало ли что случится...

— Мое предложение остается в силе, — громко, так что слышали все присутствующие, повторил темноволосый, похлопав приятеля по волосатой руке и участливо посмотрев на Энди.

Иных предложений не поступило, и собрание решило, что Энди поживет у гостеприимного незнакомца.

Затем нотариус поинтересовался у почтенной публики, что делать с юношей — оставить его в зале до конца заседания или вывести на улицу. Энди удивили бурные дебаты, вспыхнувшие по этому поводу. Он и не предполагал, что здесь, в захолустье, могут бушевать такие страсти. Наконец собрание пришло к выводу, что Энди вместе со сторожем Сайресом Ферманом должен подождать снаружи. С этим были согласны все, кроме Сайреса.

Сторож повел молодого человека к выходу. Когда они подошли к двери, стоящий там человек схватил Энди за руку и угрожающе прошипел сквозь стиснутые зубы:

— Тронешь его дочек, я с тебя шкуру спущу, парень!

Сайрес Ферман готов был следовать букве, но не духу принятого решения. Он вывел юношу на улицу, а сам приткнулся к дверям и наострил уши. Однако это было лишним. Собравшиеся говорили так громко, что даже Энди, стоявший в отдалении, слышал все.

Он понял, что речь шла об убийстве. Вверх по течению реки, недалеко от северного моста, обнаружено тело. Убийство, судя по всему крайне жестокое, произошло совсем недавно. На груди и спине убитого имелось несколько ножевых ран. Кроме того, несчастному выкололи глаза.

— Тело опознали? — Энди узнал голос нотариуса, Эмброуза Дадли.

— Да, — ответил незнакомый голос. — Это тело главного садовника лорда Честерфилда, Шубала Элкинса.

У Эденфорда была тайна. О ее существовании слышали почти все, но далеко не каждый знал, в чем она заключается. Были и такие, кто думал, что посвящен в нее, но на самом деле заблуждался; те же, кто действительно знал ее, стремились, чтобы остальные продолжали оставаться в неведении.

Эденфорд, расположенный на отлогой холмистой равнине между горами и рекой, славился по всей Англии своим сержем, а тонкое кружево из этого городка было известно даже на континенте. Первым жителем и основателем Эденфорда считался Вильям Честерфилд, прадед нынешнего лорда Честерфилда. На самом деле задолго до его появления на свет в этих местах жил саксонский король, о чем свидетельствовал полуразрушенный замок на склоне холма. Но ни имени короля, ни дня его рождения и смерти, ни его славных или бесславных дел никто уже не помнил.

Первым жилым строением на Эденфордской равнине стала обыкновенная хижина, которую соорудил для себя предприимчивый предок лорда Честерфилда. Получив в наследство отару овец, Вильям задался целью разбогатеть и добился этого. Его потомки продолжали расширять владения семьи. Теперь, чтобы пересечь их земли, путешественник, двигаясь на север, должен был преодолеть не менее пяти миль, прежде чем достигал предместий Тивертон — именно там заканчивалось имение Честерфилдов.

Увеличивая стадо овец и строя дома для рабочих, Вильям Честерфилд занялся производством шерсти. Его сын продолжил семейную традицию, открывая ткацкие и красильные мастерские и привлекая в Эденфорд новые силы. Внук Вильяма, отец нынешнего лорда Честерфилда, возвел особняк, расширил семейный бизнес и нанял новых рабочих. Лорд Честерфилд, унаследовавший огромное поместье, собирал арендную плату, следил за производством и ни в чем себе не отказывал.

Почти сто лет Эденфорд славился своими шерстяными изделиями, а после того как здесь поселились Мэтьюзы, заговорили и о местных кружевах.

Жена эденфордского vicar Джейн Мэтьюз занималась ткачеством. Она считалась отличной мастерицей, у нее были проворные руки и гибкие пальцы. Но однообразная работа в конце концов прискучила Джейн. Молодая женщина начала мечтать о деле, которое позволило бы ей проявить свои способности. Она хотела научиться плести кружева.

После смерти матери Джейн Мэтьюз унаследовала ее скромное имущество. Среди прочих вещей там были и образцы тонкого кружева из Антверпена. Оно всегда восхищало Джейн. Ей казалось, что в нем есть что-то от летних грез и смутных, невысказанных желаний. Больше всего на свете Джейн хотелось сплести такие кружева.

Несколько лет она изучала их, всматриваясь в каждую ниточку. Наконец, ожидая появления на свет первенца, она попробовала сплести кружево сама. Когда два года спустя родился ее второй ребенок, Джейн показала свою работу соседям и услышала слова одобрения. А когда дочкам vicar исполнилось десять и двенадцать лет, молва о чудесных кружевах Джейн дошла до лорда Честерфилда и он захотел посмотреть на ее работу. Качество кружева приятно удивило лорда, а возможность обогатиться на этом чрезвычайно его воодушевила. С тех пор Джейн Мэтьюз занималась только плетением кружев.

Спрос на ее изделия значительно превышал предложение, и лорд Честерфилд приказал обучить этому искусству других женщин. Хотя у Джейн было много способных учениц,

никому не удавалось сплести такое же тонкое и изящное кружево, пока за дело не взялись ее дочери. К моменту смерти Джейн старшая дочь научилась плести кружева не хуже матери.

Зимой 1627 года Джейн Мэтьюз унесла чахотка. Для Эденфорда эта зима выдалась очень тяжелой. Умерли четырнадцать человек, из них девять детей. Лорд Честерфилд, как и подобает, выразил жителям города свои соболезнования, отметив, что особенно сожалеет о кончине Джейн. В глубине души он был очень доволен собой — ведь благодаря его настоятельному требованию Джейн успела обучить искусству плетения кружев других мастериц. Смерть жены викария не нанесла производству лорда Честерфилда значительного ущерба. Место лучшей кружевницы заняли ее дочери.

Со дня смерти Джейн прошло около трех лет, когда ее муж Кристофер пригласил к себе в дом тайного агента епископа Лода.

— Скверная история.

Темноволосый незнакомец и Энди миновали церковь, расположенную рядом с городским сквером, который представлял собой небольшую лужайку, обсаженную деревьями.

— Не могу понять, что заставляет человека убивать, — сказал спутник Энди, — и уж совсем не ясно, зачем увечить мертвое тело.

Они шли по той самой дороге, которая привела Энди в Эденфорд. Дорога эта соединяла два арочных каменных моста через реку Экс. Чтобы выйти на нее, путешественник, идущий из Тивертон в Эксетер, должен был сделать небольшой крюк. Именно так и поступил Энди.

— Я видел, что Сайрес подслушивает, — продолжал незнакомец, — и я его не осуждаю. Это убийство никого не оставило равнодушным. Думаю, ты тоже все слышал.

Энди взглянул на собеседника. В поведении этого невысокого коренастого человека не было и намека на хитрость или коварство. Глубокие морщины вокруг глаз и густые черные брови придавали его лицу сосредоточенное выражение.

— Трудно было не услышать, — ответил Энди.

Его спутник рассмеялся. Смеялся он искренне, от души.

— Да, тихих и застенчивых в Эденфорде отродясь не водилось!

— Простите, сэр, — Энди остановился посреди улицы, когда незнакомец свернул на дорогу, ведущую в гору, — но ведь я не знаю ни вашего имени, ни куда вы меня ведете.

Мужчина смущенно улыбнулся.

— Это я должен просить прощения, — на его щеках заиграл румянец. — Боюсь, вся эта суматоха заставила меня позабыть о хороших манерах.

Он протянул Энди руку и сказал:

— Я викарий Эденфорда. Мое имя Мэтьюз, Кристофер Мэтьюз.

Энди, пряча злорадную усмешку, пожал руку.

У городского сквера Кристофер Мэтьюз и его гость свернули на маленькую пологую улочку, лениво ползущую вверх, затем на Главной улице, параллельной Рыночной, повернули налево. Главная улица была гораздо уже и не столь тщательно вымощена. Небольшие домишки вдоль нее так тесно жались один к другому, словно пытались устоять перед общим врагом. Из окон доносился запах вареной рыбы и жареного мяса, через щели в ставнях слышались негромкие голоса и виднелось дрожащее пламя свечей. Это создавало ощущение домашнего тепла и уюта. Здесь все были близки друг другу в прямом и

переносном смысле.

Мэтьюз быстрым шагом направился в конец улицы — дальше начиналось поле — и подошел к двери маленького двухэтажного домика, стоящего на гранитном фундаменте. Справа от узкой деревянной входной двери Энди разглядел два больших, закрытых ставнями окна. Второй этаж нависал над крыльцом. На улицу выходило четыре окошка второго этажа, высунувшись из которых, запросто можно было пожать руку соседу, живущему напротив. Дом заметно покосился, что не очень понравилось молодому человеку, — впрочем, рядом находилось не меньше десятка таких же кособоких развалюх.

— Ну что ж, вот твоя тюрьма, — насмешливо произнес Мэтьюз, но, заметив суровое выражение на лице Энди, он мягко добавил: — Извини, приятель. Похоже, шутка была неудачной. Пойми, и Сайрес, и Эмброуз действуют из лучших побуждений.

Они просто выполняют свою работу, защищая город от врагов. Не волнуйся. Когда появится главный констебль, а он обязательно приедет в день ярмарки, все разрешится. Я не считаю тебя преступником. Если бы я тебя в чем-нибудь заподозрил, никогда не привел бы в свой дом.

«Для тебя я опаснее, чем ты предполагаешь», — подумал Энди. Он изо всех сил старался пробудить в своей душе неприязнь к викарию, но это у него плохо получалось.

Мэтьюз распахнул дверь. В глубине комнаты стройная девушка накрывала стол к ужину. Услышав скрип двери, она обернулась, тряхнула головой, отбросив с лица темно-каштановые волосы, подняла на вошедших сияющие карие глаза и тепло улыбнулась. Но, как оказалось мгновение спустя, сердечная улыбка предназначалась только викарию. Когда девушка увидела Энди, лицо ее стало серьезным. На юношу она не произвела особого впечатления.

— Девочки, у меня хорошая новость! — весело объявил Мэтьюз. — Я привел очень симпатичного гостя!

Девушка молча скрестила руки на груди. С ножами в одной руке и с вилками в другой она напоминала вооруженного грифона на рыцарском гербе. В ее глазах застыла тревога.

— Папочка!

Изящное создание спорхнуло вниз по лестнице и бросилось к Мэтьюзу. По фигуре девушки было видно, что она уже не ребенок, но еще достаточно хрупка, чтобы утонуть в отцовских объятиях. Из-за плеча викария она устремила на Энди ярко-синие глаза. Длинные прямые волосы, прекрасный цвет лица и очаровательная улыбка поразили юношу в самое сердце. Молодой человек ощутил столь сильное волнение, что даже испугался. Впервые в жизни Энди Морган понял, что почувствовал Ланселот, когда встретил Гвиневру.

— Мастер Морган, позвольте представить вам мои величайшие сокровища. Это моя старшая дочь, Нелл. — Мэтьюз указал на не улыбающуюся особу у стола.

Энди слегка поклонился. Девушка кивнула и сухо произнесла:

— Мастер Морган.

— И вот эта хохотушка, — отец ласково привлек к себе младшую дочь, — ее зовут Дженни. Мы только что отпраздновали ее шестнадцатилетие.

— Мастер Морган, — застенчиво сказала Дженни.

— Рад знакомству с такими очаровательными особами, — галантно произнес Энди.

Нелл сердито фыркнула.

— Папа, можно с тобой поговорить? На кухне?

И, не дожидаясь ответа, она с грохотом поставила посуду на стол и вышла из комнаты.

Если ее резкость и удивила Мэтьюза, он не подал виду.

— Можешь оставить свои вещи здесь, — викарий указал на место рядом с очагом. — Извини.

Дженни последовала за отцом. Ее длинные каштановые волосы раскачивались из стороны в сторону. Прежде чем исчезнуть за дверью, она обернулась и улыбнулась юноше.

Молодой человек остался один в более чем скромном жилище викария. Перед ним была длинная маленькая — почти в два раза меньше спальни Энди в Морган-холле — комната: справа — очаг, слева — узкая лестница, ведущая наверх. На огне очага варился ужин. На обеденном столе горели две свечи. Со второго этажа струился мягкий бледный свет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Обстановка была очень бедной. Четыре деревянных стула с прямыми спинками стояли рядом с обеденным столом, наполовину накрытым к ужину; еще один стул находился около маленького столика, придвинутого к окну. На этом столике лежали грузила, кружево, ножницы и мотки шерсти. У очага Энди увидел кресло-качалку. На дощатом полу лежал большой тканый ковер.

Энди снял с плеча сумку и положил ее у очага. Он вспомнил о дедовой сабле и подумал, что нужно спросить о ней викария.

Из-за приоткрытой кухонной двери доносился громкий шепот, но Энди не слышал, о чем говорят хозяева. Он хотел было подойти поближе, но потом решил не делать этого.

«Чтобы выведать чужие тайны, нужно притвориться, что они тебя не интересуют, — говорил Элиот. — Не торопись, будь терпелив и дружелюбен, старайся войти в доверие. Только так ты добьешься своего и узнаешь все, что нужно».

Пока рисковать не стоило. Скорей всего, речь шла о нем. Какое бы решение они ни приняли, его наверняка пригласят поужинать.

Он опять вспомнил Элиота. «Самое важное и самое опасное — первая трапеза с жертвой», — наставлял тот. Слово «жертва» оскорбляло слух Энди — речь все-таки идет не о животных. А вот считать себя разведчиком, тайно пробравшимся в лагерь неприятеля, юноше нравилось.

В этот момент в дверях кухни появилась Дженни с оловянными тарелками в руках. Девушка не поднимала глаз на Энди, но озорная улыбка на ее губах говорила о том, что она не забыла о его присутствии. Гибкие девичьи руки проворно расставили тарелки — раз, два, три, четыре! Дженни украдкой взглянула на Энди и зарделась. Когда она заметила, что юноша наблюдает за ней, она поспешно вернулась на кухню.

«Люблю, когда жертва зовет меня к ужину. Она похожа на овцу, которая приглашает волка разделить с ней трапезу. — В ушах Энди вновь зазвучал резкий смех Элиота. — Должен сказать, пуритане любят поесть. А за едой любят поболтать. Поставь перед ними тарелку, и они выложат тебе все свои секреты! А я смотрю на этих простаков и думаю: хороши же они будут с клеймом на щеках!»

— Что же ты ищешь?

Кристофер Мэтьюз положил в рот кусочек баранины и задумчиво начал жевать его. Он ждал ответа на свой вопрос. Скромный ужин состоял из холодного мяса, вареной кукурузы и пшеничного хлеба. Энди только что изложил семье викария свою вымышленную биографию. В основном это была правда, но слегка приукрашенная, рассчитанная на сочувствие слушателей.

Энди признался, что он — сын богатого дворянина, выросший в обстановке постоянных

скандалов и ссор. И это было правдой. А вот говоря о том, что его отец пьянствовал и бил близких, молодой человек врал. Лорд Морган пил мало и редко — пара бокалов вина могла свалить его с ног. Представив деда глубоко верующим христианином, Энди тоже погрешил против истины, зато добился своего: викарий приятно удивился, узнав, что отважный адмирал Амос Морган был набожным человеком. Наконец, Энди солгал, что бежал из Морган-холла из-за стычки с отцом, причиной которой якобы стал интерес юноши к религии. По словам Энди, после того как он покинул дом, ему пришлось целый год скитаться по стране. И вот его задержал сторож Эденфорда.

— Не знаю, что я ищу, — ответил Энди хозяину дома. — Правда не знаю.

— А Плимут? Почему ты решил наняться матросом на торговое судно в Плимуте?

Энди пожал плечами, ковыряя остатки кукурузы на тарелке. «Делай вид, что ты смущен и растерян, — поучал его Элиот. — Это они просто обожают. Сразу бросаются тебе на выручку».

Викарий улыбнулся.

— Одно я знаю точно: Господь не зря привел тебя в наш дом.

Мэтьюз сидел во главе стола, по правую руку от Энди. Девушки, расположившись напротив, слушали их разговор. Нелл держалась сдержанно и отчужденно. Дженни неотрывно смотрела на Энди. Лишь когда он поворачивался к ней, она опускала глаза.

— Что бы ни случилось, — горячо проговорил Энди, — я искренне благодарен вам за гостеприимство, — произнося эти слова, он украдкой взглянул на Нелл. Выражение ее лица не изменилось.

— «Страннолюбия не забывайте, ибо через него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам» [\[57\]](#), — вспомнил викарий слова Библии.

Нелл скептически взглянула на отца.

— Папа, уж не хочешь ли ты сказать, что мастер Морган — ангел?

Мэтьюз весело расхохотался. Подмигнув, он ответил, поддразнивая дочь:

— Кто знает!

— А я верю в это, — мягко улыбнулась Дженни и тут же пожалела о сказанном. Все с изумлением посмотрели на нее, и она, вспыхнув, бросилась на кухню с пустой миской в руках.

— Мастер Морган, — Нелл отодвинула тарелку и облокотилась о стол. — Вы сказали, что ваш дедушка был верующим человеком. Расскажите о нем поподробнее.

— Энди. Пожалуйста, зовите меня Энди.

Нелл холодно кивнула.

— Он часто ходил в церковь, — нерешительно пробормотал юноша.

Нелл вновь бесстрастно кивнула.

— Он... гм... часто молился.

— Молился?

— Ну да! Все время молился — о королеве, Морган-холле, кораблях и поражении Испании...

Нелл улыбнулась. Она явно забавлялась. Энди почувствовал себя неуютно.

— Дед часто читал Библию. Точнее, все время, — Энди хорошо знал, как пуритане относятся к Священному Писанию, и не сомневался, что он на верном пути, — и знал ее как свои пять пальцев. Свою Библию перед смертью дед оставил мне. Она всегда со мной. Отцу ужасно не нравилось, что я ее читаю. Я сказал ему, что Библия — это Слово Божье, и никто

не заставит меня расстаться с ней. И он выгнал меня из дома.

Судя по всему, упоминание о Библии сработало. Нелл посерьезнела и больше не смеялась над ним.

— Эта Библия сейчас при вас?

Энди кивнул в сторону сумки, лежащей у очага.

— А что за издание?

Епископ говорил, что можно воспользоваться неприязнью пуритан к Библии короля Якова. Похоже, сейчас ему предоставили этот шанс.

— Издание? — Энди изобразил искреннее удивление. — Она издана в Англии.

Нелл бросила на него снисходительный взгляд. Энди смутился.

— Библия печаталась в Англии не раз, — мягко объяснил викарий. Было видно, что он не одобряет поведение дочери. — Позволь мне взглянуть на твое издание.

Энди достал Библию и протянул ее священнику. Мэтьюз открыл Книгу и посмотрел на титульный лист. Затем повернулся к Нелл и сказал:

— Библия короля Якова.

— Само собой, — насмешливо ответила Нелл. — Пойду помогу Дженни с посудой.

Она встала из-за стола, собрала тарелки и ушла на кухню.

— С моей Библией что-то не так? — растерянно спросил Энди.

— Ты наш гость, — ответил викарий, возвращая Библию. — Прости, если мы обидели тебя.

— Нет, что вы. Просто я хочу понять, почему вам не понравилась моя Библия. Чем она отличается от вашей?

Мэтьюз внимательно взглянул на Энди, словно проверяя, искренне ли его желание или он просто пытается быть вежливым.

— Пойдем посидим у огня, — предложил он.

Энди передвинул свой стул поближе к очагу, а Мэтьюз поднялся наверх и вернулся с книгой. Он опустился в кресло-качалку.

— Вот моя Библия. — Викарий протянул книгу Энди. — Она принадлежала моему отцу, сапожнику из Эксетера. Как и твой дед, он был очень набожным человеком.

Энди полистал книгу.

— Так в чем же разница?

— Это Женевская Библия. Она была переведена в эпоху гонений, во времена правления Марии Тюдор [\[58\]](#). Тогда многие праведные и благочестивые люди бежали в Европу, нашли они пристанище и в Женеве. Изгнанники считали своим долгом помочь тем, кого не устрашила земная власть, удовлетворить свои духовные потребности.

— У меня другая Библия?

Мэтьюз открыл титульный лист Библии Энди и прочел вслух:

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ

Ветхий Завет и Новый Завет:

новый перевод с языков оригинала,

сверенный с предшествующими переводами и исправленный

по особому Приказу Его Величества.

Подлежит использованию при церковных богослужениях.

Отпечатано в Лондоне Робертом Баркером,

печатником Его Величества Короля
1611 год от Рождества Христова
По привилегии

— Эту Библию издали после Хэмптонкортской конференции, — пояснил Мэтьюз. — Слышал о такой?

— Слышать-то слышал, а вот в чем там дело было, не знаю.

— В 1603 году, когда после смерти королевы Елизаветы на престол взошел король Шотландии Яков, пуритане подали ему петицию. Она получила название «Петиция тысячи», потому что под ней стояла тысяча подписей. Среди подписавшихся был и мой отец. Мне тогда исполнилось тринадцать. Я помню, какое волнение царило в мастерской отца. «Теперь у нас будет король, который поддержит нас», — говорили люди. Все надеялись, что Яков поможет покончить с католическими пережитками и создать церковь, которая опирается на библейское учение. Казалось, Господь услышал наши молитвы.

В комнату вошла Дженни и собрала оставшуюся на столе посуду. Нелл, проскользнув за спиной мужчин, быстро поднялась на второй этаж.

— По приказу нового короля через год была созвана Хэмптонкортская конференция. Мы с нетерпением ждали ее итогов, ведь на нее отправились самые видные лидеры нашего движения. Но там произошла настоящая катастрофа. Когда пуритане заговорили о возрождении проповеднического служения в церкви, Яков впал в ярость. Он сказал, что если позволить священникам отступать от «Книги общей молитвы», каждый Джек или Том сможет осуждать короля и его приближенных. Если пуритане добьются своего, монарх утратит власть. Нашим представителям было предложено либо подчиниться, либо покинуть страну. Более того, Яков пообещал «сделать с ними что-нибудь еще похуже».

Мэтьюз дотронулся до Библии Энди.

— Затем вышел этот перевод.

Викарий взял у юноши Библию и перевернул несколько страниц.

— Король приказал напечатать предисловие, где говорилось о «самонадеянных братьях», которые идут своим путем и недовольны всем, кроме самих себя. «Самонадеянные братья» — это мы. А вот еще: «Наконец нам удалось преодолеть буквализм пуритан, которые пытаются заменить старые слова, принятые в церкви, на новые, например «омовение» вместо «крещения» или «община» вместо «церкви». Мы же стремимся сохранить Священное Писание таким, каким было оно на языках земли Ханаанской, и сделать его понятным для любого простолюдина». — Мэтьюз захлопнул книгу. — Они не ошиблись: нам не понравилось новое издание. Ведь у нас уже был перевод, сделанный теми, кем двигала не злоба, а желание мирно служить Богу.

— Папочка! Ты утомил мастера Моргана! — В дверях кухни, вытирая руки полотенцем, появилась Дженни.

— Что вы, что вы! — горячо запротестовал Энди. — Я узнал столько нового!

— Дженни, милая, вы уже вымыли всю посуду? — спросил Мэтьюз.

— Да, папа.

— Тогда займитесь своими дневниками.

— Нелл уже наверху, — сказала девушка.

Мэтьюз понимающе кивнул.

— Ступай и ты. Пожелай нашему гостю доброй ночи.

Дженни застенчиво улыбнулась.

— Доброй ночи, мастер Морган.

— Энди. Прошу вас, зовите меня Энди.

— Доброй ночи, Энди, — она засмеялась и легко взбежала вверх по лестнице.

— Я тоже пойду наверх. Тебе что-нибудь нужно? — спросил Мэтьюз.

— Если не возражаете, еще один вопрос. Вы считаете, что с моей Библией что-то не так?

Мэтьюз пожал плечами.

— Трудно сказать. Я ни разу не читал этот перевод. Честно говоря, я и в руках-то держу его впервые. Все, что я тебе рассказал, я узнал от других людей. Не могу заставить себя открыть книгу, связанную с человеком, который не заслуживает уважения.

Энди с трудом сдержался. Мэтьюзу не стоило так враждебно говорить об отце короля Карла. Отзываясь подобным образом о короле Англии, пусть покойном, он серьезно рисковал. Кристофер Мэтьюз, без сомнения, поступил опрометчиво.

Пытаясь вытянуть из него что-нибудь еще, Энди спросил:

— Почему не заслуживает?

Мэтьюз помедлил. Возможно, он заподозрил неладное.

— Допускаю, что в государственных делах и в вопросах веры король Яков был просвещенным человеком, но вел он себя безнравственно, и Господь осудит его за это.

— Безнравственно?

— Ты наверняка слышал о том, что и не пытались скрывать. Все знают: целая армия сводников и сводниц кормилась проституцией, процветающей при дворе. Там грешили все — начиная с прачки, готовой отдаться в темном углу за шесть пенсов, и заканчивая дорогими куртизанками. Не лучшим образом король вел себя и со своими близкими. Когда принц Генри лежал в лихорадке, он бросил его и отправился к Теобальдам, оставив сына умирать в одиночестве. Я не могу читать Библию, на которой стоит имя такого человека.

По правде сказать, юноша слышал об этом не впервые. Лорд Морган рассказывал о дворе короля Якова и кое-что похлеще. И все же Энди обнаружил в рассуждениях викария уязвимое место и решил ударить по нему.

— Но вы относитесь к этой Библии так, словно ее написал сам король Яков. Ну да, она была издана по его повелению, но от этого не перестала быть Словом Божьим.

На лице викария мелькнула удивленная улыбка.

— Свое совершенное Слово Господь всегда вкладывал в уста несовершенного человека? Любопытная мысль, мастер Морган.

Энди лег поближе к угасающему огню. В доме было только три спальни, вот юноше и пришлось устроиться на ковре у очага. Наверху еще долго горел свет. Там кто-то работал. Энди слышал шелест страниц и скрип стула. Потом свет погас. Перед тем как лечь спать, молодой человек взял свою Библию и составил первое донесение епископу Лоду. Он нацарапал его на клочке бумаги и спрятал в кармане куртки. Послание гласило: (9/24/5/14–27). (40/10/2/12). «Я предаю врага твоего в руки твои, и сделаешь с ним, что тебе угодно. Эндрю».

Довольный собой, Энди повернулся на бок и уснул.

До судебного разбирательства дела Энди оставалось три дня.

У юноши было достаточно времени для того, чтобы собрать все необходимые улики и сбежать из города, так и не представ перед главным констеблем в качестве обвиняемого.

При первой же беседе Кристофер Мэтьюз совершил роковую ошибку. За свою откровенность ему придется расплачиваться тюремным заключением. Этот человек был для Энди настоящим кладезем информации. Молодой человек старался быть терпеливым, изворотливым и осторожным. Он помнил, что выполняет очень важное задание.

Маленькие городки, подобные Эденфорду, не занимались судебной деятельностью. Местные жители, задержав нарушителей, ждали, пока придет облеченный надлежащими полномочиями чиновник и выслушает их жалобы, — решения по таким вопросам обычно выносились раз в месяц главным констеблем. На подведомственной территории он исполнял обязанности мирового судьи. Как правило, это был представитель дворянского сословия. Главным констеблем в Эденфорде числился дворянин из Эксетера по имени Дэвид Хоффман.

Хоффман, невысокий человек с невзрачным лицом, был из тех людей, про кого говорят: поперек себя шире. Единственный ребенок в семье, с одиннадцати лет он раздавался только вширь. Он почти не тратился на одежду, но зато не жалел денег на еду, и потому напоминал куль с зерном. Констебль носил потертую куртку, рукава которой были ему коротки, и потрепанные штаны. Его рубашка трещала по всем швам.

Дэвид Хоффман никогда не был женат. Его страстью стала еда. Мэтьюзы удостоверились в этом одиннадцать лет назад, когда Кристофер получил назначение в Эденфорд. Мэтьюзы пригласили Хоффмана к себе отобедать. Нелл было тогда семь лет. То, что она увидела, напугало ее не на шутку.

С той самой минуты, как Хоффман переступил порог их дома, и до окончания визита он ел и пил без передышки. К изумлению присутствующих, он одинаково ловко действовал обеими руками, отправляя в рот кусок за куском. Нелл помнила, как констебль иногда останавливался, чтобы отдышаться, — он напоминал рыбу, вытасченную из воды. По мере насыщения его лицо наливалось кровью, на висках начали выступать крупные капли пота. Скатываясь вниз, они падали с чисто выбритого подбородка на огромный живот.

Долгое время после этого обеда Нелл мучили ночные кошмары. Ей снилось, что главный констебль, словно лопнувший шар, разлетается в клочья у них в гостиной.

Несмотря на склонность к чревоугодию, Хоффман был не худшим вершителем правосудия. Он неплохо знал законы, и это позволяло ему принимать более или менее справедливые решения. К тому же он любил свою работу. Конечно, у него имелись и неприятные обязанности: приходилось арестовывать преступников, бунтовщиков или бродяг, инспектировать постоянные дворы. А еще он доставлял в суд задержанных и набирал поденщиков во время сбора урожая.

Дэвид Хоффман делал все, чтобы поддерживать свою репутацию на высоте. На то были особые причины. Во-первых, должность главного констебля обеспечивала почет и уважение; во-вторых, работа позволяла обжоре Хоффману воздавать должное еде — его частенько приглашали на обеды и ужины.

К поездке на север в конце лета 1629 года Хоффман готовился не в лучшем

расположении духа. Из Лондона поступили сведения: в Эденфорде назревает что-то недоброе. Хоффман надеялся, что буря пройдет стороной. Через полгода должно состояться повторное назначение, и ему не хотелось упустить должность главного констебля из-за каких-то беспорядков.

Энди никогда не встречал таких людей, как Мэтьюзы. За время работы тайным агентом ему уже несколько раз приходилось жить в чужих семьях, и он успел познакомиться со многими пуританами. Но все они были другими. Эта семья чем-то неуловимо отличалась от них, особенно сам Кристофер.

Энди не сразу понял, в чем состоит это отличие. Наконец ему в голову пришло подходящее сравнение. Люди, за которыми юноша шпионил до того, исповедовали свою веру, как школьники, затвердившие урок, или подмастерья, подражающие работе искусного мастера. Они пытались быть теми, кем не являлись на деле. Про Кристофера Мэтьюза нельзя было сказать, что он исповедовал свою веру, — он ею жил. Он и его вера сливались в единое целое. Птица летает не потому, что старается оторваться от земли, а просто оттого, что она птица.

Каждое утро за завтраком Кристофер Мэтьюз говорил:

— Что мы можем сделать для Господа сегодня?

Энди поражал не столько сам вопрос викария, сколько ежедневная попытка Мэтьюза ответить на него. Когда Кристофер выходил из дома, он тут же начинал искать, что бы еще такое сделать для Бога, словно это самое обычное занятие для человека.

День викария подчинялся давно установившемуся распорядку. Ему и в голову не приходило отступать от него — так дикий гусь никогда не размышляет, лететь ли ему в теплые страны. Мэтьюз вставал около четырех утра и час или два посвящал Богу. Потом он собирал семью для совместной утренней молитвы и пения псалмов. Он прочитывал вслух главу из Библии и вновь молился, стараясь донести до Бога просьбы, высказанные в молитвах дочерей. Вечером он снова открывал Библию, на сей раз сопровождая чтение наставлениями. Перед сном все члены семьи отправлялись к себе поразмыслить о прочитанном, о своей жизни, сделать записи в дневнике.

Если бы не присутствие женщин, Энди мог бы подумать, что он попал в монастырь.

Два дня Энди ходил за Кристофером Мэтьюзом по пятам. Увиденное позволило ему сделать вывод, что викарий был чуть ли не мэром Эденфорда. По традиции, берущей начало в Средневековье, большинство крестьян жили на землях, принадлежащих Честерфилдам. Образно говоря, Честерфилды и Эденфорд были крепко-накрепко связаны узами экономического брака.

Честерфилды сдавали землю в аренду горожанам, пользуясь при случае своим именем для защиты политических и экономических интересов Эденфорда; жители города производили товары, приносящие Честерфилдам неплохой доход. Обычно стороны ладили между собой. Связующим звеном между ними был Кристофер Мэтьюз. Он приехал в Эденфорд много лет назад вместе с молодой женой и открыл здесь первую сапожную мастерскую.

В то время богослужения в Эденфорде совершал священник из Тивертон. Он проводил службы в окрестных городках, получая жалованье в каждом из них. Такая практика была обычным делом. На несколько деревень и небольших местечек часто приходился всего один служитель алтаря. При таком раскладе кому-то, само собой, внимания не доставало, но в

Эденфорде считали, что лучше уж так, чем не иметь священника вообще.

И вот однажды между его преподобием и семейством Честерфилдов пробежала черная кошка. Когда дочь лорда Честерфилда выходила замуж, служитель церкви провел свадебную церемонию, не прислушавшись к пожеланиям отца невесты. Он сделал все, как хотел отец жениха, лорд Уэзерлей, плативший ему жалованье в Тивертоне. Брак вскоре распался, и священнику было отказано от места в Эденфорде.

После столь прискорбного случая лорд Честерфилд решил, что городу необходим собственный священник. Однако он не хотел видеть на этом месте человека, знакомого с богословием. Образованные люди слишком серьезно относятся к вере и часто суют нос не в свое дело. Ему требовался кто-нибудь попроще и поговорчивее. Рассуждал лорд примерно так: во-первых, священник из народа обойдется дешевле, ведь кроме прямых обязанностей ему придется заниматься ремеслом; во-вторых, он окажется слишком занят, чтобы размышлять о духовных проблемах. Словом, нужен был человек, способный вести воскресные службы и могущий дать добрый совет прихожанам.

И лорд Честерфилд нашел подходящую кандидатуру. Самым набожным человеком в Эденфорде считался Кристофер Мэтьюз, ему-то и было предложено место викария. Сначала Мэтьюз отказался, сказав, что не готов стать духовным лидером, но Джейн убедила мужа принять предложение. Она полагала, что Господь послал ему возможность помочь жителям городка вернуться к истокам библейского учения. Уступив настояниям любящей жены, сапожник превратился в священника.

Спустя несколько месяцев после того, как Мэтьюз стал священником, лорд Честерфилд с удивлением обнаружил, что в Эденфорде произошли перемены: люди начали больше трудиться и меньше дебоширить. Город был обязан этим Кристоферу Мэтьюзу, который обладал не только способностями лидера, но и сильным характером. Новоиспеченный викарий обошел все дома в Эденфорде, убеждая их обитателей в преимуществах благочестия. Он предложил им попробовать жить в течение полугода честно и праведно. Если за это время жизнь в Эденфорде не улучшится, он обещал оставить горожан в покое. За два месяца городок преобразился, а Кристофер Мэтьюз стал его Моисеем, пророком и вождем.

На первых порах столь стремительный взлет авторитета Мэтьюза смутил лорда Честерфилда. Однако увеличение производительности труда было на руку хозяину предприятий, поэтому он не только не сдерживал викария, но и предоставил ему дополнительные полномочия.

Сначала Мэтьюз не согласился на новые предложения лорда Честерфилда. Он жаждал не власти, а духовного лидерства. И опять его переубедила жена. Она указала мужу на открывающиеся перед ним перспективы. Мэтьюз сможет сообщать лорду о нуждах горожан и, возможно, сумеет улучшить их положение.

Под руководством Мэтьюза суконные предприятия Эденфорда достигли небывалых успехов. Это касалось всех этапов производства: выращивания овец, стрижки, прядения, ткачества, обезжиривания и обработки шерсти, валки и сушки, а также окраски сержа. Росту благосостояния города способствовало и производство тончайших кружев, которое освоили жена и дочери Мэтьюза.

Энди, Кристофер Мэтьюз и Дэвид Купер направлялись к городскому скверу. Смеркалось. Весь день Энди следовал за викарием из дома в дом, не переставая удивляться тому, с какой радостью встречали Мэтьюза жители города. Мальчиком ему доводилось

присутствовать при деловых переговорах отца — они всегда сопровождалась криками, угрозами и скандалами. В Эденфорде все было иначе. Горожане принимали Мэтьюза самым сердечным образом. Все переговоры велись в благожелательном тоне и завершались крепкими рукопожатиями. Энди, томимый любопытством, спросил у Мэтьюза, есть ли у него враги.

— Странный вопрос, — ответил викарий. Он взглянул на помрачневшего Купера. — Какое дело тебе до моих врагов?

Это было ошибкой.

— Простите, если я обидел вас, — пробормотал Энди, — просто там, откуда я родом, при заключении сделок и обсуждении деловых вопросов частенько возникают ссоры. А здесь люди так тепло относятся друг к другу.

— Мы не просто соседи. Мы — одна семья.

«Семья... На мою семью не похоже! Моих близких никто не заподозрит в доброжелательности».

Куда бы они ни приходили, викарий вел себя так, будто он говорит с почетным гражданином Эденфорда. Жители города не боялись, что их заподозрят в непорядочности или недобросовестности. Самого Энди Мэтьюз представлял таким тоном, словно тот — сановник из Лондона. Лишь изредка юноша вспоминал, что он пленник.

Энди познакомился с миссис Уэзерфилд, вдовой. Эта почтенная женщина доверительно сообщила юноше, что она каждый день молится за дочерей Мэтьюза — девушки должны найти себе достойных мужей. Не секрет, что она молилась и о муже для себя, имея виды на викария. Мэтьюз дал ей несколько шиллингов на еду. Когда Нелл узнала, что отец вынул их из собственного кармана, она расстроилась. Викарий отдавал беднякам столько денег, что семье не хватало на еду. Кроме того, он приютил Энди Моргана, а значит, в доме стало одним едоком больше.

Энди познакомился и с Дэвидом Купером, городским сапожником и другом детства Мэтьюза. Это он сидел на собрании рядом с викарием в день задержания Энди. Купер — огромный волосатый детина с широкой добродушной улыбкой, черной бородой и толстыми ручищами — скорее походил на кузнеца, чем на сапожника. Он перебрался в Эденфорд из Эксетера по приглашению Мэтьюза. Когда викарий стал полномочным представителем лорда Честерфилда, городок остался без сапожника.

В сапожной мастерской Мэтьюз изображал из себя приемщика обуви и, поддразнивая Купера, выговаривал ему за небрежную работу. На самом деле его друг работал на совесть и обувь шил превосходную. Покончив с делами, приятели решили, что могут пару часов отдохнуть, и, прихватив с собой Энди, отправились в центр города.

Сначала они немного покатали шары в сквере. Силы Мэтьюза и Купера были равны, а Энди держал шар в руках лишь однажды. Боулинг считался игрой простолюдинов, аристократы относились к нему с презрением.

Первые два захода выиграл викарий, после чего Энди улегся на траву и стал наблюдать за игрой со стороны. Его удивило, насколько в друзьях силен дух соперничества. После третьей подряд победы Мэтьюза сапожник пришел в такое неистовство, что брошенные им шары оставили на лужайке вмятины. Викарий, подшучивая над ним, сказал, что броски такой силы наверняка вызовут землетрясение в преисподней. Купер рассмеялся, и его гнев тут же улетучился.

— Так вот как ты охраняешь заключенного?! — раздался за спиной Энди возмущенный

голос. Это был Эмброуз Дадли. Его лицо покраснело от злости. За спиной нотариуса маячил Сайрес Ферман, прижимавший к себе старый мушкет.

— Мастер Морган никуда не денется, верно, Энди? — подчеркнуто любезно ответил Мэтьюз. В отличие от Дадли он не назвал Энди заключенным.

Молодой человек, лежа на траве, улыбнулся и кивнул в знак согласия.

— Это безответственность, форменная безответственность! — закричал нотариус. — Может быть, этот паренек убил Шубала Элкинса!

Викарий вновь обратился к Энди:

— Ты же не убийца?

— Нет, — сказав это, Энди беспечно сорвал травинку.

Викарий пребывал в отличном расположении духа, но Эмброуз Дадли не собирался шутить. На его скулах заиграли желваки.

— Полно, Эмброуз, — Мэтьюз подошел к нему поближе, — парнишка никуда не денется до ярмарки.

Но Дадли не унимался.

— Если он сбежит, отвечать будешь ты! Идем, Сайрес.

Рассерженный нотариус развернулся и зашагал прочь. Его спутник пожал плечами и поплелся следом.

Мэтьюз посмотрел на Купера.

— Наверное, нужно было пригласить его сыграть с нами?

Друзья перешла дорогу, отделявшую сквер от реки, и спустились к воде. Энди не отставал от них ни на шаг.

Они лежали у воды, глядя в небо, и Купер рассказывал о партии обуви, которая в день ярмарки отправится в Лондон. Викарий спросил Энди, приходилось ли ему бывать в столице. Юноша между делом упомянул о недавней поездке в Виндзорский замок, опустив историю о доспехах и епископе Лоде.

— Ты был в церкви Святого Михаила?

— Один раз, — ответил Энди, — но не во время службы.

— Когда я в последний раз ездил в Лондон, я заходил туда, — задумчиво произнес викарий. — Не знаю, смог ли бы я там молиться.

— Почему? — озадаченно спросил Купер.

— Кое-что мне мешало. Ну взять хотя бы алтарь... Слишком роскошный... Он отвлекал меня. Вместо того чтобы размышлять о Боге, я все время его разглядывал. А еще я думал о бедных, бездомных и голодных, которые просили подаяния на ступенях церкви. Там они и живут. Сторож их гоняет. Его я тоже понимаю, они на самом деле нарушают порядок, мочатся на колонны, мусорят. Больше всего меня смущало то, что этим людям кажется, будто близость к храму означает близость к Богу.

От церковных зданий разговор перешел к конфликту между епископами и пуританами и к преследованиям пуритан, усилившимся после назначения на должность епископа Лондонского Вильяма Лода. Едва приятели заговорили на эту тему, Энди почувствовал себя неуютно, хотя никто ни о чем его не спрашивал.

— Когда я думаю про Лода, я вспоминаю недавно услышанную историю, — сказал Мэтьюз и сел.

— Все тебе что-то напоминает, — усмехнулся Купер.

— Да. Но мне кажется, за совершенное Лоду еще воздастся.

— Так что за история?

Мэтьюз, потянувшись, встал.

— У нас нет времени на разговоры. Пора домой.

— Ну уж нет! — Купер повалил Мэтьюза и прижал его к земле. — Пока не расскажешь, никуда не уйдешь!

Энди наблюдал за их возней с нескрываемым изумлением. Он никогда не видел, чтобы взрослые мужчины вели себя подобным образом. Его знакомые никогда не подшучивали друг над другом. Они как огня боялись показаться смешными в глазах окружающих.

— Ладно, ладно, расскажу! Только отпусти! Ишь насел, буйвол! — закричал Мэтьюз. — Ты меня задушишь!

Купер ослабил хватку, но продолжал бдительно следить, чтобы Мэтьюз не улизнул. Однако его друг и не собирался этого делать. Отряхнувшись, он начал свой рассказ:

— Жил когда-то бедный человек, который решил стать грабителем на большой дороге. Он объяснил жене, что это куда проще и доходнее, чем надрывать, работая с утра до вечера. Взял он дубинку и отправился на лондонскую дорогу, где-то между Ньюарком и Грэнтхамом. По дороге его нагнал знатный господин верхом на лошади. Бедняк подождал, пока всадник поровняется с ним, и схватил коня за уздечку. «Выкладывай, что у тебя есть!» — закричал он, подняв дубину. Всадник расхохотался. «Похоже, вор собирается грабить вора! — зычно гаркнул он. — Я тоже промышляю этим ремеслом, негодник! Ты либо дурак, либо занимаешься этим делом совсем недавно — так никто не грабит!» — «Честно говоря, мне никогда не приходилось воровать». — «Оно и видно. Тогда послушай моего совета и подумай о том, что я тебе скажу. Если ты решил ограбить кого-то, никогда не хватай его лошадь за уздечку; для начала сбрось всадника. Если он заговорит с тобой, ударь его посильнее и скажи: «Эй, паршивец, что ты там бормочешь?» После этого он в твоей власти и ты можешь делать с ним что душе угодно».

Около мили бедняк шел рядом со всадником, и всю дорогу новый знакомый обучал его своему ремеслу. Так они добрались до небольшого городка и оказались в скверном месте. И тогда бедняк сказал своему учителю: «Сэр, я знаю эти края лучше вас. Это опасная дорога, каждого второго здесь грабят. Но если выехать через ворота и держаться поля, можно спокойно миновать это гиблое место». Его спутник послушался совета. Когда они оказались на другой стороне дороги, бедняк ударил своего наставника по голове, свалив его наземь. Тот воскликнул: «Вот как ты отблагодарил меня за науку!» — «Эй, паршивец, что ты там бормочешь?» — закричал бедняк и что было силы ударил спутника еще раз. Когда тот перестал сопротивляться, он забрал у него около пятидесяти фунтов и лошадь. Сделав это, он во весь опор поскакал назад к жене. Войдя в дом, он сказал: «Дорогая женушка, я понял: быть грабителем непросто. Не хочу больше заниматься этим ремеслом, буду довольствоваться тем, что у меня есть. Здесь пятьдесят фунтов и неплохая лошадь. Я украл их у одного господина. Он тоже вор, и я подумал, что меня не станут наказывать за то, что я ограбил вора, а значит, я и дальше могу жить с чистой совестью».

Дэвид почесал бороду и усмехнулся.

— Хорошая история.

Энди охотно согласился с ним.

— Вот только я не понял, — лукаво спросил Купер, — какая связь между этой историей и епископом Лодом?

Кристофер Мэтьюз поднялся и расправил плечи.

— Уже совсем темно, — произнес он. — Объясню по дороге.

Энди и Купер тоже встали. Их фигуры отбрасывали длинные тени.

— Мне это видится так, — начал Мэтьюз. — Бедняк в рассказе — это Англия. Голодная, отчаявшаяся, она пытается выжить. Епископ Лод — это знатный господин. Он говорит, что его тоже беспокоит ситуация в стране и что в ее плачевном состоянии виноваты пуритане. Поэтому он учит ненавидеть их и убивать. Он не понимает, что в один прекрасный день ненависть обернется против него. Я верю, что в конечном счете Англия выживет, а епископ Лод — нет.

Они молча миновали сквер.

Наконец викарий сказал:

— Я молю Бога, чтобы, пока не поздно, Он открыл ему глаза.

На третий день после задержания Энди и за день до ярмарки Мэтьюз оставил его дома с Нелл и Дженни.

— Извини, но сегодня я уйду один. Меня ждет важное, не подлежащее огласке дело, — сообщил викарий Энди после утренней молитвы, когда они шли за водой к колодцу. — Тебя что больше устроит: остаться дома с девочками или ходить по городу с Сайресом?

Сделать выбор было нетрудно. Разумеется, провести время с двумя очаровательными девушками куда приятнее, чем уныло бродить по улицам рядом со сторожем. Энди очень хотелось пофлиртовать с Дженни. Впрочем, он не имел ничего и против Нелл. Хотя ее ум и снисходительная манера держаться смущали молодого человека, что-то в ней его задевало.

Когда Энди и Мэтьюз наполняли ведра у колодца, к ним подбежал Дэвид Купер и отвел друга в сторону. Вытаскивая полное ведро, Энди сделал вид, что не обращает на них внимания. На самом деле он весь превратился в слух. Однако ему удалось уловить лишь несколько слов: «партия», «доставка» и «не вышло».

— Боюсь, мне придется бросить тебя здесь, — сказал Энди Мэтьюз. — Передай Нелл и Дженни, что я буду поздно. Они поймут, — и, улыбнувшись, добавил: — Им не привыкать.

Энди видел, как приятели торопливо зашагали по направлению к мастерской Купера. Пройдя несколько шагов, они наткнулись на Эмброуза Дадли. Между ними вспыхнул горячий спор. Юноша видел, как рассерженный нотариус несколько раз тыкал костлявым пальцем в его сторону. Через пару минут Мэтьюз и Купер пошли своей дорогой. Дадли остался стоять на месте, свирепо поглядывая на Энди.

Делая вид, что не замечает его, молодой человек поднял ведра с водой за веревочные ручки. Вместо того чтобы идти к дому Мэтьюза, он спустился к Рыночной улице, ведущей из города. Сворачивая за угол, он поглядывал на Дадли. Тот немедленно пустился в погоню. На Рыночной улице Энди ускорил шаг и существенно обогнал тщедушного нотариуса. Затем устремился направо по дороге, которая шла между кукурузным полем и домами, и еще раз свернул направо.

Энди без стука вошел в дом, напугав Нелл и Дженни, которые плели кружево, сидя у открытого окна.

— Тсс! — Юноша торопливо поставил ведра и придвинул стул к окну.

— Мастер Морган! Почему вы...

— Тсс! — повторил Энди, кивнув в сторону улицы.

Его поведение озадачило девушек. Они выглянули наружу. Прошло несколько минут. Энди забеспокоился, неужели Дадли решил отказаться от преследования?

Однако в этот момент в окне показался длинный нос нотариуса, а следом и его перекошенное лицо. Он увидел дочерей Мэтьюза и Энди.

— Доброе утро, мистер Дадли, — дружелюбно сказала Дженни.

Энди приветственно поднял руку.

Ошеломленный нотариус ничего не сказал. Громко хмыкнув, он зашагал прочь.

Все трое расхохотались. Дженни по-девчоночьи хихикала, Нелл смеялась негромко, но от души. Энди невольно залюбовался смеющейся девушкой. Ее карие глаза сияли, а ровные белые зубы делали улыбку необыкновенно привлекательной. Энди было приятно, что он заставил ее рассмеяться.

— Что случилось? — спросила Нелл.

Энди взял ведра с водой, чтобы отнести их на кухню.

— Он подумал, я собираюсь сбежать. Ваш отец оставил меня у колодца. Он ушел вместе с господином Купером. Сказал, что вернется поздно.

После этих слов Нелл посерьезнела, и на ее лице появилось тревожное выражение. Это сразу бросилось в глаза Энди, ведь Нелл давно вышла из того возраста, когда девочка огорчается, узнав, что отец не придет домой обедать. Здесь было что-то другое.

Справившись с собой, Нелл вернулась к работе.

— Спасибо, что предупредили, — сдержанно поблагодарила она.

— И спасибо, что не сбежали! — улыбнувшись, добавила Дженни.

Сестра бросила на нее недовольный взгляд.

Почти все утро Энди наблюдал за работой девушек, предпочитая, впрочем, разглядывать их самих. Нелл прилежно трудилась, волнистые темно-каштановые волосы падали ей на лицо, когда она немного наклонялась вперед. У нее были выразительные, широко расставленные карие глаза, темные брови и полные губы. В уголках глаз и рта все время таилась усмешка. Прежде Энди не замечал этого.

Дженни была чуть-чуть ниже. Природа наделила ее чудесной чистой кожей и красивыми, прямыми темно-каштановыми волосами. Энди нравилось смотреть, как она перебрасывала их через плечо, когда они мешали ей.

Девушки были одеты в одинаковые муслиновые блузки, поверх которых шел корсаж из сукна, и в неброской расцветки юбки. Их руки с длинными тонкими пальцами были поразительно похожи. Эти пальцы, одновременно сильные и ловкие, искусно справлялись с любой работой — требовалось ли смотать пряжу в клубок или туго натянуть тонкую нить.

Энди впервые видел, как плетется кружево. Впрочем, ему — сыну очень богатого человека — доселе не приходилось находиться рядом с работающими людьми.

— Это называется *punto a grppo*, — пояснила Нелл.

— Костяное кружево, — перевела Дженни.

Плели его так. Сначала на кусок пергамента наносился геометрический узор. В нем прокалывались отверстия, определяющие расположение булавок. При плетении кружева они удерживали нити в нужном положении. Кусок пергамента с узором укладывался на подушку, и нити закреплялись булавками. Другой конец нити был намотан на коклюшки — кусочки кости, которые и дали название кружеву. Нити перекручивались, переплетались, оплетали булавки, образуя ряды рельефных узелков, соединенных тончайшими полосками. Готовое кружево представляло собой изящные воздушные изделия, чрезвычайно популярные среди модниц и модников.

Но каким бы удивительным ни было готовое кружево, куда больше восхищали Энди

тонкие руки мастериц. Гибкие пальцы Нелл так и летали над булавками. Ее руки напоминали слаженную пару, которая танцует под неслышную музыку.

— Мастер Энди, неучтиво так пристально смотреть на других, — заметила Нелл, пряча улыбку.

— Простите, — смущенно пробормотал Энди, — я загляделся на вашу работу.

— Вы что, никогда не видели, как люди работают?

От Энди не ускользнул оттенок порицания в ее голосе.

— Нелл! Мастер Энди наш гость, — вступилась за него Дженни. — Не стоит разговаривать с ним так сурово!

— Возможно, ты права, — ничуть не смутившись, парировала Нелл. — Просто я не привыкла к тому, чтобы здоровый молодой мужчина целый день сидел сложа руки.

— Нелл! — с упреком воскликнула Дженни и, попытавшись сгладить неловкость, мягко сказала: — Мастер Энди, я очень рада, что вы сидите вместе с нами, даже если Нелл это не по душе.

Не поднимаясь с кресла, Энди расправил плечи и сложил руки на груди.

— Я был бы рад помочь вам, если это, конечно, не противозаконно.

Однако его острота осталась без внимания.

— Ну что ж, вы действительно могли бы помочь нам скоротать время, мастер Энди.

— Я с удовольствием сделаю все, что вы прикажете.

— Вы хорошо читаете вслух? — спросила Нелл.

— Думаю, да.

— Может быть, вы почитаете нам, пока мы работаем?

— Конечно, — ответил Энди, — что бы вам хотелось послушать?

— Почитайте нам Библию, — попросила Нелл.

Энди не упустил случая угостить Нелл порцией свойственного ей сарказма.

— У вас отличный вкус! — воскликнул он. — Если не возражаете, я почитаю вам Библию короля Якова.

— Не думаю, что папе это понравится, — вздохнув, сказала Дженни.

Возможно, в глубине души Нелл была согласна с сестрой, однако она и бровью не повела. Она спокойно перекрутила нитку и ровным голосом произнесла:

— Пожалуйста, будьте так любезны.

— Нелл! — Дженни уронила свою работу на колени и изумленно взглянула на сестру.

— Но раз уж издание выбрали вы, выбор главы за мной.

Энди достал из сумки Библию.

— Полагаю, это будет справедливо.

Нелл дождалась, пока юноша вернется на свое место.

— Итак, что вы хотите послушать? — спросил Энди, опускаясь в кресло.

— Песнь песней, глава четвертая.

Энди открыл оглавление. Начав с Бытия, он медленно двигался сверху вниз.

— Итак... Песнь песней... Песнь песней... — он не заметил, что на щеках Дженни выступил густой румянец.

Нелл смотрела на него с удивлением.

— И часто вы читаете Библию, мастер Морган?

— Постоянно, — ответил Энди, не поднимая глаз.

— Эта книга после...

— Нашел! — Энди открыл нужную страницу. — Глава четвертая, стих первый. Вот она. — Молодой человек поудобнее устроился в кресле и начал читать.

— «О, ты прекрасна, возлюбленная моя...» — Энди недоуменно запнулся.

Дженни, не сдержавшись, хихикнула. Нелл невозмутимо сказала:

— Прошу вас, продолжайте. У вас отлично получается.

Энди понял, что он попал впросак, но решил не отступать.

Посмотрим, чья возьмет. И юноша громко прочитал:

— «...глаза твои голубиные...»

— Мастер Морган?

Энди оторвал глаза от книги, возмущенный тем, что его все время прерывают.

— Вы не могли бы начать с начала? И простите, пожалуйста, мою младшую сестру — глупышка все время хихикает.

Дженни немного успокоилась.

Энди прокашлялся и начал сначала, еще громче:

— «О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные под кудрями твоими; волосы твои — как стадо коз, сходящих с горы Галаадской; зубы твои — как стадо выстриженных овец, выходящих из купальни, из которых у каждой пара ягнят, и бесплодной нет между ними; как лента алая губы твои...»

Энди начал уставать. Дженни безудержно хихикала, да и Нелл с трудом сдерживалась.

— «...уста твои любезны; как половинки гранатового яблока — ланиты твои под кудрями твоими; шея твоя — как столп Давидов, сооруженный для оружия, тысяча щитов висит на нем — все щиты сильных; два сосца твои...»

Энди покраснел. Он использовал Библию, составляя послания епископу, но никогда не читал ее. И разумеется, он никогда не слышал, чтобы священник в Винчестере оглашал что-нибудь подобное во время службы.

— Прошу вас, не останавливайтесь, — засмеялась Нелл, — вы так хорошо читаете.

Энди скрипнул зубами.

— «...два сосца твои — как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями».

При этих словах обе девушки отошли к окну. Дженни прижала к лицу подушку, пытаясь заглушить смех, ее плечи вздрагивали. Нелл тоже больше не могла совладать с собой. По ее щекам текли слезы.

Энди закрыл книгу.

— Думаю, на сегодня хватит читать Библию, — сказал он. — Пожалуй, я немного прогуляюсь.

После того как Энди закрыл за собой дверь, он услышал взрывы хохота.

День ярмарки выдался холодным и пасмурным. Небо плотно затянуло тяжелыми серыми тучами. Казалось, вот-вот хлынет дождь. Такая погода испортила бы настроение жителям городка когда угодно, но только не сегодня. Ожидалась ярмарка, и обитатели Эденфорда, трудившиеся, как пчелы, с ночи до утра, не могли позволить погоде испортить им праздник и лишит развлечений. Кроме обычных увеселений в этот день должен был состояться суд над Энди Морганом.

Суд назначили на первую половину дня: главный констебль Хоффман не любил вставать спозаранок. Утром он должен был позавтракать, а его завтрак порой затягивался до обеда. Жители Эденфорда считали это нормальным. Куда спешить? Если обвиняемый до сих пор не сбежал, значит, он никуда не денется и к тому моменту, когда Хоффман насытится.

Между тем горожане веселились вовсю. Женщины группками переходили от палатки к палатке, смеясь и перешептываясь. Они покупали фрукты, сыр и овощи. У входа в церковь и перед мастерской Дэвида Купера собрались мужчины. Они беседовали о производстве шерсти, политике и религии (в те дни эти оба предмета были связаны между собой так тесно, что невозможно было заговорить об одном, не упомянув о другом), о боулинге, обменивались новостями. Молодежь собралась в сквере на лужайке, чтобы поучаствовать в состязаниях и поиграть в мяч.

Тяжелый, затхлый запах на улицах городка, занимавшегося выделкой шерсти, уступил место чудесным ароматам свежего хлеба и булочек, цветов, сыра и влажной земли, которой пахли свежие овощи.

Вместе с Мэтьюзами Энди по склону холма спустился к Рыночной улице. Все, включая викария, несли узлы или корзины. В них лежали еда и другие вещи, которые могли понадобиться в течение дня. Девушки взяли с собой Библию.

Порыв ветра сорвал шляпу с головы Энди и понес ее в сторону южного моста. Мэтьюзы остановились, дожидаясь, пока он поймает ее. Для этого ему пришлось пробежать половину пути до моста.

«Может быть, сбежать прямо сейчас?» — подумал молодой человек. Несмотря на заверения Кристофера Мэтьюза, что все будет в порядке, мысль о предстоящем суде не давала ему покоя. А вдруг эта шляпа — знак свыше, намекающий на то, что пока не поздно нужно уносить ноги? Он ведь не собирался идти на этот суд, хотел выбраться из города раньше. Однако за последние дни Энди не выяснил ничего нового. У Эденфорда была какая-то тайна, и он не мог вернуться, не узнав ее. Энди поплотнее натянул шляпу и направился к поджидавшим его Мэтьюзам.

Из городского сквера доносились крики и шум. Нелл и Дженни пошли посмотреть, что происходит. Там боролись двое полуобнаженных мужчин. Один из них был могучего сложения, рыжий и волосатый, другой — среднего роста, со смуглой кожей. Дженни склонилась к Нелл и прошептала ей что-то на ухо. Нелл отмахнулась.

Рыжий попросту забавлялся с противником, который был явно слабее. Угрюмый темноволосый борец хоть и пыжился, не мог причинить рыжему никакого вреда — тот был крупнее, сильнее и проворнее. Терпя одну неудачу за другой, темноволосый становился все мрачнее. Раньше Энди не видел его. Опустив голову, смуглый борец бросился в атаку. Энди подумал, что ситуация напоминает игру в боулинг, когда шар сбивает хрупкие кегли. Перед

самым ударом великан сделал шаг в сторону, схватил промахнувшегося противника и подбросил его в воздух. Размахивая руками и ногами, темноволосый с глухим стуком упал к ногам зрителей.

Под аплодисменты рыжий великан победно вскинул руки. Он заметил взгляд Нелл, и его улыбка стала еще шире. Было видно, как он доволен, что девушка оказалась свидетельницей его победы.

Однако темноволосый борец не желал признавать поражение: заносчивость рыжего привела его в бешенство. Сжав кулаки, он набросился на великана сзади, изо всех сил ударив его по почкам.

Лицо великана исказилось от боли. Он проворно развернулся, швырнул противника на землю и начал мутузить его.

Четверо крепких мужчин не без труда оторвали великана от окровавленного соперника. Одним из них был Кристофер Мэтьюз. Великан с пристыженным и растерянным видом вытер запачканный кровью нос тыльной стороной ладони. Он посмотрел на Нелл. Та, не скрывая отвращения, покачала головой, повернулась и пошла прочь, к палаткам.

— Нелл, Нелл, подожди! — огорченно закричал великан, но девушка не обернулась.

— Нелл, — жалобно протянул великан, — он же первый меня ударил!

Энди наклонился к Дженни.

— Между ними что-то есть?

Дженни улыбнулась. Ей было приятно стоять рядом с Энди. Она подошла к нему поближе.

— Он думает, что да, — шепнула она, — но только зря тратит время.

— Почему Нелл не скажет ему об этом?

— Ей не так-то легко это сделать. Наша семья дружила с семьей Куперов, когда нас еще не было на свете. Мы почти родственники.

— Куперы? Так он из них?

Дженни кивнула и украдкой взглянула на губы Энди.

— Это сын Дэвида Купера, сапожника.

Действительно, мощными руками и грудной клеткой, выпуклым лбом и глубоко посаженными глазами великан напоминал Дэвида Купера. Сын был крупнее отца и почти такой же волосатый. Вот только, в отличие от Дэвида, он был рыжим.

— Нелл и Джеймс ровесники, между ними всего два месяца разницы, — продолжала Дженни, — и наши семьи предполагали, что когда-нибудь они поженятся. Во всяком случае, так считал Джеймс.

— Ваш отец тоже так думал?

— Он никогда не говорил об этом, но господин Купер его лучший друг. Он был бы рад породниться с ним.

Убедившись, что Нелл не намерена с ним разговаривать, рыжий великан, ссутулившись, поплелся за своими приятелями. Подняв глаза, он заметил Энди, стоящего рядом с Дженни. Он пристально посмотрел на него и расправил плечи.

Энди понял: если он не покинет Эденфорд в ближайшее время, их пути обязательно пересекутся. И эта перспектива не обрадовала молодого человека.

К половине одиннадцатого главный констебль выспался и плотно позавтракал. До ленча оставалось достаточно времени, чтобы провести судебное заседание. В ясные дни

слушание дел проходило в городском сквере, но в день суда над Энди Морганом погода вынудила зрителей укрыться в церкви. Юноша держался поближе к Кристоферу Мэтьюзу. Все деревянные скамьи были уже заняты. Нелл и Дженни с трудом удалось найти место в середине зала, а Энди с викарием прошли вперед по центральному проходу. Джеймс Купер и еще несколько молодых людей сели прямо за девушками. Нелл опустила голову, когда они проходили мимо нее. Было непонятно, молится она или просто старается не замечать Джеймса. Дженни ободряюще улыбнулась Энди и еле заметно махнула рукой.

Из-за непогоды ставни пришлось закрыть, поэтому в помещении было темно и мрачно. Снаружи тревожно завывал ветер.

Хотя церковь была битком набита, народ все прибывал. Люди стояли вдоль стен и толпились в проходах. Энди видел, что они настроены сурово, словно пришли посмотреть на настоящую схватку.

Энди и Мэтьюз сели на переднюю скамью, предназначенную для обвиняемого и свидетелей. Тайный агент не сумел удержаться от довольной улыбки, когда заметил, что алтарь в нарушение предписаний находится не у восточной стены и не обнесен ограждением. Доведись епископу Лоду присутствовать на этом судебном заседании, он, несомненно, пришел бы в ярость при виде того, как главный констебль восседает прямо за столом для евхаристии.

Сначала Дэвид Хоффман занимался тяжбой между соседями, которые вместе строили дом и не могли уладить денежные вопросы, и слушал дело об имущественном ущербе, связанном с гибелью свиньи. В нетрезвом состоянии один из жителей городка заколол свинью соседа, приняв ее за демона.

После того как главный констебль постановил, как должны распределяться затраты между партнерами по строительству, и принял решение о возмещении ущерба хозяину свиньи, он попросил Энди встать. По праву городского нотариуса Эмброуз Дадли зачитал выдвинутое против юноши обвинение. Со своего места Энди хорошо видел Нелл и Дженни. Выражение лица Нелл оставалось бесстрастным, но ее пальцы нервно теребили бахрому шали; Дженни кусала губу.

Пронзительный голос Дадли перекрыл неумолчный гул толпы:

— Настоящим мастер Энди Морган обвиняется в бродяжничестве.

Судья попросил нотариуса изложить обстоятельства дела.

— Сайрес Ферман, городской сторож, задержал мастера Моргана три дня назад. Мастер Морган проник на территорию Эденфорда и следовал с севера по Мостовой улице. Он был вооружен вот этим.

Обеими руками Дадли поднял над головой саблю Амоса Моргана. Толпа загудела громче.

— Подозревая, что мастер Морган является бродягой или того хуже, Сайрес привел молодого человека ко мне, после чего я обстоятельно допросил его. Допрос выявил, что Энди Морган не имеет постоянного места жительства.

Главный констебль уткнулся в книгу и начал делать пометки. Все ждали, пока он закончит. Слышен был лишь скрип пера да завывание ветра в разохшихся ставнях. Подняв голову, Хоффман спросил:

— Вы можете что-нибудь добавить?

Костлявый нотариус поправил камзол и прокашлялся. Он понизил голос, чтобы сказанное прозвучало более веско и убедительно:

— Да. Я подозреваю мастера Энди Моргана в убийстве Шубала Элкинса!

По церкви прокатился общий вздох. Несколько человек вскочили на ноги и, перегнувшись через спинки скамей, начали кричать, грозя Энди кулаками. словно приливная волна, на юношу надвигались гневные разгоряченные лица. Отовсюду доносились проклятья. Он увидел, что к нему, недобро усмехаясь, пробирается Джеймс Купер.

К чести Сайреса Фермана надо сказать, что он встал между задержанным и разъяренной толпой. Городской сторож был безоружен — вносить огнестрельное оружие в церковь запрещалось. Главный констебль вскочил, громко стуча молотком по столу и призывая публику к порядку. Кристофер Мэтьюз поспешил на помощь сторожу и попросил присутствующих успокоиться, но его голос потонул в гуле толпы.

Тогда викарий подтолкнул Энди к стене и закрыл его своим телом. Толпа продолжала угрожающе надвигаться. Когда до Мэтьюза осталось не более фута, люди остановились. Никто не решался трогать священника. Горожане кричали, уговаривая его отойти, но он не двинулся с места.

Воспользовавшись моментом, Мэтьюз крикнул:

— Этот человек не убивал Шубала Элкинса!

— Дадли сказал, что это сделал он! — высоколобый мужчина с испачканной черной бородой взял на себя роль вожака. Раздались одобрительные крики, и толпа вновь качнулась вперед. Кристофер Мэтьюз начал кое-что понимать: всю эту свистопляску, без сомнения, организовал нотариус.

— Где доказательства? — громко спросил Мэтьюз.

— Он зарубил его своей саблей! — ответил чернородый.

— Так сказал нотариус? Что орудием убийства была сабля?

Чернородый утвердительно кивнул.

— Очень любопытно, поскольку Эмброуз Дадли не присутствовал при осмотре тела. Тело осматривал я. Со мной были Сайрес и Дэвид Купер. — Викарий поискал глазами городского сторожа и увидел, что двое мужчин оттеснили его в сторону. — Сайрес, раны на теле Шубала Элкинса были нанесены саблей?

— Вряд ли, — ответил Сайрес. — Раны были слишком малы. Скорей всего, его убили небольшим ножом.

— Купер? — возвысил голос викарий, перекрывая шум толпы.

Сапожник из противоположного конца зала крикнул:

— Убийца использовал нож. Такие раны нельзя нанести саблей.

— Морган мог убить его ножом! — голос принадлежал Эмброузу Дадли. Он благоразумно спрятался за спину главного констебля.

Дэвид Хоффман вмешался в разговор:

— Вы нашли у этого юноши нож?

— Он мог выбросить его в кусты или в реку или вообще закопать, — срывающийся голос нотариуса звучал не очень уверенно.

— Вы нашли у задержанного нож? — повторил главный констебль.

— Нет, не нашли, — неохотно признался нотариус.

Главный констебль продолжил:

— Есть ли у вас иные доказательства, говорящие о причастности этого юноши к убийству?

— Его задержали неподалеку от места убийства! — ответил Дадли. — Тело найдено

вечером в воскресенье. Энди Морган был задержан в понедельник. Ваша милость, я уверен, это он. Я это чувствую. Я всегда чувствую, когда человек что-то скрывает!

Главный констебль извлек кружевной носовой платок и вытер им пот.

— Господин Дадли, вам очень хорошо известно, что впечатление не может служить доказательством в суде. Если человек оказался вблизи от места преступления, это не свидетельствует о его вине. Если у вас нет иных доказательств, я отклоняю обвинение в убийстве, выдвинутое против мастера Моргана.

— Но ведь он обвиняется еще и в бродяжничестве! — напомнил Дадли. — А в том, что он бродяга, нет сомнения!

— Мы рассмотрим этот вопрос, — голос главного констебля звучал решительно, в нем слышался оттенок раздражения. — Что до вас, господин нотариус, то ваше поведение достойно порицания! Вы относитесь к этому делу предвзято. Но факты упрямая вещь. Вы без нужды взбудоражили весь Эденфорд своими нелепыми обвинениями. В конце судебного заседания я переговорю с должностными лицами города, и мы определим вам соответствующее наказание.

После этих слов последовал незапланированный перерыв, во время которого все вернулись на места. Прежде чем сесть, Энди поблагодарил своих защитников. Теперь он видел, что горожане относятся к нему по-разному: если Дженни и Нелл были бледны от страха, то у кого-то в глазах затаилось недоверие, а у кого-то — разочарование, ведь им не удалось услышать смертный приговор.

Когда в зале стало тихо, главный констебль обратился к Энди:

— Вас обвиняют в бродяжничестве. Можете ли вы что-нибудь сказать в свое оправдание?

— Я путешественник. Больше ничего, — ответил Энди. — Я не представляю опасности для жителей города.

— Он не ответил на вопрос! — закричал Дадли.

По лицу главного констебля пробежала тень раздражения.

— Мистер Дадли, я знаю свое дело. Попрошу вас не мешать мне.

Нахмурившись, Дадли скрестил руки на груди.

— Он прав, мастер Морган, — продолжал главный констебль, — вы не ответили на мой вопрос. Где вы живете постоянно?

Последовала продолжительная пауза. Энди лихорадочно соображал, как заставить суд снять с него это нелепое обвинение.

— Вам понятен вопрос, мастер Морган?

Кристофер Мэтьюз поднялся со своего места и отчеканил:

— Если мастер Морган не возражает, он может продолжать жить в моем доме.

Дженни беззвучно зааплодировала отцу. Рот Нелл на мгновение приоткрылся, но она тут же спохватилась и сурово сжала губы.

— Благородный поступок, викарий, — промолвил Хоффман, — но едва ли уместный. Ваше предложение поступило после того, как было совершено преступление. Позвольте мне сформулировать вопрос иначе. Мастер Морган, имелось ли у вас постоянное место жительства четыре дня назад, когда вы были задержаны сторожем Эденфорда?

— Нет, сэр, — ответил Энди, — но я по-прежнему настаиваю, что не представляю угрозы для города. Я всего лишь шел в Плимут.

— В Плимут? Зачем?

— Чтобы поступить на торговое судно.

— Понятно... — Главный констебль задумчиво погладил себя по второму подбородку. — У вас была предварительная договоренность с кем-то из капитанов?

— Нет, сэр.

— Приходилось ли вам раньше выходить в море?

Энди хотел было солгать, но вовремя вспомнил, что именно вранье привело его к провалу в Норидже. Надо выкручиваться как-то иначе.

— Нет, сэр, — ответил он.

— Можете ли вы доказать, что не вводите суд в заблуждение, говоря о Плимуте?

— Нет, сэр.

Пока главный констебль делал записи в своей книге, толпа снова загудела. Затем Хоффман обратился к Дадли:

— Я отдаю себе отчет в том, что следующий вопрос может показаться кому-то бессмысленным — все присутствующие знают, что произошло в этом зале несколько минут назад, — однако я его задам. Этого требует процедура судопроизводства. Итак, попрошу уточнить, было ли на момент задержания у мастера Моргана какое-либо оружие?

— Было! — быстро и с видимым удовольствием ответил нотариус и услужливо положил перед главным констеблем саблю. Тот вынул ее из ножен и принялся разглядывать лезвие.

— Это ваша сабля? — спросил он Энди.

— Да, сэр, моя.

— Зачем она вам?

— Для защиты, сэр.

— От кого вы собирались защищаться?

— От грабителей. Путешествовать по английским дорогам — дело опасное.

Главный констебль кивнул в знак согласия, продолжая изучать саблю.

— Несколько недель назад я был в Колламптоне, — его голос звучал так, словно он размышляет вслух. — Говорят, на дороге между Колламптоном и Брэднижем орудует разбойник. Это случайно не вы?

— Нет, сэр!

— Если я не ошибаюсь, такими саблями пользуются на флоте, — заметил главный констебль. — Вы же утверждаете, что никогда не ходили в море.

— Это сабля моего деда, — Энди заколебался, стоит ли упоминать имя дедушки, но решил, что это может произвести впечатление на Дэвида Хоффмана. — Она принадлежала адмиралу Амосу Моргану.

Горожане оживленно зашептались.

Главный констебль оторвал взгляд от сабли и пристально глянул на Энди.

— Поразительно! — сказал он. — Адмирал Морган еще жив?

— Нет, сэр. Он скончался в этом году.

— Гм, — отреагировал главный констебль.

Некоторое время в церкви стояла тишина.

Главный констебль положил саблю на стол.

— Пожалуй, это к лучшему. Не сомневаюсь: такому благородному человеку было бы неприятно узнать, что его внука обвиняют в бродяжничестве. Можете ли сказать еще что-нибудь в свою защиту?

Энди почувствовал холодок. Паниковать было рано, но он растерялся. Как ни крути, ему

не выпутаться из этого дела без ущерба для своей работы. А что если его признают виновным? Как наказывают бродяг? Он не знал.

— Могу я получить слово?

С передней скамьи поднялся Кристофер Мэтьюз.

Главный констебль кивком дал понять, что не возражает.

— Если позволите, я хотел бы сказать несколько слов в защиту обвиняемого.

Главный констебль снова кивнул.

— В соответствии с определением, которое зачитал наш нотариус, не остается сомнений в том, что Энди Морган бродяга.

— Отец! — не сдержалась Дженни. Даже невозмутимая Нелл была потрясена.

Мэтьюз продолжал:

— Возможно, он бродяга, но он не злой человек и не опасен для горожан. Хотя я знаком с Энди Морганом всего три дня, я провел рядом с ним больше времени, чем кто-либо другой в этом зале.

— Показания свидетеля не относятся к делу, — заявил Эмброуз Дадли, вскакивая с места. Обращаясь к главному констеблю, он сказал: — Кристоферу Мэтьюзу было доверено охранять задержанного до настоящего слушания. Боюсь, он не справился с этим поручением. Я видел, как он играл с ним в боулинг! Ему поручили охранять задержанного, а не развлекать его!

По церкви прокатился смех.

— Кроме того, я видел, как викарий оставил задержанного посреди улицы без охраны! Мальчишка мог сбежать!

— Это только подтверждает, что прав я! — возразил Мэтьюз. — У Энди была возможность — и не одна — сбежать, но он не сделал этого!

— Он не дал деру, потому что знал: я слежу за ним! — закричал нотариус.

— Я продолжаю настаивать, — гнул свою линию Мэтьюз, — что если бы Энди Морган намеревался сбежать, он сбежал бы. Если бы он хотел причинить нам вред, он сделал бы это. Однако он не совершил ни того, ни другого. Если бы Энди был преступником, его не увидели бы на этом заседании. — Мэтьюз сел на свое место.

Главный констебль со вздохом откинулся на спинку стула. Слушание дела затягивалось, а он проголодался. Дэвид Хоффман выжидательно посмотрел на нотариуса, которому нетерпелось возразить викарию.

— Факт остается фактом, — сказал Дадли. — На момент задержания Энди Морган не имел постоянного места жительства. По английским законам он является бродягой и должен быть наказан. — Торжествуя, Дадли сел.

С величайшей неохотой главный констебль спросил:

— Желает ли еще кто-нибудь высказаться?

Энди обвел глазами собравшихся. Нелл и Дженни прижались друг к другу и опустили головы. Сидящий за ними рыжий Джеймс, потеряв интерес к происходящему, равнодушно уставился в потолок. У дверей, прислонившись к стене, стоял, скрестив на груди волосатые ручки, Дэвид Купер.

— Могу я кое-что добавить? — поднялся Кристофер Мэтьюз, на сей раз держа в руках отцовскую Библию.

Эмброуз Дадли закатил глаза.

И тут дверь церкви распахнулась и снаружи повеяло холодом. Стоявшие у входа начали

было ворчать, но, узнав вошедшего, притихли. Главный констебль расправил плечи. Когда Энди увидел, кто переступил порог церкви, кровь отхлынула у него от лица. Хорошо еще, в этот момент публика не обращала на него никакого внимания — юноша не сразу совладал со своими чувствами.

Войдя, лорд Честерфилд прикрыл за собой дверь. Поглощенный собственными мыслями, он держался так, словно вокруг никого не было. Он снял плащ, аккуратно сложил его, а затем с величайшим тщанием занялся своей одеждой, расправляя каждую складочку и поправляя кружево на воротнике и манжетах. Как большинство аристократов, он привык, что все смотрят только на него. Сказать по правде, это доставляло ему удовольствие. Закончив охорашиваться, лорд взглянул на главного констебля:

— Прошу вас, продолжайте, — промолвил он, снисходительно махнув рукой.

— Ваше присутствие большая честь для всех нас, — сказал главный констебль. — Может быть, вы окажете мне еще большую честь и займете место рядом со мной?

Показав небрежным жестом, что он отклоняет предложение, лорд Честерфилд ответил:

— Продолжайте. Мне нужно сообщить кое-что жителям города, но я подожду, пока вы закончите.

Четыре человека на задней скамье уступили лорду свое место. Он занял все четыре места, разложив на скамье плащ. Из уважения к высокопоставленной особе главный констебль повторил выдвинутое обвинение. Энди Морган не отрывал тревожного взгляда от лица Честерфилда. Сначала в глазах лорда что-то мелькнуло и он слегка нахмурился. Однако спустя минуту он уже являл собою скучающего аристократа, вынужденного выслушивать мелочные пререкания простолюдинов.

Главный констебль приказал Кристоферу Мэтьюзу продолжать. Если бы он знал, что собирается сказать викарий, то сразу объявил бы Энди виновным и покончил с этим.

Мэтьюз прокашлялся.

— Как я уже говорил, по английским законам мастер Морган является бродягой. Однако здесь на карту поставлены и соображения высшего порядка.

Эмброуз Дадли неодобрительно крикнул.

— Выслушайте меня, уважаемый господин нотариус. Все мы знаем вас как доброго христианина.

Когда викарий обратился к нотариусу, тот вздрогнул.

— Господин Дадли, как давно вы живете в Эденфорде?

Дадли окаменел.

— Три года, — отрывисто ответил он. — В течение года и двух месяцев в качестве городского нотариуса.

— Мы знакомы с этим человеком три года, — как ни в чем не бывало продолжил Мэтьюз. — За редчайшими исключениями он исполняет свои обязанности с похвальным прилежанием. Он добросовестно посещает церковные богослужения. И наконец, рассматривая его действия в отношении Энди Моргана, мы можем сказать, что он поступил так из лучших побуждений, руководствуясь интересами Эденфорда.

По лицам присутствующих было видно, что они озадачены, не стал исключением и главный констебль. Все прекрасно знали, что представляет собой Эмброуз Дадли. Но никто не понимал, куда клонит викарий.

Отвечая на безмолвный вопрос собравшихся, Мэтьюз пояснил:

— Никто не ставит под сомнение добросовестность нашего нотариуса. Он всегда

действовал, руководствуясь английским законом и интересами города. Но, по-моему, дело не в том, бродяга ли Энди Морган. Нам следует поставить вопрос иначе: не противоречит ли английский закон другому, данному Богом! — Не обращая внимания на суматоху, поднявшуюся в церкви, и не давая главному констеблю остановить себя, викарий продолжал: — По закону нашей страны человек, который странствует по дорогам Англии, не ставя перед собой цель попасть в определенный пункт назначения, совершает противоправный акт. Если бы Авраам — а его Господь сделал отцом народа Израиля — был жив, то он в соответствии с английским законом сегодня стоял бы рядом с мастером Морганом! — И, открыв Библию, Мэтьюз прочел: — «Верою Авраам повиновался призванию идти в страну, которую имел получить в наследие, и пошел, не зная, куда идет» ^[59]. Собственно говоря, в соответствии с действующим законодательством следовало бы арестовать весь народ Израиля! — И викарий вновь процитировал: — «...водил Он их по пустыне сорок лет...» ^[60] И Авраам и народ Израиля нарушили английский закон. Так кого же мы должны арестовать?

Казалось бы, вопрос священника был риторическим, но на него ответили. Нежный голосок произнес:

— Мы должны арестовать Иисуса! Наш Господь Сам сказал, что Он — бродяга.

Это говорила Нелл. Цитируя по памяти, она продолжила:

— «Говорит ему Иисус: лисицы имеют норы и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» ^[61], Евангелие от Матфея, глава восьмая.

Из задних рядов раздался другой голос, на этот раз хриплый и низкий:

— Нас всех следует арестовать, — это был Дэвид Купер, — разве не сказано в Писании, что все мы «странники и пришельцы на земле» ^[62]?

Главный констебль несколько раз ударил ладонью по столу.

— Я не давал слова никому, кроме викария, — рявкнул он и вновь обратился к Мэтьюзу: — Согласен, были и другие странники. Однако они жили в другое время и в другом месте. Мы же находимся в Англии, идет 1629 год от Рождества Христова. И в наше время быть бродягой противозаконно.

Викарий невозмутимо кивнул.

— Я всего лишь хочу спросить: как нам поступить, оставаясь христианами, если законы Бога и законы Англии противоречат друг другу? Какому из них мы должны подчиниться?

Главный констебль был обескуражен. Ему совсем не хотелось давать ответ на этот вопрос. Он глянул в сторону лорда Честерфилда, надеясь на его помощь. Честерфилд равнодушно посмотрел на него.

Некоторое время главный констебль сидел, подперев голову рукой.

Наконец он промолвил:

— Вы должны показать, в чем состоит противоречие законов Бога и законов Англии, касающихся бродяг. Прочитанные вами цитаты из Библии говорят лишь о том, что в библейские времена законы отличались от нынешних. Вы не убедили меня, Мэтьюз, что Господь давал какие-то особые наставления в отношении бродяг. — И главный констебль самодовольно откинулся на спинку стула.

Но торжествовать ему пришлось недолго. Викарий открыл Библию на странице, заложенной клочком бумаги. В этот момент Энди понял: выступление Мэтьюза не было импровизацией. Он тщательно подготовился к нему.

— Библия, книга Левит, глава девятнадцатая, стих тридцать четвертый: «Пришлец,

поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш; люби его, как себя; ибо и вы были пришельцами в земле Египетской. Я Господь, Бог ваш». Таков закон Господень о странниках и путниках, подобных Аврааму или Энди Моргану.

Главный констебль почесал в затылке. Он окинул Энди взглядом, пытаясь понять, почему вокруг этого юнца поднялась такая суматоха. Затем посмотрел на последние ряды и сказал:

— Лорд Честерфилд, это ваш город, и я полагаюсь на ваше мнение. Этот юноша, судя по всему, невиновен. Как мне с ним поступить?

Лорд Честерфилд пренебрежительно фыркнул.

— Делайте с ним что хотите, мне все равно.

Убедившись, что лорда исход этого процесса не интересует, главный констебль провозгласил:

— По делу Энди Моргана я выношу следующее постановление: жителям Эденфорда следует оказать ему радушный прием как страннику в соответствии со священным Словом Божьим.

Нельзя сказать, что такой вердикт был встречен с ликованием. Радовались лишь Мэтьюзы и Дэвид Купер. Большинство присутствующих не скрывали своего разочарования: наказания, которое могло бы приятно разнообразить день ярмарки, не последует.

Однако суд над Энди забылся гораздо быстрее, чем следовало ожидать. И повинен в этом был лорд Честерфилд.

По окончании суда он вышел вперед. Толпа вновь негромко загудела.

От имени жителей города викарий выразил лорду свои соболезнования по поводу исчезновения его сына.

Лорд сухо кивнул и прокашлялся. Затем он сообщил жителям Эденфорда две новости.

Во-первых, по приказу короля Карла налог в пользу английского флота был поднят с пятидесяти до семидесяти пяти фунтов. Эта сумма должна компенсировать снижение суммы сборов на постройку военных кораблей с соседнего Тивертонна.

Во-вторых, Джон де Ла Барр, известный торговец тканями из Эксетера, получил королевскую охранную грамоту. Это означало, что город не только не получит восьмисот пятидесяти фунтов, которые де Ла Барр задолжал его жителям, но и не сможет потребовать возвращения этого долга впредь.

Городскому хозяйству нанесли тяжелый удар. Целый год работы пошел насмарку, и жители были бессильны что-либо изменить. Не с первым городом случилось подобное. Король действовал обдуманно и жестко, поскольку отлично знал, что в Эденфорде живут пуритане.

Итак, жертва вступилась за своего преследователя. Энди осознавал всю парадоксальность ситуации. Если бы Кристофер Мэтьюз промолчал и предоставил главному констеблю и нотариусу сделать свое дело, длинная рука Лода не настигла бы его. Но викарий, сам того не зная, встал на защиту своего врага.

После суда прошла неделя. Энди лежал на ковре перед очагом в гостиной священника. Размышляя о происходящем в Эденфорде, он пришел к выводу: Кристофер Мэтьюз упростил его работу до предела.

Мысленно юноша перебирал улики против викария: этот человек допустил дискредитирующие высказывания в адрес короля Якова, обвинив покойного монарха в безнравственности; алтарь в церкви не был обнесен ограждением и располагался не там, где положено. Осквернение алтаря начальником полиции во время суда происходило на глазах у всего города. Даже если никто из жителей не согласится дать показания против Мэтьюза, остается лорд Честерфилд. Он тоже все видел.

Вспомнив о наряженном в кружева лорде, Энди спросил себя, узнал ли его Честерфилд. На суде на какое-то мгновение ему показалось, что да. Но теперь юноша начал сомневаться в этом. Его беспокоила и другая мысль. Согласится ли лорд Честерфилд давать показания против человека, который так успешно помогает ему в управлении производством?

Шум на втором этаже дома отвлек Энди от раздумий. Наверху кто-то захлопнул тяжелую книгу и передвинул стул. С того момента как викарий, Нелл и Дженни пожелали юноше доброй ночи, прошло уже более часа. Однако в комнате Мэтьюза все еще горел свет. Возможно, он готовился к воскресной службе. Энди вздохнул. Ему хотелось, чтобы домашние побыстрее заснули. Пора расшифровать послание епископа, а пока не все улеглись, заниматься этим небезопасно.

Энди получил письмо рано утром, и передал его не кто иной, как сам Кристофер Мэтьюз. По словам викария, посыльный надеялся найти Энди в Тивертоне, Эксетере или Плимуте, но случайно навел справки в Эденфорде. Викарий усмотрел в этом Божий промысел. Энди прекрасно понимал, что Божий промысел здесь ни при чем: посыльный знал, где его искать.

Энди поднялся и посмотрел, что делается наверху. Свет еще горел. Может, викарий вообще не собирается ложиться? Тайный агент достал послание епископа. Он решил рискнуть. Вряд ли в столь поздний час кто-нибудь из домашних спустится вниз.

Увидев знакомый круглый почерк, Энди почувствовал, как соскучился по Лондону — по епископской библиотеке, стряпне толстяка повара, ночным беседам о рыцарях и приключениях. Как не похоже было все это на убогую обстановку дома викария!

Открыв Библию, молодой человек подвинулся поближе к огню, растянулся на животе и взялся за шифровку. Сообщение гласило: (64/1/4/1–7). (60/2/3/1–6). (20/11/5/7–11). (60/2/5)? (46/4/17/1–4). (57/4/1/1–15). «Благодарю Бога моего, всегда вспоминая о тебе. Да не обольстит вас никто никак. Нечестивый падет от нечестия своего. Не помните ли, что я, еще находясь у вас, говорил вам это? Ибо время начаться суду. Итак, братия мои возлюбленные и вожделенные, радость и венец мой, стойте так в Господе, возлюбленные».

Энди нахмурился. Послание встревожило юношу. Он перечитал строки еще раз. Почему епископ так волнуется за его работу? Хотя тон письма был дружелюбным, в нем звучали и

тревожные нотки. «Да не обольстит вас никто никак». Почему епископ думает, что кто-то хочет обольстить его? «Не помните ли, что я, еще находясь у вас, говорил вам это?» Энди попытался понять, на какой разговор намекает патрон. Может, речь идет об их споре после суда над Маршаллом Рамсденом? Не исключено. Или епископ беспокоится, что он может привязаться к Кристоферу Мэтьюзу? Или Лода просто вводят в заблуждение?

И к чему это упоминание о времени: «Ибо время начаться суду»? Хочет ли епископ сказать, что срок пребывания в Эденфорде подходит к концу? Но почему? Несмотря на сентиментальную фразу в конце письма, которая не удивила Энди, у него возникло ощущение, что епископ Лод сомневается в нем.

Когда последние дрова в очаге прогорели, оставив лишь мерцающие угли, Энди вложил письмо в Библию и лег на спину, наблюдая за отблесками света на стенах и потолке. Он с любовью думал о епископе, избавившем его от ужасной жизни в Морган-холле. Только два человека пытались спасти Энди: епископ Лод и адмирал Морган. Один звал его к себе, а другой гнал от себя. «Покинуть судно!» — Энди улыбнулся, вспомнив слова деда. Теперь, спустя несколько месяцев после побега из отцовского дома, он не понимал, что держало его в Морган-холле. Пусть поместье достанется Филиппу. Придет время, и Энди построит что-нибудь грандиозное, принадлежащее лишь ему одному, и никто не сможет это отнять.

Конечно, жизнь в Морган-холле скрашивало присутствие дедушки. А смог бы он уехать оттуда, будь старый адмирал еще жив?

«Мне всегда казалось, что от священников мало проку». Разве не так отозвался адмирал о епископе? Энди тихонько засмеялся. Интересно, подружился бы его дед с епископом, если бы они встретились?

«Они так похожи, — думал Энди, — оба пылкие идеалисты, для которых превыше всего слава отечества». Епископ бьется за Англию в церкви, адмирал сражался за нее на море. Оба они одиночки. Ни тот ни другой никогда не имели близких друзей. Правда, у адмирала когда-то, еще до рождения Энди, был Джон Хокинс и Джорджиана, а у епископа есть Тимминс, которого вряд ли можно считать другом, скорее доверенным лицом. У обоих не было никого ближе Энди: он любил их, а они любили его.

И адмирал, и епископ достигли вершин, пройдя нелегкий и долгий путь. Амос Морган был сыном судостроителя, а Лод происходил из семьи торговца тканями. Это особенно восхищало Энди: оба они — сильные люди, несмотря ни на что верившие в свою мечту и старавшиеся любой ценой добиться ее осуществления.

Внезапно Энди замер. Тревожная, лишающая покоя мысль пришла ему в голову. Она охладила его пламенный восторг так же, как вода гасит огонь. Не успел он обдумать ее, как следом возникла еще одна, столь же обескуражившая. Лежа с открытыми глазами, Энди пытался справиться с нахлынувшими на него сомнениями.

Юноша вдруг понял, что он сам, в отличие от адмирала и епископа, не имеет твердых убеждений. Где это видано, чтобы рыцарь не знал, за что он сражается? Епископ борется за сохранение англиканской церкви и готов умереть за свое дело. Адмирал бесстрашно, не жалея жизни, защищал Англию от испанских завоевателей. «А за что сражаюсь я? За Англию? За короля? И против кого я воюю? Кто мой враг? Дедушка ненавидел испанцев, Лод — пуритан. А кого ненавижу я?»

Он вспомнил Маршалла Рамсдена и Мэри Седжвик — и не почувствовал ненависти. А как насчет Кристофера Мэтьюза? Дженни? Нелл? Они тоже враги? Энди трудно было поверить, что они угрожают английской короне. Их требования можно назвать странными, а

действия — противозаконными, но на самом деле у пуритан не было ничего общего с подстрекателями к мятежу или бунтовщиками. Энди с беспокойством осознал: он не испытывает неприязни к своим врагам.

Вторая мысль естественным образом вытекала из первой. Он понял, что одинок. У него нет не только дела, за которое он готов отдать жизнь, но и друга-сверстника.

Порой Энди говорил себе, что ему никто не нужен. Но в глубине души молодой человек страстно мечтал о дружбе, возможно, с женщиной, хотя и от товарищеских отношений с мужчинами он бы не отказался. Однако друзей у него не было.

Он завидовал Кристоферу Мэтьюзу — жизнь викария была наполнена любовью. Он любил своих дочерей, и они отвечали ему тем же. У него были близкие друзья, взять хотя бы того же Дэвида Купера, и при этом Мэтьюза любил весь город. Казалось, сам Господь любит его! Энди никогда не встречал человека, который бы так открыто любил Бога и не сомневался, что Бог любит его.

«А кто любит меня? Самые близкие мне люди — епископ и Элиот. А кто еще? Никто. Кого люблю я сам?»

Не найдя ответа на эти вопросы, он почувствовал себя еще более одиноким и опустошенным. Тревожные мысли, как призраки, преследовали Энди всю ночь. Он не имеет убеждений и не знает любви.

Энди ворочался с боку на бок, пока его не сморил сон. Последняя мысль молодого человека была о Нелл Мэтьюз.

Старый деревянный стул заскрипел, когда Нелл выпрямилась, отодвинув тетрадь. Она устало потерла покрасневшие глаза и откинулась на спинку стула. Перед ней лежал дневник, рядом стояла чернильница и валялось гусиное перо. Дневник ждал, когда она оставит в нем запись. Но мысли ее витали далеко. Она думала об Энди Моргане.

— Ну а теперь скажите, что мы можем сделать для Бога сегодня?

Руки Кристофера Мэтьюза лежали на Библии. Он только что — вслед за утренней молитвой — прочел домочадцам небольшой отрывок из Писания. Мэтьюз поочередно посмотрел на сидящих за столом, ожидая ответа.

Энди продолжал размышлять над прочитанным отрывком. В нем Иисус исцелил слепого. Это исцеление вызвало неприятие окружающих, и Энди не понимал, почему. Спросить викария он не осмелился: Нелл снова будет смотреть на него как на непроходимого тупицу. Больше всего в этом отрывке ему понравилось, как Иисус противостоял Своим врагам. Одна из Его фраз произвела на Энди столь сильное впечатление, что ему захотелось записать ее. Забыв о Нелл, он попросил викария прочесть эти слова еще раз. «Мне должно делать дела Пославшего Меня, доколе есть день; приходит ночь, когда никто не может делать» ^[63]. Иисус должен был сделать Свое дело. Как у его деда и епископа, у Иисуса была миссия, которую нужно исполнить, и никто не мог помешать Ему в этом.

Вот оно: опять миссия. У каждого — своя задача. У всех, кроме Энди.

И вдруг чудесным образом тучи в его голове рассеялись и он увидел, в чем его предназначение. Он понял это. «О чем я мечтал всю жизнь? О славе и приключениях. О жизни рыцаря. Я хотел, чтобы обо мне слагались легенды, дети подражали мне, а мое имя стояло в одном ряду с именами Артура, Ланселота и Гавэйна.

Моя миссия — это я сам! Я должен обрести славу и богатство. Как этого достичь? Почет, славу и богатство распределяет король, значит, я должен добиться признания при дворе. И если за это король потребует пуритан, он их получит».

Энди ощутил душевный подъем. Теперь он знал, в чем его задача, и ничто не могло остановить его. «Мне должно делать дела Пославшего Меня». Эти слова очень понравились Энди. Он даже спросил у викария, откуда они. Нужно будет вставить их в следующее письмо епископу.

Нелл первая ответила на вопрос отца.

— Мы с Дженни должны закончить кружево для лорда Честерфилда. На это уйдет весь день. Насколько я знаю лорда, сегодня он обязательно раза два или три придет к нам слуг, чтобы узнать, завершена ли работа. Я молюсь о том, чтобы Господь дал побольше терпения нам и капельку терпения лорду Честерфилду.

Мэтьюз взглянул на младшую дочь. Не поднимая глаз, она произнесла:

— Нелл уже сказала, чем мы будем заниматься. И теперь, когда суд позади, я надеюсь, что мы сможем уговорить мастера Моргана остаться в Эденфорде, — она покраснела и опустила голову еще ниже.

— Я с удовольствием останусь здесь насовсем. Буду читать вам Библию, пока вы работаете, — ответил Энди.

На сей раз вспыхнули обе девушки. Дженни хихикнула. Нелл тоже не удержалась от смеха. Викарий удивленно посмотрел на дочерей, потом на Энди и снова на девушек.

— Видимо, я что-то упустил.

Хихиканье превратилось в хохот.

Мэтьюз с улыбкой обратился к Энди.

— Полагаю, дело в тебе.

Смеясь, Энди невинно пожал плечами.

Улыбаясь, Мэтьюз встал и сделал Энди знак следовать за ним. Они вышли за дверь.

— Энди, — сказал викарий, — ты можешь жить в нашем доме сколько захочешь. Да, горожане отнеслись к тебе не лучшим образом. Может быть, мы сумеем изменить твое мнение о нас.

— Спасибо, — ответил Энди. — Но я и так злоупотребляю вашим гостеприимством.

— Ты решил, что будешь делать дальше?

«Только что», — подумал Энди. Вслух он сказал:

— Пока нет. Наверное, все же отправлюсь в Плимут. Точно не знаю. Не понимаю, на самом ли деле я хочу быть матросом.

— Я не стану осуждать тебя за желание как можно быстрее покинуть Эденфорд. Нельзя сказать, что мы устроили тебе достойную встречу.

Энди рассмеялся.

— Вы удивитесь, но все было не так уж плохо. Я успел полюбить Эденфорд. Люди здесь, за редким исключением, доброжелательные. Все довольны жизнью. Этот город — как большая семья. Хотел бы я когда-нибудь поселиться в таком же месте.

— Но почему в таком же? Почему бы тебе просто не остаться здесь?

Энди умышленно помедлил с ответом.

— Мне бы хотелось этого... да вот только... ведь я ничего не смыслю в производстве шерсти. К тому же мне негде жить.

— Если проблема в этом, живи у нас.

Рыбка попалась на крючок. И поймать ее было совсем не сложно.

— Даже не знаю, — сказал Энди, разыгрывая смущение, — боюсь стать для вас обузой.

И потом, у меня нет работы.

— Ну, об этом я уже думал, — спокойно произнес Мэтьюз и затем добавил: — Хочу сделать тебе одно предложение.

Они дошли до конца Главной улицы и свернули к южному мосту. Разговаривая, они не смотрели друг на друга.

— Энди, за недолгое время нашего знакомства я проникся к тебе уважением. Я внимательно наблюдал за тобой на суде. Даже в самые тяжелые мгновения ты не терял головы. Это редкий дар. В тот день я подумал: у Бога большие планы на этого юношу. Я и теперь в этом не сомневаюсь, — викарий немного помолчал, словно давая Энди время осознать услышанное, а потом сказал: — Я хочу помочь тебе понять, что предназначено тебе Господом.

«Слишком просто», — подумал Энди.

— Я хочу сделать тебя своим учеником.

— То есть священником? — Энди остановился и бросил недоверчивый взгляд на Мэтьюза.

Викарий рассмеялся.

— В некотором смысле. Я буду обучать тебя тому, что имеет отношение к вере. А станешь ты священником или нет, решит Господь. Мне вот, например, чаще приходится решать проблемы, связанные с производством шерсти.

Энди двинулся дальше. Предложение Мэтьюза не тронуло его сердце.

— Я польщен, — сказал он.

На сей раз остановился викарий. Он испытующе взглянул на Энди.

— Для меня это означает, что Господь услышал мои молитвы. Позволь мне объяснить, в чем дело. Библия рассказывает, что у апостола Павла был сын в вере — приемный сын по имени Тимофей [\[64\]](#). Долгие годы я молил Бога о том, чтобы Он послал мне сына в вере, — викарий сделал паузу и опустил глаза. Дрогнувшим голосом он произнес: — Энди, мне кажется, ты послан мне Богом.

На этот раз юноше не пришлось притворяться. Слова викария тронули его. Он не знал, что и ответить.

— Все, о чем я прошу тебя, — помолиться. Мы можем предложить тебе лишь место у очага, но оно останется твоим, пока ты этого желаешь или пока у тебя не появится собственный дом.

Если тебе захочется поселиться в другом месте, можно договориться с Чарльзом Мэнли, хозяином постоянного двора.

Если не считать неожиданного всплеска чувств Мэтьюза, о большем Энди не мог и мечтать. Кристофер Мэтьюз облегчил его работу до предела: с помощью викария он завоевывает доверие жителей города и узнает их тайну. Молодой человек негромко сказал:

— Я подумаю.

Разумеется, думать тут было нечего. Он забросил удочку, и рыбка тут же проглотила наживку. Оставалось лишь не дать ей сорваться.

После того как лорд Честерфилд сообщил горожанам невеселые новости, над Эденфордом словно нависли черные тучи. Настроение жителей было мрачным. Жизнь

городка стала серой и безрадостной.

Воскресное утро выдалось ясным и солнечным. В такие дни атеисты жалеют, что не верят в Бога, ведь им некого поблагодарить за чудо. Полевые цветы у реки подняли головки к небу, словно славя Господа. Свежий, бодрящий ветерок, нежное солнце и синее небо пели хвалу Всевышнему, а поля, вода и деревья внимали этому хору.

Однако жителям Эденфорда было не до веселья. Налог на строительство кораблей и высочайшее покровительство, дарованное де Ла Барру, не давали им покоя.

Дэвид Купер вышел из мастерской и, не замечая яркой синевы неба, направился в церковь. Он сумрачно думал о стопке неоплаченных счетов, лежащей у него на столе. По дороге Дэвид здоровался с соседями — это они задолжали ему по счетам. Дэвид видел на ногах людей башмаки, за которые они не расплатились. Платить было нечем. Король ограбил горожан, отняв у них средства к существованию. Дэвид сочувствовал всем и каждому, но каково приходилось ему? Он мог либо приобрести кожу и продолжать шить обувь, либо купить еду для семьи. У него не хватало денег и на то, и на другое.

Сайрес Ферман, местный сторож, плелся к церкви, шаркая, по обыкновению, ногами. На его руку опиралась жена Роза. Последняя зима оказалась для Розы очень тяжелой, она едва пережила ее. Она была так истощена и обессилена, что казалось похожей на тень. Поскольку передвигалась она с трудом, Ферманы долго преодолевали небольшое расстояние до церкви. Через каждые десять шагов Роза останавливалась, чтобы отдохнуть. Сайрес заботливо поддерживал жену под руку.

Он не замечал диких маргариток у дороги, ему было не до цветов. Жалованье городского сторожа напрямую связано с доходами от продажи сержа. Что заплатит ему город после того, как де Ла Барру простили долг? Как он сможет заботиться о жене?

Чарльз Мэнли и Эмброуз Дадли, два холостяка, как всегда, шли в церковь вместе. Проявляя полное равнодушие к хорошей погоде, они с жаром обсуждали городские новости.

— Мы должны отказаться выплачивать «корабельные деньги» ^[65]! — кипятился Мэнли.

— В Барнстэйпле уже пытались это сделать, — хмыкнул Дадли.

— И чем кончилось дело?

— Диссентеров высекли и выставили к позорному столбу.

Мэнли немного поразмыслил над услышанным.

— Больше всего меня злит, что корабельный налог вовсе не нужен, — заявил вдруг Дадли.

— С чего ты взял?

— В свой последний приезд в Лондон я разговаривал с герцогом Нортумберлендом. Прошлой зимой в плохую погоду он патрулировал побережье. И не только не видел вражеских кораблей, но и не встретил вообще ни одного иностранного судна! В конце концов, рассерженный, он вернулся в порт. Англии не нужны новые корабли. Нам ничто не угрожает.

— Тогда к чему этот налог?

— Король хочет денег, все яснее ясного. Вот он и выколачивает их из нас.

Обычно Мэнли и Дадли приходили на воскресную службу первыми, сразу после викария и его дочерей. Это воскресенье не стало исключением. Однако двери церкви были закрыты. Приятели очень удивились. Неужели викарий проспал? Но тут их окликнула Джени Мэтьюз:

— Мистер Мэнли, мистер Дадли, идите сюда!

Мужчины обернулись.

— Сегодня служба состоится здесь. — Девушка повела их к деревьям, которые росли южнее церкви. Там, в городском сквере, друзья и обнаружили викария, Нелл и Энди Моргана.

— Да пребудет с вами Господь, джентльмены, — поприветствовал их викарий.

Пожимая ему руку, холостяки насупились. Они явно не одобряли нововведение Мэтьюза.

— Сидеть в такой день в помещении было бы преступлением против Бога, — с улыбкой объяснил им викарий.

Но даже после этих слов на лицах приятелей сохранилось недовольное выражение. Впрочем, в своем отношении к происходящему они не были одиноки.

Если дети пришли в восторг от идеи викария — они играли в догонялки и валялись на траве, то встревоженные взрослые сбились в небольшие группки и жужжали, как пчелы. Кое-кто из них даже попросил церковного старосту выразить викарию свое неодобрение. Кристофер Мэтьюз вежливо выслушал посланца народа и продолжил приготовления к службе.

— Где нам сесть? — крикнул кто-то.

Мэтьюз широко развел руками, показывая на траву.

Ворчание усилилось. Некоторые горожане собрались уходить.

Викарий был готов к этому.

— Насыщение пяти тысяч, — возвысил он голос. — Цитирую: «И велел народу возлечь на траву»; Евангелие от Матфея, глава четырнадцатая, стих девятнадцатый.

Мэтьюз стоял прямо, уверенно глядя на прихожан.

— Если бы наш Господь считал, что трава непригодна для того, чтобы на ней лежать, я бы не предложил вам опуститься на нее.

В тот день Энди узнал о пуританах много нового. Они делали все, что одобряла Библия. К его изумлению, после слов викария и холостяки, и церковный староста, и Куперы, и даже старый Сайрес со своей женой уселись на траву.

Началось богослужение. Хотя обстановка и была необычной, в остальном это воскресное собрание верующих ничем не отличалось от таких же собраний в церкви Святого Михаила в Лондоне или в любом другом храме страны. В обезумевшем от отчаяния Эденфорде воскресная служба сделала свое дело. Знакомые слова, которые произносил викарий, привычные ответы прихожан, традиционные гимны — все это вернуло в перевернутую, полную тревог жизнь горожан ощущение мира и порядка.

Епископ Лондонский был бы доволен началом богослужения. Фраза за фразой, слово за словом, оно следовало предписанному порядку. Однако затем началась не ограниченная никакими указаниями проповедь священника, что, без сомнения, привело бы Лода в ярость.

Сборник проповедей 1563 года был предназначен для полуграмотных служителей церкви, от которых требовалось только одно: читать вслух составленные заранее тексты. Но пуритан это не устраивало. Они предпочитали слушать, как священник комментировал отрывок из Библии, соотнося его с их жизнью. Прихожан интересовало, что говорится в Священном Писании о браке, о детях и работе, о корабельном налоге и вздорных монархах. Им было недостаточно якоря традиций, они хотели от капитана своего судна свежего ветра.

Толкование Библии стало столь популярно, что многие пуритане настаивали на двух воскресных проповедях. Епископ Лод запретил второе богослужение и приказал

преподавать днем катехизис. Однако люди так страстно желали послушать еще одну проповедь, что частенько шли пешком в соседний город на вторую проповедь, если в их родном местечке ее не было.

По воскресеньям Мэтьюз читал две проповеди — урок катехизиса проходил между ними. В соответствии с этим жители города планировали свой день. Они брали с собой корзины с едой и в перерыве перекусывали в сквере.

Силой духа и убедительностью речей викарий Эденфорда не уступал ветхозаветным пророкам. В это воскресное утро он связал тему проповеди с недавними новостями, которые обрушились на горожан.

— Что нам делать? Этот вопрос то и дело раздавался в день ярмарки. Что нам делать? Об этом спрашивали меня женщины у колодца, рабочие у красильных баков, хозяева мастерских и мои собственные дети за ужином. Что нам делать?

Мэтьюз выдержал паузу. Проклятый вопрос навис над прихожанами, как топор палача.

— Но мы формулируем вопрос неправильно, — отчеканил вдруг викарий. — Это вопрос беспомощных и отчаявшихся. Они не только задают его себе, но и сами пытаются отвечать. Однако люди, желающие своими силами решить все жизненные проблемы и ответить на все вопросы, черпают воду из пересохшего колодца. Как следует поставить вопрос? Я скажу вам это. Мы должны спросить себя: чего хочет от нас Господь? Неужели нас так переполняет гордыня, что мы решили, будто с нами происходит что-то из ряда вон выходящее? Неужели мы первые и последние, кто оказался в таком положении? Неужели Господь столь недальновиден, что забыл дать нам Свои наставления на этот случай? — Викарий открыл Библию. — Похожая история произошла в те дни, когда Сын Божий ходил по земле. Римский император взимал налоги. Еврейскому народу налоги императора нравились ничуть не больше, чем нам — королевские. Были те, кто считал, что их незачем платить, и тогда Иисус обратился к этим людям. Вот, послушайте: «И посылают к Нему учеников своих с иродианами, говоря: Учитель! мы знаем, что Ты справедлив, и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лицо; итак скажи нам: как Тебе кажется? позволительно ли давать подать кесарю, или нет? Но Иисус, видя лукавство их, сказал: что искушаете Меня, лицемеры? покажите Мне монету, которою платится подать. Они принесли Ему динарий. И говорит им: чье это изображение и надпись? Говорят Ему: кесаревы. Тогда говорит им: итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» [\[66\]](#).

Викарий вытащил из кармана монету. В воздухе повисла напряженная тишина. Мэтьюз неторопливо осмотрел денежку с обеих сторон. Энди, сидевший слишком далеко, не разглядел, что это была за монета. Скорее всего, шиллинг или полкроны.

— Вот английская монета. На ней изображен английский монарх. А мы — подданные английской короны. Если бы сегодня среди нас находился Иисус и мы дали бы Ему эту монету и задали свой вопрос, Он наверняка бы сказал: «Отдайте королю то, что принадлежит королю, и Богу — то, что принадлежит Богу». — С этими словами Мэтьюз спрятал монету в карман. — Чего хочет от нас Господь? Чтобы мы уплатили корабельный налог!

Это было не городское собрание, шла церковная служба, но здесь, в сквере, пророчествовал городской пророк, которому не смели возражать. И все же кое-кто из прихожан беспокойно заерзал.

— Я знаю, что думает сейчас большинство из вас. — Викарий обвел взглядом

притихших людей. — Вы говорите себе: «Но как мы уплатим этот налог?»

Несколько человек кивнули.

Викарий вновь открыл свою потрепанную Библию. Прежде чем приступить к чтению, он попытался воссоздать картину того далекого дня, когда Иисус обратился к Своим последователям.

— Думаю, день, в который Иисус произнес эти слова, был очень похож на сегодняшний. Светило солнце. Небо было безоблачным. И последователи Иисуса сидели на склоне холма, ожидая слова Божьего. Они были бедными людьми, простыми тружениками. Они были необразованными людьми, ведь если бы Иисус хотел обратиться к образованным людям, то говорил бы с Синедрионом. Эти люди были не богаты и не знатны, иначе бы Иисус отправился бы во дворец. Вместо этого Он стоял на склоне холма и говорил с теми, у кого не было ни денег, ни иного имущества. Вот что Он сказал им: «Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть? И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, малoverы! Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» [\[67\]](#).

Медленно и благоговейно викарий закрыл Библию и внимательно посмотрел на своих прихожан. Роза Ферман прижалась к груди мужа, закрыв глаза и подняв лицо к солнцу.

Мэтьюз негромко повторил слова Священного Писания:

— «Итак, не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться?.., потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом». Чего хочет от нас Господь? Чтобы мы заплатили корабельный налог. Как мы заплатим его? Господь знает наши нужды. Он укажет нам путь. А пока мы должны верить в Слово Божие. У веры не может быть кислого лица. Вера не беспокоится по пустякам. Вера не станет портить этот прекрасный день тревогой о завтрашнем дне. «Сей день сотворил Господь: возрадуемся и возвеселимся в оный!» [\[68\]](#)

Энди поразило то, как повлияла эта проповедь на горожан. Казалось, сам мир изменился. Люди болтали и смеялись, дети играли. Создавалось впечатление, что король отменил налог, а Джон де Ла Барр согласен уплатить долг.

Семьи собирались группами на лужайке; кто-то устроился в тени деревьев, росших вдоль дороги, кто-то грелся на солнышке. Нелл и Дженни приготовили ленч из хлеба, сыра и фруктов. Пока Энди и Мэтьюзы закусывали, к викарию непрерывно подходили желающие поговорить с ним. Одним из первых был Дэвид Купер.

— Спасибо, что напомнил мне: все в руках Божьих, — сказал он, крепко обнимая друга.

С ним вместе подошел Джеймс. Молодой человек опустился на колени рядом с Нелл и сказал ей что-то так тихо, что Энди не услышал ни слова. В ответ девушка холодно пожалала плечами.

Дэвид болтал с викарием, пока не подошли Сайрес и Роза Ферман. Мэтьюз справился с здоровьем Розы и пообещал супругам, что вопрос о зарплате сторожа обязательно будет решен.

Следующими были приятели-холостяки Мэнли и Дадли и семья Пирс. Так продолжалось до тех пор, пока с Мэтьюзом не побеседовали все жители Эденфорда. И все они говорили об одном и том же.

— Так всегда, — шепнула Дженни Энди. Молодой человек с интересом наблюдал за викарием, которому из-за разговоров никак не удавалось съесть кусочек хлеба.

— Обычная жизнь семьи священника, — добавила Нелл.

Днем Мэтьюз занимался катехизисом с детьми, в этом ему помогала одна из дочерей. Сегодня была очередь Дженни. Энди был рад остаться вдвоем с Нелл.

Вместе они убрали остатки еды в корзинку. После этого Нелл села, прислонившись спиной к дереву, и аккуратно расправила платье. Растирая руки, она наблюдала за тем, как жители Эденфорда отдыхают. Она поочередно массировала каждый палец от основания к кончику, словно выталкивала из него невидимый узелок. Покончив с этим занятием, девушка прислонилась головой к стволу, сложила руки на груди и закрыла глаза.

Энди полулежал, подпирая щеку рукой. Он смотрел, как мужчины в противоположном конце сквера играют в боулинг. Время от времени молодой человек украдкой бросал взгляд на Нелл. Наконец-то он смог внимательно разглядеть ее лицо. Гладкая кожа обтягивала высокие скулы. Кончик тонкого изящного носика был чуть вздернут над пухлой верхней губой.

— Вы меня разглядываете? — строго спросила Нелл, не открывая глаз.

— Не обольщайтесь.

— Бросьте, Энди, вы это делаете не в первый раз.

Юноша отвел глаза. На лужайке с кем-то боролся Джеймс Купер. Вокруг борцов собралась группа молодых людей. Услышав крики болельщиков, Нелл приподнялась. Когда она узнала Джеймса, ее глаза гневно сверкнули. Покачав головой, девушка недовольно вздохнула.

— Что случилось?

— Вот что! — Нелл кивнула в сторону борцов.

— Не понимаю.

Она едко ответила:

— Неудивительно. Но если его отец узнает, что он занимался борьбой в воскресенье, ему влетит.

Изображая полную неосведомленность, Энди поинтересовался:

— А что, в воскресенье нельзя бороться?

— Конечно, нет.

Энди отлично знал, что, к великому огорчению пуритан, борьба и прочие воскресные развлечения были одобрены приказом короля Якова.

Многие годы вопрос о том, какие занятия допустимы в воскресенье, был в Англии предметом горячих споров. Это началось в 1616 году, когда народные представители собрались в Ланкашире, ожидая возвращения короля Якова из Шотландии. Едва он ступил на английскую землю, они обратились к нему с жалобой на то, что лидеры церкви запретили все виды воскресных развлечений. После этой встречи по приказу короля была издана «Книга спортивных развлечений», где объявлялось, что подданные его величества имеют

полное право развлекаться по воскресеньям. Поступок монарха рассердил пуритан, о чем они и заявили открыто. Однако их никто не слушал.

Чтобы заставить пуритан подчиниться, король Яков приказал огласить «Книгу спортивных развлечений» с церковных кафедр. Большинство священников нехотя повиновались. Кое-кто все же пытался, соблюдая букву закона, выразить свое отношение к этому приказу. Так, в одной из церквей зачитать «Книгу спортивных развлечений» было поручено церковному старосте, тогда как священник сидел в первом ряду, заткнув уши. Другой священник после перечисления одобренных Яковом развлечений огласил десять заповедей, а затем обратился к прихожанам с вопросом, что они предпочтут. Несколько служителей церкви отказались подчиниться распоряжению короля — ослушников строго наказали.

— Ты и вправду думаешь, что они не должны бороться по воскресеньям?

— Это день Господень, — резко ответила Нелл, — да и потом, этого занятия не одобряет его отец.

— Ты расскажешь все господину Куперу?

Нелл увидела, что молодые люди уже катаются по земле, и на ее лице появилось страдальческое выражение.

— Если я уйду отсюда, то и говорить будет не о чем, — решительно сказала девушка. Встав, она стряхнула с платья траву и пошла к дороге. Но на полпути Нелл оглянулась и обратилась к Энди:

— Неужели ты позволишь беззащитной девушке путешествовать в одиночестве?

Не лежи Энди на траве, он бы непременно упал, услышав из уст Нелл это приглашение. Юноша не заставил себя долго ждать.

— Куда пойдём?

Она протянула ему руку.

— Пока не скажу. Положись на меня.

И Нелл Мэтьюз повела Энди Моргана по дороге, которая круто поднималась вверх, к поместью лорда Честерфилда. Они миновали жавшиеся друг к другу домишки, стоявшие здесь так же тесно, как и на Главной улице, где жили Мэтьюзы. За домами виднелись большие здания ткацких мастерских.

— Здесь работала моя мама, пока не начала плести кружева, — сказала Нелл.

За ткацкими мастерскими виднелось поле и подножие холма. Но Энди не замечал ничего вокруг. Он был полностью поглощен Нелл. Он держал ее руку в своей, касался ее, видел ее лицо — близко-близко. Его охватило пьянящее чувство восторга. Нелл показывала ему еще какие-то промышленные постройки, но юноша не отрываясь смотрел на ее щеки, покрасневшие от прогулки, на непокорные пряди волос, упавшие на лоб, на серые крапинки в карих глазах.

— Давай немного передохнем.

Молодые люди подошли к роще, росшей на холме. Нелл остановилась, отняла руку и повернулась лицом к городу. Энди без особого желания последовал ее примеру. Теперь, когда они больше не держались за руки, девушка отошла от него на приличествующее расстояние.

С высоты холма Эденфорд был виден как на ладони: крыши домов, церковь и сквер, в котором продолжалось состязание по борьбе, река Экс и улица, которая дважды пересекала ее, оканчиваясь с обоих концов одинаковыми арочными каменными мостами.

Энди заметил вдали, слева, какие-то сверкающие блики.

— Что это?

Нелл посмотрела туда, куда указывал юноша.

— Это озеро Вильямс. Лес на том берегу принадлежит лорду Честерфилду. Там он устраивает развлечения и охоту для своих друзей.

«И там епископ Лод убил его сына, — подумал Энди. — А потом там нашли тело Шубала Элкинса».

— Это необычное озеро, — продолжила Нелл, — оно не замерзает даже зимой. Видимо, на дне бьют теплые ключи. Зимой мы можем туда сходить, тогда ты все увидишь сам. Если, конечно, к тому времени ты еще будешь здесь.

«Если ты еще будешь здесь». Сказанная мимоходом фраза показалась Энди пророческой. Если все пойдет, как он задумал, к зиме его здесь не будет. Как не будет здесь и Кристофера Мэтьюза. Эта мысль была ему неприятна, но он намеревался довести свое дело до конца, а потому старался не думать, что станет при этом с Нелл.

— Идем, — Нелл взяла его за руку. — Я хочу тебе кое-что показать, — и она потащила его наверх по травянистому склону.

Когда Нелл и Энди вскарабкались на вершину холма, они увидели замок. Древнее сооружение возвышалось над долиной. Полуразрушенные зубчатые стены с трех сторон были скрыты деревьями. Казалось, лес пытается вернуть себе то, что у него много веков назад отняли строители замка.

Нелл вошла в замок и огляделась. Она стояла в центре большого зала. Пол под ее ногами зарос сорной травой.

— Нравится?

— Здорово! — Энди жадно разглядывал развалины. От каменной кладки осталось не более трех футов в высоту, но внутренняя планировка замка до сих пор хорошо угадывалась: дверные проемы, комнаты, коридоры, кладовые. Это было потрясающе.

— Подумать только, ведь здесь кто-то жил, — сказала Нелл. — Там, где стою сейчас я, стояла другая женщина и волновалась за детей, которые побежали играть к реке, с горечью вспоминала о муже, уехавшем на войну, тревожилась, хватит ли еды на зиму.

— Кто здесь жил? — спросил Энди.

— Точно не знает никто, — ответила девушка, — но все говорят, что это был саксонский король.

— Грустно, правда?

— Почему?

— Здесь жил человек или даже целая семья, а теперь о них никто не помнит. Эти люди на что-то надеялись, о чем-то мечтали, к чему-то стремились, и никто об этом ничего не знает. Как будто их и не было на свете.

Они замолчали, погружившись в раздумья о никому не известной семье.

Нелл и Энди переходили из одной комнаты в другую, прикасались к замшелым камням, рассматривали помещения, силясь понять, как они когда-то выглядели и что в них находилось; пытались вообразить, каково было жить в замке.

Нелл присела на остатки стены рядом с низко растущей веткой дерева.

Энди расположился к ней лицом на большом прямоугольном камне. Этот камень явно стоял не на своем месте. Он отличался от булыжников, из которых были сложены стены замка, и размером, и формой. Еще одна тайна в придачу к загадке саксонского короля и к

секрету жителей маленького городка внизу.

— Ты очень нравишься отцу, — голос Нелл вернул Энди на землю.

— С чего ты взяла?

— Я вижу. — Нелл нагнула к себе ветку и, разговаривая, теребила растущие на ней листья, складывая их веером. — Папа любит всех, но уважает немногих. Тебя он уважает. Иначе он никогда не оставил бы тебя наедине со мной и Дженни.

— Мне приятно это слышать.

— Не понимаю, что он в тебе нашел, — фыркнула Нелл.

Энди нахмурился.

— Почему ты так говоришь?

Нелл отпустила листья, и упругая ветка распрямилась. Держась руками за край стены, она наклонилась вперед.

— У тебя нет своего дела, нет будущего, нет убеждений. Я даже не знаю, веришь ли ты в Бога.

— Конечно, верю.

— В самом деле? Тогда расскажи мне, какой Он, твой Бог.

— Ну...

Энди никогда не приходилось размышлять о своей вере. Он не сомневался, что верит в Бога, точнее, так ему казалось. Однако говорить об этом было трудно, почти невозможно.

— Я жду, — в голосе Нелл зазвучали презрительные нотки, которые выводили Энди из себя.

— Ну, для начала... Он там, наверху! — Энди неопределенно махнул рукой ввысь.

Нелл подняла глаза.

— На дереве?

Она смеялась над ним.

— Нет, конечно! На небесах!

— Понятно, — сказала Нелл. — И чем же Он там занимается весь день напролет?

Энди никогда не задумывался об этом. Ему почему-то пришли на память недобрые греческие боги, которые забавлялись тем, что всячески осложняли людям жизнь.

— Он отвечает на молитвы и делает разные другие вещи, которые полагается делать Богу! — запинаясь, пробормотал Энди.

— Другие вещи? — Нелл с трудом подавила смехок.

— Да, другие вещи. Откуда мне знать, чем Он занят? Я ведь не был на небесах!

Энди порывисто встал со своего каменного сиденья и зашагал прочь, не глядя на развеселившуюся девушку. Но он ушел недалеко. Спустя минуту он вернулся и, подойдя к Нелл, выпалил:

— Ты привела меня сюда, чтобы посмеяться надо мной?

Нелл стала серьезной. Она снова ухватила за ветку.

— Нет, прости, — она начала перебирать листья. — Я вела себя некрасиво. Просто меня удивило, что тот, кто не расстаётся с Библией, так мало знает о ней.

— Я хотел бы знать больше.

Теперь смутилась Нелл. Она разглядывала листья, один за другим срывая их с ветки.

— Если бы ты на самом деле хотел изучать Библию, мой отец мог бы тебя многому научить.

— Я знаю, — Энди был рад сменить тему. Он подошел к Нелл и вновь сел на камень.

— Сегодня утром он меня удивил. Я и не догадывался, что он такой прекрасный проповедник.

— Многие удивляются, — ответила Нелл с нескрываемой гордостью.

— Твой отец учился в университете?

Нелл покачала головой.

— Нет. Он учился только у своего отца. Мой дедушка был сапожник.

— Но он так хорошо знает Библию! И умеет донести свои знания до прихожан.

Внезапно Энди осенило: кажется, у него появилась возможность узнать о викарии побольше.

— Наверняка он талантливый писатель, — осторожно начал молодой человек.

Нелл засмеялась:

— Нет. Отец умеет только говорить. Господь наградил его даром красноречия. Излагать свои мысли на бумаге ему трудно. Думаю, из-за того, что он относится к этому слишком серьезно и слишком старается.

Энди остался ни с чем. Услышав, как красноречиво изъясняется викарий, юноша было подумал, что он и есть один из тех неуловимых пуританских памфлетистов, а то и сам Джастин. Однако Нелл разубедила его. Конечно, она могла почувствовать подвох и утаить правду.

Разговор угас. Они никуда не спешили, но не знали, о чем еще говорить. Нелл первой нарушила тишину.

— Энди, чего ты хочешь от жизни?

«С этой девушкой невозможно вести пустые разговоры, — с досадой подумал Энди. — Сначала она расспрашивает меня о Боге, а теперь вот решила поговорить о смысле жизни. Эта тема явно не для свидания». Сегодня Нелл уже успела его уколоть, и он был осторожен.

— Честно говоря, не знаю, — медленно проговорил юноша.

— Тогда скажи, о чем ты мечтаешь?

Энди с опаской посмотрел на Нелл, но не заметил на ее лице и тени насмешки. Она глядела на него мягко и дружелюбно.

— Не знаю, хочу ли я об этом рассказывать.

По глазам и губам Нелл было видно, что она расстроилась. Девушка стремительно поднялась.

— Не пора ли нам возвращаться? — сухо спросила она.

— Нелл! — умоляюще сказал Энди. — Я ответил так потому, что мои мечты неосуществимы.

— Почему?

Энди замялся. Ему хотелось быть с ней откровенным, но он понимал, что это сделает его уязвимым. «А что если она станет смеяться?»

— Они неосуществимы, потому что... — Энди запнулся и глянул на девушку. Ее глаза были внимательны и серьезны.

— ...потому что это мечты о прошлом. Я мечтаю об ушедшем.

Нелл улыбнулась, улыбнулась не ехидно и неприязненно, а тепло и сердечно, словно говоря: «Спасибо, что ты поделился со мной своими сокровенными мечтами». И Энди почувствовал это тепло.

— О каком прошлом ты говоришь?

Он зашел слишком далеко — отступить было поздно.

— Вот об этом, — сказал Энди, указывая на разрушенные каменные стены. — Об эпохе короля Артура, рыцарства и борьбы за справедливость. Мне нравится это время. Тогда все было просто. Каждый знал, где добро, а где зло. Мужчины сражались ради того, чтобы мир стал лучше, а не для того, чтобы построить дом побольше или купить своей жене драгоценности подороже.

— Да ты идеалист! — воскликнула Нелл с искренним изумлением. — Таким, как ты, нынче приходится туго.

— Да, практичности мне явно недостает.

Нелл посмотрела на него как-то по-новому. В ее взгляде сквозило восхищение.

— Что ж, — сказал Энди, — теперь твоя очередь. О чем мечтаешь ты?

Нелл повернулась, собираясь уходить.

— Нам действительно пора возвращаться.

Энди преградил ей путь.

— Нет уж. Так нечестно. О чем мечтаешь ты?

Нелл попыталась обойти его. Энди схватил ее за плечи. Ее глаза сверкнули как лезвие меча. Не совершил ли он роковую ошибку? Но, видимо, вспышка гнева была безотчетной, спустя долю секунды девушка совладала со своим негодованием и взглянула ему прямо в глаза. Настала ее очередь стать уязвимой. Нелл смущенно улыбнулась и, стараясь не смотреть на молодого человека, заговорила.

— В нас есть что-то общее, — мягко промолвила она. — Я тоже идеалистка. Только ты мечтаешь о прошлом, а я — о будущем. Я мечтаю о таком месте, где люди смогут говорить все, что им вздумается, не боясь, что за это их могут убить. Я мечтаю о стране, где все будут честны и открыты, где люди будут стремиться приобрести побольше друзей, а не приумножить свое богатство. — Нелл взглянула на Энди через плечо — прежде чем продолжать, ей хотелось посмотреть, как он воспринял ее слова. Она сорвала листок все с той же ветки и начала складывать его гармошкой. Молчание затягивалось. Наконец, понизив голос, она продолжила: — Я мечтаю о таком обществе, где Бог — правитель и где все любят Бога и друг друга. Там нет сторожей, судов и тюрем. Там нет бедных, потому что каждый заботится о других, как о себе. И все свободны... свободны от ненависти, страха, свободны любить и быть любимыми. — Нелл бросила скомканный листок. — Сплошной идеализм, правда?

Энди так же тихо ответил:

— Если ты найдешь такое место, скажи мне. Я бы тоже хотел там жить.

Когда Энди Морган и Нелл Мэтьюз покинули развалины замка, по склону холма к городку, словно гигантские руки, тянулись длинные тени — они напоминали молодым людям о том, что им пора возвращаться в реальную жизнь. Энди и Нелл молча шли рядом. Порой их пальцы соприкасались. Энди хотелось взять девушку за руку, но он сдержался.

— Спасибо, что привела меня сюда, — сказал он.

В ответ Нелл лучезарно улыбнулась. И улыбка ее была лучше всяких слов. Энди никогда не думал, что это может доставить ему такую радость.

Когда они спустились в город, Энди увидел в дверях церкви Кристофера Мэтьюза. Почему все так сложно? Чтобы достичь желанной славы, нужно разоблачить викария. Но Энди не предполагал, что может полюбить его дочь.

Утро понедельника должно было показать, как долго после воскресной службы горожане будут пребывать в приподнятом настроении.

В доме Мэтьюзов утро началось как обычно. Первым встал Кристофер Мэтьюз и начал свой день с молитвы и изучения Библии. После этого он бесшумно вышел на улицу и, продолжая молиться, отправился в поле за Главной улицей.

Затем проснулись Нелл и Дженни. Они на цыпочках прошли мимо спящего Энди. Услышав, как девушки возятся на кухне, молодой человек открыл глаза и торопливо оделся. Ночевать в гостиной было не очень удобно. В тот момент, когда он заправлял рубашку в штаны, из кухни появилась Дженни с миской яблок в руках.

— Ой! — воскликнула она и вновь исчезла на кухне.

— Все в порядке, я уже оделся, — крикнул Энди ей вслед.

Но она почему-то не вернулась.

Когда Энди убирал свою постель, устроенную из одеял, входная дверь отворилась и на пороге появился глава семьи.

— Мастер Морган! — радостно улыбнулся Мэтьюз. — Господь подарил нам чудесное утро.

Для большинства людей сказать «доброе утро» всего лишь дело привычки. Они произносят эти слова бессознательно, не соотнося их с тем, что на самом деле думают о наступающем дне. Однако не таков был викарий Эденфорда. Если Кристофер Мэтьюз говорил: «Сегодня чудесное утро», значит, именно так он и считал. Тон, которым он произнес эти слова, сияние глаз и улыбка не позволяли усомниться в его искренности.

— Сегодня я молился о вас, молодой человек, — викарий легонько хлопнул Энди по спине. Прежде чем юноша успел ответить, что-то за его спиной привлекло внимание викария.

— Вот оно, мое очарование! — улыбнулся он.

В дверях кухни все с той же миской яблок стояла Дженни.

— Папочка! — Она вспыхнула от смущения.

Подойдя к дочери, викарий одной рукой прижал ее к себе.

— А где моя вторая красавица? — спросил он.

Из кухни появилась Нелл. Или дело было в плохом освещении, или здесь не хватало деревьев и покрытых мхом каменных стен, но волшебный ореол, который окружал ее вчера, исчез. «Может, я хочу слишком многого, — подумал Энди. — В конце концов, она ведь просто накрывает на стол, а не принимает гостей на званом вечере».

Свободной рукой викарий обнял старшую дочь.

— Итак, мастер Морган, как долго вы собираетесь держать нас в неведении? Вы остаетесь с нами?

Энди взглянул в лица Мэтьюзов. На лице викария застыло напряженное ожидание. В глазах Дженни светилась мольба. Нелл даже не удостоила его взглядом. Она смотрела на отца.

— Что ж, если вы не возражаете... Я бы хотел остаться.

— Слава Богу! — воскликнул викарий и еще крепче обнял дочерей. После этого он бросился с поздравлениями к Энди.

Энди протянул ему руку. Викарий отстранил ее и прижал юношу к груди, похлопав его по спине с таким чувством, что тот чуть не задохнулся. Обернувшись к дочерям, Мэтьюз спросил:

— Разве не отличная новость?

— Да, папочка, отличная! — Глаза Дженни сияли.

— Отличная новость, — согласилась Нелл, продолжая накрывать на стол. Ее холодность обескуражила Энди. Она произнесла эти слова совершенно равнодушно.

— Я должен сделать признание, — сказал викарий, посмотрев на Энди. — Я знал, что ты останешься.

Энди недоверчиво глянул на него.

— Я узнал об этом от Бога, — сказал просто Мэтьюз. Он произнес это таким тоном, каким обычно сообщают о новости, услышанной от соседа. — Это случилось сегодня утром. Я шел по полю, и Господь сказал мне, что ты останешься. — Викарий взял Энди за плечи и заглянул ему в глаза. — Мальчик мой, здесь, в Эденфорде, Господом тебе уготовано совершить нечто важное.

Энди не знал, что и думать. Священники частенько бросаются подобными фразами. Вечно они утверждают, что на то была Божья воля, что благодаря Господу им повысили жалованье, — словом, несут всякую чепуху. Обычно, ссылаясь на волю Всевышнего, они поступают так, как им надо. Но Кристофер Мэтьюз ничем не походил на тех священников, которых Энди встречал раньше. Он отличался прямоотой и искренностью. И если он сказал, что с ним говорил Господь, трудно было в этом усомниться.

О такой удачной неделе Энди и мечтать не мог. Все шло по плану и даже гораздо лучше. К концу недели он не только завоевал всеобщее доверие, но и стал городским героем.

Понедельник был днем политики. С раннего утра Энди ходил с Кристофером Мэтьюзом из мастерской в мастерскую и из дома в дом. Викарий убеждал горожан принять разработанную им программу действий. В полдень состоялось городское собрание. Оно проходило в том же сарае, где Энди впервые предстал перед жителями Эденфорда. По предложению Нелл женщины на это время ушли в церковь. Пока мужчины думали, женщины молились.

На собрании викарий пожинал плоды своей утренней работы. В результате был принят план, целью которого являлось преодоление сложившейся в Эденфорде ситуации.

Говоря попросту, город полностью переходил с товарно-денежных отношений на меновую торговлю. Было решено создать общее зернохранилище и пункт бесплатного распределения провизии. В обмен на еду фермеры получали от ремесленников и торговцев необходимые им товары и услуги. Третьим судьей назначался Дэвид Купер. Предполагалось открыть городской банк, куда жители должны внести свои Средства. Этот банк будет заниматься закупкой товаров, которые не производятся в Эденфорде. Этот же банк должен выплатить казне корабельный налог, избавив главного констебля от необходимости собирать деньги.

Учреждение банка стало настоящей проверкой солидарности горожан. Одно дело — принять решение о совместных действиях и совсем другое — вложить свои накопления в общую копилку.

Слаженность действий жителей города и чувство локтя были поразительны. И здесь следовало отдать должное викарию. Наблюдая за происходящим, Энди думал, что в

Винчестере или Лондоне едва ли можно встретить такую готовность к сотрудничеству. Молодой человек вспомнил деловых партнеров отца — они плыли по волнам бизнеса, точно акулы, которые кружат около сородича, дожидаясь, когда тот обнаружит свое слабое место. Иногда им было достаточно заметить всего лишь тень опасения в глазах компаньона. И тогда они набрасывались на жертву всей стаей и не унимались до тех пор, пока от нее ничего не оставалось.

Правда, на городском собрании тоже не обошлось без конфликта. Спор начал Эдвард Хопкинс, отказывающийся платить «корабельные деньги». Хопкинс был тем самым угрюмым темноволосым противником Джеймса Купера, который во время поединка ударил его по почкам. Он заявил, что в городах Уизеридж, Халбертон и Кредитон жители тоже возмущены этим налогом. Повсюду идут разговоры о неповиновении королю и даже, если понадобится, о вооруженном восстании. Лично от себя Хопкинс добавил, что по отдельности города Девоншира слишком слабы, но если они объединят свои силы, то смогут организовать народное ополчение и заставить Карла отменить проклятый налог.

Многие мужчины, включая Джеймса Купера, поддержали идею вооруженного выступления против короля и даже выразили готовность немедленно отправиться в ополчение. Кто-то предложил взять в заложники главного констебля. Обстановка немного разрядилась, когда какой-то шутник заметил, что держать в заложниках такого прожорливого чиновника слишком накладно, лучше уж выплатить корабельный налог.

Но смех быстро стих. Идея вооруженного сопротивления находила все новых и новых сторонников. Против применения силы выступил только Дэвид Купер. И тут Энди увидел, как закружились акулы. Они приняли за страх призыв сапожника к здравому смыслу и набросились на него. Кто-то выпалил, что он просто трус. Хопкинс назвал Купера роялистом, приспешником короля, который помогает ему пить кровь подданных. Джеймс Купер вскочил со своего места и, прежде чем кто-либо успел остановить его, набросился на Хопкинса. Словно искра в пороховом складе, этот поступок вызвал взрыв негодования. Началась всеобщая потасовка. Какой-то фермер схватил Дэвида Купера за рубашку и замахнулся на него. Однако он недооценил сапожника. Ударив нападавшего головой в лицо, Дэвид опрокинул противника и навалился на него сверху. Они покатались по полу, как мячи для боулинга, сбив с ног еще нескольких дерущихся.

Бах!

Щелистые стены сарая коротким эхом отозвались на выстрел. Все замерли, не отпуская, однако, своих противников. Запахло порохом. Драчуны завертели головами в поисках стрелявшего. Облачко дыма поднималось над викарием.

Энди впервые увидел Кристофера Мэтьюза с оружием. В его руках оно выглядело не менее странно, чем арбалет в руках епископа Лода. Подняв пистолет высоко над головой, викарий выстрелил в потолок. Энди понятия не имел, откуда взялось оружие и кому оно принадлежало.

Потрясая пистолетом, викарий воскликнул:

— Неужели так мы решим наши проблемы?! Неужели вы действительно верите, что мы улучшим этот мир, убивая несогласных?

Ему удалось привлечь к себе внимание горожан. Они замерли на месте, словно герои живописных полотен: разгневанные мужчины с напряженными мышцами и потными красными лицами, вцепившиеся друг в друга. Кристофер Мэтьюз стоял среди них, поднимая над головой все еще дымящийся пистолет.

Постепенно картина стала меняться. Не выражая сожалений, противники нехотя отпускали друг друга. Лишь когда все вернулись на свои места, викарий опустил руку и бросил пистолет, который с глухим стуком упал на дощатый пол.

— У нас есть кое-что посерьезнее мушкетов. У нас есть молитва и вера — оружие, данное нам Господом!

— Наша молитва не заставит короля отменить налоги! — запальчиво выкрикнул Хопкинс.

— Как вы думаете, кто сильнее, король Англии или Господь? — крикнул в ответ Мэтьюз. — Пользуясь оружием Бога, Моисей смог победить могущественного египетского фараона! С помощью того же оружия Иисус Навин сумел обрушить стены Иерихона и войти в Землю обетованную! Господь может остановить солнце, обрушить огонь с небес и поднять из могил мертвых! Неужели король Англии способен на что-то подобное?

Люди молчали. И тогда Мэтьюз продолжил:

— «Не воинством и не силою, но Духом Моим, говорит Господь Саваоф» [\[69\]](#)! Я предпочту сражаться оружием Бога. Кто со мной?

Викарий вышел вперед и молча опустился на колени. Без слов, один за другим, горожане становились на колени вокруг священника. Первыми к нему присоединились Дэвид Купер и Сайрес Ферман, их примеру последовали холостяки, Джеймс Купер и даже Эдвард Хопкинс. Все мужское население города следом за Кристофером Мэтьюзом смиренно преклонило колени перед Господом.

И только Энди держался в стороне: он стоял, прислонившись спиной к стене сарая. Сначала юноша хотел присоединиться к молящимся, но затем передумал. Спешить незачем.

Энди с трепетом смотрел на викария. Он впервые встретил человека, имеющего подобную власть над людьми. Как ему это удастся? Неужели все дело в словах, которые он произносит? Он часто обращается к Священному Писанию. Может, слова Библии имеют магическую силу и действуют как заклинание?

Наблюдая за молящимися, Энди понял, чем отличаются друг от друга епископ Лод и Кристофер Мэтьюз. Сходство между ними было очевидным: они верили в одного и того же Бога, читали Библию, надеялись, что исполняют Божью волю, хотя и являлись противниками по убеждениям. Эта сцена на городском собрании позволила юноше осознать, в чем заключается разница между ними. Епископ обладал политической властью — он пользовался ею как мечом, защищая Бога, церковь и самого себя. Викарий же искал у Бога защиты. Вместо того чтобы защищать Бога, он просил у Него помощи.

После того как прозвучало последнее «аминь», было принято еще одно решение: четверг назначили днем поста и молитвы для всех трудоспособных жителей города. Это тоже была идея викария.

— Хлеб и мясо по четвергам нам заменит молитва. Мы обретем свою силу в Господе, — сказал он и добавил с улыбкой: — Главное — не перестараться. Не следует предаваться духовному обжорству.

Неприятности начались во вторник. Сначала все шло хорошо. В городе ввели новый порядок. Дэвид Купер наблюдал за справедливым обменом продуктов, доставляемых фермерами, на товары и услуги. Эмброуза Дадли избрали городским банкиром; был создан совет из пяти человек, который решал, что следует приобрести и сколько денег можно потратить.

Несмотря на ухудшающееся положение, горожане не теряли присутствия духа, а ведь многие семьи теперь могли позволить себе мясо не чаще одного-двух раз в неделю — кое-кто и вовсе забыл о нем. Большинство жителей Эденфорда перешли на жидкий овощной супчик и хлеб, который нарезами тонкими, прозрачными, словно пергамент, ломтиками. Матери с болью смотрели на своих ребятишек: от голода их щеки ввалились, глаза пожелтели, а кожа стала серой. В Лондоне Энди приходилось встречать на улицах таких же изможденных детей — правда, их положение не слишком его волновало, ведь он видел этих несчастных лишь мельком, из окна экипажа. Юноша говорил сам себе, что все скоро кончится и он снова будет сидеть за столом епископа, накрытым толстяком поваром.

Горожанам нечем было ремонтировать дома и протекающие крыши. Кристофер Мэтьюз отправил депутацию к лорду Честерфилду, чтобы попросить разрешения срубить несколько деревьев в лесу для тех, чьи дома требовали срочного ремонта. Честерфилд принял посланцев довольно любезно, но ответил отказом. Он объяснил, что если позволит вырубать лес, его животным будет негде жить.

Во вторник Энди впервые ощутил муки голода. Это было не обычное «пора бы уже и поесть», а настоящий голод, от которого слабеет тело и портится настроение. Энди старался убедить себя, что это испытание силы духа. «Рыцари Круглого стола тоже терпели лишения и голод, — рассуждал он. — Раз они смогли выстоять, смогу и я. Ну и потом, если я буду голодным среди голодных, то быстрее добьюсь успеха».

Все пошло не так, когда выяснилось, что умерла Роза Ферман. Вместе с викарием Энди обходил дома и, зайдя к Ферманам, увидел старого Сайреса, который раскачивался в кресле-качалке, держа на руках исхудавшую Розу.

Энди слышал, что иногда старики впадают в детство. Он подумал, что Сайрес просто убаюкивает свою жену, как ребенка. Подойдя ближе, он увидел, что один глаз Розы открыт, а ее тело уже окоченело. Видимо, она умерла несколько часов назад.

— Я должен был рассказать об этом, — заплакал Сайрес, — но боялся, что ее у меня отнимут.

Он заботливо убрал со лба жены тонкие седые волосы.

— Сорок три года... Мы прожили вместе сорок три года. Ее заберут, и все будет кончено. Я хотел побыть с ней еще немного.

Кристофер Мэтьюз положил руку на плечо Сайреса и тихо сказал:

— Ты можешь оставаться с ней, сколько захочешь.

Но теперь это уже не имело значения. Чары были разрушены. Энди и Мэтьюз вошли в минуту последней близости между мужем и женой. Все было кончено. Кончено навсегда.

Известие о смерти Розы произвело на жителей Эденфорда тяжелое впечатление. Дело было не в самой смерти — в домах горожан она была хотя и не желанным, но частым гостем. Дело было в том, что умерла Роза. Ферманы не могли иметь детей, они жили друг для друга и казались немного странной парой. Роза — твердая, решительная и умная, а Сайрес — покладистый неуклюжий тугодум. Она возмущалась и сетовала, а он в ответ только улыбался и пожимал плечами, но они любили друг друга, и горожане не представляли их порознь.

Если бы не неожиданное происшествие, которое случилось в среду, в Эденфорде еще долго не смогли бы оправиться от этой потери.

Среда была вторым днем, который Энди провел под опекой викария. Как и накануне,

Кристофер Мэтьюз разбудил юношу в четыре утра для молитвы и изучения Библии. Викарий успел узнать про своего подопечного две важные вещи: во-первых, он не христианин, а во-вторых, он любит приключения и ему нравится читать о них. Используя второе для того, чтобы работать с первым, викарий избрал темой урока жизнеописание апостола Павла. Во вторник он предложил Энди познакомиться с двадцать седьмой главой Деяний апостолов, где рассказывалось о кораблекрушении, которое потерпел Павел в Средиземном море. Энди пришел в восторг от детального описания плавания апостола. С упоением он читал, как из-за встречного ветра путешественники попали на Кипр и на Крит, а затем попытались добраться до критской пристани Финик, лежащей против юго-западного и северо-западного ветра и приспособленной к зимовке. Поразила молодого человека и история о том, как корпус корабля, чтобы он выдержал шторм, обвязали канатами. Смелый и предприимчивый Павел очень понравился Энди. Этот апостол ничем не походил на английских священников, предпочитающих прятаться от мира за стенами церквей, облачаться в длинные мантии, посещать церковные соборы и жаловаться, что англичане потеряли интерес к вере. Апостол был совсем другим. Образ деятельного и любящего риск служителя показался Энди немного странным, но необычайно привлекательным.

В среду они читали одиннадцатую главу из Второго послания коринфянам, в которой Павел говорит о своем служении. «Они Евреи? и я. Израильтяне? и я. Семя Авраамово? и я. Христовы служители? (в безумии говорю:) я больше. Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе. Кроме посторонних приключений, у меня ежедневно стечение людей, забота о всех церквях. Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся? Если должно мне хвалиться, то буду хвалиться немощью моею. Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословенный во веки, знает, что я не лгу. В Дамаске областной правитель царя Ареты стерег город Дамаск, чтобы схватить меня; и я в корзине был спущен из окна по стене и избежал его рук».

Викарий и его ученик обсуждали этот отрывок, прогуливаясь по дороге вдоль поля. Приближалась осень, трава побурела и поникла. Утренний воздух был таким холодным, что изо рта шел пар.

— Просто не верится, как он мог все это выдержать. Что двигало им? Чего он искал?

— Павел был таким стойким не потому, что он искал, но потому, что нашел.

— Не понимаю.

— Я вижу. Ты не понимаешь этого, потому что пока ты лишь ищешь то, что нашел Павел.

— И что же он нашел?

Викарий улыбнулся.

— То, ради чего стоит жить и ради чего стоит умереть.

— Веру в Иисуса?

Викарий остановился и пристально посмотрел на своего ученика. Он понимал, что

последние слова юноши были формальными. Он зашагал дальше.

— Вера в Иисуса Христа так изменила Павла, что остаток жизни он провел, путешествуя по свету и претерпевая самые разные испытания. Он хотел поведать другим о своем открытии.

— И все-таки я не понимаю. Люди не желали его слушать. Они не принимали того, что он говорил. Чего он добился?

— Ты не поймешь этого, пока не пройдешь через те же испытания, что и Павел. Поверь мне, этого достаточно.

После завтрака и семейной молитвы вместе с Нелл и Дженни Энди помогал викарик собирать сведения для ежемесячного отчета лорду Честерфилду. Чтобы составить отчет, им пришлось рассмотреть все этапы производства шерсти, от выращивания овец до хранения готового сержа.

Пастухи предоставляли викарию данные о поголовье скота, о приплоде, о заболевших животных, о количестве овец, съеденных хищниками (с объяснениями причин каждого происшествия). Все это было записано рукой Энди в точном соответствии с указаниями Кристофера Мэтьюза.

Прядением шерсти жители городка занимались на дому. Учитывалось количество пряжи, изготовленное каждым работником. Такакие станки стояли в специальных мастерских. Их производительность и состояние регулярно проверялись. К отчету прилагались сведения об оборудовании, которое требовало ремонта.

Пройдя через весь город, Энди и Кристофер Мэтьюз добрались до сукновальной мастерской, расположенной у реки, близ южного моста. Раньше Энди не представлял себе, сколько труда нужно для того, чтобы изготовить обыкновенную шерстяную ткань. Морганы просто отправляли в город слугу, и он покупал нужный материал. Потом из этой материи слуги шили себе одежду. Наряды самих Морганов заказывались и подгонялись у лучших лондонских портных.

Увидев сукновальную машину, Энди понял, что изготавливать ткань — дело небезопасное. Здесь материю уплотняли и очищали, замачивая и выколачивая ее. После замачивания ее вынимали из воды и выколачивали при помощи зазубренных деревянных брусьев, напоминающих гигантские зубастые челюсти. Сукновальная машина заглатывала серж с такой жадностью, что, оказавшись поблизости человек, деревянные челюсти могли ухватить его за одежду и перемолоть заживо. Поначалу казалось, что после такой процедуры ткань будет испорчена, но конечный продукт доказывал обратное.

Очищенное полотно выносили на улицу и развешивали на специальных рамах у реки. Длина каждого куска была около двадцати шести ярдов ^[70]. Длинные полосы белой ткани сохли на берегу, слегка покачиваясь на ветру. После того как ткань подсыхала, ее обрабатывали горячим прессованием, сворачивали в рулоны, обрабатывали холодным прессованием и отправляли в Эксетер. Часть продукции перед обработкой прессованием отправлялась в красильные мастерские.

Мастерские эти находились в западной части городка, в большом деревянном строении, рядом с лугами для выпаса скота, плавно поднимавшимися в сторону холмов. Рамы, на которых выкрашенную ткань развешивали для просушки, стояли вдоль лугов. Они напоминали огромное лоскутное одеяло из синих, зеленых, желтых, черных и красных квадратов.

В красильных мастерских было всего четыре емкости с краской — по одной для

каждого из основных цветов и особая — для черного. Зеленая ткань получалась после того как серж поочередно окунали в желтую, а потом в синюю краску. Чаны с синей, желтой и черной краской были установлены в одном помещении. Ярко-красная краска хранилась отдельно, поскольку это был самый неустойчивый краситель, требующий постоянного наблюдения.

Чтобы покрасить ткань, ее натягивали над чаном между двумя горизонтальными валиками, каждый из которых вращал один человек. Разматывая ткань с одного валика, красильщики опускали ее в емкость, а наматывая на второй валик, вытягивали обратно. Когда таким образом через чан пропускался весь рулон, процесс повторяли, пока ткань не приобретала желаемый оттенок. Котлы подогревались при помощи углей, чтобы краситель не остыл — жидкость в них почти кипела.

Когда Энди и Кристофер Мэтьюз вошли в помещение, где стояли емкости, молодой человек сразу узнал одного из рабочих по рыжей шевелюре — это был взрывной Джеймс Купер. Он стоял на помосте у чана с синей краской и вращал валик с тканью. У его ног сидел маленький мальчик. Энди решил, что это брат Джеймса — он видел его вместе с семьей Куперов в воскресенье на проповеди. Остальные рабочие были незнакомы Энди.

— Добрый день, Джеймс, добрый день, Вильям, — поздоровался священник. И с ноткой удивления в голосе добавил, заметив малыша, сидящего у ног брата: — Добрый день, малыш Томас!

— Привет, господин Мэтьюз! — Томас радостно помахал ему рукой.

— Добрый день, викарий, — почтительно ответил рыжий Джеймс. Он неотрывно наблюдал за своим напарником, стоявшим по другую сторону чана. Смотрел он на него враждебно, и это не удивило Энди. Каждый раз, когда юноша видел Джеймса Купера, рыжеволосый гигант с кем-то ссорился.

— Доброе утро, викарий, — сказал Вильям, равномерно разматывая рулон ткани на валике. Чтобы материя окрасилась без полос, она должна была двигаться с постоянной скоростью.

— А что здесь делает Томас? — спросил священник.

Джеймс, наматывая серж на валик, ответил:

— Мама готовит миссис Ферман к погребению. Отец наблюдает за фермерами и торговцами. А с ним приходится возиться мне.

Темно-синяя ткань плавно поднималась из чана. Пятна синей краски на помосте говорили о том, что работа не всегда шла гладко.

— И ты решил привести его сюда?

— Только так я могу за ним присмотреть.

Викарий огляделся.

— Вероятно, ты прав. Только будь осторожен. Сколько ткани вы покрасили сегодня?

— Два куска, — резко ответил Джеймс. Вильям, не поднимая головы, продолжал разматывать ткань.

— И все?

— Все, — процедил Джеймс сквозь зубы.

Викарий подошел к чану и заглянул под него.

— Вот в чем дело. Огонь почти погас. Угли чуть теплые. — Он выпрямился. — Почему вы не поддерживаете огонь?

Напарники заговорили в один голос, осыпая друг друга упреками.

Викарий поднял руку, прося их замолчать.

— Меня не интересует, кто виноват. Решите вопрос мирно, — он сделал ударение на последнем слове, — но помните, что вы должны покрасить всю ткань, не забывая поддерживать огонь. Понятно?

— Да, сэр, — ответил Вильям. Джеймс кивнул, по-прежнему свирепо сверкая глазами.

Мэтьюз еще раз глянул на них и решил, что дело улажено. Он объяснил Энди, куда записать сведения о выработке синего чана, и перешел к емкости с желтой краской.

Энди сделал необходимые пометки. Когда он поднял глаза, то увидел, что рулон синего сержа подошел к концу.

— Еще раз, — сказал Вильям.

Джеймс покачал головой.

— Хватит.

— Еще раз!

— Нет.

Вильям принялся наматывать ткань на свой валик, чтобы вновь пропустить ее через чан с красителем, но Джеймс мешал ему, крепко держа свой конец. Когда он смотал погруженную ткань, остаток приподнялся над красителем. Настаивая на своем, Вильям рывком повернул валик. Во все стороны полетели брызги синей краски, несколько капель упало на пол.

Тогда Джеймс схитрил. Он ослабил хватку, и ткань поползла вниз. Пусть Вильям думает, что он уступил ему и согласился пропустить рулон через чан еще раз. Подождав, пока ткань погрузится чуть глубже, рыжий великан дернул свой валик назад. Он рассчитывал резко натянуть полотно и облить Вильяма синей краской. Ткань натянулась, и фонтан краски обрушился на Джеймса и его маленького брата.

Вильям хохотал до колик над неудачей своего напарника. Вместе с ним засмеялся и Энди. Джеймс и Томас выглядели так, словно кто-то долго валял их в чернике.

Томас расплакался, отчасти от неожиданности, а отчасти из-за того, что краска была горячей. Он попытался стереть ее с рук, но перемазался еще сильнее.

Смех Вильяма над ним и над его рыдающим младшим братом привел рыжеволосого гиганта в ярость. Он обеими руками схватил синий серж и дернул его изо всей силы. Валик завертелся с бешеной скоростью, и Вильям потерял равновесие. Он упал на помост, едва не угодив в чан. Теперь он был зол не меньше Джеймса. Вскочив на ноги, он схватил свой конец ткани. Над емкостью с горячей синей краской началось состязание по перетягиванию ткани.

Силы были неравны, Вильям явно уступал своему противнику, и Энди испугался, что он упадет в чан. Джеймс, который не сомневался в своих силах, тянул полотно на себя до тех пор, пока большая часть не оказалась с его стороны. Тогда Джеймс отпустил ткань. Когда Вильям обрел равновесие, Джеймс снова натянул ее. Вильям знал, что проиграл, но не сдавался.

— Джеймс, Вильям! Прекратите немедленно! Немедленно прекратите оба! — крикнул викарий. Теперь за тем, что происходило у чана с синей краской, наблюдали все рабочие.

— Он первый начал! — закричал Джеймс, глядя на викария.

Вильям попытался взять реванш и резко дернул ткань на себя.

Этого оказалось достаточно, чтобы Джеймс на секунду потерял равновесие. Но силач был начеку, и мгновение спустя он вновь прочно стоял на ногах, крепко держа ткань.

Внезапно Джеймс оступился, поскользнувшись на сыром помосте, и стал падать. Отпустив ткань, он попытался ухватиться за валик, но его правая рука лишь скользнула по рулону мокрого синего сержа. Левой рукой ему удалось ухватиться за деревянный конец валика. Качнувшись, он нечаянно задел маленького Томаса, и тот полетел прямо в чан с горячей синей краской.

Мальш мгновенно скрылся с головой, не успев даже вскрикнуть.

— Томас!

Джеймс отпустил валик и упал на помост. Перевернувшись на живот, он перегнулся над краем чана.

— А-а-а! — закричал он, выдергивая руку из горячей краски. Она была синей до запястья.

Как только Энди увидел, что маленький Томас упал в чан, он отшвырнул свои бумаги и бросился к помосту. Когда Джеймс полез в чан, Энди схватил его за рубашку, чтобы он не последовал за братом.

Джеймс прижимал к себе обожженную руку. В глазах его плясало безумие.

— Ты должен вытащить его! — закричал Энди.

— Слишком горячо!

— Он же погибнет!

— Я не могу, — тихо сказал Джеймс и, скорбно покачав головой, добавил: — Он уже погиб.

Энди заглянул в чан. Томаса не было видно.

— Прочь с дороги! — закричал он.

— Что ты собираешься делать?

— Я же сказал, прочь с дороги! — снова закричал Энди, пытаясь оттащить великана в сторону. Тот не сдвинулся с места.

— Джеймс! — властно сказал викарий. — Отойди!

Джеймс послушно отошел на край помоста. Энди лег на живот и до плеча погрузил руку в емкость. Каждая клеточка его кожи кричала от боли, однако он, стиснув зубы, продолжал шарить рукой в чане в поисках маленького Томаса. Боль нарастала, пальцы онемели; молодой человек не знал, сумеет ли он вытащить мальчика, даже если отыщет его. Вот он! На мгновение юноше показалось, что он что-то нащупал. Энди сжал пальцы и вытащил руку.

Никого!

Викарий поднялся на платформу к Вильяму. Остальные рабочие толпились вокруг чана. Они держались на почтительном расстоянии от его раскаленных стенок.

— Смотрите! — викарий указал на середину чана. Там показалась маленькая рука. Но она была слишком далеко.

— Здесь есть длинный шест или что-нибудь вроде него? — закричал Энди.

— Вон там, — один из рабочих метнулся в дальний угол красильни.

Но в этот момент детская рука исчезла.

Энди выругался. Обращаясь к Вильяму, он крикнул:

— Натяни ткань потуже!

Вильям схватился за валик. Викарий пришел ему на помощь.

Энди обернулся к Джеймсу:

— Натяните ткань посильнее!

Джеймс сидел, не шевелясь, подперев голову перемазанной в синей краске рукой.

Энди дернул его за руку:

— Джеймс! Слышите меня, Джеймс?! Мне нужна ваша помощь!

Великан бессмысленно взглянул на него. На лбу у него синело большое пятно.

— Он погиб! Я убил своего брата! — судорожно выдохнул он.

— Нет, он жив! — Энди схватил Джеймса за рубашку, пытаясь поставить его на ноги.

Но тот был слишком тяжелым.

— Он жив! — снова закричал Энди. — Помоги мне спасти его!

— Он не погиб? — медленно проговорил Джеймс.

— Если ты мне поможешь, мы спасем его!

Уверенность Энди вернула великана к жизни.

— Натяните ткань потуже! Как можно туже! — командовал Энди.

Джеймс сначала тянул ткань вяло, но потом его движения стали более уверенными и четкими. Полоса сержа поднялась из чана и плотно натянулась.

Энди поднырнул под валик и подошел к самому краю помоста. Он стоял, как нырлящик, который готовится к прыжку. У него была всего одна попытка, и он не мог позволить себе ошибиться.

Он прыгнул на натянутую полосу ткани. Под его тяжестью она натянулась еще сильнее — Вильям вдвоем с викарием с трудом удерживали валик. Ткань была скользкой и качалась из стороны в сторону. Схватившись за нее руками и зацепившись ногами, Энди изо всех сил пытался не свалиться. Жар от чана поднимался вверх, окутывая его. Юноша чувствовал себя поросенком, которого поджаривают на вертеле.

— Отлично. Теперь опускайте меня, — распорядился он.

Ткань стала медленно опускаться. Энди внимательно смотрел в чан, пытаясь разглядеть Томаса.

— Стоп! — закричал он. — Больше не опускать! — Теперь молодой человек находился всего в нескольких дюймах от горячей синей жидкости. Чтобы не соскользнуть вниз, Энди широко раздвинул ноги и осторожно повернулся направо. Выполняя это нехитрое действие, он едва не свалился в горячий краситель — к счастью, в чан попала только его нога. Поморщившись, он опустил голову на мокрый серж.

— Энди, позволь нам тебя поднять, — умоляюще сказал викарий. — Скорей всего, уже слишком поздно. Мы не хотим потерять еще и тебя.

Энди покачал головой.

— Держите ткань крепче.

Викарий кивнул и еле слышно произнес:

— Помоги ему, Господь!

Энди вновь сунул руку в чан. Ее пронзила жгучая боль. Из глаз юноши градом хлынули слезы, но он, не обращая внимания на боль, продолжал искать маленького Томаса.

Вот он! Энди задел что-то рукой. Слишком далеко! Пытаясь дотянуться до того, что он нащупал, юноша невольно оттолкнул невидимый предмет еще дальше.

— Нет! — закричал он. Боль стала нестерпимой. У него потемнело в глазах. Он изо всех сил старался не потерять сознание. «Если это случится, ты погибнешь», — сказал он себе.

Он старательно тянул руку, но понимал, что есть лишь один способ добраться до Томаса. Ему не хотелось делать это. Очень не хотелось. Энди не знал, способен ли он на такой поступок. «Мальчик мертв. Спасайся сам».

Энди глубоко вдохнул и опустил в чан с горячей жидкостью голову и плечи. Боль стала

невыносимой. Горячий краситель проникал в уши, разъедал глаза. Словно издалека молодой человек слышал приглушенные крики людей. Окружившая его тьма была не просто отсутствием света — она была жидкой, горячей и едкой. Энди почувствовал, что теряет сознание. Он сумел преодолеть страх, но еще раз ему вряд ли удастся с собой справиться. А дальше, во тьме, его поджидала сама смерть. Он успел удивиться тому, что даже в этом жару мысль о ней вызвала ощущение холода.

И вдруг он что-то нащупал. Рука. Потом тело. Юноша забыл о боли и крепко схватил мальчика за рубашку. Энди Морган собрал последние силы, вытаскивая из чана маленького Томаса Купера и самого себя.

Последнее, что он запомнил, — странное чувство, будто сотни рук поднимают его из чана.

Первый звук, который услышал Энди, очнувшись после происшествия в красильне, был шорох. Этот звук напомнил ему детство. Вот он лежит вечером в постели, притворяясь спящим. Няня Джулия двигается по комнате бесшумно, стараясь его не разбудить. Даже с закрытыми глазами Энди знал, где она находится и что делает. Скрип кресла-качалки означал, что Джулия сидит за книгой или вяжет. Если она читала, шелестели страницы, а когда она вязала, слышались вздохи. Любимыми звуками Энди были удаляющееся шуршание юбки и скрип закрывающейся двери. Это означало, что ему удалось провести няньку. Можно было перестать ломать комедию, тихонько встать с постели и не ложиться сколько вздумается.

Но это не Морган-холл, и Джулии здесь не было. Совсем рядом кто-то тихонько напевал себе под нос. С его нянькой такого никогда не случалось.

Энди попробовал приоткрыть глаза и тут же скривился от боли: юноше показалось, что в веки вонзились сотни иголок. Боль мгновенно распространилась на щеки и губы и даже на правую руку, когда он захотел ее поднять. Энди застонал и больше не пытался шевелиться. Глаза не открывались, щеки и рука пульсировали от боли.

Шуршание юбки приблизилось к нему, затем быстро отдалилось, и он услышал, как кто-то стремительно сбегает по ступенькам. Снизу раздался приглушенный крик:

— Папа! Папа! Он очнулся!

Сначала до него донеслось «аминь», произнесенное несколько раз, потом лестница заскрипела под чьими-то тяжелыми шагами. Их сопровождала легкая поступь второй пары ног.

— Энди! Слава Богу! — раздался голос Кристофера Мэтьюза.

— Как ты себя чувствуешь? — Энди узнал Дженни.

Юноша слабо улыбнулся. Это было больно, но все же не так, как открывать глаза. Для того чтобы ответить, ему потребовалось время. Мэтьюз и Дженни терпеливо ждали.

— Ну... Полагаю, лучше, чем выгляжу.

Минутное молчание сменилось взрывом хохота, в котором звучало облегчение. Это смеялся викарий. Дженни смеялась и одновременно всхлипывала.

— У нас собралось полгорода. Все они молятся за тебя, — произнесла девушка прерывистым голосом. — Они провели в молитве всю ночь.

— Всю ночь? А который час?

— Почти десять утра, — ответила Дженни. — Уже четверг. Когда в городе узнали о твоём поступке, все прекратили работу, чтобы молиться за тебя и Томаса.

— Кто-то провел здесь всю ночь, — добавил Мэтьюз, — а кто-то отправился к Куперам.

Услышав о Куперах, Энди не сразу решился задать вопрос, который вертелся у него на языке. Молодой человек не был уверен, хочет ли он услышать ответ, и все же понимал: спросить придется.

— Как Томас?

— Пока не пришел в сознание, — голос викария звучал строго и печально. — Он жив, но получил слишком много ожогов.

— Он умрет?

— Это известно одному Богу.

Энди содрогнулся, вспомнив о том, какую жгучую боль он испытал. В памяти мало-помалу стали всплывать подробности случившегося.

Он почувствовал, что его постель слегка наклонилась вправо. Кто-то оперся на нее.

— Ты можешь открыть глаза? — послышался голос Мэтьюза у его изголовья.

— Я пытался, — ответил Энди, — но это очень больно.

— Мы послали за врачом, но он живет в Эксетере и доберется до нас только завтра. Если тебе больно, лежи с закрытыми глазами до его приезда.

Голос викария перемещался над головой юноши. Видимо, он разглядывал сначала один его глаз, а потом другой.

— И все же я хочу попытаться.

Энди показалось, что викарий не возражает. Очевидно, Мэтьюз перестал опираться на кровать — она больше не накренилась.

Казалось бы, что может быть проще? всю жизнь Энди не задумываясь открывал и закрывал глаза. Но теперь приподнять обожженные до мяса веки было невероятно тяжело, малейшее усилие вызывало острую боль. Ее причиняли ожоги, свет, соприкосновение век. И все же через минуту ему удалось приоткрыть оба глаза. Жгучие слезы собирались в уголках глаз и стекали по лицу, оставляя едкий соленый след.

Сначала Энди увидел Дженни. Она прижимала руки к губам. Между ладонями торчал уголок носового платка. Потом он разглядел взволнованное лицо викария. Мэтьюз тыльной стороной ладони вытирал слезы.

— Надеюсь, я выгляжу лучше, чем вы, — попытался пошутить Энди.

Воцарилось молчание. Ничего не ответив, викарий повернулся и пошел вниз. Он спешил сообщить горожанам, что Энди вернулся к жизни. У молодого человека чуть не вырвался вопрос о Нелл, но он сдержался. Во-первых, он не хотел показывать, что Нелл его интересует, во-вторых, рядом была очаровательная девушка и спрашивать о ее сестре показалось ему неуместным.

— Да, видок у тебя что надо, — сказала Дженни, смеясь и плача одновременно.

— Я синий?

Дженни кивнула и хихикнула.

— Жди здесь! — приказала она и выскочила из комнаты.

«Ждать здесь? Интересно, куда, по ее мнению, я могу исчезнуть?»

Минуту спустя девушка вернулась с небольшим зеркалом и поднесла его к лицу Энди. Увидев себя, он засмеялся и тут же раскаялся в содеянном — такой сильной была боль.

Дженни убрала зеркало.

— Прости! — заплакала она.

— Перестань. Ты ни в чем не виновата, — Энди перевел дыхание. — Я хочу посмотреть, как выглядит все остальное.

— Ты серьезно?

Энди слегка кивнул и взялся объяснять Дженни, как она должна держать зеркало.

— Подними его повыше. Теперь немного наклони вниз, но не слишком. Чуть повыше, вот так.

Теперь Энди видел свою руку. Она вздулась и покрылась пузырями. Ладонь тоже распухла, а пальцы были похожи на нелепые синие сосиски, покрытые красными волдырями.

— На ногу ты тоже хочешь взглянуть?

А ведь верно. У него так болели рука и лицо, что он совсем забыл о левой ноге. Энди попытался, не прибегая к помощи зеркала, определить ее состояние. Пузырей не было, но кожа натянулась, и сгибать ногу было больно. В остальном все не так страшно.

— Она тоже синяя?

Дженни кивнула и тихонько присела на угол кровати. Энди безотчетно вздрогнул и попытался отстраниться. Слишком уж близко девушка оказалась к обожженной руке. Но глаза Дженни светились такой нежностью, взгляд ее был полон такой любви, что Энди решил не осторожничать. Какое значение имеет боль, если рядом сидит столь прелестное создание?

Она бережно отвела прядь волос, которая упала ему на лоб, и пригладила ее.

— Ты замечательный, — ласково прошептала она. — Ты благородный. Ты красивый. И ты смелый.

Она наклонилась еще ниже, так, что ее лицо оказалось прямо над ним. Длинные каштановые волосы коснулись Энди. Теперь их было только двое — завеса волос Дженни скрыла остальной мир. Юноша смотрел на ее прекрасные сияющие глаза и нежные губы — и испытывал настоящие мучения из-за того, что волосы Дженни щекотали и кололи его обожженные щеки. Но когда девушка склонилась еще ниже, он, ощутив гладкость ее кожи и влажное тепло дыхания, забыл обо всем. Дженни прикрыла глаза и прикоснулась губами к его губам. Прикосновение было мимолетным, она не хотела причинять Энди боль, и это сделало поцелуй еще восхитительнее.

Когда Дженни выпрямилась, волосы упали ей на лицо. В дверях она с озорной улыбкой обернулась и исчезла.

Увидев, как свободно Дженни перемещается по комнате и уверенно отыскивает нужные ей вещи, Энди понял, что находится в спальне викария.

Эта комната располагалась в центральной части дома между спальнями Нелл и Дженни. Свет в нее проникал через дверь — окон не было вовсе. Обстановка — спартанская. Над собой Энди видел грубые шероховатые брусья, а вокруг — голые стены. В дальнем углу, на маленьком столике, стоял таз для умывания, у стены притулился небольшой комод. Комната предназначалась только для сна.

Заручившись согласием Энди, Кристофер Мэтьюз позволил благодарным жителям Эденфорда по очереди подняться к нему. Первыми навестили юношу Дэвид и Шеннон Купер. Огромный волосатый сапожник и его миниатюрная жена со слезами осыпали Энди благодарностями. С ними вошла Маргарет, средний ребенок в семье. На вид ей было около десяти лет. Она молча стояла позади родителей, не зная, как относиться к синему незнакомцу и бурному проявлению эмоций отцом и матерью. Рыжеволосого Джеймса с ними не было.

Шаркая ногами по ступенькам, поднялся старый Сайрес Ферман. Из-за происшествия в красивой мастерской похороны Розы были отложены до пятницы. Все жители Эденфорда молились о том, чтобы в этот день им не пришлось рыть еще одну могилу.

— Думаю, мы были несправедливы к тебе, — медленно проговорил Сайрес. Он заботливо наклонился к Энди. — Господь благословит тебя, сынок.

Неожиданностью был визит Эмброуза Дадли. В отличие от других посетителей он стоял у кровати навтыжку. Нотариус принес Энди письмо, которое все время теребил в руках. Его

резкие черты и холодный взгляд заставили молодого человека почувствовать себя неуютно.

— Полагаю, мы все у вас в долгу, — сказал сухо Дадли.

Энди молча кивнул.

— Вам пришло письмо. — Нотариус бросил конверт Энди на одеяло. — Его принес неумытый, невоспитанный юнец с всклокоченными волосами. — Видимо, ваш приятель.

Как только нотариус ушел, Энди схватил письмо и сунул под одеяло, а то еще какой-нибудь доброхот предложит прочесть его вслух.

«Забавно. Знал бы Эмброуз Дадли, что он вручил мне письмо от епископа Лода!»

Энди не сомневался: письмо принес Элиот. Это заставило его не на шутку встревожиться. Значит, сообщение было срочным. Как только он останется один, немедленно расшифрует текст, но для этого ему необходима Библия.

Со всей возможной любезностью Энди принял остальных горожан. Все они говорили примерно одно и то же.

— Ты поступил благородно. Мы не знали, что ты на это способен. Спасибо тебе. Да благословит тебя Господь.

Наконец последний посетитель ушел. Нелл так и не появилась.

Зато в комнату вновь заглянул викарий.

— Думаю, ты очень устал, — сказал он. — Я прикрою дверь, чтобы ты мог немного поспать.

— Прежде чем вы уйдете, принесите мне, пожалуйста, мою Библию!

Лицо викария просияло. Он сходил за Библией.

— Если хочешь, могу почитать тебе вслух, — предложил он.

— Нет, спасибо. Я хочу побыть один.

Викарий кивнул. Он спустил таз для умывания на пол, придвинул столик к кровати, зажег свечу, поставил ее поближе к Энди и сказал:

— Так ты сможешь сам задуть ее, когда захочешь спать.

— Спасибо. А где Нелл?

Викарий шутливо постучал по своей голове.

— Совсем забыл. Она у Куперов. Джеймс все время твердит о своей вине. Как ты мог заметить, человек он эмоциональный. Он даже начал говорить, что наложит на себя руки, никого не желал слушать. А с Нелл они дружат с детства. Она всегда знала к Джеймсу подход. Ей лучше побыть с ним, а то он еще наделает глупостей.

Энди кивнул, не проронив ни слова.

— Да, — уже в дверях сказал викарий, — в качестве предложения. Почитай Послание галатам, главу шестую, стихи семь-девять. Понимаю, сейчас тебе очень больно, а потому хочу, чтобы ты знал: тебя за твой поступок ждет вознаграждение. Господь не оставит тебя. Зови, если что-нибудь понадобится.

Викарий закрыл дверь, и Энди остался один.

При мысли о Нелл, утешающей Джеймса Купера, у него на душе заскребли кошки. Молодой человек тихонько выругался и открыл Библию. Вытащив из-под одеяла письмо, он попытался вскрыть его здоровой рукой. Энди надеялся, что послание будет коротким. Скорее всего, он не сможет заниматься расшифровкой, но иначе ему не успокоиться. Он должен узнать, что заставило епископа прислать Элиота.

Распечатывая конверт, он случайно разорвал письмо на две части. Энди снова выругался. Новость о Нелл очень расстроила молодого человека, хотя он и не хотел

признаваться себе в этом. Энди открыл половину письма. Оно не было зашифровано! Он положил бумагу себе на грудь, взял вторую половину и встряхнул ее, открывая. Сложив обрывки вместе, он поднес их к свету. Там было всего несколько слов, написанных немислимыми каракулями. «Срочно! Жду тебя на бирегу рики у маста. Суб. 10 веч. Элиот».

Энди погрузился в мрачные размышления. «Возможно, ничего страшного и не произошло. Написано «срочно», но встреча назначена на субботу. Интересно, зачем я понадобился Элиоту? Что-то случилось с епископом? Моя работа под угрозой?»

Энди сложил письмо — оно оказалось куда опаснее зашифрованных посланий епископа — и огляделся, лихорадочно соображая, куда бы его спрятать. В конце концов он сунул конверт в Библию.

Юноша собрался было потушить свечу, но, вспомнив, что викарий предложил почитать отрывок из Послания галатам, нашел нужную страницу и при свете дрожащего пламени свечи прочел: «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную. Делая добро, да не унываем, ибо в свое время пожнем, если не ослабеем».

Проснулся Энди перед самым ужином. До него донесся аромат свежего хлеба и фасоли. На запах пищи громким урчанием откликнулся желудок.

— Хорошо, что ты не спишь! — Дженни приоткрыла дверь. В руках у нее был поднос с едой. Отодвинув краем подноса свечу, она поставила тарелки на столик.

И тут Энди понял: Библия исчезла! Молодой человек отлично помнил, что он положил ее на стол. Он попытался нагнуться и посмотреть, не упала ли книга на пол.

— Что ты ищешь? — поинтересовалась Дженни.

— Ты не брала мою Библию?

— Нет.

— Она не лежит на полу?

Дженни заглянула под столик.

— Нет, здесь ее не видно.

Энди пытался скрыть растущую тревогу.

— Странно. Перед тем как уснуть, я положил Библию на столик.

— Быть может, ее взял папа, — беспечно сказала Дженни и весело добавила: — Я принесла тебе ужин.

««Быть может, ее взял папа»... А вдруг он обнаружит записку Элиота?»

— Открой рот!

Дженни наполнила ложку кашей.

— Я могу есть сам.

Энди, нервничающий из-за пропажи Библии, не скрывал своего раздражения. Улыбка Дженни погасла. Девушка убрала ложку, и одно зернышко упало на одеяло. Дженни обиженно оттопырила губу.

— Я думала, тебе будет приятно.

Ее уловка сработала.

«Ладно, ничего не поделаешь, — решил Энди. — Если Мэтьюз прочтет записку, сочиню какую-нибудь историю».

— Конечно, — сказал он, — мне будет приятно.

Энди немного приподнялся, и Дженни поднесла к его губам ложку. Голод и помощь очаровательной девушки сделали ужин невероятно вкусным.

Еда была самой обычной для Эденфорда, который переживал не лучшие времена, — кукуруза, фасоль и хлеб из грубой муки. Разумеется, ему был подан и самый популярный напиток в городе — свежая вода.

Однако наиболее приятной частью ужина стал поцелуй Дженни под завесой ее струящихся волос. На этот раз губы девушки нежно приникли к его губам. Оторвавшись от Энди, Дженни тихонько вздохнула.

Нелл пришла навестить Энди поздно вечером. Она выглядела усталой и измученной. Стоя в дверях, девушка приветливо улыбалась и тепло смотрела на Энди, но разговор вышел сухим и сдержанным. Они говорили о случившемся. Маленький Томас так и не очнулся; Джеймс постепенно приходит в себя и больше не помышляет о самоубийстве.

Энди было неприятно, что Нелл заботится о Джеймсе. Он старался не обращать на это внимания, но не мог. Он говорил себе, что у него нет права ревновать Нелл, тем более после того, что сегодня произошло между ним и Дженни. И все же, когда он представил, как Нелл утешала этого рыжего буйвола, у него испортилось настроение. Она держала его за руку? Обнимала? Что она делала, чтобы утешить этого мужлана?

Он понимал, что Нелл не понравится его ревность, и поэтому старался не проявлять своих чувств.

— Я рад, что Джеймсу лучше, — произнес он сдержанно.

Если Нелл и заметила досаду в его голосе, то не подала виду.

Она закрыла глаза и провела по лбу тыльной стороной ладони.

— Если не возражаешь, — сказала она утомленно, — я пойду. Мне надо еще кое-что сделать перед сном. Хотелось бы побыть с тобой подольше, но боюсь, мое общество не доставит тебе особого удовольствия. Увидимся завтра.

— Понимаю, — сухо ответил Энди.

— Закрывать дверь?

— Если тебе не трудно.

Нелл притворила за собой дверь, но потом снова заглянула в комнату и сказала, улыбнувшись:

— Между прочим, синий цвет тебе очень к лицу.

Несколько часов юноша лежал без сна, мысленно перебирая события прошедшего дня. Визиты благодарных горожан, нескрываемая гордость Кристофера Мэтьюза за него, Энди, двойственное чувство после разговора с Нелл, поцелуи Дженни. Да еще эта история с Библией. Кто ее взял? И самое главное — нашел ли этот человек записку Элиота?

Постепенно мысли начали расплываться и путаться. Последнее, что он услышал, засыпая, был скрип стула в кабинете викария. Видимо, тот продолжал работать до поздней ночи.

В субботу Энди почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы встать с постели. Открыв глаза, он заметил, что в дверях кто-то мелькнул. Ему приветливо улыбалась Дженни.

— Как ты себя чувствуешь?

Энди ответил не сразу. Он еще не вполне проснулся и не перешел границу между сном и явью. Молодой человек продолжал находиться во власти смутных образов, не поддающихся разумному осмыслению. Заговорить на языке реальной жизни, выстроив логичную цепочку слов-символов, было не так-то просто. Энди чувствовал себя иностранцем, пытающимся из

всех сил понять речь англичан.

Дженни хихикнула, видя, с каким напряжением Энди подыскивает ответ.

— Я задала слишком трудный вопрос?

— По-моему, я чувствую себя вполне сносно. — К Энди вернулся дар речи.

— Хочешь есть?

Опять вопрос! Энди задумался.

— Кажется, да.

Дженни была уже в комнате.

— Сегодня твои глаза открылись полностью.

Она была права. Энди потер глаза левой рукой.

— Ой!

— Больно? — Дженни стояла у постели юноши и заботливо смотрела на него. Прямо над собой Энди видел ее длинные, темные волосы.

— Я забыл, что надо быть осторожным. — Энди вскинул глаза на девушку и подумал: «Как приятно, проснувшись, увидеть такую красоту».

— Пойду принесу тебе завтрак. — И с этими словами она вышла.

Энди был разочарован. Он рассчитывал на поцелуй.

— Собираешься проспать весь день? — в дверях, скрестив руки на груди, стояла улыбающаяся Нелл.

— По правде сказать, я хотел спуститься вниз, к дамам.

— Почитаешь нам Библию?

— Если право выбора отрывка предоставят мне.

Нелл фыркнула. Она продолжала улыбаться. В глазах девушки прыгали веселые искорки. Видеть ее такой было несказанным удовольствием для Энди. «Чем она меня пленила? Держится она довольно холодно. Лишь тогда, в воскресенье... И не такая хорошенькая, как сестра. Почему я к ней так привязался? Почему ее улыбка доставляет мне такую радость?»

Дженни принесла поднос с завтраком и поставила его на столик.

— Джен, пора работать, — Нелл повернулась, чтобы уйти.

— Я хотела побыть с Энди, пока он завтракает.

— Он уже большой. Может позавтракать сам. Идем, на этой неделе мы и так потеряли два дня.

Дженни надула губки. Это заставило Энди вмешаться. Смущенно улыбнувшись, он сказал девушке:

— Спасибо за предложение.

Дженни насупилась.

Спускаясь вниз, Энди едва не потерял сознание. В этом не было ничего странного, ведь даже одевался он с трудом. Молодой человек надел только один башмак, натянуть второй на распухшую, перевязанную левую ногу он не смог. Тем не менее Энди чувствовал себя не так уж и плохо. Правая рука и лицо болели, левая нога дрожала от напряжения, но в остальном все было прекрасно, и ему не терпелось подняться с постели. Энди понимал, что перед встречей с Элиотом необходимо немного размяться.

Ему повезло, что лестница была с перилами. Преодолев примерно половину пути, Энди почувствовал, что глаза ему застилает белая пелена, а все тело покрылось холодным потом.

Он оперся на перила, пытаясь прийти в себя. Но пелена сгустилась и стала чернеть.

Он очнулся, почувствовав, что с двух сторон его бережно поддерживают Нелл и Дженни. Сестры помогли ему спуститься и усадили в кресло. Постепенно туман начал рассеиваться. Дженни осторожно вытерла пот с лица юноши.

— Почему ты не позвал нас? — с укором спросила Нелл.

Энди пожал плечами.

— Думал, справлюсь сам.

Нелл покачала головой и вернулась на свое рабочее место у окна, которое выходило на Главную улицу.

Когда к Энди вернулись силы, он предложил девушкам почитать вслух Библию — это, кстати, был неплохой повод выяснить, где она. Дженни книгу не видела. А вот Нелл предположила, что она наверху, в рабочем кабинете отца. Младшая сестра отправилась на поиски. Через пару минут она вернулась с Библией. Делая вид, что выбирает отрывок для чтения, Энди нашел записку Элиота. Молодому человеку показалось, что она лежит на прежнем месте, хотя он бы не поручился, что положил ее именно туда.

В любом случае ему уже не узнать, читал ли ее викарий. И тут у Энди мелькнула тревожная мысль: «А что если в Библию заглядывала Нелл? Она знала, где лежит книга, и вполне могла прочитать записку. Как он объяснит ей содержание письма?»

Отрывок из Священного Писания был выбран совместно. Верная своему слову, Нелл предоставила выбор Энди. Ему хотелось почитать о приключениях апостола Павла: то, что было написано о нем, а не им. Но юноша понятия не имел, как и где найти нужное место.

— Тогда почитай о том, как начались его странствия, — предложила Нелл. Она посоветовала ему открыть главу девятую Деяний святых апостолов. Прежде чем приступить к чтению, Энди на всякий случай быстро просмотрел текст.

— В чем дело? Ты мне не доверяешь? — поддела его Нелл.

Пока сестры прикалывали работу к подушке, закрепляли петли, скручивали и переплетали нити, Энди прочел большую часть девятой, тринадцатую и четырнадцатую главы.

Во время чтения в голову Энди пришла странная мысль. Глава четырнадцатая рассказывала о том, как жители Иконии хотели побить Павла и Варнаву камнями, но их замыслы были раскрыты и апостолам удалось бежать. Энди подумал, что бы сделали с ним жители Эденфорда, если бы узнали, зачем он здесь.

После ленча и дневного сна Энди почувствовал, что у него достаточно сил для прогулки. Нелл не хотела отпускать его одного. Сопроводить юношу вызвался Кристофер Мэтьюз. Перед тем как они покинули дом, викарий вручил Энди трость, подарок Сайреса Фермана.

Выйти на улицу было очень приятно. Легкий ветерок чуть-чуть охлаждал обожженное лицо и больную ногу. И хотя солнечный свет резал глаза, Энди обрадовался ему, как старому другу. На улицах Эденфорда он чувствовал себя героем, вернувшимся с поля боя. Все, кто попадался им на пути, находили для молодого человека доброе слово, вновь и вновь благодаря его за спасение сына Куперов. Кристофер Мэтьюз просто светился от гордости.

Викарий привел Энди к Куперам. Они жили на втором этаже дома, в котором располагалась сапожная мастерская. Наверху было очень душно — в комнате отсутствовали окна и она не проветривалась. На кровати лежал опухший и покрытый волдырями Томас.

Рядом сидела его мать, осторожно промокая тело ребенка влажной тканью. Глаза мальчика были закрыты. На секунду Энди пожалел, что пришел сюда. Увидев, в каком состоянии находится Томас, он едва не лишился чувств.

— Он поправится?

— Все в руках Божьих, — ответил сапожник.

— А что сказал доктор?

— Он не пришел, — сухо ответил викарий.

Взглянув на огорченные лица викария и Куперов, Энди удержался от дальнейших расспросов.

— Он понемногу приходит в себя, — сказал сапожник.

Энди подошел к кровати. Лицо Томаса распухло. Мальчика было не узнать.

— Томас, — сказал он, — это я, Энди.

Ответа не последовало.

— Надеюсь, ты поправишься. Не ходите же мне по городу синим в одиночку.

Уголки рта мальчика дрогнули и приподнялись, по щеке медленно поползла большая слеза.

Энди спускался вниз, осыпaeмый благодарностями Куперов. Они вновь и вновь повторяли: «Спасибо тебе, да благословит тебя Господь!» Энди не знал, что на это ответить, и просто кивал и улыбался. Когда он очутился в мастерской, произошла заминка. Внизу на табурете сидел Джеймс и прибивал к башмаку каблук. После несчастного случая он не вернулся в красильню, предпочитая работать с отцом. Энди показалось, что на правой руке великана была надета синяя перчатка. На лбу молодого человека синело пятно. При виде Энди Джеймс бросил молоток и шагнул к черному ходу. С лиц домочадцев исчезли улыбки. Энди и викарий попрощались с Куперами и вышли.

— Ты тут ни при чем, — объяснил викарий. — Он злится на самого себя. Понимаешь, ему сейчас нелегко. Стоит Джеймсу взглянуть на свое отражение, и он видит каинову печать.

— Каинову печать?

— Книга Бытия. Каин убил своего брата Авеля, и Господь, чтобы предостеречь остальных, отметил его особым знаком. Так Он наказал его, заставив жить с ощущением вины. Джеймс сейчас чувствует то же.

Когда они свернули на Главную улицу, Энди сказал:

— Я думал о ваших словах.

— Вот как? О каких же?

— Вы говорили о том, что Господь не случайно привел меня в Эденфорд. Возможно, я оказался здесь, чтобы спасти Томаса.

Викарий на минуту задумался.

— Возможно, — подтвердил он. — Но мне кажется, что за этим стоит нечто большее.

В субботу тайна исчезновения Библии Энди была раскрыта. Ее взял викарий. Готовясь к проповеди, он заинтересовался, как перевели нужный ему текст переводчики короля Якова. Энди спал, и Мэтьюз подумал, что юноша не станет возражать, если он воспользуется его Библией. Разумеется, Энди не имел ничего против. Вопрос о записке по-прежнему оставался открытым. Прочел ее викарий или нет?

В три часа дня в субботу работа в Эденфорде прекращалась и начинались

приготовления к священному дню отдохновения, воскресенью. Ужин состоял из овощного супа. Хлеб и мясо давно кончились. Разговор за ужином и после него был сдержанным. В половине десятого, когда Мэтьюзы уже собирались ложиться, Энди заявил, что в последнее время он и так слишком много спал, а потому хотел бы немного прогуляться. Он взял трость и вышел из дома. Никто не встревожился и не удивился.

На дворе было прохладно. Пройдя Главную улицу до половины, Энди подумал, что надо бы вернуться и взять куртку, но решил не рисковать. И хотя его больная нога замерзла, приходилось терпеть.

Темнота в щелях ставен говорила о том, что большинство горожан уже спят.

Спускаясь к Рыночной улице, он вдруг понял, что Элиот назначил ему встречу у моста, но не написал, у какого. Где его искать — у северного моста или у южного, рядом с мельницей?

Следовало определиться, в каком направлении идти дальше: налево или направо. Тусклый свет фонарей освещал обсаженную деревьями Рыночную улицу. Деревья отбрасывали длинные густые тени. Вдали в лунном свете были хорошо видны городской сквер и здание церкви.

Внезапно от одного из деревьев отделились две фигуры. Энди шагнул в тень. Но луна все же мешала молодому человеку. Он прижался к стене. Парочка перешептывалась и хихикала. Держась за руки, влюбленные направились в сторону поместья Честерфилда, прочь от Энди.

Дорога в Эденфорд шла через северный мост, и Элиот, вероятно, попал в город тем же путем. Поэтому Энди решил двинуться к северному мосту. Держась в тени деревьев, он шел по правой стороне Рыночной улицы, выходящей на главную дорогу. Миновав церковь, он направился на север по Мостовой улице, вдоль которой тянулась каменная стена в два фута высотой, и перешел каменный мост. Энди огляделся, но своего приятеля не увидел. Впрочем, волноваться было еще рано.

Энди уселся на каменные перила моста и стал ждать. Он был слишком легко одет и через несколько минут продрог насквозь. От звука журчащей воды у него по всему телу бегали мурашки. Страшно замерзли ноги. Молодой человек съежился и попробовал обхватить себя руками, чтобы согреться, но правая рука плохо ему повиновалась. Пытаясь согреть левую ногу, он подсунул ее под правую. Время шло, и Энди начал раздумывать, не ошибся ли он с выбором моста. Разглядеть второй мост в такой темноте было невозможно; юноша с трудом угадывал даже очертания сукновальной мастерской. Посмотрев в сторону Эденфорда, он увидел фонари на улицах. А замок на холме? Нет, в такой темноте...

— Энди!

Молодой человек обернулся.

— Элиот?

— Я здесь, внизу! — голос доносился из-под моста. Энди посмотрел вниз и увидел взъерошенного Элиота.

Энди обогнул мост и соскользнул вниз по склону к реке.

Элиот изумленно уставился на него:

— Что это? Ты весь синий! — и он захохотал своим странным смехом, напоминающим визг гиены.

— Тсс! Тебя могут услышать! Понимаешь, произошел несчастный случай!

— Ты серьезно! А я-то думал, ты пошутил! — от смеха Элиот упал на землю и,

схватившись за бока, стал кататься по опавшей листве. Временами он успокаивался, но стоило ему взглянуть на Энди, все начиналось снова.

Энди так боялся, что смех Элиота могут услышать, что не сразу рассмотрел своего приятеля. А тот выглядел еще более странно, чем он. Рыжий проныра вырядился как пещерный человек. На нем не было ничего, кроме набедренной повязки из звериной шкуры. Он вымазался в грязи и, катаясь по берегу реки, перепачкался еще больше. Его руки, ноги, грудь и спину покрывали красные полосы: то ли царапины, то ли кровоподтеки.

— Элиот, заткнись! Ты перебудуешь весь город.

Постепенно хохот Элиота перешел в тихое похрюкивание. Он поднялся с земли, изо всех сил стараясь удержаться от смеха.

— Ты написал, что у тебя срочное дело. Что с епископом?

— У меня есть кое-что для тебя, синий мальчик, — Элиот прыснул.

— С епископом все в порядке?

— Конечно. Что ему сделается?

— Не знаю. Последнее письмо показалось мне странным. Слово он мной недоволен.

Элиот усмехнулся.

— Ты и правда такой дурак? — говоря это, Элиот сунул палец в ухо и энергично покрутил им. — Старик в тебе души не чаёт. Что бы ты ни делал, он будет в восторге.

— Тогда зачем ты пришел?

— Жди здесь. — Элиот отошел к кустам и, выкопав ямку, вытащил из нее какой-то пакет. Из пакета он извлек письмо и клочок бумаги. Сначала он протянул Энди грязный, заляпанный конверт.

— От епископа, — сказал он.

Энди взял письмо. Печать была сломана.

— Ты открывал его?

— Хотел проверить, не любовное ли это послание. Что означают все эти цифры? Шифр? Зачем вам шифр?

— Кто позволил тебе вскрывать мое письмо? — взорвался Энди.

На лице Элиота появилось странное выражение. Он отступил назад и сжал кулаки, покрытые коркой грязи. Листок бумаги он уронил на землю у самой воды.

— Хочешь меня побить? Давай! Попробуй! Тебе и ударить-то меня слабо.

Энди не отвечал, и рыжеволосый задира двинулся на него, ткнул кулаком в плечо и внезапно ударил по лицу.

Энди поморщился, не столько от удара, сколько от боли в обожженных местах.

— Ну, давай, ударь меня! Можешь ударить палкой! — подначивал Элиот.

Энди покачал головой:

— Элиот, прекрати! Что ты еще принес?

Увидев, что Энди не собирается драться, Элиот опустил кулаки. Не поворачиваясь к приятелю спиной, он поднял листок.

— В Питерборо прошла облава, — сказал он. — Там печатали памфлеты Джастина. Мы нашли вот это. Епископ хотел, чтобы ты сравнил написанное с почерком викария.

— Кристофера Мэтьюза?

— Точно. Епископ думает, что Джастин — это он. А может, и нет. Образцы его почерка он просил дать еще двум агентам.

Энди взял у него бумагу.

— Скажи епископу, что я все сделаю.

— Сам скажешь! — фыркнул Элиот. — Напишешь в очередном шифрованном любовном послании!

Энди сунул письмо и образец почерка под рубашку. Ему хотелось уйти. Элиот всегда вел себя странно, но таким Энди еще его не видел.

— Мне пора возвращаться, — сказал он.

— Что случилось? Синий мальчик стесняется меня?

Энди, опираясь на трость, начал подниматься по склону.

— Я недостаточно хорош для тебя? Ты готов заниматься любовью с епископом, но не со мной? — Элиот схватил Энди за обожженную руку.

Молодой человек, с трудом сдержав крик, оттолкнул его.

— Эй! Что, быть синим больно? — Элиот догнал приятеля и начал приплясывать вокруг, нанося удары кулаком и стремясь попасть в больное место.

Энди старался уклониться от ударов, защищаясь здоровой рукой. Он изо всех сил размахнулся, чтобы ударить Элиота тростью, но даже не задел его. По безумным глазам рыжеволосого юнца было видно, что мучения Энди доставляют ему наслаждение.

Энди вновь попытался достать его тростью, но промахнулся.

— Давай поворачивайся, синий мальчик! — Элиот нанес еще пару ударов.

Энди начал злиться. Он снова полез вверх по склону, но Элиот преградил ему путь. Энди попробовал обойти его, но Элиот одним прыжком оказался прямо перед ним.

— Элиот, мне надоели твои игры. Дай пройти.

— Ну давай, обойди меня! — дразнил его Элиот. Подбоченясь, он стоял над Энди на склоне.

Энди огляделся. Река была слишком широка, чтобы пытаться переплыть ее; путь вниз по течению преграждало подножие моста. Чтобы выбраться отсюда, необходимо подняться на склон, но сделать это ему не давал Элиот Веннер.

Энди двинулся прямо на Элиота. Элиот толкнул его. Вторая попытка — и вновь Элиот отпихнул Энди. На третий раз юный Морган притворился, что хочет обойти Элиота слева, а сам сделал рывок вправо. Это сработало, но обожженная нога поскользнулась на опавших листьях, и Энди упал. Элиот поставил ногу ему на спину и издал победный крик.

Другая нога Элиота оказалась рядом со здоровой рукой Энди. Отбросив трость, Энди схватил Элиота за ногу и дернул изо всех сил. Элиот навзничь упал на землю. Энди попытался подняться, но ноги не слушались его, и он съехал вниз по склону.

Теперь Элиот оказался в более выгодном положении. Его глаза бешено сверкали, он прерывисто дышал, раздувая и втягивая грязные щеки. С криком он бросился на лежащего Энди.

Элиот атаковал, подняв руки и растопырив пальцы, как когти. Энди оставалось лишь одно: пригнувшись к земле, он приготовился встретить противника. Элиот обрушился прямо на него. В последнюю секунду Энди сгруппировался и бросился Элиоту под ноги. Элиот перелетел через него и шлепнулся в реку.

Прежде чем он выбрался из воды, Энди схватил большой камень и сделал вид, что целится в голову Элиота. Обожженная рука была слабой и неловкой, и он с трудом удерживал камень.

— Элиот, прекрати! — закричал Энди.

Элиот выплюнул воду и затряс головой.

— Я просто хотел немного повеселиться.

— Иди веселиться в другое место.

— А я-то думал, что ты настоящий рыцарь, — Элиот покачал головой, — ведь они любят сражения. Тоже мне рыцарь!

Энди продолжал метить камнем в голову Элиота. Тот вылез из воды, забрал свой пакет и побрел вверх по течению.

Энди смотрел ему вслед. Прежде чем опустить камень или повернуться спиной к противнику, он хотел удостовериться, что тот ушел. Вдруг он кое-что вспомнил.

— Элиот! — позвал он громким шепотом. — Элиот! — ему пришлось повторять несколько раз, прежде чем тот услышал и обернулся.

— Шубал Элкинс, главный садовник лорда Честерфилда. Это ты его убил?

Элиот повернулся и зашагал прочь.

— Это ты убил его? — крикнул Энди ему вслед.

Элиот Веннер бросил пакет. Он поднял руки к небу и закружился в диком танце, завывая, как волк.

Израненный и обессиленный, Энди Морган, хромя, перешел мост и оказался в Эденфорде. Он не мог понять, что случилось с Элиотом. Этот парень всегда был не в себе, но теперь в него словно бес вселился. Энди решил, что нужно рассказать епископу о сегодняшней драке. И тут он вспомнил о более насущном деле — рукописи Джастина. Энди и раньше думал, что Кристофер Мэтьюз может оказаться Джестином, но Нелл уверяла, что ее отец не обладает талантом писателя. И все же это следует проверить. А значит, нужно пробраться в кабинет викария. Ему очень хотелось верить, что Нелл сказала правду.

— Мастер Морган?

Энди вздрогнул от неожиданности. Из тени деревьев, росших перед церковью, отделилась высокая костлявая фигура. Это был не кто иной, как Эмброуз Дадли.

— Не поздновато ли для прогулок? — спросил он.

Энди знобило. Этот странный вечер лишил его сил. Пальцы босой ноги были покрыты грязью и превратились в ледышки; каждый шаг причинял ему боль, которая отдавалась в голове; перевязанная рука онемела так, что он почти не чувствовал пальцев. У него ныло все тело, и больше всего на свете он мечтал завернуться в одеяло и лечь поближе к огню.

Ему не хотелось вспоминать о стычке с Элиотом. Необъяснимое поведение его бывшего наставника очень расстроило юношу. Почему Элиот обошелся с ним так безжалостно?

Не менее странно повел себя и Эмброуз Дадли. Энди не знал, поверил ли нотариус тому, что он случайно свалился с обрыва во время прогулки у реки. Впрочем, у него не было оснований не доверять Энди. Ведь он и сам гулял в столь поздний час!

И тут от внезапной догадки Энди бросило в дрожь. Письмо от Элиота принес ему именно Дадли! Может, он прочел его? Тогда понятно, почему он тоже решил подышать свежим воздухом. Энди попытался вспомнить, был ли конверт распечатан. К сожалению, ему и в голову не пришло проверить сохранность письма. Впрочем, это не так уж и важно. Главное — Дадли оказался рядом. Мог ли он подслушать его разговор с Элиотом? Наверняка он что-то слышал. По крайней мере завывание Элиота.

Энди тревожно оглянулся. Улица была пуста. Впрочем, жердеобразный нотариус мог легко спрятаться в густой тени. Молодой человек старался шагать беспечной походкой, насколько это возможно, когда ноги у тебя заледенели, а рука ноет. Он глубоко дышал, пытаясь успокоиться.

«Все нормально. Ничего страшного, если Дадли прочитал записку и подслушал разговор с Элиотом. Мой план остается в силе. Но чтобы не рисковать, я должен закончить все как можно быстрее и покинуть Эденфорд».

Открыв входную дверь дома Мэтьюзов, Энди шагнул в темную комнату — и замер. До него донесся чей-то храп. Озадаченный, Энди дождался, пока глаза привыкнут к темноте. Через минуту он начал различать очертания предметов. На полу у очага спал викарий, а ведь Энди собирался лечь внизу.

Пройдя мимо спящего Мэтьюза, он пошел наверх. Свет, струившийся со второго этажа, освещал ему путь. В кабинете викария за столом, склонившись, сидела Нелл. Энди не видел ни ее лица, ни чем она занимается, так же, как Нелл не видела его. Не желая объяснить свой странный вид, Энди попытался тихонько проскользнуть к себе в комнату.

Он сделал шаг — и половица громко скрипнула под его тяжестью.

— Ой! — Нелл вздрогнула и прижала руку к груди. — Энди Морган! Ты напугал меня до смерти!

Это были не просто слова. Ее лицо выражало неподдельный ужас. За кого бы она ни приняла Энди, она испугалась не на шутку.

— Извини, — изображая робость, сказал он. — Я не хотел. Ты была занята, и я решил тебе не мешать.

Нелл перевернула бумаги, лежавшие перед ней на столе.

— Ты хорошо погу... — Она закрыла что-то вроде книги или дневника и, подняв на него глаза, осеклась. — Энди Морган! Что с тобой? У тебя такой вид, словно ты валялся в грязи! Ты подрался?

Энди решил продолжить в том же тоне и столь же робко ответил:

— И да, и нет. Я не дрался, но в грязи действительно искупался. Я шел вдоль реки, оступился и упал с обрыва.

— Вид у тебя неважный. Зачем ты там бродил? Ты же мог упасть в воду и утонуть!

Энди пожал плечами.

— Наверное. Но мне нравится смотреть на отражение луны в реке. Там так тихо, а я хотел подумать, — он бросил быстрый взгляд на бумаги, лежащие на столе. — А ты поздно ложишься.

— Гм... да, — она перехватила его взгляд. Удостоверившись, что Энди ничего не может увидеть, она снова посмотрела на него.

— По ночам хорошо думается. И еще я веду дневник, — она легонько постучала по обложке закрытой тетради.

Воцарилось неловкое молчание. Одной рукой Нелл тербила уголок тетради, а другой поправляла белый ночной халат. Энди пошевелил забинтованными, покрытыми грязью пальцами ноги.

— Думаю, мне пора спать, — сказал он.

— Мне тоже.

Энди прошел к себе в комнату, зажег свечу и закрыл дверь.

При свете свечи он посмотрел на ровные цифры: (40/10/2/12)! (20/4/27/1–6). (23/13/6/3–11). (18/6/8)! (14/18/27/5–6) (7/19/29/2–4).

С первым словом все было ясно. Это его имя. Держа Библию поближе к свету, он расшифровал остальное. «Не уклоняйся ни направо, ни налево. День Господа близок, идет как разрушительная сила от Всемогущего. О, когда бы сбылось желание мое и чаяние мое исполнил Бог! Ты возвратишься в дом свой».

Устроившись в постели поудобнее, Энди, подложив под голову здоровую руку, думал о послании. В письме не было ничего нового: не отступай от своего плана, времени остается мало, возвращайся домой. Как всегда, епископ говорил о любви к нему, и он невольно вспомнил слова Элиота, который назвал его любовником епископа. Неужели Элиот на самом деле так думает? Энди содрогнулся от отвращения и постарался выбросить эти мысли из головы.

Он сел и взял в руки страницу, исписанную Джастином. Она была измята, нижний левый угол оторван. Энди не сомневался, что к Элиоту она попала не такой замусоленной. Он разглядел листок и стал разглядывать его. Почерк был тороплив и небрежен, как будто рука автора не успевала за его мыслями. Начертание букв имело характерные особенности. Заглавная «т» начиналась размашистой петлей, пересекавшейся с вертикальной линией. Петли букв «у» и «д» выглядели заостренными и такими узкими, что их едва ли можно было назвать петлями. Энди видел написанное викарием лишь мельком и не мог сразу определить, его ли это почерк. Для этого нужно было изучить его бумаги повнимательнее. Возможно, ему удастся найти в кабинете Мэтьюза какое-нибудь письмо или черновик проповеди.

Взглянув на рукопись снова, Энди торжествующе засмеялся. Лишь теперь он вчитался в написанное. До этого он был так занят изучением букв, что не обратил на содержание никакого внимания. А ведь перед ним лежал текст, призывающий бороться против порядков, установленных королем Англии. Он еще раз разглядел клочок бумаги и начал читать:

«...те, кто правит нами, повинуются Богу? Должны ли мы, подобно им, забыть о Боге? Не приведи Господь!

Что нам делать, если, прикрываясь именем Бога, они применят против нас законы Англии?

Должны ли мы ответить ненавистью на ненависть, злом на зло?

Ответ на этот вопрос дает Книга пророка Михея.

«О, человек! сказано тебе, что — добро и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить пред Богом твоим» (Михей, глава 6, стих 8).

Как бы ни поступали с нами грешники, Господь хочет от нас того же, что и прежде.

Должны ли мы забыть о справедливости лишь потому, что с нами обходятся несправедливо?

Должны ли мы забыть о милосердии, если остальные немилосердны?

Должны ли мы отказаться от смирения перед Господом, чтобы следовать по стопам грешников, путь которых ведет к гибели?

Увы! — говорят англичане, — если мы не уничтожим зло среди нас, оно уничтожит нас!

Нет! — отвечаю я. — Этого не случится!

Ибо одна мысль выражена в Библии ясно и четко: грешники будут наказаны, а праведники восторжествуют.

Разве не понимаете вы, что это истина?

Если вы сомневаетесь в этом, вспомните о праведности своей, и Господь откроет глаза ваши, и вы поймете, о чем идет речь. Еще в древности люди постигли эту истину. Будучи окружены грешниками, они избирали жизнь праведную.

Избрав праведность, Авель принес жертву лучшую, чем у Каина.

Избрав праведность, Енох был угоден Богу.

Избрав праведность, Ной осудил этот мир и избрал справедливость и добродетель.

Избрав праведность, Авраам повиновался Господу, даже когда не знал, куда он идет.

Все они получили...»

Угол страницы был оторван, уцелели лишь обрывки фраз.

«...издали. И они признали, что

...ки

...а земле.

...ас хуже, если бы мы были столь же праведны как

...раги наши не должны диктовать, как

...живого Господа, Который...»

Энди положил бумагу на стол и задул свечу. Он сомневался, что Кристофер Мэтьюз был пресловутым памфлетистом Джастином. Но ясно, что викарий и этот писатель сделаны из одного теста.

Ночью его разбудил крик. Энди открыл глаза. Затуманенный сном разум не давал разобраться в происходящем. Кричала женщина. Потом послышался другой звук. Что это? Смех? Нет. Рыдания. Да, это были рыдания.

Страхнув с себя остатки сна, Энди вскочил с постели. Его рука на что-то наткнулась.

Свеча. Он слышал, как она покатила по деревянным половицам. Он пнул ее ногой, отбросив в сторону. Затем подбежал к двери и нащупал задвижку.

Энди стоял в коридоре, пытаясь понять, что происходит. Из комнаты Нелл и Дженни доносился плач. Он подошел к двери. Плач стих, и Энди услышал, как ласковый голос произносит слова утешения:

— Это был просто сон. Все хорошо. Это всего лишь сон.

Юноша узнал голос Дженни.

Утром в воскресенье Энди удалось натянуть на свою синюю ногу башмак. Это было больно, да и ходить он мог только прихрамывая, но дело того стоило. Ну, а боль он перетерпит...

Энди шел к воскресной службе вместе с Нелл и Дженни; девушки были чем-то сильно опечалены. Молодой человек решил, что виной всему ночной кошмар Нелл. По своему обыкновению, викарий ушел в церковь раньше. У колодца Энди и сестры Мэтьюз встретили Куперов. Дэвид нес на руках маленького Томаса. Все такой же синий с головы до пят, мальчик был распростерт на руках у отца, словно благодарственная жертва милосердному Богу. Малыш лежал неподвижно, с открытыми глазами. На полпути к церкви он начал кричать от боли, но, когда его внесли в храм, успокоился.

После провала в Норидже, где его преподобие Ласлетт публично разоблачил Энди во время воскресной службы, тайный агент взял за правило соблюдать в церкви осторожность. Переступив порог храма, он бегло осмотрелся. Если нарушения исправлены, он в опасности. Однако алтарь стоял на прежнем месте и ограждение все так же отсутствовало. Отлично! Викарий появился перед прихожанами в своей обычной одежде. Служба шла в строгом соответствии с предписаниями. Прихожане слушали, когда было положено слушать, вставали, когда было положено вставать, склоняли головы и произносили молитвы в нужный момент. Кажется, можно не беспокоиться. Мэтьюз начал приготовления к проповеди. Будет ли он читать текст, одобренный англиканской церковью, или собственный? Викарий открыл Библию. Прекрасно. Говоря, он заглядывал в свои записи. Итак, проповедь составлена им самим. Все хорошо. Энди успокоился. Не похоже, чтобы кто-то напал на его след.

Для проповеди Мэтьюз выбрал отрывок из Второзакония, в котором Моисей дает народу Израиля последние наставления перед тем, как тот вступит на Землю обетованную. Моисей туда не войдет. По непонятным Энди причинам так решил Господь.

Обращаясь к Священному Писанию, викарий сформулировал три наставления для жителей Эденфорда.

Первое — открыть свои сердца Слову Божию. Потому что Слово Божие — верный и надежный ориентир в жизни. Второе — научить детей своих следовать путям Божиим. Достаточно одного поколения, чтобы утратить веру. Третье — соблюдение заповедей Господних. Это не пустой звук, это ваша жизнь. Мэтьюз подчеркнул, что именно это — основа подлинной веры. Повиновение Господу, как сказано в Библии, — основа всей жизни.

Сидя между Нелл и Дженни, Энди размышлял над словами викария. Когда тот заговорил о пороках нынешнего поколения, не знающего Бога, Энди закрыл лицо ладонями. Его плечи тряслись. Дженни спросила его, здоров ли он. Юноша не ответил. Когда викарий начал комментировать третий тезис, Энди согнулся, опустив голову и руки на колени.

— Праведных и благочестивых в Англии ждет печальное будущее, — произнес с сильным воодушевлением викарий. — Грозные темные тучи собираются на горизонте,

готовясь уничтожить нас. Но мы — Божьи люди. У нас есть надежда. Милосердный Господь позволил мне увидеть, какой будет земля обетованная для народа Англии.

Внимание присутствующих было приковано к Мэтьюзу. Даже те, кто всю проповедь клевал носом, стряхнули сон. Викарий предлагал всем заглянуть в будущее. Такой возможности никто не хотел упускать.

— Господь показал мне, что праведники восторжествуют. И не просто восторжествуют! Господь открыл мне, что Его народ будет жить в стране, где люди откроют свои сердца Господу, простые граждане, равно как и правители. Они не возжелают власти богатых или иных земных благ. В этой стране детей будут учить почитать Бога и служить Ему все дни своей жизни. В этой стране люди смогут не бояться преследований. И аристократы, и судьи, и простой народ от мала до велика будут смиренно ходить пред Господом. Господь уверил меня, что это не пустые мечты. Этого желает Он сам. Все тот же Бог Израиля, который вывел свой народ из рабства и привел в Землю обетованную, выведет нас из страны преследований в землю изобилия. Не вечно нам быть рабами грешников, мы будем жить в свободной стране.

Проповедь завершилась, и викарий начал общую молитву.

Нелл склонила голову в молитве, и ее взгляд невольно упал на строки Библии, которая лежала, открытая, у нее на коленях: «И говорил Господь Моисею... пред [собою] ты увидишь землю, а не войдешь туда, в землю, которую Я даю сынам Израилевым» [\[71\]](#).

Нелл подумала об этих словах и о своем отце — и заплакала.

— Можно мне кое-что сказать? — громко произнес Энди, встав со своего места, как только служба закончилась. Дети, которым не терпелось выйти на улицу, уже бежали по проходу. Взрослые собирали свои вещи. Викарий стоял рядом с кафедрой. Слова Энди нарушили привычный ход вещей.

— Ты хочешь обратиться к прихожанам? — спросил Мэтьюз.

— Да. Могу я поговорить с ними?

Викарий кивнул.

Энди прошел вперед. Родители взялись усаживать непоседливых детей на место.

Поднявшись на кафедру, Энди сложил руки перед собой. Глаза юноши были опущены. Так он стоял долго, подыскивая нужные слова. Чем дольше он стоял, тем пристальнее смотрели на него собравшиеся. Он молчал, пока не стих последний шорох.

— Меня прислали сюда следить за вами.

У всех словно перехватило дыхание. Энди поднял глаза. Он увидел лицо Дженни. Она была потрясена. Рядом с ней сидела мрачная Нелл. В конце зала, скрестив на груди волосатые руки, стояли Дэвид и Джеймс Куперы. Лицо Эмброуза Дадли сморщилось, нос заострился, и нотариус сделался похожим на хорька. Лицо еще одного человека Энди видеть не мог — возможно, к лучшему. Юноша подумал, что сейчас он не рискнул бы взглянуть в глаза викарию Эденфорда.

— Я говорю правду, — продолжал он. — Влиятельные люди, ненавидящие пуритан, заставили меня поверить, что вы несете зло и являетесь угрозой для Англии. Когда я говорил, что направляюсь в Плимут, я лгал. Я шел в Эденфорд. Мне было поручено следить за вашим викарием, Кристофером Мэтьюзом, и докладывать о любых нарушениях предписаний англиканской церкви.

Возбуждение в зале росло. Энди торопливо продолжал, повысив голос:

— Я отметил несколько нарушений, за которые вас могли наказать. Алтарь не стоит у восточной стены и не обнесен ограждением. Во время богослужения ваш викарий не надевает положенного одеяния. Вы не склоняете головы, когда произносится имя Иисуса, по воскресеньям у вас две проповеди. Все это — нарушение английских законов.

Шум нарастал. Энди возвысил голос.

— За такие нарушения людей привлекали к суду, приговаривали к тюремному заключению, секли и уродовали! Я свидетельствовал против них!

Гул продолжал нарастать. Теперь Энди был вынужден кричать, чтобы его услышали.

— Прошу вас, выслушайте меня! Я открыл одну очень важную вещь! — он сделал паузу. Шум немного стих. — Я понял, что те, кто ненавидит вас, неправы!

Стало тихо. Этого они не ожидали. Некоторые, думая, что ослышались, просили сидящих рядом повторить слова Энди.

— Они неправы. Вы доказали это. Вы не злы. Вы не опасны. Я не должен был шпионить за вами. Человек, за которым я следил, принял меня как дорогого гостя и привел к себе в дом. Вы приняли меня и полюбили, как своего. Я не знал, что такая любовь существует.

Собравшиеся облегченно заулыбались.

— Своим поведением вы дали мне понять, что такое настоящая любовь к Иисусу Христу. Я недостойн быть среди вас. Я прошу лишь об одном — простите меня. Я немедленно покину Эденфорд и больше не побеспокою вас.

Склонив голову, Энди спустился вниз и, хромя, направился к выходу.

— Энди! Постой! — окликнул его викарий.

Дойдя до середины зала, Энди остановился.

— Пусть идет! — крикнул кто-то. Несколько человек подхватили этот возглас.

Кристофер Мэтьюз подошел к Энди и обнял его за плечи.

— Вы слышали признание Энди, — сказал викарий, — и были свидетелями его раскаяния. Разве не в этом суть того, во что мы верим! Христос принял смерть во искупление наших грехов! Как, если не через прощение греха, придем мы к Нему? Кто из нас не совершал постыдных поступков?

Викарий спокойно ждал ответа. Он знал, что возражений не последует.

Обращаясь к Энди, Мэтьюз сказал:

— Скажи, ты хочешь этого? Ты хочешь, чтобы Иисус Христос простил твой грех? Ты хочешь стать одним из Его учеников?

Энди поднял глаза на викария и увидел его умоляющий взгляд. Рука, которая обнимала юношу за плечи, была теплой, но твердой. Энди посмотрел на Дженни и увидел в ее глазах ту же мольбу. Энди взглянул на Нелл, но она опустила голову, ее лицо скрывала тяжелая завеса темно-каштановых волос.

— Если Он примет меня, — тихо сказал молодой человек.

В тот же день Энди Морган был крещен в реке Экс.

К радости детей, из-за последовавшего за этим празднества урок катехизиса был отменен. Жители Эденфорда ели, пели и беседовали. Все горожане без исключения пожали новообращенному руку. Однако к появлению нового прихожанина люди отнеслись по-разному.

Дженни, обнимая Энди, по мнению стоявших рядом женщин, удерживала его в своих объятиях чуть дольше, чем того требовали приличия.

— Подумать только, какой сюрприз! — сказала Нелл. Она легонько обняла Энди за плечи.

Эмброуз Дадли протянул ему костлявую руку, сухую и холодную.

— Добро пожаловать, мастер Морган, — промолвил он. Нагнувшись ближе, он прошептал: — «По плодам их узнаете их», Евангелие от Матфея, глава седьмая, стих двадцатый.

В ту ночь Энди лег в гостиной. Он долго не мог заснуть, все лежал, смотрел на балки потолка и улыбался.

«Ты гений, Элиот! — думал он. — Ты, конечно, со странностями, и все же ты настоящий гений!»

Сегодняшние события развивались именно так, как предсказывал Элиот. Уловка отлично сработала. «Для начала скажи им правду, признайся, что ты шпионишь за ними». Энди вспомнил, как он недоверчиво засмеялся, услышав о такой тактике. «Я не шучу, — настаивал Элиот, — это работает на все сто. Объясни им, что ты — осведомитель и у тебя против них есть серьезные улики, но ты не в силах продолжать шпионить. Скажи, что они взяли верх над тобой и заставили тебя поверить. Что ты увидел свет — они обожают подобные фразы — и понял, что избрал ложный путь. Чем большим мерзавцем ты себя выставишь, тем больше им захочется простить тебя. Главное — не забывай повторять: «Я должен уйти, я недостойн находиться среди вас». Они будут умолять тебя остаться! Честное слово! Без шуток! Вот увидишь... А потом выложат тебе все свои тайны. Они всегда клюют на этот трюк с обращением. Если хорошо сыграешь свою роль, внакладе не останешься!»

Загадкой оставался Эмброуз Дадли. Он явно что-то подозревал. В ту ночь он не мог не слышать крики у реки, а то и весь разговор. Почему он промолчал? Чего он ждет? А может быть, Энди придает этому слишком большое значение? Судя по реакции горожан, он выглядел достаточно искренним и его план сработал безупречно.

Утро следующего дня прошло в хлопотах. Так уж получилось, что Кристофер Мэтьюз сам помог Энди проникнуть к нему в кабинет.

— Ты выглядишь усталым, — сказал он, — и это и неудивительно. Вчера у тебя был нелегкий день, да и утро выдалось напряженное. Не пойти ли тебе вздремнуть?

Энди изо всех сил старался выглядеть сонным.

— Я действительно устал, — словно бы нехотя согласился он, — но мне еще нужно столько всего узнать, а вам не обойтись без помощника. Я справлюсь.

Но Мэтьюз, как и ожидал Энди, стал настаивать, и юноша с радостью уступил. Ну а так как он не мог спать в гостиной, где в это время работали Нелл и Дженни, было решено, что он ляжет наверху. Викарий ушел по делам, Нелл и Дженни занялись работой, и у Энди появлялась отличная возможность незаметно зайти в кабинет.

Он съел на ленч немного овощного супа, почитал девушкам, сидящим за работой, Священное Писание, затем демонстративно зевнул и пошел наверх спать. Не заходя в спальню, юноша громко хлопнул дверью, так, чтобы этот звук был слышен внизу. В кабинет Энди отправился не сразу, так как хотел убедиться, что беседа сестер течет своим чередом.

— Он тебе нравится? — услышал он голос Дженни.

— Энди? Не понимаю, о чем ты, — ответила Нелл.

— Что ты скажешь Джеймсу?

Нелл не отвечала, как показалось Энди, целую вечность. Он напрягся, стараясь услышать хоть что-нибудь.

— Так как? — это была снова Дженни.

— Мне нечего ему сказать, — резко ответила Нелл.

И они заговорили о кружевах. Энди облегченно вздохнул, решив, что ему ничто не угрожает. Помня о скрипучей половице, которая так напугала Нелл в субботу вечером, молодой человек предусмотрительно перешагнул ее и вошел в кабинет. Он быстро огляделся в поисках каких-нибудь бумаг.

На столе лежали две аккуратные стопки книг, в центре стояла чернильница, а рядом с ней лежало гусиное перо. Бумаг не было. Энди осмотрел книжные полки. Там он увидел Библию викария и взял ее в руки. Он быстро пролистал страницы и нашел то, что искал. Заметки для воскресной проповеди. Второзаконие, Моисей, израильтяне и Земля обетованная.

Энди достал из кармана рукопись Джастина и положил рядом с записями викария. Он сравнил заглавную букву «т» и строчные буквы с петлями — «у» и «д». Того, что он нашел, было достаточно. Энди прикусил нижнюю губу и вздохнул. Удовлетворенный, он убрал листок с текстом Джастина в карман, а найденные записи сунул обратно в Библию и поставил книгу на место.

Прежде чем уйти, он внимательно оглядел стол, проверяя, все ли в порядке. «Лучше лишний раз все осмотреть, чем попасться из-за небрежности», — подумал он. Энди обвел глазами ряды книг на полке; некоторые из них были задвинуты глубже, чем остальные. Замечательно: книги расставлены как попало. Никто ничего не заметит. Перо и чернильницу он не трогал. Две стопки книг на столе лежат, как лежали.

Энди заметил знакомый корешок: эту тетрадь Нелл спрятала от него в ту ночь, когда, вернувшись после встречи с Элиотом, он напугал ее. Видимо, это ее дневник. Молодой человек не мог устоять перед искушением заглянуть в него хоть одним глазком.

Энди воровато посмотрел на дверь. Никто не мог застать его врасплох. Он услышит, если по лестнице будут подниматься. Не торопясь, он приподнял книги, лежавшие сверху, положил дневник перед собой и открыл первую страницу. Она была пуста: ни имени, ни записей, зато здесь лежал изящный кружевной крестик. Закладка? Он взял его в руки и поднес поближе к глазам. Крестик был искусно сплетен из тончайших нитей, — работа, насколько он мог судить, безупречная. Кружево источало чудесный нежный запах, который напомнил ему о Нелл. Такой же аромат он ощущал в тот день, когда, держась за руки, они шли к развалинам замка. Энди вдохнул поглубже, наслаждаясь запахом и воспоминаниями.

Отложив крестик в сторону, Энди пролистнул тетрадь. Это действительно был дневник Нелл. Он прочитал одну из записей. Лорд Честерфилд требует слишком многого. Он приказал сплести огромное количество кружев в очень короткий срок. Вечер в доме Теобальдов. Нелл недовольна происходящим. Другая запись: Нелл поссорилась с сестрой. Подробностей не было, но Нелл тревожилась за Дженни — слишком та доверчива и наивна. Нелл боится, что ей могут причинить зло. Рассказ о том, как Нелл сражается с гордыней. Она просит, чтобы Господь простил ее. Еще одна запись. Джеймс пытается ухаживать за ней. Она просит у Бога мудрости, чтобы помочь ему повзрослеть.

Последняя запись вывела Энди из себя. Представив, как рыжий великан прикасается к Нелл, он пришел в ярость. Внезапно он подумал: «А обо мне она что-нибудь пишет?» Молодой человек заглянул на последние страницы дневника. Ага, вот он, Энди Морган...

И тут хлопнула входная дверь.

— Папочка! — раздался чистый и звонкий голосок Дженни. — Почему ты вернулся?

Энди захлопнул дневник и поспешно положил его на место, на угол стола. Кружевной крестик юноша непроизвольно сунул в карман. Прислушиваясь, не поднимается ли кто-нибудь снизу, он аккуратно сложил остальные книги стопкой поверх дневника Нелл. На лестнице было тихо. Мэтьюз рассказывал Нелл и Дженни, что Сайрес Ферман страдает от одиночества. Поскольку у Ферманов не было Библии, викарий пришел за своей. Он хотел утешить старика словами Священного Писания.

На цыпочках Энди обогнул скрипучую половицу, бесшумно открыл дверь спальни и проскользнул внутрь. С колотящимся сердцем он улегся на кровать. На лестнице послышались тяжелые шаги викария. Скрипучая половица возвестила, что он наверху. Минуту спустя половица скрипнула еще раз, и Энди услышал, как Мэтьюз спускается вниз.

Энди пролежал в постели больше двух часов. Ему было не до сна. Юноша достал из кармана крестик и нежно погладил его. Поднеся кружево к лицу, он вдохнул запах Нелл и потерялся о крестик щекой.

Его раздирали противоречивые чувства. Никогда раньше он не переживал ничего подобного. Он не раз испытывал вожделение — так было с Розмари из таверны на Майл-Энд-роуд. Но после утоления похоти оставалось одно отвращение. Ему больше не хотелось видеть этих девиц. Нелл тоже вызывала у него желание, но не только страсть влекла к ней Энди. Он мечтал сделать ее счастливой. Он хотел, чтобы она смотрела на него с таким же уважением, как на отца. Он стремился быть рядом с ней постоянно. Но разве это возможно? Она никогда не оставит Эденфорд и своих близких. А его будущее в Лондоне, там его ждут слава и богатство.

До исполнения его желаний было подать рукой. Известность. Почет. Возможно, рыцарское звание. Все это станет принадлежать ему, когда он откроет миру, что Кристофер Мэтьюз и есть злополучный памфлетист Джастин.

Вскоре выяснилось, что не было никакой необходимости обыскивать кабинет Кристофера Мэтьюза. В том, что викарий и Джастин одно и то же лицо, Энди удостоверился через несколько дней на тайном собрании.

Собрания эти проводились глубокой ночью в подсобном помещении сапожной мастерской. О них знали только посвященные. Придя туда с Мэтьюзом, Энди увидел семь человек, которые с трудом втиснулись в чулан, заполненный обувью, горами деревянных колодок и лоскутами кожи. Большинство полуночников Энди знал: здесь были Дэвид Купер, Чарльз Мэнли, хозяин постоянного двора, Сайрес Ферман и Эмброуз Дадли. Еще двоим мужчин он видел в церкви, но не помнил имен, одного из присутствующих не встречал ни разу. Энди сел на единственное свободное место рядом с незнакомцем, который довольно неучтиво уставился на него. Юноша хотел было обидеться, но вовремя вспомнил, что он синий (горожане уже привыкли к его диковинному виду — краска сходила медленно, — а вот для незнакомца синий молодой человек был в новинку).

Викарий поблагодарил собравшихся за то, что они пришли на встречу, и начал общую молитву, прося Бога о том, чтобы он даровал им мудрость при решении вопросов, которые предстоит обсудить.

После молитвы викарий обвел глазами тесную комнату и усмехнулся.

— Обычно здесь умещалось шесть человек. Сегодня нас девять. Два новых члена не нуждаются в представлении. Это первое собрание Эмброуза Дадли. Мы знаем его несколько лет, из них два года — в качестве городского нотариуса. Добро пожаловать, Эмброуз Дадли.

Дадли поблагодарил викария.

— Все вы знаете и Энди Моргана, героя нашего города, который недавно стал христианином.

Собравшиеся посмотрели на Энди, и он улыбнулся в ответ.

— Кроме того, сегодня на нашем собрании присутствует гость. Это признанный лидер пуритан и праведный человек, Джон Винтроп ^[72]. Я попросил его поговорить с нами о чрезвычайно важном деле.

Энди посмотрел на своего соседа. Тот сидел прямо, держась уверенно и немного высокомерно. Его темно-каштановые волосы были длиннее, чем у большинства пуритан, и спадали почти до плеч. Из-за тонкого, прямого носа лицо казалось удлинённым. Он носил усы и аккуратно подстриженную бороду.

Викарий продолжал:

— Я попросил господина Винтропа поговорить с вами на особую тему, о которой я предварительно скажу несколько слов. Но прежде мы должны сделать кое-что еще. — Он взглянул на Эмброуза Дадли и Энди.

Дрожащее пламя свечей придавало комнате и лицам собравшихся таинственный вид, что вполне соответствовало происходящему.

— Перед тем как позвать вас сюда, мы долго молились и решили, что вы достойны присоединиться к нам, хотя ничего не знаете о нашей работе и о том, почему мы держим ее в тайне. Сегодня мы рады приветствовать вас здесь и хотим, чтобы вы эту тайну узнали.

— Если позволите. — Эмброуз Дадли поднял худую длинную руку, прося предоставить ему слово.

— Эмброуз, — ответил викарий на его просьбу.

— Прежде чем будет оглашена какая-либо секретная информация, я хотел бы возразить против присутствия господина Энди Моргана.

Во второй раз за этот вечер взгляды присутствующих обратились на Энди.

— Я понимаю, что не вправе так говорить, ведь я и сам здесь впервые. Однако именно поэтому я возражаю против его присутствия. Меня вы знаете более трех лет. Из них два года я исполняю обязанности нотариуса. На мою работу ни разу не поступало жалоб. Ни единой жалобы. И все же лишь сегодня вы оказали мне доверие, пригласив сюда. Что до господина Моргана, то он живет в нашем городе всего несколько недель. Он прибыл сюда как бродяга, что бы там ни решил суд. Он признался, что шпионил за нами. Сказать по совести, мне больно, что прошло так много времени, прежде чем я завоевал ваше доверие, тогда как бродяге и соглядатаю вы поверили сразу. По-моему, вы поступаете опрометчиво, открываясь ему столь поспешно.

Эмброуз Дадли сел на место.

— Возможно, он прав, — сказал Чарльз Мэнли.

— Господа, — твердо произнес викарий. — Я защищал этого юношу раньше и без колебаний буду защищать его и впредь. Я уверен, что в Эденфорде нет человека лучше Энди Моргана. Он приглашен сюда по моей рекомендации. И я не отказываюсь от своих слов.

— Для меня этого достаточно, — сказал Дэвид Купер.

— Для меня тоже, — согласился Сайрес Ферман.

Остальные присоединились к ним.

Эмброуз Дадли кивнул викарию, признавая свое поражение.

Кристофер Мэтьюс рассказал новичкам о тайной работе. По безучастному виду Джона Винтропа Энди понял, что он в курсе дела. Викарий сообщил, что пишет пуританскую пропагандистскую литературу под псевдонимом Джастин. Затем рукописи вкладываются между слоями кожи в подошву башмаков и переправляются владельцам типографий, которые симпатизируют пуританам. С помощью тщательно продуманной системы связей добровольцы распространяют отпечатанные памфлеты. Новичкам предстояло время от времени заниматься доставкой обуви, изготовленной по особому заказу.

Энди не ожидал, что собрание будет проходить столь буднично и спокойно. Заговорщики обсуждали свою противозаконную деятельность с деловитой решимостью. Энди казалось, что, строя козни, пуритане должны злобно ухмыляться, понимая, что делают нечто наказуемое и запретное. Однако ничего такого он не увидел. Все это скорее напоминало подготовку к похоронам, нежели обсуждение тайных планов.

Юноша обратил внимание и на характер отношений между этими людьми: они были близки, как братья. Это было заметно по тому, как они переглядывались, как время от времени по-дружески похлопывали товарищей по спине, обменивались необходимыми шутками, поддразнивали друг друга. Энди завидовал их близости. Он отстраненно наблюдал за ними, не позволяя себе отдаться чувствам.

Новая рукопись Джастина была спрятана в подошвы пары ботинок, сшитых по заказу человека по имени Уайтли из Ригэйта. Он в свою очередь должен передать рукопись в подпольную типографию в Лондоне. Доставить обувь заказчику поручили холостякам Чарльзу Мэнли и Эмброузу Дадли. Было видно, как Мэнли рад, что его друг тоже стал членом тайного общества.

— В этом году Господу было угодно свести меня с Джоном Винтропом, — сказал

викарий, представляя гостя. — Между нами есть нечто общее. Он занимается тем же, что и я, — то есть пишет памфлеты, — но на законном основании. Мне попалась в руки его статья «Аргументы в пользу колонизации Новой Англии». Она произвела на меня большое впечатление здравым смыслом и глубиной. Мне удалось отыскать автора и несколько раз насладиться беседой с ним. Впрочем, я думаю, вам будет интереснее послушать его самого. Возможно, в руках этого человека ключ от будущего нашего города.

Мэтьюз уступил место гостю. Тот поднялся и поправил одежду. Оказался выше, чем ожидал Энди.

Манеры Винтропа и его речь свидетельствовали о хорошем образовании и благородном происхождении.

— Вам отлично известно, что 10 марта сего года, то есть в 1629 году от Рождества Христова, король Англии распустил парламент. С этого дня он единолично правит страной. Пытаясь раздобыть денег для пополнения казны, Карл вводит нелепые налоги, в том числе пресловутый корабельный налог. Вы успели почувствовать результаты такой политики на собственной шкуре. Епископ преследует вас, а король душит налогами.

Именно поэтому в сентябре я присоединился к одиннадцати благочестивым и праведным людям, которые подписали Кембриджское соглашение. Мы верим, что наше будущее не связано с Англией. Мы добиваемся хартии, которая позволит нам эмигрировать в Америку.

Знаю, вам хочется спросить: как это можно покинуть Англию?! Этот вопрос я вижу в ваших глазах. Я убежден, что Господь скоро пошлет нашей стране великие беды. Но вы не должны бояться. Господь видит все, и Он не оставит нас. Он даст нам всем пристанище и уберезет от зла. Если церковь начинает бесчинствовать, нас ждут тяжелые времена.

Подумайте об этой возможности! Она позволит избежать гибели, которая ожидает нас здесь. Английское общество забыло о воздержании. Я боюсь за своих детей! Институты просвещения и веры так развращены, что самые лучшие умы и самые чистые надежды гибнут в море зла и греха. В Америке мы сможем научить наших детей бояться Бога и чтить Его.

Разве есть дело благородней, честней и достойней, чем создание и поддержка новой церкви? Разве это не стоит того, чтобы объединить усилия праведников? Если мы отважимся перебраться туда, у нас появится возможность объединиться со своими единомышленниками, пуританами, чтобы создать в новой стране новую безупречную церковь.

Англия перенаселена, и ей не нужны бедняки. Но ведь вся земля — это сад Господень, так почему бы нам не перебраться в Новую Англию, где вместо того, чтобы бороться за выживание на нескольких акрах земли [\[73\]](#), мы получим сотни акров такой же, если не лучшей?

— А что, там земля хороша? — спросил Дэвид Купер.

Джон Винтроп ждал этого вопроса. Он достал из кармана сюртука брошюру.

— Это написал его преподобие Фрэнсис Хиггинсон, который поселился в Новой Англии в нынешнем году. Послушайте, что он пишет об этой стране:

«Вокруг залива Массачусетс можно найти самые разные почвы. В долине реки Чарльз земля жирная и черная; в других местах можно встретить глинистую, каменистую или песчаную почву, как в районе колоний в Сейлеме (так теперь называется наш город). Рельеф почвы — это обычные слабопересеченные равнины и невысокие холмы, которые подходят

как для выпаса скота, так и для вспашки, а при необходимости могут быть оставлены под луга. Здесь много густых лесов, однако значительные площади были расчищены от лесов индейцами, главным образом вокруг поселений. Недавно я слышал, что всего в трех милях отсюда можно подняться на вершину небольшого холма и увидеть, насколько хватает глаз, тысячи акров отличной земли, на которой нет ни деревца».

Винтроп опустил брошюру и сказал:

— Дальше Хиггинсон рассказывает о том, какие прекрасные урожаи дает там кукуруза. Обычно поселенцы собирают в тридцать, сорок, шестьдесят, а то и в сто раз больше зерна, чем посеяли.

Собравшиеся смотрели на него, широко открыв глаза.

— Он говорит о том, как много там водоемов, богатых рыбой. Там великолепные леса: четыре вида дуба, ясень, вяз, береза, можжевельник, кипарис, кедр, сосна и ель. В лесах водятся медведи, олени, волки, лисы, бобры, выдры и дикие коты.

— А как же индейцы? Они не опасны? — спросил Чарльз Мэнли.

— Да, там живут индейцы, — согласился Винтроп. — Все вы знаете о результатах опасных экспериментов в Джеймстауне. Но я бы предпочел смотреть на индейцев как на объект миссионерской работы. Они должны узнать о христианстве. Моя задача — сообщить вам, что я снаряжаю несколько кораблей, которые отправятся в Новый Свет. Мы отплываем весной. Я приглашаю вас присоединиться.

— А женщины и дети? — спросил Дэвид Купер. — Ведь это очень опасно...

— Верно, мы рискуем. Отправляясь туда, мы можем погибнуть от голода или от удара шпаги. Это заставит страдать наших друзей и близких. Но что нас ждет здесь? Если мы избрали правильный путь, Господь уберезет нас от зла или поможет справиться с ним.

— Это не для меня, — высказался Эмброуз Дадли. — Я англичанин и навсегда останусь англичанином.

Винтроп улыбнулся.

— Что до меня, — сказал он, — то я повидал в этом мире столько суеты... По-моему, страны отличаются друг от друга не больше, чем гостиницы. К концу путешествия путник не находит различия между ними. Я готов считать своей ту страну, где я смогу прославлять Господа и где рядом будут те, кто мне дорог.

— Что ты думаешь о предложении Джона Винтропа? — спросил викарий.

Энди Морган и Кристофер Мэтьюз шли по тихим улицам Эденфорда, возвращаясь из сапожной мастерской домой. Собрание закончилось вскоре после выступления Винтропа. Принимать решение срочно не требовалось. У горожан было время подумать и обсудить предложение.

— Звучит заманчиво.

Викарий понимающе улыбнулся.

— Я знал, что ты так ответишь. Далекая страна, которая ждет, чтобы ее покорили молодые отважные души, готовые к риску и любящие приключения.

— Думаете, кто-нибудь из горожан поедет с господином Винтропом?

Викарий покачал головой.

— Нет. Местные жители слишком привязаны к Эденфорду. Чтобы заставить их сняться с места, нужно что-то посерьезнее корабельного налога.

— Тогда зачем вы привели к нам этого человека? — спросил Энди.

— Я сделал так, как велел мне Господь.

Энди решил пока не отправлять епископу Лоду донесение. Не потому, что ему не хватало улики. Собственно говоря, все, что юноша намеревался сделать в Эденфорде, он сделал. Список нарушенных викарием предписаний составлен — этого было достаточно, чтобы Мэтьюза освободили от должности. Но самое главное — раскрыта тайна Эденфорда. Сравнение образцов почерка подтвердило, что Кристофер Мэтьюз и Джастин — одно лицо, признал это и сам викарий. Энди выяснил все и о том, как распространяют памфлеты. Почему же он не спешил доложить об итогах своего расследования епископу?

На самом деле Энди просто не хотелось расставаться с Эденфордом. Он совершил непростительную для тайного агента ошибку — привязался к людям, за которыми следил. Они приняли его в свой мир. Более того, здесь его уважали и любили. Что сказал о нем викарий, когда Эмброуз Дадли стал возражать против его присутствия на собрании? «Я уверен, что в Эденфорде нет человека лучше Энди Моргана». Никто и никогда не говорил о нем так.

Нелл стояла у низкой каменной стены древнего саксонского замка. Перед ней в сияющих лучах солнца лениво нежился Эденфорд. Река Экс, усыпанная бриллиантами солнечных бликов, синей лентой плавно огибала городок. Энди сидел на земле, прислонившись к большой гранитной глыбе, и смотрел на Нелл. Девушка вертела в руках листок, то складывая его гармошкой, то расправляя. Энди ни разу не видел, чтобы ее руки были в покое. Они всегда что-то делали. В воскресный день, предназначенный для отдыха, они трудились над листком.

Со всех сторон молодых людей обступали деревья. Сквозь листву струился спокойный матовый свет. Залитый солнцем городок сверху напоминал фреску, написанную ярко-зелеными, золотисто-желтыми и синими красками.

Отправиться на развалины замка предложила Нелл. Они обсудили все городские новости, поговорили о нехватке еды и денег, посудачили о том, как люди переживают трудности. Нелл заметила, что Энди идет на поправку (правая рука и левая нога юноши почти зажили, да и краска, можно сказать, сошла). Потом девушка спросила у Энди, чему научил его викарий, и он ответил, что узнал много нового о производстве шерсти. Не зная, о чем еще говорить, они замолчали. Нелл подошла к стене и начала складывать листок гармошкой, а Энди сидел, наблюдая за ней.

— Джеймс Купер сделал мне предложение.

— Вот как?

Нелл сообщила об этом сухо, стоя к юноше спиной. Энди молчал, не желая, чтобы она заметила дрожь в его голосе и почувствовала, в какое смятение привели его эти слова.

Нелл тряхнула головой.

— В тот вечер, когда ты был с папой на собрании, Джеймс пришел к нам и сказал, что хочет поговорить со мной. Мы с ним дошли до сквера, и он предложил мне выйти за него замуж.

— Поздравляю.

Нелл резко обернулась. Ее глаза негодуя сверкнули.

— Поздравляю? И это все, что ты можешь мне сказать?

Энди поднялся.

— А что я должен сказать?

На глазах девушки показались слезы. Она недоверчиво посмотрела на Энди.

— Я не могу выйти замуж за Джеймса!

— Почему?

— О-о-о! — Нелл презрительно отвернулась. Она достала носовой платок и порывисто вытерла глаза. — Для начала, он глуп как чурбан. Потом — у него жуткий характер. Я не собираюсь выходить замуж за малое дитя, которое имеет облик взрослого мужчины, лишь из-за того, что мы ровесники и наши отцы дружат!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты действительно думаешь, что твой отец этого хочет?

— Это еще одна причина! Кто позаботится о папе? Дженни пора выходить замуж, с ее кокетством она долго дома не засидится. И папа останется совсем один!

Энди кивнул. Он не хотел с ней спорить.

— И наконец, самая важная причина.

— Самая важная?

Нелл обернулась. Она изумленно взглянула на него.

— Ты просто невозможен! — все более горячась, сказала она. — Ты правда ничего не понимаешь?

Энди озадаченно вскинул на нее глаза.

— Это ты, дурачок. Как я могу выйти замуж за Джеймса, если я люблю тебя!

Молодой человек замер. Он пытался понять, не смеется ли она над ним — и не видел на ее лице и тени насмешки. Ее щеки были влажны от слез, а темные сияющие глаза манили к себе. Энди нерешительно шагнул к девушке, и она бросилась в его объятия, осыпая поцелуями.

Прижав ее к себе, Энди почувствовал, что ее поцелуи были теплыми и солеными от слез. Он обнял ее так крепко, что сам испугался. Он никогда не испытывал ничего подобного. Ему показалось, что их души слились в одну и каждый стал частью другого. Он не хотел отпускать ее. Ничто не заставит его расстаться с ней. Разве что сама Нелл.

— Это неправильно, — сказала она, освобождаясь из его объятий.

Сделав над собой огромное усилие, он разомкнул руки.

— Что ты хочешь сказать?

Она вздохнула.

— Тебе лучше уйти.

Она посторонилась, чтобы он мог ступить на тропинку, которая шла под гору.

Юноша опустил голову и зашагал вниз.

— Ну что, прямо так и уйдешь?

Энди остановился.

— Мало того, что ты добр, заботлив и красив! Тебе еще нужно быть джентльменом! Иди ко мне, любимый!

И она раскрыла ему свои объятия.

Нелл Мэтьюз и Энди Морган целовались, пока не обессилели. Пальцами в синих пятнах Энди вытирал ей слезы. Он целовал девушку то в одну щеку, то в другую, то в кончик носа, то снова искал ее губы.

Потом они сидели на развалинах замка, наблюдая, как на Эденфорд опускаются сумерки. Нелл положила голову на плечо Энди.

— Что нам теперь делать? — спросил Энди.

— Ты о чем?

— Я хотел сказать, что нам делать с Джеймсом? С твоим отцом? Что будет с нами?

Нелл выпрямилась и немного отстранилась от него.

— Ничего.

— Но ты же сказала, что любишь меня!

— Да, люблю. Но из этого ничего не выйдет.

— Что ты говоришь?! — в голосе Энди зазвенели обида и гнев.

— Из этого ничего не выйдет, Энди... Мы слишком разные. У нас разное прошлое и разное будущее, — юноша попытался прервать ее, но она не позволила. — Что бы ты ни говорил, ты никогда не будешь счастлив в Эденфорде. Конечно, ты можешь и дальше делать вид, что тебя интересует производство шерсти. Но тебе нужны приключения. Тебе нравится рисковать. В Эденфорде же самые волнующие события начались с твоим появлением. Если ты останешься здесь, это не принесет тебе радости, а я никогда не смогу уехать отсюда. Не смотри на меня так. Неужели ты не понимаешь, что, когда я это говорю, у меня разрывается сердце? Сегодня у меня был особенный день. Если бы ты знал, как мне хотелось, чтобы ты обнял меня! Это место, твои объятия и наши поцелуи я буду помнить до самой смерти. Но у нас с тобой ничего не получится.

В ту ночь, лежа в постели, Энди заново проживал каждую минуту дня, проведенного с Нелл. Он придумает, как уговорить ее уехать с ним из Эденфорда. А если нет, он останется. Он сделает это ради нее. Ради того, чтобы быть с Нелл, он готов превратиться в фермера или пастуха. Он докажет ей, что она ошибается.

Энди не мог заснуть, но это его не тревожило. Он не желал терять контроль над своим сознанием, ведь сон наяву был слаще любых ночных грез.

Он думал о том, как дать Нелл понять, что он любит ее. Пока это его тайна, но когда-нибудь он откроется ей. Взяв Библию, он начал подбирать слова для послания епископу Лоду. Он нашел их после долгих поисков и составил шифровку. В письме он сообщал следующее: (7/4/22/18–21), (40/28/6/1–3). (40/10/2/12). «Человек, которого ты ищешь, его нет здесь. Эндрю».

Энди не упускал любой возможности побыть наедине с Нелл, но такое случалось нечасто. Однажды он пригласил ее пройтись с ним после ужина. Дженни и викарий решили, что это отличная идея, и они втроем прогулялись до южного моста и обратно, а Нелл осталась дома мыть посуду. В другой раз Дженни собралась отнести миссис Эверли, вдове, которая была нездорова, миску супа, но старая леди неожиданно выздоровела, и помощь Дженни не понадобилась.

Все это время Нелл держалась с Энди холодно и отстраненно. Иногда молодой человек ловил ее на том, что, забывшись, она смотрит на него. Поймав взгляд Энди, она переставала замечать его. Самым тяжелым было первое воскресенье после их свидания. В тот день Нелл должна была помогать отцу вести урок катехизиса. Энди попытался уговорить ее поменяться с Дженни, но Нелл ответила ему отказом. Он провел мучительно длинный день с младшей сестрой, думая о старшей.

Прошла неделя, наступило следующее воскресенье. На этот раз помогать отцу должна была Дженни. Энди и Нелл остались одни. Когда они после ленча сидели под деревом в

сквере, Энди предложил Нелл подняться к развалинам замка и побыть наедине. Она ответила, что лучше остаться здесь, где ничто их не искушает. Иначе это приведет к печальным последствиям.

— Ноя просто хочу поговорить! — настаивал Энди.

— Мы можем поговорить и здесь.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Да, я знаю, что ты имеешь в виду, мастер Морган. Потому-то я и предпочитаю оставаться здесь.

— Нелл, если ты меня действительно любишь...

Она бросила на него предостерегающий взгляд, давая понять, что так он ничего не добьется. Тогда Энди решил зайти с другой стороны.

— Я просто хочу пойти куда-нибудь, где мы могли бы откровенно поговорить. Вот и все. Даю тебе слово, что не сделаю ничего против твоего желания.

Нелл опустила глаза и нерешительно сказала:

— Именно этого я и боюсь, Энди. Страшно не то, что ты воспользуешься моей слабостью. Я боюсь, что, оставшись с тобой наедине, я перестану владеть собой. Не знаю, понимаешь ли ты, как сильно я тебя люблю.

Энди вспыхнул. Сама мысль о том, что такая девушка, как Нелл, испытывает к нему глубокое чувство, повергала его в смущение.

Он поднялся и подал ей руку.

— Я сумею защитить тебя от тебя самой.

Нелл мягко улыбнулась:

— Это все равно что оставить лису сторожить кур.

И все же она взяла его за руку, и они пошли к холму.

— Почему ты не хочешь уехать со мной?

Они сели на внутреннюю стену замка, укрывшись под деревьями. Энди обнял Нелл, она прислонилась к нему спиной и закрыла глаза. Он обхватил руками ее талию, их пальцы переплелись. Они тихонько покачивались взад-вперед.

Когда они оказались в замке, их страсть вспыхнула с новой силой. Они жадно, словно расставаясь навсегда, целовали и обнимали друг друга, давали выход своим чувствам в слезах и вздохах.

— Я не смогу уехать с тобой. Это будет несправедливо по отношению к папе.

— Он сам сказал тебе это?

— Нет. Он никогда не скажет такое. Он первый предложит мне уехать. Папа хочет лишь одного — чтобы я была счастлива. И мне кажется, что он был бы счастлив, стань я твоей женой.

— Так давай сделаем его счастливым.

Нелл засмеялась.

— Ты не понимаешь. Есть кое-что, чего ты не знаешь.

— Я знаю больше, чем ты думаешь.

Она повернулась, чтобы взглянуть на него.

— В самом деле?

Он кивнул.

Она снова прижалась к нему.

— Ты знаешь только то, что тебе позволили узнать.

В эту минуту снизу, из городка, послышался громкий шум. Кричали люди, ржали лошади, скрипели телеги...

— Что там происходит? — Нелл выскользнула из объятий Энди и подошла к краю стены, откуда был виден Эденфорд. Энди не сводил с нее глаз. Ему очень нравилось смотреть, как она двигается: как ходит по комнате, как жестикулирует, рассказывая о чем-то. Особенно он любил смотреть на ее тонкие пальцы, когда она плела кружево.

— Энди, скорее сюда! Там что-то случилось!

Энди подбежал к ней. В городке царил настоящий переполох. Повсюду мелькали солдаты, пешие и конные. Женщины плакали, дети вертелись под ногами у лошадей; на узких улицах толпились люди и кони. Центром суматохи была церковь.

— Папа! — вскрикнула Нелл и закрыла рот руками.

Они увидели, как два здоровенных стражника выволокли из церкви Кристофера Мэтьюза. Его руки были связаны за спиной. Две шеренги пеших солдат сдерживали жителей города, которые рвались на помощь викарию. Мэтьюза посадили на телегу.

— Идем!

Молодой человек схватил Нелл за руку и потащил ее через каменные ворота вниз по холму. Несколько раз она спотыкалась, и Энди вынужденно замедлял шаг.

— Беги! Прощу тебя, спаси его! — закричала Нелл, подталкивая Энди.

Энди неохотно оставил ее и ринулся вниз по изрытой глубокими колеями дороге. Он пробрался сквозь толпу на Рыночной улице как раз в ту минуту, когда мимо проезжала телега с Кристофером Мэтьюзом.

Четыре стражника сидели на телеге позади викария, перед ним — еще двое. Вдоль улицы, сдерживая народ, стояли солдаты. Когда Энди поравнялся с ними, какой-то мальчуган прорвался через заграждение и вылетел на улицу. Солдат, стоявший прямо перед Энди, бросился догонять ребенка. Через образовавшуюся брешь юноша выскочил на дорогу и побежал за повозкой. Он прыгнул на нее сзади, но стража была начеку. Едва Энди коснулся телеги, как один из солдат ударил его ногой в живот. Энди отлетел и упал навзничь, больно ударившись о землю. Прежде чем он успел подняться, его схватили за руки два солдата. Энди вернули за живое ограждение и швырнули прямо под ноги Нелл.

Он ничего не мог сделать.

— Куда они его везут? — крикнул Энди, не зная точно, к кому обращается.

Справа от себя он увидел Сайреса Фермана. Слезы текли по его изрезанному морщинами лицу.

— Его арестовали, — сказал он.

— Кто? На каком основании?

— За подстрекательские действия против короля.

— Кто его арестовал? — Энди должен был знать, от кого исходил приказ.

— Епископ Лод, — ответил старик.

Обняв Нелл Мэтьюз, Энди смотрел, как телега увозит Кристофера Мэтьюза, викария Эденфорда, в Лондон.

Когда последний солдат оставил Эденфорд, горожане стали стекаться к зданию городских собраний. Помещение быстро заполнилось возбужденными, шумными жителями, которые растерянно топтались на месте, как стадо овец, оставшееся без пастыря. Несколько человек настаивали, что вести собрание должен Дэвид Купер, который всячески отнекивался. Энди стоял у стены, прислонившись к ней спиной. С одной стороны от него была Нелл, с другой — Дженни.

Могучий сапожник влез, держась рукой за балку, на деревянный ящик и призвал к тишине.

— Все вы знаете, что случилось, — прокричал он. — Что будем делать?

Люди загалдели разом. Сапожник замахал на собравшихся волосатой рукой.

— Говорите по одному! По одному!

— Мы освободим его! — закричал кто-то.

— Как? Устроим засаду и нападём на солдат? — поинтересовался сапожник. — И что дальше? Вы готовы противостоять английской армии?

— Нельзя, чтобы они вот так забрали его! — послышался женский голос.

Откуда-то сзади раздался грозный рык:

— Сначала нужно повесить шпиона, из-за которого его арестовали! Вздернуть Энди Моргана!

Зал взорвался криком, звучали проклятья и призывы убить Энди Моргана. Мужчины, стоявшие рядом с Энди, оторвали его от вцепившихся в него плачущих дочерей викария. Ему скрутили руки. Чья-то огромная ручища схватила молодого человека за волосы так, что он вынужден был обернуться. Энди оказался лицом к лицу с разъяренным Джеймсом Купером. Крики юноши о том, что он невиновен, потонули в шуме толпы, которая требовала его смерти.

— Пойдите! Подождите! — закричал Дэвид Купер со своего места.

Никто не желал его слушать.

Бросившись в гущу людей, сапожник пробирался к Энди.

— Отпусти его! Отпусти его! — повторял он снова и снова. Растолкав горожан, он схватил сына за руку, которая крепко сжимала горло Энди.

— Отпусти его, Джеймс!

Рыжий великан злобно зыркнул на того, кто осмелился требовать свободы для предателя. Сапожнику пришлось пустить в ход вторую руку, чтобы оторвать Джеймса от Энди.

— Я сказал, отпусти его! — прогремел Дэвид Купер.

Джеймс нехотя повиновался.

— Выслушайте меня! — обратился Дэвид к собравшимся. — Разве Энди Морган был бы здесь сейчас, если бы Кристофера Мэтьюза арестовали по его вине? Я вас спрашиваю?

Сапожник взывал к разуму горожан, и это им не понравилось. Люди не желали думать. Они хотели мстить. Они хотели действовать. Они хотели вернуть своего викария.

— Я сам поеду в Лондон, — объявил сапожник, — и возьму с собой Энди Моргана. Если он и вправду шпион, он знает, куда увезли Кристофера Мэтьюза. Я обещаю вам, мы вернемся вместе с викарием! А если я выясню, что этот юноша виновен в аресте моего друга,

я сам убью его!

Люди хотели большего, но не знали, что еще они могут сделать. Было решено отправить депутацию к лорду Честерфилду, чтобы попросить его съездить в Лондон и помочь освободить викария.

Исчерпав свои скудные возможности, горожане, понурившись, покидали собрание, стараясь утешить друг друга.

Наспех собравшись, Дэвид Купер и Энди Морган отправились в Лондон. Они добрались до столицы за три дня. Кроме одежды и Библии Энди взял с собой дедову саблю на случай встречи с грабителями. У него мелькнула мысль, что она может пригодиться и в том случае, если дела пойдут не лучшим образом и ему придется защищаться от разбушевавшегося сапожника.

Когда они прибыли в Лондон, то узнали, что Мэтьюза держат в Тауэре. Можно сказать, что скромному викарию была оказана большая честь. Пока Купер хлопотал о свидании с заключенным, Энди отправился в резиденцию епископа просить его об освобождении Мэтьюза.

Толстяк повар очень обрадовался Энди и тут же проводил в библиотеку, хотя у Лода был посетитель. Войдя, молодой человек увидел, что епископ сидит в кресле с высокой спинкой в глубине комнаты, подперев рукой подбородок. Гость сидел точно в таком же кресле спиной к Энди. Когда епископ увидел вошедшего, он вскочил, не извинившись перед своим собеседником, и почти бегом поспешил к Энди навстречу. Не успев опомниться, юноша оказался в его объятиях.

— Эндрю, мальчик мой! Как я рад тебя видеть! — епископ сделал шаг назад и окинул его взглядом. — Ты до сих пор синий. Я все знаю. Настоящий храбрец! Господи, как же ты исхудал! Эй, повар, это нужно исправить!

— Сию минуту, сэр! — радостно ответил повар и направился напрямиком на кухню.

— Входи же, входи! Мне не терпится узнать все о твоих приключениях в Эденфорде!

Энди знаком показал на посетителя, который сидел на том же месте, дожидаясь завершения трогательной сцены.

— Я могу зайти позже, когда вы освободитесь.

— Чепуха! Он в курсе всего, что произошло в Эденфорде. Очень хорошо, что вы оба здесь.

Обняв Энди за плечи, епископ подвел его к гостю.

— Вряд ли мне нужно представлять вас друг другу, — без умолку болтал епископ. Навстречу Энди из кресла поднялась высокая фигура. Посетитель был таким тощим, что напоминал чучело.

— Добро пожаловать в Лондон, господин Морган, — промолвил Эмброуз Дадли.

— Отличная работа! Просто великолепная! — нахваливал своих эденфордских агентов епископ Лод.

Все трое сидели кружком, глядя друг на друга. Эмброуз Дадли расплылся в самодовольной ухмылке. Епископ торжествовал победу и хотел насладиться ею вместе с ними.

— Эмброуз и я знакомы еще по Кембриджу, — объяснил Лод. — Прежде чем стать первоклассным шпионом, он был никуда не годным преподавателем античности. Это его первое задание. План мы разработали еще в Кембридже. Мы внедряли агентов в

сомнительные городишки, зная, что уйдут годы на то, чтобы они стали уважаемыми гражданами.

— В других городах тоже работают ваши агенты? — спросил Энди.

— Еще четверо, — ответил епископ.

— Пятеро, — поправил его Дадли.

Епископ поднял глаза к потолку и начал загибать пальцы.

— Признаю свою ошибку. Действительно, пятеро.

— Но если у вас уже был агент в Эденфорде, зачем вы отправили туда меня?

Епископ немного нагнулся вперед.

— Это была моя идея. И она сработала, верно, Эмброуз? — Епископ похлопал Дадли по колену. Его приятель ухмыльнулся еще шире. — Я решил, что если мы сумеем внести в жизнь городка сумятицу, а потом бросим в эту неразбериху горячую головешку, это ускорит процесс. Так и вышло! Сначала я хотел послать туда Элиота, но у тебя получилось ничуть не хуже, а может быть, и лучше!

— Почему вы не сказали мне, что делает в Эденфорде Дадли? — спросил Энди.

— Ненужный риск, — ответил Дадли. — Я слишком долго работал, чтобы позволить тебе поставить мой труд под угрозу. Если бы ты потерпел неудачу, я продолжал бы свое дело, и в Эденфорде остался бы наш человек. — Дадли протянул руку и тоже дружески похлопал епископа по колену. — Я был довольно суров с этим юношей, — усмехнулся он.

— Да вы чуть не уничтожили меня! — возмутился Энди.

— Верно, — ответил Дадли, — и на то были свои причины. Если бы мне удалось скомпрометировать тебя, в глазах горожан я бы стал кем-то вроде пуританского крестоносца, и мне бы стали доверять еще больше. Но ты неплохо защищался, и это тоже пошло нам на пользу.

Битый час Дадли и епископ продолжали восторгаться друг другом. После этого Эмброуз Дадли откланялся. Он сказал, что ему не терпится вновь насладиться теми радостями, что дает жизнь в большом городе.

Когда Дадли ушел, епископ сказал, что он безмерно счастлив — ведь Энди не очень сильно пострадал во время происшествия в красильне.

— Однако кое-что меня встревожило. — С этими словами Лод подошел к столу, выдвинул ящик и достал клочок бумаги. Он положил его на стол и повернул так, чтобы Энди мог прочесть написанное. Юноша узнал цифры, выведенные его собственной рукой: (7/4/22/18–21), (40/28/6/1–3). (40/10/2/12). Под ними рукой епископа была расшифрована фраза: «Человек, которого ты ищешь, его нет здесь. Эндрю».

— Я не стал рассказывать об этом послании Эмброузу, — мрачно сказал Лод. — Потрудись объяснить, что это значит.

Энди медленно побрел к креслу, пытаясь на ходу подыскать нужные слова. Он знал, что рано или поздно этот момент настанет, и уже думал о том, что сказать, но теперь все объяснения казались лишними. Епископ тоже уселся в кресло и положил руки на колени, ожидая ответа Энди.

— Мэтьюз незлой человек, — начал юноша. — Пока я жил в Эденфорде, я успел хорошо узнать Кристофера. Я жил в его доме, сидел с ним за одним столом, работал с ним рука об руку. Он честный человек, и у него хорошая семья. Его любят горожане. Он пользуется их уважением, и он нужен им, особенно сейчас, когда в городе такое тяжелое положение.

Энди замолчал. Епископ не возражал ему.

— Я знаю, вы считаете, что он распространяет опасные идеи, но он прекрасный человек, и я проникся к нему уважением.

Когда Энди закончил говорить, епископ Лод уставился в пол. Он сказал:

— Если не ошибаюсь, у Мэтьюза две дочери?

— Да.

— Красивые?

— Очень.

— Ты влюбился в одну из них?

Энди ответил не сразу. Епископ терпеливо ждал.

— Да.

Епископ вздохнул, поднял голову и взглянул Энди прямо в глаза.

— Друг мой, при длительном задании всегда есть риск. Ты помнишь Бедфорд? Тогда ты тоже влюбился в дочь священника. Кажется, ее звали Эбигейл?

Энди не отвечал.

— А в Колчестере ты подружился с молодым печатником и его подружкой, которых мы потом арестовали. Потому-то я не сразу решил отправить тебя в Эденфорд. Там нужно было прожить еще дольше, а значит, и риск был больше. Неужели ты не видишь, мой мальчик, что история повторяется. И так же, как ты забыл о тех, других, ты забудешь и про жителей Эденфорда.

Энди недоверчиво покачал головой.

— Эндрю, послушай меня, я знаю, что говорю. Зло может принимать разные обличья, иногда весьма привлекательные. Сам Люцифер мог превращаться в ангела света. Короче, я не желаю больше слушать об этом. Я считаю, что дело сделано. Так забудем же о нем. — Он поднялся. — Идем! Наш повар приготовил для нас нечто восхитительное. Давай отпразднуем победу!

Суд над Кристофером Мэтьюзом напоминал жуткое цирковое представление, на котором епископ Лод выступал в качестве хозяина зверинца. Целью представления являлась очередная демонстрация могущества церкви. Суд проходил в Вестминстерском дворце, в знаменитой «Звездной палате». Это был суд королевской прерогативы, где исключительное право вынесения приговора принадлежало монарху. Он не был связан нормами общего права, и присяжные не участвовали ни в предъявлении обвинения, ни в вынесении вердикта. Это предоставляло королю и его главному советнику епископу Вильяму Лоду полную свободу действий, когда им требовалось уничтожить своих противников.

В состав суда входили Тайный совет, два главных судьи и епископы, подчинявшиеся Лоду. Возглавлял суд король Англии. Король Яков регулярно посещал заседания «Звездной палаты»; он очень любил слушать прения и с удовольствием пользовался своим правом вынесения вердикта и приговора. Его сын, Карл I, не разделял отцовского пристрастия к судопроизводству и навещался в «Звездную палату» редко. После того как в Лондоне пошли слухи о том, что на суде над пресловутым Джастином будет присутствовать король, люди с трех часов утра толпились неподалеку от Вестминстерского дворца, надеясь попасть на заседание.

Войдя в помещение, набитое людьми, Энди сразу вспомнил, за что этот зал получил свое название, — потолок сверкал звездами всевозможных видов. Ряды кресел располагались в форме буквы «U» вокруг небольшого круглого возвышения, которое

окружали ряды столов, где сидели судьи всех мастей. Над этими столами, немного сбоку, находилось председательское место, предназначенное для короля.

Энди и Эмброуза Дадли проводили на их места, прямо напротив судей, рядом с помощником шерифа. В соответствии с принятой процедурой епископ зачитал исковое заявление против Мэтьюза и данные под присягой свидетельские показания, включая свидетельство Энди. К огорчению епископа, на сей раз его любимый агент давал показания неохотно. В присутствии Энди на суде не было необходимости, но епископ настоял, чтобы он сидел в зале. Лод хотел убедить в преступлениях Кристофера Мэтьюза не только суд, но и своего любимца. Энди же продолжал надеяться на то, что он сможет замолвить слово за обвиняемого.

Сидя в кресле, он смотрел на профиль викария. Мэтьюз уже занял свое место внизу, на скамье подсудимых, — Энди он не видел. Сзади, в толпе, теснящейся вдоль стен зала, юноша заметил темную курчавую голову. Хотя эденфордский сапожник был высокого роста, он, пытаясь увидеть происходящее, встал на цыпочки. «Наверное, чтобы войти, он простоял полночи на холоде», — подумал Энди.

Ровно в девять часов в зале появились судьи. Следом за ними на середину зала уверенной поступью прошагал епископ Лод. Зрители, притихнув, смотрели на королевское место. Не обманув их ожиданий, в зал суда вошел король Карл.

Отдав дань необходимым формальностям, Лод обратился к судьям. Он говорил с ними таким тоном, словно обращался к своим бывшим приятелям по колледжу на вечере выпускников. Он начал с популярного в те дни в Уайтхолле стихотворения:

Среди пуритан демократия в моде,
Английский король им теперь неугоден.

Епископ сделал паузу, ожидая реакции аудитории. Раздались смешки.

Тлетворен их дух, но каков темперамент, —
Поддай им реформы, поддай им парламент.

Опять пауза и новые смешки. Епископ явно наслаждался своей ролью на судебном заседании.

А быть гражданином, тем более честным,
Для сердца и разума их оскорбленье.
Им участь такая не кажется лестной,
И мысли о ней отвергают с презреньем.

— Ваше величество, господа, уважаемые коллеги, сегодня перед вами один из таких людей, Кристофер Мэтьюз, викарий Эденфорда, что в Девоншире, — Лод указал на обвиняемого. — По моему мнению, на скамье подсудимых находится очень опасный преступник. Я имею в виду прежде всего его трусливые поступки.

Этот человек обвиняется в противозаконной деятельности, которую он вел в городе

Эденфорде, исполняя обязанности викария. Существовая за счет церкви Англии, этот человек отравлял души и умы честных прихожан! Мало того, он, распространяя свои произведения, сеял губительные семена опасных идей по всей стране — заметьте, Кристофер Мэтьюз прятался за вымышленным именем!

После этого последовал перечень выдвинутых против Кристофера Мэтьюза обвинений:

— Первое. Кристофер Мэтьюз умышленно нарушал законы англиканской церкви, предписывающие обносить алтарь ограждением. Свидетели показали, что они видели, как стол для евхаристии использовался в секулярных целях, в том числе как место судьи при проведении судебного заседания, в процессе коего главный констебль неоднократно стучал по нему.

Второе. Кристофер Мэтьюз умышленно нарушал предписание англиканской церкви, которое гласит, что все официально назначенные священники должны проводить службу в соответствующем облачении.

Третье. Кристофер Мэтьюз умышленно нарушал предписание, запрещающее малообразованным священникам составлять проповеди. Он не использовал соответствующие сборники проповедей и наставлений, изданные специально для таких, как он, предпочитая устраивать не один, а два раза в воскресенье импровизированные проповеди, в ходе которых он распространял свои лживые измышления.

Четвертое. Кристофер Мэтьюз умышленно занимался написанием, публикацией и распространением противозаконных произведений подстрекательского характера под именем Джастин. В своих произведениях он призывал англичан, следуя его примеру, не повиноваться англиканской церкви и ее лидерам и противодействовать английской монархии. Последнее расценивается как государственная измена и является самым тяжким преступлением из перечисленных.

Затем лорд-канцлер спросил Кристофера Мэтьюза, не желает ли он сказать что-либо в ответ на предъявленное обвинение.

Мэтьюз не спеша поднялся. Он посмотрел на Лода и судей.

— Наш добрый доктор, — обращаясь к судьям, он кивнул в сторону Лода, — счел уместным начать слушание дела со стихов. Я отвечу ему молитвой:

Прошу, избавь всех нас, Господь,
От мора, голода, чумы,
И лицемеров, в ризы облаченных.

Галерка откликнулась одобрительными криками и смехом. Кровь бросилась в лицо епископу, и он побагровел, как свекла. Лорд-канцлер постучал по столу, призывая к тишине.

Более часа обвинители зачитывали показания, вызывали свидетелей, изматывая Кристофера Мэтьюза. Все это время он стоял, высоко подняв голову, а те, кто нападал на него, выходили парами и поодиночке. На него набрасывался то один, то другой обвинитель, уставших сменяли новые. Они вновь принимались кричать, порицать, разоблачать и обвинять викария.

Происходящее напомнило Энди травлю медведя, на которую он ходил вместе с Элиотом. Словно несчастного медведя, Кристофера Мэтьюза вытащили из родного дома, приковали цепями посреди арены и на потеху толпе спустили на него собак. Как медведь, он

гордо стоял, отгоняя от себя рычащих мастифов, которые без устали бросались на него, оскалив зубы. Так же, как псы во время травли медведя, судьи не унимались и жаждали его смерти.

Когда поднялся главный обвинитель, стало заметно, что викарий устал. Его глаза покраснели, губы запеклись, а лицо осунулось. Епископ Лод непринужденно подошел к обвиняемому.

— У вас есть ученая степень?

— Нет.

— А университетский диплом?

— Нет.

— Вы посещали какой-либо университет?

— Нет.

— Ни одного курса?

— Нет.

— У вас нет ни диплома, ни ученой степени, вы никогда не учились в университете.

Тогда скажите, сэр, по какому праву вы читаете проповеди и учите чему-то других? Почему вы полагаете, что достаточно подготовлены, чтобы отказаться от проповедей, написанных образованными людьми, которые всю жизнь обучались в лучших университетах Англии, и заменить их собственными сомнительными образчиками богословия?

— Я священник лишь Божьей милостью, сэр.

Лод затрясся от ярости.

— Что ты несешь, невежда! Думаешь, что, утверждая это, ты возвысишься над всеми благочестивыми гражданами Англии? Ты считаешь себя умнее всех? Хочешь сказать, что наши университеты ничего не стоят? Что священнику не нужно образование? Что английское просвещение забыло Бога? Какая наглая самонадеянность! Какое кощунство!

Епископ не дал Мэтьюзу возможности ответить, тут же задав ему новый вопрос:

— Как долго вы являетесь викарием Эденфорда?

— Около двенадцати лет.

— Кто все это время содержал вас?

— Лорд Честерфилд благосклонно выплачивал мне жалованье.

— И так вы оплатили за его доброту? Подрывая основы государственной власти любимого им отечества? Подстрекая горожан к бунту против него?

— У меня была одна-единственная цель — удовлетворить духовные потребности простых жителей Эденфорда.

— Простых жителей? Ты превратил их в шайку безумных, злобных мятежников. И ты смеешь называть их простыми жителями?! Да они заполнили всю страну антимонархической литературой!

— Жители Эденфорда — порядочные люди...

— Помолчи-ка, пустомеля! Я не держу в своей церкви тех, кто пользуется неведением заблудших прихожан в своих низких целях.

Более двух часов епископ Лод расхаживал перед обвиняемым взад-вперед, произнося напыщенные тирады. Он говорил громко и резко. Время от времени он терял самообладание и, забывшись, начинал сыпать угрозами. Его лицо было багровым, он трясся от с трудом скрываемой злобы.

Когда епископ, витийствуя, замедлял шаг, Энди восхищенно смотрел на обвиняемого.

Кристофер Мэтьюз был вымотан, но не сломлен. Это еще больше выводило обвинителя из себя.

— Да избавит Всемогущий Англию от дьяволов, подобных тебе, — закончил свою речь епископ. — И будь уверен, Он это сделает. Потому что есть еще те, кто желает Англии славы, а не гибели. И эти люди, которые продолжают добрые английские традиции, готовы отдать свою жизнь, чтобы навсегда освободить нашу страну от негодяев вроде тебя.

Энди догадался, что будет дальше. «Нет, — мысленно взмолился он, — только не это».

— Когда ты будешь наказан и люди станут показывать на тебя пальцами, предостерегая своих детей от подлых поступков, им нужно будет не только это.

«Нет, нет, нет!» — безмолвно кричал Энди.

— Им понадобится тот, про кого они смогут сказать своим детям: «Смотрите, вот пример мужества и смелости, вот кто любит Бога и отечество».

«Нет!»

— Они будут смотреть на человека, который спас Англию от лживых измышлений подлого викария из Эденфорда. И они скажут: «Сынок, я хочу гордиться тобой. Постарайся вырасти таким, как он! — после этих слов коротким толстым пальцем епископ указал на своих агентов. — Будь похож на Эмброуза Дадли! Будь похож на Энди Моргана! Они подлинны поборники истины и справедливости, спасшие Англию от самых опасных ее врагов».

Все, кто был в зале, посмотрели на Дадли и Энди. Но для Энди имел значение лишь один взгляд. Эденфордский викарий повернул голову, и их глаза встретились. Для Кристофера Мэтьюза это было последним ударом. Его ноги подкосились, и он тяжело опустился на свое место, понутив голову. Этого он не мог вынести. Слишком неравны силы, ему не справиться со всеми, кто набросился на него, рыча, кусая и визжа. Он устал. Он обессилел. Представление окончено. У него не было больше сил сражаться.

Епископ Лод, организатор и руководитель этой травли, победоносно улыбался. По его налитому кровью лицу стекал пот. «Звездная палата» взорвалась аплодисментами в честь отважных героев, благодаря которым пойман и повержен столь страшный и опасный враг Англии.

— Мы имеем прецедент, лорд-канцлер, — возразил епископ.

Виновность Кристофера Мэтьюза была доказана судом. Судьи вынесли вердикт. Их совместное решение, которое обычно оглашал лорд-канцлер, зачитал король Карл. Но епископа не устраивала определенная судом мера наказания. Суд «Звездной палаты» применял к преступникам различные санкции в зависимости от тяжести преступления, однако никогда не выносил смертного приговора. Епископу хотелось, чтобы для Кристофера Мэтьюза было сделано исключение.

— Издание книг без специального разрешения всегда считалось тяжким преступлением, — сказал он, — и виновный заслуживает соответствующего наказания. В прежние времена последнее слово оставалось за королем. Так, например, королева Елизавета казнила сепаратистов Гринвуда, Бэрроу и Пенри за подпольную издательскую деятельность. Можем ли мы быть менее суровыми и при этом соблюсти английский закон?

К облегчению Энди, судьи и король остались глухи к заявлению епископа и не решились вынести смертный приговор. Гражданские суды и так выражали недовольство бесцеремонным вторжением «Звездной палаты» в их область деятельности. Решение носило

политический характер. Король не хотел без нужды распалать оставшихся не у дел членов парламента.

Кристоферу Мэтьюзу был вынесен иной приговор, который и огласил король. За свою преступную деятельность он должен уплатить штраф в десять тысяч фунтов. Было понятно, что такую сумму ему не заработать за целую жизнь. Поэтому выплата суммы распределялась между его наследниками и жителями Эденфорда. Кроме того, Мэтьюза должны были пригвоздить за ухо к позорному столбу, а после этой процедуры обрезать ухо. На щеках мятежного викария постановили выжечь клеймо, а нос — разрезать. В таком виде он будет служить живым предостережением для тех, кто последует его примеру.

Во время оглашения приговора Энди переводил глаза с викария на епископа. После того как Мэтьюз увидел Энди, он сидел неподвижно, не поднимая головы. Реакция епископа привела Энди в еще большее смятение. Толстяк, слушая приговор, безмятежно развалился в кресле. Так легко сдаваться было не в его характере.

В тот момент, когда судьи собрались сделать перерыв в заседании, в зал вбежал посыльный и вручил Лоду длинный, завернутый в ткань предмет, прошептав что-то ему на ухо. Епископ развернул ткань и заглянул внутрь. Увидев содержимое свертка, он схватился за сердце и откинулся на спинку кресла.

— Доктор Лод, что-то случилось? Вам плохо? — спросил лорд-канцлер.

— Одну минуту, лорд-канцлер, — ответил епископ, тяжело дыша.

Зал, затаив дыхание, ожидал, что скажет епископ. Тот, пошатываясь, встал и слабым голосом произнес:

— Случилось нечто ужасное.

— Вы хотите что-то сообщить суду? — спросил лорд-канцлер.

— Это не касается напрямую данного судебного заседания, — сказал епископ, — но это имеет отношение к Кристоферу Мэтьюзу.

— Мы будем рады, если вы все нам расскажете.

— Это гражданское дело.

— В любом случае нам не помешает узнать, что случилось.

— До меня дошли сведения, — сказал епископ так тихо, что присутствующие стали нагибаться вперед, чтобы разобрать его слова, — что этот человек виновен не только в подстрекательстве к мятежу, но и в убийстве сына лорда Честерфилда.

Зал ответил потрясенным вздохом.

— Это правда! — воскликнул епископ. — Есть очевидцы! Кроме того... — епископ извлек из свертка стрелу и поднял ее над головой, — нашли оружие убийства!

Он показал ту самую арбалетную стрелу, которую Энди вытащил из головы сына лорда Честерфилда.

— Это была неудавшаяся попытка похищения. Мэтьюз и его сообщники намеревались потребовать у богатого отца выкуп за сына. Когда же оказалось, что им не справиться с мальчиком, Кристофер Мэтьюз убил его! Труп они закопали в кустах, между двух высоких дубов. Мой агент может точно объяснить шерифу, где находится тело бедного ребенка!

Энди вскочил. «Лжец!» — хотел закричать он, но не успел. Едва открыв рот, он почувствовал резкую боль от удара по голове. Перед его глазами вспыхнул ослепительный свет, а потом наступила темнота.

В лицо Энди ударил яркий луч. Юноше показалось, что его голова вот-вот лопнет. Он повернулся на один бок, потом на другой, но не смог спрятаться от света. Тогда он прикрыл глаза рукой. Стало немного легче, но боль не утихала.

Энди не сразу понял, где он находится. Глаза никак не могли привыкнуть к свету. Наконец он взял себя в руки и огляделся. Он лежал в постели в доме епископа. Яркое утреннее солнце било ему прямо в лицо.

Он со стоном сел — теперь солнце было у него за спиной, — и сразу пожалел об этом. В голове застучало, он почувствовал тошноту и головокружение. Энди пытался не обращать внимания на боль. Сильнее всего ныл затылок. Он потрогал его и невольно вскрикнул.

Когда Энди опустил руку, он увидел, что на ней что-то блеснуло. На его пальце красовался огромный золотой перстень с рубином.

Прямо под окном раздавалось щелканье садовых ножниц. Юноша встал и, пошатываясь, пошел в сад, к епископу.

— Ты очень огорчил меня, Эндрю, — это были первые слова Лода, обращенные к молодому человеку. Отложив ножницы, которыми он подстригал розовый куст, епископ опустился на колени, чтобы угостить травинкой свою черепаху.

Щурясь, Энди смотрел на епископа. Все плыло у него перед глазами.

— Мне очень жаль, что ты пострадал.

— Это сделали вы?

Епископ вновь сорвал травинку и поднес ее к безгубому черепашьему рту. Его любимица благодарно схватила угощение.

— Один из моих людей. На всякий случай я посадил его за твоей спиной. Мы должны были защитить тебя от самого себя.

— Вы не слишком церемонились. И ни у кого не возникло подозрений?

— Ни малейших. Видишь ли, неизвестного, напавшего на тебя, арестовали. Когда его выводили из зала суда, он для большей убедительности кричал, что является последователем викария, что таких людей много и все они готовы отдать жизнь за своего вожака. На самом деле это обычный разбойник с большой дороги, который время от времени выполняет мои поручения. Его забрали в тюрьму на Флит-стрит, где тут же освободили. Выглядело все достаточно правдоподобно. К тому же это очень нам помогло. Теперь у народа исчезли последние сомнения в том, что Кристофер Мэтьюз представляет собой серьезную опасность для Англии. Как видишь, мой мальчик, твой неразумный порыв, вызванный всплеском угрызений совести, не помог викарию.

— Но ведь ничто не помешает мне все равно сказать правду...

Было видно, что епископ оскорблен в своих лучших чувствах.

— Эндрю, — сказал он тихо, — я второй человек в Англии» после короля. Господу было угодно сделать Карла королем Англии, а меня — его духовным наставником. Он и я — это Англия.: Что бы мы ни делали, мы правы, ибо мы делаем это именем Бога и во благо страны. — Он протянул черепахе новую травинку и добавил: — Если бы ты попытался сделать публичное заявление, ты просто поставил бы себя в глупое положение. А лишившись чувств, ты стал новоиспеченным героем Англии.

Энди был обескуражен.

Епископ Лод поднялся и стряхнул с себя траву.

— Ты заметил кольцо у себя на руке?

Энди поднял руку и взглянул на кольцо с рубином.

— Это первая награда короля Карла за твои подвиги. Красивое, правда? Король понимает, что сейчас Англии нужны герои. Они отвлекут народ от роспуска парламента, от корабельного налога и прочих мелких неурядиц. Неужели непонятно? Ты отлично подходишь на эту роль! Ты молод, хорош собой. Ты посвятил свою жизнь королю и отечеству. Ты едва не погиб при выполнении опасного задания. Ты разоблачил одного из самых коварных врагов Англии. А после этого тебя чуть не убили, когда ты давал показания в «Звездной палате»! Ты произвел впечатление на короля.

Теперь епископ стоял прямо перед ним. Он взял Энди за кончики пальцев и поднял его руку так, чтобы юноша мог видеть кольцо.

— Это подарок на память! Через неделю король Карл дает прием в твою честь. Он хочет наградить тебя публично, как своего личного друга. Эндрю, разве не об этом ты мечтал? Ты — Ланселот, и король Артур желает устроить чествование своего лучшего рыцаря!

Следующая неделя прошла без происшествий. Энди почти не видел епископа, который был поглощен государственными делами. Слоняясь по дому, молодой человек мучительно размышлял о сложившейся ситуации. К его ужасу, воспоминания об Эденфорде с каждым днем тускнели все больше. Теперь, когда он снова купался в роскоши, спал на мягкой постели и сытно ел, он понял, сколь многого был лишен в Эденфорде.

Само собой, Энди не забыл Кристофера Мэтьюза, но разве он мог ему помочь? Ведь викарий действительно писал запрещенные памфлеты, а значит, нарушал закон. А Энди никогда не пойдет против законов Англии.

Кроме того, король давал прием в его честь! Так же, как покойная королева устраивала приемы в честь его дедушки! Дедушка был другом королевы Елизаветы, а Энди стал другом короля Карла.

Когда Энди одевался, собираясь на прием, его руки были холодны от волнения. Он старался не думать о Нелл, об Эденфорде и Кристофере Мэтьюзе.

Банкетный зал Уайтхолла сиял огнями. Цвет английской аристократии щеголял самыми роскошными туалетами и пребывал в веселом возбуждении. Все присутствующие получили личное приглашение от короля, который давал прием во славу юного героя Англии — Энди Моргана.

Энди вошел в зал; собравшиеся встали и зааплодировали. Юноша был одет, как подобает аристократу, и с высочайшего позволения имел при себе саблю, принадлежавшую его знаменитому деду.

Все вновь поднялись, когда король Карл вручил молодому человеку медальон за храбрую службу. Все смеялись, слушая историю о том, как Энди посинел, спасая жизнь ребенка. Все выстроились в очередь, чтобы пожать ему руку. Маленькие мальчики смотрели на него как на бога.

Родители Энди, лорд и леди Морган, прибыли в Лондон, чтобы принять участие в чествовании своего сына. Вместе с ними приехал сгорающий от зависти Филипп. Лорд Морган щеголял новым нарядом, а леди Морган приобрела для такого случая умопомрачительное бриллиантовое ожерелье. Родители суетились вокруг Энди, рассказывая

всем и каждому, что они никогда не сомневались в великом будущем сына. Им страстно хотелось выглядеть счастливой семьей. В глазах отца и матери Энди видел неподдельный страх и немую мольбу не разрушать эту иллюзию. Его успех был и их успехом. Насколько Энди знал своих родителей, они хотели воспользоваться случаем на все сто.

Весь вечер епископ Вильям Лод, как гордый отец, стоял рядом с Энди.

Энди не знал тех людей, которые вставали в очередь, чтобы пожать его руку. Ему был знаком лишь один из них, приехавший издалека, — лорд Честерфилд. Он тоже подал Энди руку, но сделал это без улыбки.

— Я поздравляю вас, молодой человек, со смешанным чувством, — холодно произнес он. — То, что принесло пользу Англии, меня разорило. Вы разоблачили убийцу моего сына и лишили меня управляющего. Я никогда не найду замены первому, и мне будет нелегко заменить второго. Вас не интересует его должность?

Настоящий убийца сына лорда Честерфилда быстро вышел вперед, отстраняя Энди. Он схватил лорда за руку и отвел его в сторону.

— Боюсь, вам придется поискать другого управляющего, — сказал епископ, натянуто улыбаясь. — Эндрю слишком дорог королю и мне. Мы не отпустим его.

Лорд Честерфилд ответил епископу такой же принужденной улыбкой.

— Дорогой епископ, вам не стоит так рьяно защищать своего протеже. Я пошутил.

Епископ напрасно волновался. Энди и в голову не приходило открыть лорду Честерфилду правду. Мысленно Энди находился в городке, до которого из Лондона было четыре дня пути. Причиной тому послужили не слова лорда Честерфилда, а его наряд. Кружевной воротник. Кружевные манжеты. И обилие кружев в отделке платья. То самое кружево, что сплели искусные тонкие пальцы двух девушек с Главной улицы. Может, в эту самую минуту они сидят в неприбранной гостиной и оплакивают своего отца.

На Энди нахлынули воспоминания об Эденфорде, о Дженни и Нелл — он думал с красоте девушек, слышал их смех, в памяти всплывали завтраки, во время которых Кристофер Мэтьюз, сидя во главе стола, читал Библию и молился за своих дочерей. Он вспомнил ежедневный вопрос викария: «Что мы сможем сделать для Господа сегодня?» Он думал о веселой возне Мэтьюза и его приятеля Дэвида Купера, о том, как они добродушно вышучивали друг друга, как были мужественны и решительны во время тайного заседания. Перед глазами юноши предстали жители городка — они так любили викария!

Энди увидел кружево лорда Честерфилда, — и внутри него словно забил горячий источник. По сравнению с бесхитростной и честной жизнью простых жителей Эденфорда величие королевского двора, огни Уайтхолла, драгоценности, богатство и бесконечные славословия показались ему пустыми и бессмысленными.

Это была не его жизнь. Никакие награды короля не могли сравниться с той бурей чувств, которую он испытал всего за один воскресный день рядом с Нелл Мэтьюз.

Он понял, что должен делать. Энди Морган станет рыцарем-одиночкой. Он знал, за что будет сражаться.

Дрожа от холода, он сидел в темноте у воды в ожидании тюремной баржи. Рядом лежала сабля. Как все и полагали, викарию был вынесен смертный приговор. Тело сына лорда Честерфилда нашли в указанном месте, рядом лежал арбалет. К делу приобщили арбалетную стрелу и показания очевидца происшествия, Эмброуза Дадли. Со слов епископа Дадли описал нечто похожее на то, что видел Шубал Элкинс. На основании этих улики судьи единогласно вынесли решение. Они постановили, что после того как приговор «Звездной

палаты» будет приведен в исполнение и Кристофера Мэтьюза подвергнут соответствующему наказанию, его отвезут на Тауэр-Хилл и отрубят голову. Такая казнь для человека столь низкого происхождения была необычной. Как правило, головы лишали лишь представителей элиты, а простых заключенных вешали. Но страстная речь епископа Лода в суде привела к широкой огласке дела, и судьи почувствовали, что обстоятельства требуют иного наказания.

После вынесения приговора в Вестминстере заключенного на барже по Темзе отправили в Тауэр. Такой способ транспортировки считался самым безопасным, поскольку в Лондоне слишком много узких улиц и темных переулков и перевозить арестанта по городу было весьма рискованно. Две ночи назад Кристофера Мэтьюза благополучно доставили в Тауэр. Энди, стоя на набережной и обдумывая план побега, внимательно наблюдал за тем, как это происходило.

В тени, у подножия моста, показалась тюремная баржа. На ней находились два охранника и арестант — его лицо закрывал капюшон. По слухам, это была женщина. Энди стремглав бросился по набережной на Аппер-Темз-стрит, а затем побежал к Тауэру: Улица была пуста, если не считать двух пьяниц, которые брели, поддерживая друг друга. Когда Энди пробежал мимо, один из них крикнул что-то про неосторожных бегунов. Справа, между домами и деревьями, Энди видел, как баржа движется по реке.

Сердце у него было готово выскочить из груди, а легкие горели огнем. Не обращая на это внимания, он мчался все быстрее и быстрее. У пристани Энди повернул к реке и по изрытой колеями набережной, покрытой скользкими опавшими листьями, спустился к воде. Тяжело дыша, он пригнулся, высматривая баржу. У воды было темнее, чем наверху; над рекой курился легкий туман. Юноша услышал всплески весел раньше, чем из тумана вынырнула баржа, на которой слабо различались силуэты трех человек.

Энди стянул башмаки и отбросил их в сторону, а саблю в ножнах сунул под рубашку. Стараясь двигаться бесшумно, он вошел в воду и поплыл по течению, опережая баржу на порядочное расстояние. Он добрался до каменной стены у края пристани и прижался к ней, чтобы его не заметили с берега. Не торопясь, он проплыл под четырьмя пушками, которые стояли здесь, чтобы приветствовать входящие в гавань корабли орудийным салютом. Сразу за пушками с причала к воде спускалась Королевская лестница. Он нырнул и проплыл под водой мимо каменных ступеней. Там Энди остановился, чтобы посмотреть, где находится баржа, — она была именно там, где он и предполагал. Времени оставалось достаточно.

В нескольких футах от пловца каменная стена резко поворачивала к замку. Энди двигался вдоль нее до угла, пока стена шла параллельно реке. Здесь он на какое-то время потерял баржу из виду. Если дворцовые стражники поведут судно тем же курсом, которым они двигались, когда везли Кристофера Мэтьюза, они будут держаться как можно дальше от пристани. К воротам Тауэра, выходящим к реке, они подойдут под прямым углом к шлюзу. Это даст ему необходимое время. Дожидаясь баржи, Энди глубоко и учащенно дышал.

Звук его дыхания эхом отдавался от каменных стен. Он вытер лицо и посмотрел на середину реки. Ничего. «Пора бы им уже показаться», — подумал Энди. Он продолжал ждать, но баржи не было видно. Он лихорадочно соображал, что могло случиться: «Кто-то предупредил их, что я здесь? Что-то насторожило их? Они повернули назад или пошли другим курсом? Но почему?»

Внезапно послышался плеск весел: из-за угла всего в нескольких футах от Энди показался нос баржи. Она была так близко, что он различил седину в волосах тюремщика.

Энди едва не потерял голову. Спрятавшись в тень, он соображал, что делать. По плану

он собирался дожидаться, пока судно подойдет к шлюзу, который вел через Трэйторс-Гэйт к Тауэру. Затем поднырнуть под баржу и следом за ней проплыть в шлюз. Но охранники изменили курс, и судно подошло к нему слишком близко, тогда как до шлюза оставалось еще несколько ярдов. Энди мог нырнуть под баржу прямо сейчас, но расстояние было слишком большим, и он понимал, что ему не хватит воздуха.

Однако решимость взяла верх над здравым смыслом. Энди сделал глубокий вдох, погрузился под воду и двинулся к судну. Вода была темной и мутной, и он плыл почти вслепую. Ему казалось, что он уже должен доплыть, но баржи все не было. Он посмотрел вверх.

Плюх! В нескольких дюймах от его головы в воду опустилось весло. Энди пришлось нырнуть поглубже, чтобы оно не задело его. Он сделал рывок и оказался под баржей. Ухватившись за борт, он вместе с судном поплыл к шлюзу Тауэра.

Баржа вошла в шлюз. Энди знал, что охрана намеренно выбирает для перевозки заключенных ночное время, чтобы миновать пристань в кромешной тьме. Баржа остановилась. Легкие Энди готовы были лопнуть, но он не осмеливался поднять голову и глотнуть воздуха. В туннеле его выдал бы малейший всплеск. Он услышал приглушенную команду дворцового стража. Еще немного. Он подплыл поближе к корме. Легкие отчаянно требовали воздуха. «Интересно, что будет, если вместо воздуха наполнить их водой?» — подумал он. Наконец раздался долгожданный скрип ворот Трэйторс-Гэйт. По образовавшимся водоворотам можно было почувствовать, как открываются створки. Энди вынырнул, надеясь, что скрежет ворот заглушит всплеск. Он высунулся из воды прямо за спиной дворцового стража, медленно орудуя веслами. Убедившись, что его не заметили и судно продолжает двигаться вперед, юноша немного успокоился.

Баржа вошла в шлюзовую камеру башни Святого Томаса. Из-под воды Энди слышал голоса, отдававшие команды. Весло охранника опустилось в воду, и судно, развернувшись, вошло в канал кормой вперед. Борт ударился о нижнюю ступень каменной лестницы. Энди ждал подходящего момента, чтобы вынырнуть. Пару раз судно качнулось взад-вперед. Еще не время. Баржа остановилась на уровне ступеней. Заключенного высаживали на берег. Пора! Энди вынырнул ближе к носу баржи.

— Не споткнитесь, сударыня, — послышался голос дворцового стражника.

Энди снова погрузился в воду и, проплыв немного, нащупал под водой каменные ступени. Двигаясь вдоль лестницы, он добрался до стены, а по стене — до угла шлюзовой камеры. Там он осторожно поднялся на поверхность и сделал вдох, наблюдая за тем, что происходит на лестнице. Все стражники были при деле. Охранник с баржи вдвоем с охранником из Тауэра вели заключенную вверх по лестнице. Один из стражников остался на барже. Он оттолкнулся от ступеней, и судно отправилось в обратный путь. После того как баржа миновала Трэйторс-Гэйт, ворота закрылись. Энди оказался в Тауэре.

Несколько минут он, наострив уши, прятался в тени в углу шлюзовой камеры. Единственный звук, который он слышал, был тихий плеск воды у каменной лестницы. Энди подплыл к ней и встал на нижнюю ступень. Он вытащил из-под рубашки саблю и обнажил ее. Он стоял на каменных ступенях босиком, с его одежды стекала вода. Он не подумал о том, что будет оставлять мокрые следы. Энди положил саблю, снял рубашку и штаны и хорошенько выжал их, затем вытер, как мог, покрытое гусиной кожей тело. Одевшись, он поднялся по ступеням, стараясь высушить ступни. С него все еще капала вода.

Прежде чем выйти из башни Святого Томаса на открытое место, он огляделся в поисках

стражников. От внешней стены и остальных строений Тауэра башню отделяло открытое пространство Уотер-Лэйн. Если бы кто-нибудь поднялся на Блади-Тауэр или Холл-Тауэр, или просто прохаживался по крепостной стене, Энди бы сразу заметили. Юноша медленно продвигался вдоль стены к прямоугольной башне, стоящей к востоку от башни Святого Томаса, где из-за выступа проход суживался. Он внимательно осмотрел стены и башни напротив. По крепостной стене ходил охранник. Как только он повернулся спиной к Энди, тот стремглав метнулся через открытое пространство к противоположной стене, сжимая одной рукой саблю, а другой придерживая ножны. Он обогнул Холл-Тауэр и прошмыгнул в ворота, которые вели в Блади-Тауэр.

В этой башне держали Кристофера Мэтьюза.

— В этой же камере сидел сэр Уолтер Рэли ^[74], — заявил епископ таким тоном, словно арестанту была оказана великая честь.

Энди решил сделать все, чтобы избавить викария от участи, которая постигла его сокамерника. По приказу короля Якова сэру Уолтеру Рэли отрубили голову.

Дальше начиналась каменная винтовая лестница. Ее ступени были так узки, что здесь не смогли бы разойтись два человека. Энди стал бесшумно подниматься, держа перед собой саблю.

Наверху был коридор, а вдоль него — несколько тяжелых деревянных дверей. За какой из них викарий? Как его найти? Не стучаться же в двери. Где-то здесь должен быть охранник с ключами. Энди не зря взял с собой саблю.

Осматривая коридор, он услышал за спиной шаги и позвякивание ключей. Энди поспешно спрятался на лестнице. Оттуда он увидел охранника. Кряжистый мужчина с черной бородой вразвалку шел по коридору. Опустив голову, он выбирал в связке нужный ключ. Энди дождался, пока он поднимет глаза, и, держа саблю плашмя, что было сил ударил его в лицо. Охранник отлетел к каменной стене, ударился затылком и рухнул на пол. Из глубокой раны на лбу хлынула кровь. Несчастный не подавал признаков жизни.

Энди схватил ключи и подбежал к первой двери. Перепробовав несколько ключей, он отпер ее и распахнул настежь. В глубине камеры стояла перепуганная женщина, прикрываясь простыней. Может, это была та самая узница, которую привезли сегодня ночью на барже?

— Простите, что побеспокоил, мэм, — смутившись, пролепетал Энди.

Он бросился к соседней двери. Ее открыл последний ключ, после того как Энди перепробовал всю связку. В комнате было темно. Он несколько раз позвал викария по имени. Ответа не последовало.

«Нужно что-то придумать», — сказал себе Энди. Он выскочил в коридор и глянул на охранника. Тот не шевелился. Энди метнулся к следующей двери.

Когда дверь открылась, он увидел Кристофера Мэтьюза, сидевшего у стола. Перед ним лежала Библия. Энди шагнул в камеру и захлопнул за собой дверь.

— Энди! — поднялся навстречу ему викарий. Он внимательно посмотрел на мокрого юношу, который держал в руках саблю и связку ключей, и сказал:

— Только не это.

— Быстрее! — Энди знал, что им надо спешить.

Мэтьюз сел.

— Энди, что ты делаешь?

— спасаю вас! Идемте, у нас мало времени!

Викарий не шелохнулся. Он посмотрел на огонь в камине.

— Нет, — сказал он. — Я не пойду с тобой.

Энди на мгновение потерял дар речи.

— Уходи, Энди. Тебе опасно здесь находиться.

— Но они убьют вас!

Викарий молчал.

— Я могу вас спасти!

Много лет спустя, вспоминая эту встречу, Энди понял, что именно эта фраза заставила викария принять окончательное решение. Мэтьюз был слишком мудр, чтобы доверить свое спасение упрямому юнцу.

— Энди, это ты выдал меня епископу Лоду?

От его слов Энди вздрогнул, словно от удара. Он знал, что рано или поздно ему придется отвечать на этот вопрос. Но сейчас он думал только о побеге. Викарий застал его врасплох.

— У нас на это нет времени! — воскликнул он. — Идемте!

Кристофер Мэтьюз поднялся и медленно подошел к нему.

Он явно не собирался бежать. Положив руки на плечи Энди, он сказал:

— Это единственное, на что у нас есть время. Ведь это не ты донес на меня Лоду, верно?

Ответа было не избежать.

— Мне поручили пробраться к вам в кабинет и сравнить ваш почерк с рукописью Джастина. После собрания в доме господина Купера я знал все. Но я не смог рассказать об этом. Я написал епископу, что Джастин — это не вы.

На глазах викария показались слезы.

— Когда на суде тебя назвали одним из моих обвинителей, я был уничтожен. Потом, после нападения на тебя, я понял, что все не так просто. Тем не менее я не мог не задать тебе этот вопрос.

Викарий отвернулся.

— Когда ты сказал епископу Лоду, что Джастин — это не я, ты был прав.

— Вы не Джастин?!

Мэтьюз посмотрел на Энди и покачал головой:

— Нет, я не Джастин.

— Но это невозможно!

Лицо Кристофера Мэтьюза словно осветилось изнутри. Он поднял глаза к небу и произнес:

— Спасибо Тебе, Господь!

Он взял донельзя изумленного Энди за плечо и усадил к столу. Сев поближе к молодому человеку, он тихо сказал:

— Слушай меня внимательно и не перебивай. У нас нет времени. Я должен сказать это именно сейчас. — Он вновь поднял лицо кверху и тихо и медленно произнес: — Благодарю Тебя, Господь. — По щекам викария текли слезы. Взяв юношу за руки, он продолжил: — Энди, я собираюсь открыть тебе кое-что, о чем знают только три человека на свете. Ты станешь четвертым. Джастин — это Нелл.

— Но ваш почерк... Я же видел ваш почерк, — не сдавался Энди.

— Да, это был мой почерк. Я переписывал рукописи Нелл своей рукой, прежде чем

отправлять их в типографию. Я хотел защитить ее. Никто, кроме меня, Дженни и Нелл, не знает, кто такой Джастин. Теперь это известно и тебе.

— А Дэвид Купер?

— Дэвид считает, что Джастин — это я.

Энди понял: Кристофер Мэтьюз решил умереть, чтобы защитить свою дочь.

— Но вы все равно можете бежать! — в отчаянии закричал он. — Вы можете поселиться в другом месте под другим именем. Нелл и Дженни переедут к вам. О вашей тайне никто не узнает!

Викарий улыбнулся. Он выглядел спокойным и умиротворенным, что было странно в его положении. Так улыбается отец, беседуя с любимым сыном. Эта улыбка вывела Энди из равновесия. Он, рискуя жизнью, пробрался сюда, чтобы спасти Мэтьюза, а тот держится так, словно они ведут неторопливую послеобеденную беседу.

— Я понял, почему Бог прислал тебя в Эденфорд, — сказал Мэтьюз.

— Меня прислал Лод, а не Бог! — с сердцем крикнул Энди.

— Тебя послал Бог, — мягко, но настойчиво повторил викарий. — И теперь я уверен в этом больше, чем когда-либо. Я понимаю твои чувства. Но ты в опасности и должен бежать, пока тебя не схватили.

— Мы уйдем вместе.

— Нет. То, что случилось со мной, — это воля Божья. Настал час понять, чего Господь хочет от тебя, Энди Морган. Я говорю не о твоих надеждах, желаниях и эгоистических мечтах, а о том, что уготовано тебе Господом.

Мэтьюз поднял Энди со стула и стал потихоньку подталкивать его к двери.

— Но они убьют вас! — закричал Энди.

— Думаю, так тому и быть. «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» [\[75\]](#).

— Это из Библии?

— Ты должен сам найти это место. Энди, послушай меня. Разгадка в тебе. Господь знал, что так случится. Он послал тебя в Эденфорд с одной целью — защитить Нелл и Дженни, когда меня не станет. Единственное, что не давало мне покоя, — это мысль, что после моей смерти о них будет некому позаботиться. Теперь я знаю — это сделаешь ты. Я вверяю их тебе.

— Но как я смогу их защитить? Если я вернусь в Эденфорд, горожане убьют меня!

— Неужели ты не понимаешь, Энди? Все сходится! Жителям Эденфорда нужно спастись, бежать, скрыться в глуши. Им небезопасно оставаться в Англии. Им никогда не выплатить штрафа, наложенного на них после моего ареста. Они не могут дальше жить в стране, которая предпочла вере в Бога формальное соблюдение догм. Они должны бежать из Англии туда, где они смогут создать иное общество, где они смогут свободно служить Богу. Моя смерть пойдет им на пользу, она заставит их сделать это. И ты должен быть рядом с ними. Мальчик мой, я доверяю тебе своих дочерей. Береги их! Передай им, что я люблю их.

За дверью послышался шум.

— Тебе пора! — прошептал викарий. Впервые за все время их разговора Энди услышал в его голосе тревогу.

Энди нерешительно двинулся к двери. Ему не оставалось ничего другого. Как можно спасти того, кто не желает этого?

Кристофер Мэтьюз положил руку ему на плечо.

— Господь с тобой, сынок.

Энди приоткрыл дверь и выглянул в коридор. Видна была лишь часть перехода от камеры до лестницы. Тело стражника исчезло. «Значит, охрана уже поняла, что что-то случилось, — подумал Энди, — но пока не знает, где я... Тауэр большой, я мог отправиться куда угодно. Что происходит в другом конце коридора — не видно. Что ж, посмотрим...»

Распахнув дверь, Энди выскочил наружу, сжимая в руке саблю. Коридор был пуст! Он на цыпочках двинулся к винтовой лестнице и почувствовал босой ногой что-то мокрое... Кровь. Это кровь охранника. Энди вытянул шею, пытаясь разглядеть, что делается внизу на лестнице. Там было так тихо, что ему стало не по себе. Он предпочел бы услышать хоть какие-нибудь звуки.

Прижавшись спиной к каменной стене, он начал медленно спускаться вниз.

Внезапно в паре дюймов ^[76]от его носа о каменную стену с лязгом ударилось копьё.

— Стой! Сдавайся! — закричал стражник.

Энди отступил назад, защищаясь саблей. Лестница была слишком узкой, и он не мог как следует размахнуться. На верхней ступеньке Энди поскользнулся в крови охранника и упал.

Рядом с ним опять зазвенело копьё. Его спасло лишь то, что лестница была винтовой, и охраннику не хватало места, чтобы дотянуться до него. Внезапно Энди осенила блестящая идея. Не вставая, он быстро пополз вниз по ступеням. Охранник заметил это и поднял свою пику. Прежде чем он успел опустить ее, Энди толкнул его ногой в грудь, и мужчина упал навзничь, растянувшись на ступенях вниз головой.

Энди побежал вверх по лестнице, перепрыгнув через испачканную кровью верхнюю ступень.

В конце коридора его поджидали еще два стражника с пиками наперевес. Он повернулся спиной к лестнице. Поверженный противник уже встал на ноги и поднимался по ступеням, держа перед собой копьё. Энди сделал шаг в сторону, чтобы увернуться. Одним ударом сабли он выбил копьё из рук охранника, вторым попытался поразить своего врага, но промахнулся. Сабля, которую подарил ему дед, та самая, что столько раз спасала адмирала от испанцев, ударилась о камень и — сломалась. Энди стоял, беспомощно сжимая в руках эфес сломанной сабли, а три охранника нацелили на него свои пики.

Епископ Лод был в ярости. Когда стражники узнали, что Энди живет в резиденции епископа, последнего немедленно уведомили о происшедшем. Через час Энди сидел в знакомой библиотеке.

— Я дал тебе все! — кричал епископ, побагровев от злости. — Что у тебя было, когда ты пришел в мой дом?

— Ничего.

— Ничего! — повторил епископ. — Я дал тебе дом. Я кормил тебя. Я одевал тебя, — он понизил голос и добавил: — Я любил тебя. Что на тебя нашло? Почему ты так поступил со мной?

Энди молчал.

— Отвечай!

Молчание.

Епископ впал в неистовство.

— Я сделал из тебя человека, и я могу уничтожить тебя! — взвизгнул он. — О чем ты думал? Что заставило тебя так переживать за этого еретика? Ведь ты умудрился пробраться в

Тауэр и едва не убил охранника!

— Он жив?

— Кто?

— Охранник.

— Да. Ты лишь расшиб ему лоб.

— Слава Богу.

Последние слова повисли в воздухе. Они напугали и самого Энди, и епископа. Никто из них не помнил, чтобы раньше Энди благодарил Бога за что бы то ни было.

— Что сотворил с тобой этот викарий?

Епископ Лод не заточил Энди в Тауэр и не выгнал его из дома. Он заставил юношу присутствовать на казни Кристофера Мэтьюза, после чего разрешил идти на все четыре стороны. Епископ предоставил Энди выбор: в течение трех дней, рассказавшись, вернуться к нему или стать врагом короля и отечества. Если за этот срок он не явится с повинной к Лоду, тот прикажет разыскать и арестовать Энди за попытку освобождения Кристофера Мэтьюза. Все было предельно просто: молодой человек мог избрать жизнь беглеца и изгнанника или остаться дома. При этом епископ ясно дал понять, что если Энди схватят в окрестностях Эденфорда, его ожидает та же участь, что и Мэтьюза.

Погода стояла отвратительная: небо покрылось тучами, ледяной северный ветер пробирал до костей. Несмотря на это, желающих посмотреть на казнь было не счесть.

На Тауэр-Хилл собралась огромная толпа зевак, съехавшихся со всей округи. Они теснились на помосте, выстроенном специально для подобных событий. Для многих казнь была еще одним бесплатным развлечением, своеобразным спектаклем. Хотя, возможно, чувства людей, пришедших сюда, чем-то и отличались от радостного возбуждения зрителей во время травли быка или медведя.

Два огромных стражника подвели Энди поближе к эшафоту. Молодой человек, вопреки здравому смыслу, продолжал надеяться на спасение викария. В ночь перед казнью он придумал несколько вариантов побега приговоренного. Но из-за большого скопления народа Энди не мог осуществить их в одиночку. Так, по замыслу юноши нападающих должен был возглавить Дэвид Купер, а Энди пришел бы ему на помощь. Можно, например, вырваться из рук стражников, вскочить на эшафот, отнять у палача топор, не подпуская шерифа и его приспешников, освободить Мэтьюза и убежать. Как они смогут это сделать, Энди не представлял. У него не было лошади, и вряд ли он смог бы пробраться сквозь толпу. Оставалось надеяться, что в нужную минуту он сумеет что-нибудь придумать.

Он поискал среди зрителей знакомых, но их не было. Кругом только чужие лица. Зевакам не терпелось посмотреть, как палач поднимет отрубленную голову и продемонстрирует ее толпе.

Увидев связанного заключенного в сопровождении шерифа, толпа одобрительно загудела. За Мэтьюзом в мрачном безмолвии следовали палач с топором в руке, его помощник и священник. Роль священника епископ Лод приберет для себя. При виде этой процессии стражники крепко схватили Энди своими мясистыми ручищами. Судя по всему, им было строго-настроено наказано следить, чтобы Энди наблюдал за казнью. Он попытался освободиться, сначала осторожно, проверяя, насколько крепко его держат. Могучие руки, как тиски, сжали его плечи. Теперь он едва мог пошевелиться. Сами охранники, когда Энди

попробовал вырваться, даже не дрогнули.

Палач и его помощник поднялись на эшафот. Они отошли в сторону, и все увидели Кристофера Мэтьюза, за которым шел шериф. Энди закрыл глаза, чтобы не заплакать. В последний раз он видел викария в Тауэре. После этого был приведен в исполнение приговор «Звездной палаты». На месте левого уха Кристофера Мэтьюза торчал кровавый обрубок, нос был рассечен, а на щеках выжжены буквы «п» и «к», «подстрекатель» и «клеветник».

Последним на эшафот взошел епископ Лод. Все заняли свои места. Толпа притихла. Представление началось.

Шериф зачитал обвинительное заключение и приговор. После этого осужденному предоставили последнее слово. Священники, поднимавшиеся на эшафот, часто использовали эту возможность для того, чтобы прочитать проповедь, иногда довольно долгую, и продлить свою жизнь на час или два. Викарий Эденфорда не последовал их примеру.

Когда Мэтьюз поднялся на эшафот, стало заметно, что он страдает от боли, которую причиняли ему свежие раны и ожоги. Он начал было говорить, но, поморщившись, замолчал.

Энди пнул стражника справа, одновременно толкнув того, что стоял слева. Однако это было бесполезно. Держа юношу в железных тисках, стражники приподняли его. Затем, не произнося ни слова, вновь поставили его на землю.

Мэтьюз выпрямился, поднял голову и возвысил голос.

— Бог свидетель, — из-за рассеченного носа он немного гнусавил и задыхался, — я прожил свою жизнь по Его священному Слову. Сегодня я стою здесь, потому что предпочел повиноваться Богу, а не людям.

Исполняющий обязанности священника епископ немедленно отреагировал на этот выпад. Вполголоса, но так, что это слышали все, Лод произнес:

— Голос священной англиканской церкви есть голос Божий!

Мэтьюз не обратил на него внимания.

— Король Англии и его церковь вынесли мне приговор. Но через несколько минут я предстану перед иным тронем, тронем Господним. Я знаю, что перед Господом я чист. Спасибо Ему, что через Своего Сына, Иисуса Христа, Он направлял и наставлял меня.

Толпа глухо загудела. На помосте для зрителей началась какая-то возня, послышались крики. «Кто-то пытается спасти его!» — подумал Энди. Он посмотрел на своих стражников, потом на помост и на эшафот. Но это была обычная уличная драка. Нарушителей порядка увели, и шум прекратился.

Шериф что-то прошептал Мэтьюзу. Викарий продолжал:

— С болью в сердце я понял, что правители страны не выносят праведных и честных людей, которые говорят то, что у них на душе. Но победы этих торговцев ненавистью, благочестивых лишь с виду, преходящи, и в конце концов их ждет поражение. Вот-вот начнется великий исход. И так же, как Он вывел когда-то израильтян, Господь выведет праведников из пустыни и дарует им землю обетованную.

В эту минуту викарий заметил Энди. Мэтьюз посмотрел на него с состраданием, и с его лица потекли слезы. Последние слова он произнес, обращаясь к Энди.

— Опорой для этого народа станет не мудрость или сила человеческая. Этот народ будет велик тем, что им руководит Слово Божье. «Не воинством и не силою, но Духом Моим, говорит Господь Саваоф»!

Кристофера Мэтьюза подвели к плахе.

Энди стал вырваться из рук стражников.

Мэтьюзу предложили повязку на глаза, но он отказался и опустил голову на плаху.

Епископ Лод приблизился к нему и спросил:

— Вам не кажется, что следует повернуться головой на восток, откуда явился наш Господь?

— Если сердце праведно, — ответил Мэтьюз, — неважно, куда поворачиваешь голову.

Энди Морган вырывался изо всех сил, извиваясь и пиная стражников ногами. Но все усилия были тщетны.

Палач поднял топор.

— Нет! — закричал Энди.

Топор с глухим стуком опустился.

Толпа издала восторженный крик.

Палачу не удалось отрубить голову с первого раза, поэтому он занес топор вновь.

Раздался новый удар.

Новый крик восторга.

Помощник палача указал, что лоскуток кожи еще соединяет голову с телом.

Третий удар.

Помощник палача поднял голову Кристофера Мэтьюза так, чтобы ее видели все. Толпа неистовствовала.

Энди, обессиленный, повис в железных руках стражников.

Епископ Лод величественно приблизился к телу vicария и произнес молитву. Подойдя к краю эшафота, он взглянул в упор на Энди.

— Три дня, — сказал он. И добавил, обращаясь к стражникам: — Отдайте ему его вещи и отпустите.

Он бежал что было сил. Расталкивая озверелую толпу, он бежал, ослепленный гневом, не разбирая дороги, лишь бы оказаться подальше от эшафота.

Он промчался мимо бездомных, живущих на ступенях церкви Святого Павла. Он пролетел стрелой по Флит-стрит мимо канала, ведущего к тюрьме. Он бежал по Стрэнду, ненавидя тех, кто занимался своими делами, как будто это был самый обычный день. «Сегодня умер один из лучших людей на свете! Неужели им всем наплевать?» Он пробежал мимо Чаринг-Кросс, прочь от Уайтхолла, подальше от короля и епископа. Он пробежал по мосту Рыцарей. Пока хватало дыхания и пока глаза не перестали видеть из-за пелены слез, он бежал вперед. Когда силы его иссякли, он упал в канаву, лицом в грязь, и разрыдался.

Так он пролежал несколько часов. Мимо проезжали экипажи и всадники, шли, жалуясь на усталость, путники, шагали ворчливые управляющие и скряги-наниматели. Все они проходили мимо. Никто не обращал на Энди внимания. Он выбрался из канавы уже ночью. Его окружала крошечная тьма. Дул штормовой ветер, швыряя в лицо тяжелые, как камни, дождевые капли. Поднявшись, Энди почувствовал такую боль в голове, что едва не упал. Спотыкаясь, он вышел на дорогу. Мышцы не слушались юношу. Еле передвигая ноги, он по мосту Рыцарей направился в Лондон.

Плохо понимая, где находится, он бесцельно бродил по улицам. Извозчики кричали ему, чтобы он убирался прочь с дороги. Оступившись, он упал в сточную канаву. Из окон веселых домов его окликали проститутки. Он ни на кого не обращал внимания. Неужели они не понимают? Неужели они не видят, что он мертв?

Через некоторое время он заметил, что стоит перед домом епископа. В библиотеке горел свет, второй этаж тоже был освещен. В одном из окон наверху двигалась огромная тень. Вне всяких сомнений, это был толстяк повар. Перед внутренним взором Энди проплыли интерьеры дома. Вот его комната. Вот спальня епископа, где они подолгу лежали без сна, беседуя о рыцарях и крестовых походах. Вот библиотека, где он часами сидел, погружившись в чтение. Наверное, епископ сейчас сидит за столом в библиотеке, работает или пишет письмо, но не шифрованное. Шифр знали только двое.

Энди молча поплелся прочь.

Он шел по Майл-Энд-роуд, когда хлынул дождь. Это был настоящий ливень. Ветер швырял в разные стороны потоки воды. Пряча лицо от обжигающих струй, Энди добрал до какой-то таверны. Она показалась ему смутно знакомой.

— Закрой дверь! — крикнул кто-то, когда он вошел внутрь.

Он спиной закрыл дверь и, спотыкаясь, пошел к свободному столику, оставляя за собой мокрые следы.

— Пива? — спросил хозяин таверны. У него были ярко-рыжие волосы и нос картошкой.

Энди непонимающе взглянул на него.

— Ты глухой? — прокричал хозяин.

Ответа не последовало.

Не упуская возможности повеселить завсегдатаев, хозяин сказал еще громче, делая между словами паузы:

— Ты... хочешь... выпить... кружку... пива?

Посетители дружно захохотали.

Энди пошарил в карманах.

— Кажется, у меня нет денег, — пробормотал он.

Хозяин таверны выругался.

— Вышвырни его отсюда! — крикнул он здоровяку, сидящему в дальнем углу. Тот что-то проворчал в ответ и двинулся к Энди.

— Пойдите! — мужчина с густыми усами и бородой встал между Энди и здоровяком. Покосившись на Энди, он спросил:

— Ты случайно не Энди Морган?

Энди поглядел на бородача, но не мог его вспомнить. Такой бороды он никогда не видел.

— Ну конечно, это он! — сказал бородатый. — Я видел его на приеме у короля, когда доставлял во дворец мясо. Я был на кухне и услышал, как в банкетном зале все начали кричать и аплодировать. Я заглянул посмотреть, что стряслось. Там был он! — Мужчина ткнул Энди в грудь, и голова юноши безвольно качнулась сначала назад, потом вперед. — Энди Морган, тот самый шпион.

— По-моему, он просто пьянчуга.

— Да нет, он шпион, я тебе говорю! Правда, сынок? — бородатый склонился к самому лицу Энди.

Энди кивнул.

Около десятка стульев заскрежетало по полу. Все поднялись из-за столов, чтобы взглянуть на Энди.

— Принесите ему пива! — крикнул хозяин таверны и добавил, обращаясь к Энди: — Это за счет заведения, мастер Морган. Не каждый день к нам навещают герои. Пейте, сколько пожелаете.

— Я восхищаюсь тобой, сынок, — сказал бородатый. — Трудно быть шпионом? Но, наверное, интересно? Страшно, поди, что поймают?

Перед Энди поставили кружку пива. Он сделал глоток, потом кивнул бородатому.

Послышались одобрительные возгласы.

— Наверное, этому нужно долго учиться?

— Учиться? — к их столу подошла женщина в блузке с глубоким вырезом. — Может быть, я тоже сумею тебя чему-нибудь научить?

Завсегдатаи весело загалдели.

Женщина уселась Энди на колени.

— В наших краях нет никого лучше Розмари, — хозяин таверны усмехнулся и подмигнул Энди.

Юноша взглянул на ту, что сидела у него на коленях.

— Погоди! — воскликнула она. — Пойди! Я тебя знаю! Ты приходил сюда со своим дружкой Веннером, да?

Она обернулась к мужчинам, сидевшим вокруг стола и сказала:

— Такой странный парнишка, этот Веннер, ужас до чего странный!

Энди не понял, что она имела в виду, но ее слова вызвали взрыв смеха.

— Ты помнишь, — Розмари обернулась к Энди, — я была подарком на твой день рождения.

Энди покраснел.

— Что-то вроде того, — сказал он.

— Правда, правда! И насколько я помню, ты от меня сбежал! — потрясенно покачав головой, она с улыбкой сказала: — Представляете, мальчики? Судьба дала мне второй шанс!

— Оставь его в покое, Розмари! — послышался голос рыжего хозяина таверны. — Не лезь. Не видишь, у него выдался нелегкий день?

— Отчего же, — сказал бородатый. — По-моему, наоборот. Малому, за которым он шпионил, сегодня отрубили голову!

— Это верно! — подтвердил хозяин.

— Ты был на Тауэр-Хилл, сынок? — спросил бородатый. — Там сегодня собрался чуть ли не весь город.

— Лучшая казнь из тех, что я видел, — сказал один из посетителей.

— А по-моему, паршивая. Палачу пришлось ударить топором три раза.

— Лезвие было тупое, — объяснил бородатый.

— А мне это как раз понравилось, — возразил первый. — Три удара — хрясь! хрясь! хрясь! — Для пущей наглядности он трижды ударил по столу ребром ладони. — Когда все происходит за один раз, скучно. Раз, и все.

— Мне нравится смотреть, как отрубают головы королям, — задумчиво сказала Розмари.

— Я люблю, чтобы все было на совесть. Лезвие острое. Один удар — и готово.

— Ты ничего не понимаешь!.. Чем больше ударов, тем лучше! Хрясь! Хрясь! Хрясь!

Энди выскочил из-за стола. Розмари шлепнулась на пол. Он рванул на себя дверь, и в лицо ему ударили дождь и ветер. По грязной дороге он побрел к центру города.

Он прошел около полумили, когда ему показалось, что в нескольких футах перед ним кто-то спрятался за ствол дерева. Энди перешел на другую сторону улицы. Позади кто-то шлепал по лужам. Обернувшись, он успел заметить поднятый кулак. От удара он упал на колени прямо в грязь. За его спиной послышались еще чьи-то шаги. Кто-то схватил Энди за волосы и дернул голову назад. Как в тумане, молодой человек увидел лицо своего противника. Это был один из посетителей таверны. Последовал еще удар кулаком, и еще, и еще... Нападавший отпустил волосы Энди, и юноша ничком упал в дорожную слякоть.

В полубессознательном состоянии он почувствовал, что его перевернули. Кто-то обыскивал карманы и шарил под рубашкой.

— Он же сказал, что у него нет денег... — протянул унылый голос.

— Не знаю, не знаю, — ответил ему другой, скрипучий. — Он ведь герой. У героев всегда водятся деньжата.

Не найдя, чем поживиться, грабитель со скрипучим голосом пнул Энди в бок.

— Оставь его в покое, — сказал его приятель.

— Поделом ему, — возразил скрипучий голос. — Герой должен быть при деньгах.

Стеная, Энди лежал в грязи под дождем. Небольшая ямка рядом с его щекой за несколько минут наполнилась водой, которая хлынула ему в рот и в нос. Кашляя и отплевываясь, он перевернулся на спину и потер шею, затем с трудом — ноги скользили и вязли в грязи — встал.

По лужам Энди побрел по Олдгэйт-Хай-стрит и повернул на юг, к Темзе. Он дошел до Тауэр-Хилл и оказался на том самом месте перед эшафотом, где стоял во время казни.

Прямо под эшафотом он увидел сверток со своими вещами. Должно быть, его оставили здесь прислужники Лода, после того как Энди убежал. Он сразу почувствовал, что ему не хватает сабли. Верой и правдой она служила деду, а его подвела. Так же, как он подвел

Кристофера Мэтьюза.

Энди опустился на колени, чтобы проверить содержимое свертка. Одежда. Мешочек с деньгами. Должно быть, его положил епископ. Он пересчитал монеты. Сумма была довольно значительной. «Герои должны быть при деньгах», — вспомнив слова грабителя, он горько усмехнулся. В самом низу лежала Библия, подарок Лода, та самая, которая не нравилась пуританам и которую он читал Нелл и Дженни, когда они плели кружево у окна, выходящего на Главную улицу.

Юноша заплакал.

Обессиленный, Энди поднялся по ступенькам на эшафот и встал там, где находилась плаха. Хлестал ливень, потоки воды стекали по его лицу и рукам. Энди знобило, он промерз до костей... Молодому человеку казалось, что теперь холод подбирается к самому сердцу. Он не противился этому. Он был не прочь, чтобы его сердце замерзло и разум окоченел. Он больше не хотел думать и чувствовать.

Он посмотрел на пустой помост. Никто не аплодировал его смелости и не кричал от восторга. Никто не превозносил его за то, что из-за него погиб человек, виновный лишь в том, что любил своих близких и хотел служить Богу.

Энди опустился на четвереньки и увидел на дереве пятна. Это была кровь Кристофера Мэтьюза... Кровь невинного... Она так глубоко впиталась в дерево, что ее не смыл даже дождь. Энди потер доски рукой, но пятна остались. Он стащил рубашку и принялся драить и скрести дерево что было сил. Но кровь Кристофера Мэтьюза не исчезла. Ее нельзя было смыть. Дальше ему придется жить с этим пятном.

Не сошел ли он с ума? До осуществления его мечты рукой подать. Нужно лишь вернуться в дом епископа и получить по заслугам; обнять Лода, поблагодарить, принять награды и продолжать играть роль героя Англии. Но Энди больше не хотелось ни славы, ни богатства, словно чары были разрушены и золото, которое он искал, обратилось в пепел.

Эти чары разрушил Кристофер Мэтьюз. Он не обладал сокровищами короля и епископа, но Энди не встречал человека богаче. Теперь, когда золото превратилось в пепел, у Энди Моргана не осталось ничего, кроме горьких сожалений об ушедшем и воспоминаний об ошибках, которые он никогда не сможет исправить.

Воспоминания о застенчивой улыбке Нелл, стоящей среди развалин старого замка...

Воспоминания о том, как ему улыбнулся маленький Томас...

Мэтьюз, защищающий его от обвинений Дадли...

Поцелуй Дженни за завесой темно-каштановых волос...

Старый Сайрес Ферман с телом мертвой жены на руках...

Полубоженный Элиот, выплясывающий на берегу реки...

Лод, жестоко истязавший свою жертву в «Звездной палате»...

Изуродованное тело маленького сына лорда Честерфилда...

И опять Кристофер Мэтьюз... Вот он поднимает просветленное лицо к небу и говорит: «Благодарю тебя, Господь!»

— Я не понимаю! — выкрикнул Энди в небо. — Как он мог говорить такое? Как можно испытывать благодарность, когда твои враги торжествуют? Как он мог радоваться, если был обречен на смерть?

Рыдая, Энди молотил кулаками по эшафоту. Потом он вспомнил слова vicar: «Жители Эденфорда должны бежать из Англии. Береги моих дочерей! Скажи им, что отец

любит их».

Энди покачал головой.

— Я не могу это сделать!

— «...бежать из Англии. Береги моих дочерей».

— Они не станут меня слушать!

— «...бежать из Англии».

— Они убьют меня, если я вернусь!

— «Не воинством и не силою, но Духом Моим, говорит Господь Саваоф»!

— Нет! Это невозможно!

— «Не воинством и не силою, но Духом Моим, говорит Господь Саваоф»!

— Нет, — плакал он.

— «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне».

— Господи, помоги же мне! — взмолился Энди. — Прости мне то, что я натворил.

Энди Морган упал ничком на эшафот. Дождь громко барабанил по деревянным доскам.

— «Не воинством».

— Господи, научи меня любить.

— «Не силою».

— Господи, дай мне силу.

— «Но Духом Моим».

— Господи, научи меня не думать о себе.

Он говорил с Богом, пока не встало солнце.

В тот день умерли двое. Кристофер Мэтьюз был казнен на Тауэр-Хилл и покинул этот мир. Энди Морган понял, что он тоже умер.

Никакие завоеватели не могли бы разорить Эденфорд больше, чем «Звездная палата». Она уничтожила его лидера. Она разрушила городское хозяйство. Она сломала дух горожан. Штраф, который был наложен на эденфордцев в соответствии с приговором, лишил их возможности управлять своей жизнью.

Каждый шаг обитателей городка контролировали представители короля. Мастерские, денежные средства, оборудование — на все был наложен арест до тех пор, пока казна не получит десять тысяч фунтов штрафа. Арест был наложен на мастерскую Дэвида Купера, на инструменты, которыми пользовались Нелл и Дженни при изготовлении кружев, на все предприятия лорда Честерфилда — начиная с пастбищ и заканчивая складами с сержем. Была повышена арендная плата и установлен порядок выплаты штрафа. Взимание платежей осуществлялось таким образом: сначала выплачивались деньги в пользу короны — корабельный налог и штраф, наложенный на Кристофера Мэтьюза. Следующими по очередности шли арендная плата и ограниченная доля прибыли для лорда Честерфилда. (Честерфилду не удалось добиться повышения своей доли. Ему объяснили, что он должен расплачиваться за то, что назначил викарием пуританина. Кроме того, король хотел получить деньги как можно быстрее.) Оставшаяся ничтожная часть доходов отдавалась жителям городка.

Своим управляющим в Эденфорде король назначил главного констебля Дэвида Хоффмана. Такое решение было вполне объяснимо: Хоффман, будучи истинным блюстителем правопорядка, ревностно исполнял свои обязанности, стремясь поддерживать мир и желая обеспечить собственную безопасность.

Службы в городке теперь проводил англиканский епископ, который помимо Эденфорда получал жалованье в Тивертоне и Халбертоне. Новый священник незамедлительно переместил алтарь к восточной стене и обнес его ограждением. Богослужение проводилось в строгом соответствии с предписаниями «Книги общей молитвы». Это означало отсутствие проповедей и вечерней службы. Вместо этого горожанам предлагалось по воскресеньям играть в спортивные игры, перечисленные в «Книге спортивных развлечений» короля Якова.

Нынешний Эденфорд сильно отличался от того оживленного городка, который Энди Морган впервые увидел меньше года назад. Эту разницу молодой человек заметил уже с холма. Сидя на развалинах разрушенного замка, он наблюдал за хлопочущими внизу горожанами. Их плечи ссутулились. Здороваясь, они не радовались встрече. Городок словно потускнел, утратил надежду и желание жить.

Тягостное настроение усугубляло и то, что в Эденфорде появились новые жители, в первую очередь главный констебль, который вразвалку прохаживался по улицам. Он шествовал по городу как король, в сопровождении вооруженной охраны. Стражники были расставлены повсюду, и непосвященному могло показаться, что Эденфорд захвачен иноземной армией. Энди заметил и еще одного нового жителя, Элиота Веннера. Узнать его было легко. Буйная шевелюра и самоуверенная манера держаться резко отличали его от скромно одетых, понурых эденфордцев. «По крайней мере, он не ходит здесь в набедренной повязке», — подумал Энди.

Присутствие Элиота встревожило юношу. Знает ли его бывший приятель, что случилось

после суда над викарием? Сообщил ли ему о происшедшем епископ? Возможно, все это время Элиот был занят выполнением очередного задания или просто пропадал в лесу. Однако именно ему Лод мог поручить выследить Энди.

Со дня смерти Кристофера Мэтьюза и с той самой ночи, когда Энди посвятил свою жизнь Господу, прошло три месяца. На протяжении этого времени он бесцельно бродил по проселочным дорогам между Лондоном и Эденфордом и молился. Он часто останавливался и читал Библию, в основном Евангелия. Он размышлял над прочитанным, поднимался и шел дальше, продолжая молиться. Вместе с апостолами Энди учился у Иисуса. Он внимал всему что говорил Спаситель, обращаясь к Своим двенадцати ученикам. Их уроки стали уроками Энди, их задачи — его задачами. Когда он читал о смерти Иисуса на кресте, он горько плакал, вспоминая еще одного верного ученика Христа, Кристофера Мэтьюза. А раздумывая о Великом поручении воскресшего Господа ^[77], он вспоминал о словах викария, произнесенных в Тауэре: «Жители Эденфорда должны бежать из Англии. Береги моих дочерей!»

Энди Морган вернулся в Эденфорд, чтобы выполнить просьбу Кристофера Мэтьюза.

Он спрятался за домом, стоящим в конце Главной улицы. Дальше начиналось поле, там когда-то молился Кристофер Мэтьюз. Из-за угла Энди наблюдал, что происходит на улице. Дженни с трудом тащила два ведра воды. Каждый вечер она делала это в один и тот же час. Поставив ведра на крыльцо, девушка открыла дверь, взяла ведра и зашла внутрь. Энди выскользнул из-за угла и быстро шмыгнул в дом.

— Ой, — Дженни, стоявшая спиной к дверям, едва не выронила ведра, расплескав воду на пол и платье, — вы меня напугали... — Она обернулась и вскрикнула: — Энди!

Наверху показалась Нелл. Она сделала несколько шагов вниз по лестнице и замерла, вцепившись в перила. Ее лицо было бесстрастно, в глазах застыл холод.

Дженни отступила назад, споткнулась о ведро и упала.

В этот момент наверху появился Джеймс Купер. Энди показалось, что он стал еще толще и краснее.

— Ты! — закричал великан, ткнув в сторону Энди волосатым пальцем.

В два прыжка он спустился с лестницы, едва не сбив с ног Нелл, которая ухватилась за перила обеими руками.

Энди поднял руки.

— Прошу тебя, я не хочу причинять вам неприятности. Я пришел поговорить с вами.

— Нам не о чем говорить, — отрезал рыжий великан, приблизившись вплотную.

— Дай мне одну минуту, больше я...

В ответ Энди получил удар в челюсть. Он отлетел к двери и стукнулся о нее головой. Джеймс схватил Энди, вытащил его на улицу и поволок в поле. Там он снова принялся его бить.

Энди слышал женский голос. Из-за ударов он не мог понять, кто кричит на разъяренного Джеймса, требуя, чтобы тот немедленно остановился. Потом наступила тьма.

Открыв глаза, юноша увидел, что прямо перед его носом что-то вращается. Энди тут же почувствовал головокружение и тошноту. Он понял, что находится у южного моста, на другой стороне реки. Перед ним крутилось водяное колесо сукновальной машины. Энди подполз к воде; его вырвало.

До ночи он просидел под мостом, а потом побрел назад, к руинам замка.

Юноша обосновался в замке саксонского короля — там, где развалины совсем заросли лесом. Так было легче спрятаться от любопытных глаз. Кроме него сюда мог прийти только один человек — Нелл. Как ему хотелось, чтобы она оказалась рядом! Он бы сумел ей все объяснить.

Энди вспомнил, как она стояла на лестнице, как из спальни появился Джеймс. Но почему же обязательно из спальни? Может, он просто был наверху... Но что он там делал? Почему он вообще находился в доме Мэтьюзов? Как Энди ни боролся с собой, его мучила ревность. Давая выход своему гневу, он негромко выругался. Мысль о том, что Джеймс сейчас рядом с Нелл, доставляла ему невыносимые мучения. Она причиняла ему куда большие страдания, чем синяки, оставленные кулаками Джеймса.

— Господи, дай мне терпения, оно мне так необходимо, — молился он.

«А что если Нелл никогда не простит меня?»

Эта мысль пришла ему в голову внезапно. Раньше Энди казалось, что, если он сумеет поговорить с ней, все вернется на круги своя.

— Я люблю ее по-прежнему, — произнес он вслух. — Я буду всегда любить ее.

«Даже если она выйдет замуж за Джеймса? А вдруг она уже замужем?»

Его охватил ужас. Ему показалось, что в него вонзили нож. Боль была нестерпимой.

— Пусть она никогда не станет моей, но я все равно буду ее любить, — сказал он сам себе.

И тут Энди почувствовал целительную силу слов. Боль не исчезла, но смягчилась. Мысль о том, что Джеймс Купер не сможет отнять у него любовь к Нелл, даже если женится на ней, успокоила юношу. Никто не лишит его права любить. Никто! Даже сама Нелл.

Это стало для него настоящим откровением. «Что бы ни сделала и ни сказала Нелл, это не помешает мне любить ее. Она может причинить мне страдание. Она вправе покинуть меня. Но она не в силах помешать мне любить ее».

В тот вечер Энди заснул, согретый теплом своей любви к Нелл Мэтьюз.

— Мне нужен Варнава.

Энди сидел, прислонившись к каменной стене. У него на коленях лежала открытая Библия. Он еще раз перечитал стих из девятой главы Деяний апостолов. «Савл прибыл в Иерусалим и старался пристать к ученикам; но все боялись его, не веря, что он ученик. Варнава же, взяв его, пришел к Апостолам» [\[78\]](#).

— Они боялись его, не веря, что он ученик. Господи, мне нужен Варнава, — повторил он.

— Дженни! — это был полусшепот, полукрик.

Дженни резко обернулась. Она стояла у двери, поставив на крыльцо полные ведра, и уже собиралась войти в дом, когда услышала окрик. Она испуганно взглянула на Энди и схватилась за ручку.

— Дженни, прошу тебя! Я не причиню тебе зла!

Она молчала, продолжая сжимать ручку двери.

— Приходи к реке, к сукновальной мастерской.

Она отрицательно покачала головой.

— Дженни, пожалуйста!

Она не выразила согласия, но больше не качала головой. Продолжая держаться за ручку,

она медлила, обдумывая его просьбу.

— Прощу тебя! — умолял он. — И как можно скорее.

Не дожидаясь ответа, Энди ушел. Он направился прямо к реке, сел у воды и начал молиться. А Дженни после его ухода продолжала молча стоять у двери...

Солнце опустилось за холмы, берега реки погрузились в вечерний сумрак, но Энди не решался выйти на открытое место, боясь обнаружить себя. Время от времени он выглядывал из своего укрытия, проверяя, не появилась ли Дженни.

Словно молодой пугливый олененок, выскочивший на лесную поляну, Дженни взбежала на высокий речной берег и настороженно остановилась. Энди улыбнулся и вышел ей навстречу. Она отпрянула от него.

— Спасибо, что пришла, — сказал Энди.

— Все знают, что ты здесь.

Перестав улыбаться, Энди огляделся.

— Я хотела сказать, в Эденфорде. Во всяком случае, знают, что ты был здесь вчера. Джеймс рассказал им.

— Думаю, мне не стоит обижаться на него.

— Почему? — спросила Дженни. — Почему ты вернулся?

Ее голос задрожал, а глаза наполнились слезами. Энди было больно сознавать, что это он причинил ей боль. Она была самой красивой девушкой, которую он когда-либо видел, а доверчивость и невинность делали ее просто неотразимой.

— Меня прислал ваш отец.

— Отец? — в ее голосе послышалась надежда.

— Я говорил с ним в Лондоне. Он просил передать, что любит вас.

Дженни смахнула слезы, которые лились у нее по щекам.

— Ты видел отца в тюрьме?

Энди грустно усмехнулся.

— Что-то вроде этого. Я пытался устроить побег.

— Побег?

Он кивнул.

— Не понимаю. Почему же...

— Он отказался. Сказал, что не хочет подвергать вас опасности — тебя, Нелл, горожан... Он просил меня позаботиться о вас.

— Это похоже на папу, — шмыгнула носом Дженни. — Но как тебе удалось удрать?

— Не удалось. Меня поймали.

Девушка непонимающе взглянула на него.

— Дженни, сейчас это уже неважно, — мягко сказал Энди. — Сейчас мне нужна твоя помощь. Ты должна стать моим Варнавой.

Он слишком быстро сменил тему. Дженни озадаченно посмотрела на него.

— Понимаешь, Варнава поверил апостолу Павлу после его обращения, — тогда, когда никто ему не верил. Дженни, я прошу тебя поверить мне.

— Ты говоришь, как папа, — улыбнулась она, — он все объяснял с помощью Библии.

Было так приятно видеть ее улыбку.

— Ты веришь мне? — спросил он.

Она перестала улыбаться и потупила глаза.

— Что я должна сделать?

— Я хочу, чтобы ты помогла мне встретиться кое с кем из горожан.

— Но зачем тебе нужна я?

— После того, что произошло у вас дома, думаю, мне не стоит разгуливать среди бела дня по Рыночной улице.

— Наверное, ты прав, — задумчиво сказала она и, помолчав, поинтересовалась: — С кем ты хочешь поговорить? С господином Купером?

— И с Нелл.

— Нелл не станет с тобой разговаривать.

Ему было тяжело слышать это, но он понимал Нелл.

— И все же попроси ее прийти.

— Мне пора. — Дженни повернулась и зашагала прочь. — Я подумаю.

— Помолись об этом!

Она остановилась и смерила его оценивающим взглядом.

— Хорошо.

Подперев голову рукой, Энди читал про то, как Павел и Варнава отплыли на Кипр и Павел ослепил волхва Елиму^[79]. Вдруг он услышал хруст ветки. Рядом кто-то был! Энди быстро спрятался за ближайшей к нему стеной. Кто здесь? Сколько их? Он обернулся и посмотрел по сторонам. Было тихо. Слышался лишь шум деревьев. Он осторожно привстал и выглянул из-за стены.

В дверном проеме полуразрушенной стены замка, освещенная солнечными лучами, стояла Нелл Мэтьюз. Она пришла одна. Погруженная в свои мысли, она медленно вошла в замок. Темно-каштановые волосы падали на белую муслиновую блузку. С пояса темной юбки свисала лента, на которой покачивались ножницы. Энди вспомнил, как во время работы эти ножницы превращались в продолжение ее правой руки. Плавным, точным движением она брала их, отрезала нить, и продолжала плести кружево.

Энди и не знал, что его глаза так истосковались по Нелл. Он боялся заговорить, боялся спугнуть ее. Несколько минут он просто смотрел на девушку, стараясь насытиться этим зрелищем.

Она подошла к стене замка и села на нее. Нелл всегда сидела здесь, когда они приходили сюда вдвоем. Теперь Энди видел ее лицо. Оно было печальным, а глаза — потухшими. Самоуверенное и немного снисходительное выражение, которое так пугало и сердило Энди раньше, исчезло.

Он тихо поднялся и перелез через низкую каменную стену. Энди находился в нескольких шагах от Нелл, когда она заметила его. Девушка вскочила и побежала к выходу. Энди перепрыгнул через полуразрушенную стену и бросился ей наперерез. В дверях он схватил ее за руку, развернул к себе и взял за плечи.

— Я буду кричать! — предупредила она.

Энди инстинктивно оглянулся в поисках рыжего великана.

— Нелл! Я хочу поговорить с тобой!

— Что ты здесь делаешь? — закричала она, пытаясь вырваться.

— Меня прислал твой отец.

Она замерла.

— Думаешь, я тебе поверю? — Ее глаза гневно сверкнули. Молниеносным движением она схватила ножницы и приставила их к груди Энди. — Отпусти меня!

Энди опустил руки. Отступив назад, она повернулась и стала спускаться по склону.

— Для чего еще я стал бы возвращаться? — крикнул он ей вслед.

Он видел, как она бежит по тропинке вниз. Когда она поравнялась с ткацкими мастерскими, он потерял ее из виду. Вздыхнув, Энди вернулся в замок и уселся на большой камень. Он не винил ее. Она была напугана, да и кто бы на ее месте не боялся? Но как он выполнит обещание, данное Богу и викарию, если никто не желает с ним разговаривать?

— Почему ты вернулся?

Энди вздрогнул. У входа стояла Нелл. Он хотел встать.

— Не двигайся! — приказала Нелл. — И отвечай.

— Ты вернулась ради этого?

— Неважно. Тебе нечего здесь делать, у нас больше ничего нет. Я не понимаю, почему ты вернулся.

— И почему я по-прежнему здесь, несмотря на взбучку, которую устроил мне Джеймс, — добавил Энди. Он невольно почувствовал удовлетворение. Он поставил Нелл в тупик, и это не давало ей покоя.

— Джеймс зря причинил тебе боль, — сказала она.

— А я зря причинил боль тебе.

Нелл безуспешно пыталась сдержать слезы.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Нет, ответил. Меня прислал твой отец.

— Уж не во время ли вашей встречи в «Звездной палате»? Или на суде, где ему был вынесен смертный приговор? Вам с Дадли удалось разыграть неплохой спектакль.

Энди ждал, пока она успокоится.

— Как ты мог? — закричала она. — Он любил тебя!

Энди с трудом сдерживал слезы.

— Я знаю, — кротко сказал он.

Оба замолчали.

— Так в чем же дело? — требовательно спросила Нелл.

— Могу сказать лишь одно: я не думал, что все так обернется. — Энди увидел, что Нелл смотрит на него с отвращением, и почувствовал, что она не верит ему. Собрав волю в кулак, он продолжил: — Я разговаривал с вашим отцом в тюрьме. Он просил меня передать, как он вас любит. Кроме того, он просил позаботиться о вас.

Последние слова были ошибкой.

— Спасибо, я сама в состоянии о себе позаботиться. Что ж, мастер Морган, теперь вы выполнили обещание, данное моему отцу, и можете отправляться на все четыре стороны.

— Нелл, я знаю, ты не веришь мне, но я изменился. Я молил Иисуса быть моим Спасителем.

— По-моему, это мы уже слышали, — язвительно заметила она.

— Как я могу убедить тебя в этом?

— Тебе не удастся меня убедить, мастер Морган. Ты обманул нас. Ты сделал это умышленно. Ты убил моего отца и уничтожил мой город. Не думаю, что ты вообще виделся с папой после ареста. Тебе не хватило бы духу посмотреть ему в глаза. А сюда ты вернулся, чтобы успокоить совесть. Это не так-то просто. Тебе придется жить с чувством вины, Энди Морган. Я — христианка, но я не глупа.

— Твой отец не был Джастином. Джастин — это ты.

Это вырвалось у него случайно. Он не знал, что делать, и в отчаянии схватился за

соломинку. Когда Энди заметил ужас на ее лице, он понял, что совершил ошибку. Однажды он уже видел ее такой. Это было ночью, когда он после встречи с Элиотом застал Нелл в отцовском кабинете. Он вспомнил и ее плач ночью, и то, как Дженни утешала сестру. Нелл знала, чего стоит быть Джастином, и жила в смертельном страхе.

— Об этом знали только три человека, — сказал молодой человек. — Твой отец, Дженни и ты. В ту ночь, когда твой отец простил меня и просил позаботиться о вас, он открыл мне эту тайну. Он умер, чтобы спасти тебя.

Нелл бросилась бежать вниз по холму. Она была не в силах сдержать рыдания. Энди смотрел ей вслед и думал, правильно ли он поступил.

— Тсс!

Дженни снова стояла на крыльце с полными ведрами. Темно-каштановые волосы подпрыгнули, когда она обернулась.

— Уходи! — прошептала она.

— Дженни! Умоляю!

Она топнула ногой.

— Что ты сделал с моей сестрой?!

— Я могу рассказать тебе все, но не здесь. Приходи к реке. Дженни снова топнула ногой и бросила на него гневный взгляд.

— Я все объясню, — повторил он.

Подбоченясь, она стояла перед ним у реки, настроенная куда более решительно, чем во время первой встречи.

— Что тебе сказала Нелл? — спросил он.

— Ничего, — ответила Дженни. — Она просто побежала наверх и закрылась у себя в комнате. Она не разговаривает со мной.

— Тогда почему ты решила, что это из-за меня?

Дженни посмотрела на него так, словно в жизни не встречала никого глупее.

— Так действуюешь на нее только ты.

— Я сказал Нелл, что Джастин — это она.

Лицо Дженни исказилось от ужаса.

— Мне очень жаль, — продолжал Энди, — но только так я мог убедить ее, что говорил с вашим отцом. Если бы он не доверял мне, никогда не рассказал бы об этом.

— Ты говоришь правду?

Энди кивнул.

— Про все?

— Дженни, я никогда не желал зла вашему отцу. Я бы с радостью отдал жизнь, если бы это могло вернуть его.

— О, Энди! — Дженни бросилась ему на шею и заплакала.

— Так ты веришь мне?

В ответ она улыбнулась.

Закрыв глаза, он поднял лицо к небу.

— Спасибо тебе, Господи!

Невзирая на горячие мольбы Дженни, Дэвид Купер отказался встретиться с Энди. Он велел девушке держаться от него подальше и бежать без оглядки, если он попытается приблизиться к ней.

Неудача не сломила Энди. Обращение укрепило его дух, и он не собирался сдаваться. Он не сомневался, что для получения ответа нужно правильно задать вопрос. Он стал допытываться у Дженни, какова реакция горожан на новые порядки в Эденфорде. Дженни рассказала, что все чувствуют себя арестантами, за каждым шагом которых следят стражники. Служба в церкви вызывает отвращение, люди истосковались по проповедям. Кое-кто вообще перестал ходить в храм, считая, что Бог оставил их. Городских собраний больше нет, ведь за эденфордцев уже все решили.

— Собrania! — воскликнул Энди. — А какие-нибудь еще собрания проводятся?

Дженни замаялась. Впервые с тех пор, как она сказала, что верит ему, она не спешила отвечать.

— Раньше проводились тайные встречи, где обсуждались памфлеты Джастина и все такое, — сказал Энди. — Это тайна? Поэтому ты не хочешь мне говорить?

Дженни кивнула.

— Мне о них никто не рассказывает. Но у Джеймса Купера длинный язык.

Услышав о Джеймсе, Энди поморщился. Вопрос, что он делал в доме Мэтьюзов, так и остался без ответа. Но сейчас незачем обсуждать это.

— Ладно, как знаешь, — сказал Энди.

Несколько жителей Эденфорда тайно встречались в доме старого Сайреса Фермана. Среди них были ветераны, такие, как Дэвид Купер и Чарльз Мэнли, и новички, к которым принадлежал Джеймс Купер. После ареста викария и конфискации сапожной мастерской собираться у Дэвида Купера было нельзя. Дженни не знала, о чем говорили на этих встречах, но туда приглашали только заслуживающих доверия пуритан. В Эденфорде их осталось немного. Опустив шторы, десять мужчин вполголоса беседовали при свете свечи.

В дверь кто-то негромко постучал. Все застыли.

— Успокойтесь, друзья, — сказал старший Купер. — Стражники так не стучат, они врываются в дом без предупреждения. — Сайрес, открой, — попросил он хозяина дома.

Старик побрел к двери.

— Мисс Дженни? Что привело вас сюда в столь поздний час?

Сайрес Ферман открыл дверь. Она распахнулась шире, чем хотел хозяин, и в комнату вошли двое.

— Это опять ты! — Джеймс, сжимая кулаки, вскочил. Он был готов броситься на Энди.

Дженни заслонила собой юношу.

— Джеймс! — прикрикнул на него отец. — Это моя забота.

— Один раз я его уже отделал, и с удовольствием повторю это!

Старший Купер схватил сына за пояс, не давая ему накинуться на Энди.

— Ты избил его? Ты не рассказывал мне об этом. Ты просто сказал, что видел его. — Сапожник присмотрелся к Энди. Даже тусклый свет свечи не мог скрыть синяки и ссадины.

— Что тебе нужно? — угрюмо спросил он.

— Я должен вам кое-что передать.

— От кого?

— От Кристофера Мэтьюза.

— Думаю, тебе лучше уйти, — сказал сапожник. Теперь ему приходилось сдерживать двоих, себя и сына.

— Выслушайте его! — закричала Дженни. — Он говорит правду!

— Что ты наговорил девочке? — вскипел сапожник.

— Господин Купер! — закричала Дженни. — Не смейте говорить обо мне так, словно я безмозглая курица! Сначала я тоже не поверила Энди. Но он сказал мне одну вещь, которую мог узнать только от отца. Он говорит правду.

— Может быть, Мэтьюз признался им в чем-нибудь под пытками! — сказал Джеймс. — Я слышал, как заключенных истязают на дыбе, а их руки и ноги зажимают в тиски!

— Хватит, Джеймс!

— Дженни, ты уверена, что он не лжет? — спросил сапожник.

Дженни посмотрела на Энди.

— Да, — твердо произнесла она. — Я уверена.

— Так ты сказал, что Кристофер Мэтьюз просил нас что-то передать? — Сапожник повернулся к Энди.

— Да, вам нужно бежать из Англии.

Больше часа Энди рассказывал собравшимся о неудавшейся попытке устроить побег викария из Тауэра. Он поведал им и об ультиматуме епископа Лода, срок которого давно истек.

— Он опять врет! — закричал Джеймс Купер. — Один раз мы уже на это попались. Во второй раз не выйдет.

У Энди оставался лишь один способ убедить их.

— Подумайте сами, — сказал он, — разве я что-нибудь выиграл, придя сюда? Навредить вам больше, чем я уже это сделал, я не могу. Это было бы просто глупо.

До этого ему удалось убедить Нелл, и он надеялся, что разумные доводы заставят собравшихся поверить ему.

— Сейчас из всех вас только мне есть что терять.

Он знал, что ему не поверят сразу, и ему на самом деле не поверили.

— В вашем городе теперь работает новый осведомитель епископа.

Собравшиеся насторожились.

— Его зовут Элиот Веннер.

— В городе нет жителя с таким именем, — сказал Сайрес Ферман.

Энди описал своего бывшего наставника — буйная шевелюра и безумные глаза.

— Митчелл! — воскликнул Сайрес. Остальные закивали.

— Томас Митчелл, — сказал Сайрес.

— Его настоящее имя — Элиот Веннер, — поправил его Энди. — Он охотится за мной. Если он поймает меня, убьет. Шубала Элкинса убил он.

— Но чем ты докажешь, что не врешь? — Это был, конечно, Джеймс.

— Доверившись вам, я рискую. Теперь моя жизнь в ваших руках. Вам нужно всего лишь рассказать Элиоту, где я, и мне конец.

— Мысль неплохая! — засмеялся Джеймс.

Никто его не поддержал.

— Помолчи, Джеймс, — оборвал его отец, после чего обратился к Энди: — Я проверю твои слова. Если ты обманул нас, я тебя заставлю пожалеть об этом.

Энди кивнул.

Два дня Энди прятался в развалинах замка. Было решено, что все это время тайная комиссия будет заниматься проверкой его рассказа; молодой человек, в свою очередь,

пообещал ни с кем не встречаться.

Энди читал Библию, молился и думал о Нелл. На второй день поздно вечером он незаметно пробрался в город и постучал в дверь Сайреса Фермана, не зная, что его ждет.

Дверь открылась, и его впустили внутрь. Там сидели те же люди, что и в прошлый раз. Джеймс смотрел на него все так же неприязненно, лица прочих ничего не выражали. Однако уже по первым словам Дэвида Купера он понял, как решилась его участь.

— Садись, сынок, — сказал сапожник.

«Сынок». В этом слове звучала теплота. К тому, кого хотят убить, так не обращаются.

Сапожник рассказал, как он намекнул Митчеллу (или Элиоту), что у северного моста он видел кого-то, очень похожего на Энди.

— Ты бы видел, как он вылупил глаза, — засмеялся Дэвид.

— Он и так лупоглазый! — вставил Сайрес.

— Нет, на сей раз он вылупил их по-настоящему, — усмехнулся Дэвид Купер. — Он схватил двух стражников, и они помчались к реке, как гончие, почуявшие енота.

Так как слова Энди подтвердились, ему решили рассказать, что обсуждается на собраниях в доме Сайреса Фермана. Оказывается, горожане планировали побег в Новый Свет. Энди узнал, что они пришли к лорду Честерфилду и сообщили ему о своем желании присоединиться к экспедиции Джона Винтропа. Честерфилд разгневался и приказал главному констеблю усилить охрану. Эденфордцев предупредили, что ни о каком отъезде не может быть и речи, пока они не выплатят штраф и корабельный налог.

— Это была просто отговорка, — объяснил Купер-старший. — Король решил, что обойдется без парламента. Карлу нужны деньги. И он их так или иначе раздобудет. Если бы не штраф и не корабельный налог, он придумал бы что-нибудь другое. Больше терпеть нельзя. К тому же мы умираем духовно. Мэтьюз говорил нам о земле, где мы сможем построить город, свободный от жестоких налогов и правил англиканской церкви. Бежать собираются десять семей. Думаю, с Божьей помощью мы сумеем добраться до Нового Света.

Они рассказали ему о своих планах. Джон Винтроп снарядил одиннадцать кораблей. Четыре из них отплывают из Саутгемптона в марте. Остальные семь последуют за ними месяц спустя. Второй караван судов, выйдя из Саутгемптона, зайдет в Плимут, где возьмет на борт колонистов из Девоншира и других западных графств.

— Лорд Честерфилд знает, когда отплывают корабли? — спросил Энди.

— К сожалению, да.

— Значит, в апреле он усилит охрану.

— Мы уже думали об этом, — сказал сапожник.

— Мне кажется, я знаю, как вам добраться до Нового Света, — произнес Энди.

— Очередной обман, — предупредил Джеймс.

— Что ж, мы слушаем тебя, сынок, — сказал сапожник, не обращая внимания на Джеймса.

— Сколько лошадей и повозок вам нужно, чтобы доехать до Плимута?

— У нас нет ни того, ни другого. Мы не богачи, Энди.

— Вы можете одолжить двух лошадей и две повозки? Нам нужны резвые и пугливые животные.

— Думаю, мы могли бы попросить пару лошадей у лорда Честерфилда. Можно сказать ему, что нам необходимо отвезти партию сержа в Эксетер.

— Отлично. Я знаю особый шифр, который нам пригодится. И еще. Мне понадобится

помощь Джеймса. Нужно выполнить одну опасную работенку.

— Я займусь ею вместе с тобой? — спросил Джеймс.

— Да.

— Тогда ладно.

— Я знал, что ты согласишься, — сказал Энди.

И он изложил свой план. Участники встречи сочли его весьма рискованным, но приняли, так как другого выхода не было.

Собравшиеся покидали дом Сайреса Фермана по одному. Энди ушел предпоследним, перед Дэвидом Купером.

— Я глубоко раскаиваюсь в том, что в гибели Кристофера Мэтьюза есть и моя вина, — сказал Энди сапожнику. — Я знаю, как сильно он любил вас. Надеюсь, когда-нибудь вы сможете простить меня.

Могучей волосатой рукой сапожник дружески похлопал Энди по спине.

— И еще кое-что. Я не хотел говорить это при всех... У викария была еще одна просьба.

— Какая же?

— Он просил меня позаботиться о Нелл и Дженни.

Купер обнял Энди за плечи.

— Об этом можешь не беспокоиться, сынок, — сказал он. — Их уже нет в городе. Я отправил их подальше от Эденфорда.

— Куда?

Сапожник покачал головой.

— Это уже не твоя забота, сынок. Не волнуйся, они в надежном месте.

— Что это?

Главный констебль сидел за столом, держа в руке измятый клочок бумаги. На нем были написаны ряды цифр. Перед ним стоял Элиот Веннер.

— Тупоголовый сын сапожника пытался спрятать от меня этот листок. Когда я вошел в мастерскую, он расшифровывал эту записку.

Главный констебль сложил руки на животе. В желудке у него урчало. До ленча было еще часа два. Так долго ему не выдержать.

На листке было написано следующее: (20/16/13/17/24/23). (21/4/18/33/29/9), (28/9/17) (20/16/4/18/13/21/19/6/4/16/19/22/33).

(18/4/28/4/16/19) (4/20/21/9/16/36). (20/19/8/21/19/5/18/19/22/23/ 13) (20/19/12/8/18/9/9).

В правом верхнем углу стояла цифра «3», обведенная кружком, а под первой цифрой послания — буква «п».

— Это почерк Джеймса. — Элиот наклонился и ткнул пальцем в цифру «3» в кружке и букву «п». — Могу добавить и кое-что еще. Здесь не обошлось без Энди Моргана.

— Энди Морган? Да он просто спятил, если решил появиться здесь!

Элиот пожал плечами.

— Я видел этот шифр. Он использовал его при переписке с епископом.

— Значит, ты сможешь расшифровать письмо.

Элиот покачал головой.

— Нет. Этот шифр знают только епископ и Энди.

Главный констебль задумчиво потер тройной подбородок. Похоже, утро обещало быть интересным, и время до ленча пролетит незаметно.

— Цифрами обозначены буквы, — сказал он. — Номер двадцать — это буква «п», — он выпрямился и закричал: — Все понятно! Один — это «а», два — «б» и так далее.

Загибая пухлые пальцы, он дошел до буквы «п» и снова склонился над письмом.

— Не получается, — удивился он. — «П» — семнадцатая буква, а не двадцатая.

— Я же говорю, что Джеймс Купер — болван, — подтвердил Элиот. — Наверно, он что-нибудь перепутал.

Эта мысль показалась главному констеблю разумной. Загибая пальцы, он начал переводить послание.

— Что получилось? — спросил Элиот, когда главный констебль расшифровал первое слово.

— Т-О-Л-П-Ц-Х, — прочел тот и откинулся на спинку стула. — Интересно, что означает эта тройка в углу?

— Возможно, кодовый номер Джеймса, — предположил Элиот. — Энди — это номер один, кто-нибудь еще — номер два, а Джеймс — номер три...

— Нет. Не забывай, что тройка написана рукой Джеймса.

— Разгадка должна быть очень простой. Умом Джеймс не блещет.

— То-то и оно! — главный констебль поднял глаза. — Он написал эту цифру, потому что он олух! Это ключ к шифру!

Элиот не понял.

— В этом письме двадцать — это «п», так?

Элиот кивнул.

— Но в алфавите буква «п» — семнадцатая.

Элиот кивнул опять.

— Еще не понял? — Главный констебль наслаждался тем, что он разгадал тайну быстрее Элиота. Впрочем, по его мнению, это было неудивительно. Больше всего Хоффмана раздражало то, что он вынужден якшаться с теми, кто глупее его и хуже образован.

— Все очень просто, — сказал он. — Сколько получится, если от двадцати отнять семнадцать?

— Три.

— Вот именно! — Главный констебль ткнул пухлым пальцем в цифру три в верхнем углу.

Элиот поднял брови. Он понял, в чем дело.

Главный констебль снова расшифровал первое слово, на этот раз предварительно вычитая из каждого числа три. Покончив с первым словом, он победоносно улыбнулся. Расшифровав письмо до конца, он прочел его вслух:

— «Плимут. Раньше, чем планировалось. Начало апреля. Подробности позднее».

— Они собираются бежать!

— Пока я — главный констебль, у них ничего не выйдет. Вызови ко мне начальника городской стражи. К апрелю солдат здесь будет больше, чем горожан.

Пятница, 19 марта 1630 года. Десять часов вечера. Две повозки медленно двигались по дороге между домами Главной улицы и кукурузным полем. Лошадь, запряженную в первую повозку, вел в поводу Энди Морган; еще одну вел под уздцы Джеймс Купер. Груз в обеих повозках был прикрыт большими полотнищами парусины. Из-под парусины в повозке Энди Моргана высовывалась безволосая голова маленького Томаса Купера; лицо ребенка было покрыто шрамами. Его отец, Дэвид Купер, сидел в повозке Джеймса. Энди и Джеймс следили, чтобы норовистые лошади шли спокойно. Раньше времени шуметь не стоило.

Энди похлопал себя по боковым карманам. Они были полны камней. Пока все шло по плану. Главный констебль и Элиот, прочитав зашифрованное послание, заглотив наживку. Они не сомневались, что до апреля в городе ничего не случится. Обстановка, сложившаяся в Эденфорде, позволяла надеяться на успешный побег: во-первых, Хоффман решил не увеличивать количество стражников до апреля, во-вторых, пуритане собирались сняться с места внезапно, в-третьих, никто не знал, в какой порт они отправятся. Главный констебль и Элиот думали, что попытка к бегству будет предпринята в апреле в Плимуте, а беглецы тронулись в путь в марте и направились в Саутгемптон.

Миновав последний дом, повозка Энди выехала на открытое пространство. Здесь дорога пересекала Рыночную улицу. Перед ними была центральная магистраль Эденфорда — слева городской сквер и здание церкви, справа — южный мост, по которому выезжали из города. Энди бросил прощальный взгляд на Эденфорд, с которым было связано столько воспоминаний, и повернул к южному мосту. Повозка Джеймса на небольшом расстоянии следовала сзади.

Лошадь Энди негромко заржала. Он не стал успокаивать ее. Они медленно подъезжали к мосту. Вот они уже почти у реки. «Так не пойдет! Мы тайком бежим из города, и нас никто не заметил!»

Именно в эту минуту Элиот, спотыкаясь, вышел из дома на другом конце Рыночной улицы, держа в руке бутылку. Он сердито крикнул что-то оставшимся внутри и хлопнул дверью. «Вечер пятницы. Петушиные бои. Как раз вовремя, Элиот».

Возможно, Элиот появился и вовремя, но повернул не туда, куда нужно, и не заметил их.

«Куда же он? Ему совсем в другую сторону!» Энди как можно громче кашлянул, и отошел от лошади, чтобы пьяный Элиот мог заметить его.

Элиот обернулся и посмотрел в его сторону.

— Нас заметили! — закричал Энди.

Пока Элиот стоял, уставившись на беглецов, Дэвид Купер, сосчитав до трех, исчез под парусиной, которой была прикрыта повозка. Маленький Томас приподнял парусину, сосчитав до трех и тоже спрятался.

— Стража! Стража! — истошно завопил Элиот и, спотыкаясь, побежал за повозками. — Энди Морган вернулся!

Энди быстро скомандовал:

— Пригнитесь, начинаются скачки!

Энди и Джеймс вскочили в повозки и погнали лошадей. Повозки, поднимая пыль, прогрохотали по мосту и понеслись в сторону Эксетера и Плимута.

Они проехали около полумили, прежде чем Энди остановил лошадей. Маленький Томас и Дэвид Купер вылезли из своего укрытия.

Энди тоже спрыгнул с повозки.

— Наверняка нас уже догоняют, — сказал он и обернулся к Томасу: — Спасибо, приятель. Без тебя мы бы не справились.

Томас расплылся в счастливой улыбке. После происшествия в красильне он лишился волос и был покрыт шрамами с головы до пят. Его суставы утратили гибкость, и никто не знал, сможет ли он когда-нибудь двигаться так же легко, как раньше. Но сегодня он был в отличном настроении. Мальчик бросился Энди на шею.

— Он так мечтал помочь нам, — улыбнулся сапожник, — и хотел ехать именно в твоей повозке.

Энди крепко обнял Томаса.

— Храни тебя Господь, Энди. — Дэвид Купер тоже обнял юношу. Обращаясь к Джеймсу, он сказал: — Увидимся в Хонитоне. Не опаздывай.

— Буду вовремя, — обещал Джеймс.

Энди залез на повозку. Из-за камней в карманах сделать это было не просто. Он увидел, как сапожник с Томасом скрылись в лесу. После того как Элиот и стражники проедут мимо, Дэвид Купер с малышом вернутся в Эденфорд и будут ждать остальных беглецов у северного моста. Дэвид поведет их на север в Тивертон, потом на восток в Халбертон, а затем на юг в Саутгемптон. Им предстоит нелегкий путь. Чтобы успеть присоединиться к Джону Винтропу и подняться на борт «Арбеллы» 29 марта, эденфордцам придется поторопиться.

Энди крикнул Джеймсу:

— Не забудь пригнуться пониже!

— Я свое дело знаю, — усмехнулся Джеймс. — Давай-ка трогай, не стой у меня на пути.

— Но-о! — Энди натянул вожжи. Джеймс следовал за ним. Двигаясь к Эксетеру, повозки постепенно набирали скорость.

Проселочная дорога шла по холмам, и во время подъемов и спусков Джеймс и Энди теряли друг друга из виду. Поднявшись на очередную возвышенность, Энди оглянулся. Преследователи должны вроде бы уже показаться на горизонте, но их почему-то не было. Еще один холм — и опять Энди никого не увидел. Неужели что-то случилось? Вдруг они наткнулись на Дэвида Купера и Томаса? Или поймали беглецов на северной дороге? Энди перехватил быстрый взгляд Джеймса, который тоже обернулся назад. Рыжий великан сидел, ссутулившись и помрачнев.

Повозки то подпрыгивали на выбоинах дороги, то буксовали в рытвинах. Править лошадьми пригнувшись было нелегко. Энди, стараясь не потерять равновесие, раздвинул ноги пошире. Он снова обернулся. Никого!

Молодой человек уже был готов остановить лошадей, когда вдалеке, на вершине холма, увидел погоню. Отлично. Джеймс тоже заметил преследователей и азартно подхлестнул лошадей. Он решительно сжал губы.

Кони преследователей были резвее, на это Энди и рассчитывал. Элиот и стражники догоняли их. В погоне, по подсчетам Энди, участвовало около десяти человек. Продолжая понукать лошадей, юноша пригнулся еще ниже. Им нужно отъехать как можно дальше от Эденфорда, прежде чем Элиот обнаружит, что на повозках нет ничего, кроме тюков, набитых обрезками сержа.

Несколько вечеров подряд женщины сворачивали и перевязывали эти тюки. Их длина должна была примерно соответствовать росту сидящего человека. Работая, женщины постепенно вошли во вкус. Каждому тюку они дали имя кого-нибудь из беглецов. Некоторым даже придумали прозвища и уменьшительные имена. Одна из женщин усадила только что увязанный тюк, получивший имя ее мужа, на стул и высказала ему все, что не решалась сказать долгие годы.

В ночь побега тюки поставили на повозки и прикрыли парусиной. В начале пути они сохраняли вертикальное положение, но после бешеной скачки по неровной дороге в беспорядке попадали на дно. Это было не так уж важно. Если бы под парусиной прятались люди, они бы тоже повалились друг на друга.

— Но-о!!! — прикрикнул на лошадь Энди.

Дорога шла вверх. До поворота на восток оставалось около мили. Там дорога начнет забирать к югу, постепенно отдаляясь от реки Экс до самой реки Калм, где резко повернет на запад и лишь после порта Эксетер вновь пойдет параллельно реке. Однако Энди Морган и Джеймс Купер не собирались ехать так далеко.

Энди бросил взгляд назад. Элиот вот-вот настигнет их. Уже можно было различить лица стражников.

Главное — добраться до поворота, опередив преследователей. Это нужно для того, чтобы Элиот на какое-то время потерял их из виду. Джеймс и Энди не зря старались пригнуться как можно ниже. Когда Элиот догонит повозки, молодых людей там уже не будет. Если Элиот не заметит их издалека, он не сразу сообразит, что в повозках никого нет, и они смогут выиграть время и убежать.

Попастся в лапы Элиота не входило в планы Энди Моргана и Джеймса Купера. Они не собирались превращаться в жертвенных агнцев, ведомых на заклание. Им есть ради чего жить, и в этом они были похожи. Их объединяла любовь к Нелл Мэтьюз.

Энди обернулся и встретился глазами с Джеймсом. Он тоже увидел поворот. Энди натянул поводья и, сворачивая влево, прикрикнул на лошадь. Повозка налетела на ухаб и подпрыгнула на нем так, что все четыре колеса оторвались от земли, а Энди едва не свалился на землю. Накренившись, повозка со скрипом начала разворачиваться. Понукая лошадь, юноша наклонился влево. Оглянувшись, он увидел, что деревья скрыли от него Джеймса и Элиота со стражниками. Энди натянул поводья, чтобы притормозить.

Из-за поворота показался Джеймс. Его повозку тоже занесло в сторону. Нагнав Энди, он осадил лошадь.

Энди спрыгнул на землю и сильно хлестнул лошадь.

— Но-о! Вперед! Но-о!

Джеймс сделал то же самое. Лошади неохотно повиновались. Они знали, что в повозках больше нет возниц. Энди сунул руку в карман и достал несколько камней. Продолжая кричать на лошадей, он стал бросать в них камнями. Но лошади уже успели отойти от него, и несколько раз подряд он промахнулся. Энди понимал, что если ему не удастся хорошенько напугать животных, они встанут. Он еще раз швырнул камнем. Опять промах. Джеймс тоже старался попасть в лошадей.

— Слишком далеко! — сказал Энди.

Джеймс решительно поджал губы. Энди не думал, что это поможет поразить цель, однако он ошибся. Один из камней Джеймса ударил лошадь Энди в заднюю ногу. Она испуганно пустилась рысью. С третьей попытки великану наконец удалось попасть и в свою

лошадь — камень угодил ей в ухо. Она тоже понеслась вскачь и почти догнала первую.

Энди и Джеймс бросились через поле к реке, чтобы скрыться в зарослях камыша. Им нужно было добраться до берега прежде, чем Элиот и стражники минуют поворот и покажутся из-за деревьев.

Более легкий и быстрый, Энди обогнал грузного Джеймса. На бегу он посмотрел на дорогу. Над ней виднелось облако пыли, значит, лошади не остановились. Он взглянул в другую сторону. Дорога была пуста.

Оказавшись на берегу, Энди нырнул в камыши. На животе он подполз к тому месту, откуда лучше всего просматривалась дорога. Было видно, что лошади продолжают скакать. Энди подумал, что они, пожалуй, умчались слишком далеко. Через поле бежал запыхавшийся Джеймс, он тяжело топал по мягкой земле и размахивал руками.

Из-за поворота показались Элиот и стражники.

— Быстрее! — закричал Энди.

Рыжий великан, шумно дыша, торопился что было сил. Несмотря на это, он бежал все медленнее и медленнее.

Энди видел, как Элиот, что-то крича, указывает в сторону повозок.

Джеймс был в нескольких футах от берега, когда Элиот повернулся к стражникам, чтобы что-то сказать.

Джеймс плюхнулся в камыши. Он перекатился через земляной вал у реки и упал навзничь. Его мощная грудная клетка ходила ходуном.

Заметил ли Элиот Джеймса? Затаив дыхание, Энди наблюдал за преследователями. Ни один из них не остановился и не повернул в сторону поля. У них получилось!

— Давай вставай! Не время разлеживаться! — Он, улыбаясь, склонился над великаном. В словах Энди была доля шутки: хотя им и надо было идти дальше, Элиот и стражники ускакали так далеко, преследуя пустые повозки, что Джеймс теперь мог спокойно отдышаться. К удивлению молодого человека, Джеймс сделал глубокий вдох и поднялся.

Они пошли назад, к лесу, где заранее спрятали свои вещи. Узел Джеймса был совсем легким, почти все забрали его родные. В котомке Энди лежала одежда, Библия и бесценная память о Нелл — крохотный кружевной крестик, который он нашел в ее дневнике.

Энди протянул Джеймсу руку. Здесь им предстояло расстаться. Джеймс лесами отправится на запад, там, рядом с деревней Хонитон, ему предстоит воссоединиться с семьей и остальными беглецами. А Энди... Энди не знал, куда пойдет. Он выполнил свою миссию. Нелл и Дженни, если верить Дэвиду Куперу, находились в безопасности. У Энди не было причин не доверять сапожнику. Жители Эденфорда должны вот-вот отплыть в Новый Свет, где епископ Лод и жадный до денег король больше не будут отравлять им жизнь. Энди сделал все, о чем просил его Кристофер Мэтьюз. Теперь оставалось держаться подальше от Лода и попытаться понять, что уготовано ему Богом.

Джеймс нерешительно пожал протянутую руку.

— Куда ты пойдешь? — спросил он.

Энди пожал плечами:

— Не знаю.

Они посмотрели друг на друга. Воцарилось неловкое молчание.

Энди похлопал Джеймса по плечу.

— Господь с тобой, — сказал он, — передай привет отцу и Томасу.

Джеймс кивнул. Он повернул на север и вошел в лес.

Энди Морган перешел реку и направился на запад.

Субботу Энди провел в одиночестве. Он брел по дорогам Девоншира севернее Эксетера, обходя стороной Дартмур, большое каменное плато со скалистыми горами, топкими долинами, бесплодной почвой и жесткой травой. Ему больше нравилась центральная Англия с ее плодородными почвами, пашнями, травянистыми лугами и густыми лесами. Эти места напоминали ему Эденфорд.

В пути он молился, на привалах читал Писание. Единственное, что у него осталось, — это Бог и Библия. Он пытался убедить себя, что больше ему ничего не нужно. Как апостол Павел, он начнет скитаться из города в город, проповедуя и уча других, но нигде не пустит корней. Он найдет друзей, но никогда не создаст семьи. У него не будет жены. И хотя Энди порой казалось, что такая жизнь устроила бы его, ему хотелось большего. Он мечтал жить так, как жил Кристофер Мэтьюз до того дня, когда в Эденфорде появился Энди Морган: семья, близкие друзья, единомышленники...

Идя вдоль реки Креди, Энди набрел на маленькую деревушку под названием Кредитон. Было воскресенье, и он отправился в церковь. Деревню населяли пуритане, поэтому алтарь не был огражден, а молодой одаренный священник без положенного облачения прочел проповедь, подготовленную им самим. Кредитон очень напоминал Эденфорд. Оба поселения располагались у реки. И здесь, и там жили пуритане. И в том, и в другом местечке во время проповеди создавалось ощущение, что священник беседует со своей семьей. Правда, в отличие от жителей Эденфорда, занимавшихся производством шерсти, жители Кредитона были фермерами.

По окончании службы Энди познакомился со священником, а он, в свою очередь, представил ему Ричарда Тоттела, фермера и отца четверых детей. Тоттел, у которого было три дочери и сын, пригласил Энди к себе.

Тоттелы жили еще скромнее, чем обитатели Эденфорда. Эта небогатая семья занималась выращиванием ячменя. Тоттел был серьезным, рассудительным и мужественным человеком с неторопливой походкой. Иначе и быть не могло. Из поколения в поколение его семья трудилась под серым небом и морозящими дождями, расчищала канавы, чинила изгороди, ремонтировала дома и амбары и пахала землю, которая не всегда баловала хорошим урожаем. В результате упорного труда и лишений семья сумела значительно увеличить площадь обрабатываемых земель и добиться уважения соседей.

Две старшие дочери Тоттела, девицы на выданье, вились вокруг Энди, как мухи над медом. Девушки были великолепно сложены, миловидны, с большими черными глазами. К тому же они отличались остроумием. Каждые пять минут отец прогонял их прочь, но они неизменно возвращались.

Миссис Тоттел была третьей женой Ричарда. Первые две скончались в родах, а нескольких его детей унесла лихорадка. Но Энди видел, что эти люди не привыкли жалеть себя и оплакивать свою горькую участь. Они просто продолжали жить как умели и делали свое дело. Повседневная работа закалила их, и сломить этих тружеников было нелегко.

В семье Тоттелов Энди впервые отведал знаменитый местный яблочный пирог с заварным кремом. В честь гостя крем приготовили по особому рецепту, со сливками, молоком и сахаром. Еда была такой вкусной, что Энди подумал, не остаться ли ему в Кредитоне. Едва ли он станет фермером, но что если Господом ему уготована здесь иная судьба? Эта мысль показалась Энди забавной, но после ужина его планы изменились.

После еды семья собралась у камина поговорить и покурить. Энди не знал, что в этой части страны пагубное пристрастие к курению носит столь повальный характер. Тоттел, его жена, дочери и даже младшие дети раскурили трубки с табаком и довольно попыхивали ими. Когда Энди отказался присоединиться к Тоттелам, они обиделись. Пришлось распрощаться с хозяевами и отправиться дальше.

Ночь Энди провел под открытым небом, разглядывая звезды, размышляя и молясь. Похоже, он зря проявил такую нетерпимость к Тоттелам. Он был несправедлив к этим славным людям. Ему хотелось найти новый Эденфорд и новых Мэтьюзов, другую Дженни и другую Нелл. Но Кредитон не был Эденфордом, а Тоттелы не были Мэтьюзами.

Энди перечитал Деяния апостолов, где рассказывалось о странствиях Павла, и дошел до того места, где Павел и Варнава отправились из Антиохии в свое первое миссионерское путешествие. Подробности морского плавания на Кипр, а затем в Пергию и Памфилию будоражили его воображение. Засыпая, Энди понял, что хочет увидеть море.

Не заходя в Плимут и Эксетер, он направился на восток и вышел к Английскому каналу в районе залива Лайм. В первый день Пасхи он был в Чармуте. Не обнаружив там пуритан он заглянул в англиканскую церковь, но ушел, прежде чем богослужение закончилось. Епископ Чармута чем-то очень напоминал епископа Лода во время службы в соборе Святого Михаила в Лондоне.

Второй день Пасхи приходился на 29 марта, в этот день первый караван судов Джона Винтропа должен был выйти в путь, направляясь к берегам Америки. Если все получилось, как задумывали беглецы, на борту этих судов в Новый Свет отправились Дэвид Купер и его семья, а с ними и остальные переселенцы из Эденфорда. Есть ли среди них Нелл и Дженни? Энди очень хотелось знать это. Сапожник заверил его, что сестры в безопасности. Но где они? Стал бы Купер уверять, что им ничто не грозит, если бы девушкам предстояло столь опасное путешествие? Вряд ли. Скорее всего, после героической гибели Кристофера Мэтьюза их приютил кто-нибудь из состоятельных пуритан.

Днем Энди отправился на берег моря и долго смотрел вдаль. Он надеялся увидеть корабли Винтропа, хотя понимал, что это всего лишь мечта. Ему удалось разглядеть только несколько фламандских суденышек.

Во вторник и в среду он вновь бродил по берегу, думая, что, скорее всего, корабли снялись с якоря ночью. Суда должны были выйти из гавани с первым попутным ветром, независимо от времени суток. Глядя на море, Энди старался не предаваться унынию.

Из Крайстчерча на ялике ^[80] он отправился на остров Уайт, ради того чтобы немного проплыть по морю. Павел и Варнава последовали на Кипр, почему бы Энди не побывать на острове Уайт? Там он остановился в Ярмуте.

Прочитав историю первого миссионерского путешествия Павла и Варнавы, он с болью размышлял о возникшем между ними разногласии, из-за которого им пришлось расстаться. Они были друзьями и братьями во Христе. Почему они не сумели договориться и решились на разрыв?

Он делал все возможное, чтобы не терять самообладания. «Я просто страдаю от одиночества, — говорил он сам себе. — Такое может случиться с каждым». Пытаясь отвлечься от невеселых мыслей, Энди принялся читать главу шестнадцатую Деяний, где рассказывалось о прибытии Павла в Троаду и о том, как в ночном видении апостолу явился некий македонянин, который молил его отправиться за море и прийти ему на помощь.

В понедельник Энди проснулся, думая о тех, кто отплыл в Новый Свет. Это произошло

примерно неделю назад. Теперь переселенцы, должно быть, проделали около четверти пути до нового дома. Он оделся и пошел к морю.

Идя по улице, которая между двумя высокими домами выходила на пристань, Энди услышал испуганные крики. Оглянувшись, он увидел, что прямо на него несется обезумевшая лошадь. Возница, не удержавшись, свалился на обочину, но в экипаже остался пассажир, господин весьма преклонных лет. За экипажем с криками бежали несколько мужчин, пытаясь остановить взбесившееся животное.

Лошадь мчалась галопом, с вытаращенными от ужаса глазами. Энди встал поперек дороги, изо всех сил размахивая руками. Экипаж несся прямо на него. Юноша быстро огляделся и понял, что он сумеет избежать колес экипажа, только если отпрыгнет как можно дальше. Внезапно его осенила идея.

Он снял куртку и бросился вперед, размахивая ею перед лошадью и крича. Лошадь встала на дыбы. Экипаж остановился. Молодой человек бросил куртку и попытался успокоить перепуганное животное. Лошадь вновь вздыбилась на дыбы. Но тут как раз подоспели мужчины. Они окружили лошадь, и одному из них удалось схватить поводья. Животное мало-помалу успокоилось.

Господин, сидевший в экипаже, крикнул мужчинам, чтобы они позаботились о вознице, однако было уже поздно — тот расшибся насмерть. Никто так и не понял, почему лошадь понесла.

Пожилой джентльмен подошел к Энди, чтобы поблагодарить его. Он представился, назвавшись капитаном Берли, командующим ярмутской крепостью. Он вел себя сдержанно, но учтиво, и, судя по всему, был очень стар.

Энди назвал свое имя.

— Морган? — переспросил старик. — Ты случайно не родственник адмиралу Амосу Моргану?

— Это мой дед, — улыбнулся Энди, услышав имя адмирала. Как давно он не вспоминал о нем!

— Ну конечно! — капитан схватил Энди за плечи и оглядел его с головы до пят. — Ты вылитый дед. Как поживает старый ворчун?

— К несчастью, сэр, в прошлом году его не стало. Мы были очень дружны.

— Мои соболезнования, — сказал капитан. — С твоим дедом мы съели не один пуд соли.

Капитан Берли пригласил юношу к себе. Они съездили за вещами Энди на постоянный двор и затем отправились в крепость.

За обильной трапезой капитан Берли развлекал гостя рассказами о себе и адмирале. Какие-то из этих историй молодой человек уже слышал от деда, какие-то нет. Энди узнал, что в одном из сражений капитана взяли в плен, и он три года провел в испанской тюрьме. В 1610 году он и трое его сыновей сопровождали сэра Томаса Роу ^[81] во время путешествия в Гвиану.

Не вдаваясь в подробности, Энди сказал старому джентльмену, что ему не хочется идти по стопам отца и становиться сквайром ^[82] и что он ищет, чему бы посвятить свою жизнь. Капитан Берли либо не слышал о королевском приеме в честь Энди, либо просто не стал заводить разговор об этом. В любом случае молодой человек был рад, что им не пришлось говорить о его прошлом.

— Если ты похож на своего деда, твоя судьба — море, — сказал капитан. — Там тебя

ждут приключения, которые требуют смелости и мужества. Проклятые каперы [83] подстерегают наши торговые суда, а потом возвращаются во Фландрию. Будь моя воля, я бы снарядил корабли и завоевал эти земли, чтобы поставить испанцев на место. У нас есть все основания напомнить им, кто хозяин канала. Да разве станут слушать старую развалину?! Если сражения тебе не по душе, можно поступить на торговое судно. Они ходят в Карибское море, продают рабов из Африки, перевозят колонистов в Америку... Ах! Вот ведь... чуть не забыл! Я получил приглашение капитана Милбурна позавтракать у него на борту завтра утром. Питер Милбурн — отличный парень, он вместе со мной ходил в Гвиану. Если хочешь, пойдём к нему вместе. Я попрошу его взять тебя в команду. А не захочешь — потерять тебе нечего. По крайней мере, хорошо поешь.

Беседа с капитаном Берли пробудила в памяти Энди дорогие воспоминания о дедушке и его рассказах. Он с радостью согласился отправиться вместе со старым капитаном на завтрак.

Над водой залива непроницаемой пеленой стлался туман. Воздух был густым и соленым. Капитан Берли и Энди подплыли на ялике к борту судна. Старик сидел прямо, высоко подняв голову, без улыбки на лице, но Энди догадывался, как будоражит его кровь возможность опять подняться на борт корабля, пусть даже стоящего на якоре.

Капитан Питер Милбурн оказался невысоким человеком с густой русой бородой. Он выглядел суровым и серьезным. Однако после того как Милбурн встретился взглядом со старым морским волком, его лицо просветлело и он тепло улыбнулся. Капитаны пожали друг другу руки, и Берли представил Энди как внука адмирала Амоса Моргана. Это произвело на Милбурна должное впечатление, и он пригласил Энди позавтракать на борту его судна.

Капитан корабля провел гостей в просторную каюту, где был накрыт стол. Следуя за хозяином судна, Энди повернул за угол и на лестнице, которая вела на нижнюю палубу, увидел Нелл Мэтьюз.

За столом, накрытым к завтраку, кроме Энди, капитана судна и Берли сидели леди Арбелла с мужем, мистер Джонсон и Джон Винтроп. Энди не ожидал, что окажется на борту «Арбеллы», названной в честь леди Арбеллы, дочери графа Линкольна, которая была одним из самых почетных пассажиров на корабле. Как и планировалось, судно вышло в море 29 марта, но из-за неблагоприятного ветра добралось лишь до Ярмута.

Гости оживленно беседовали, обсуждая направление ветра и запасы провизии, — их необходимо было пополнить из-за долгой стоянки в гавани, — и с удовольствием слушали байки двух капитанов. Берли рассказал, как Энди спас его на пристани, и все присутствующие с интересом взглянули на юношу. В этот момент старый капитан спросил Милбурна, не нужен ли ему еще один член команды.

— Так ты хочешь стать моряком? — обратился к Энди Милбурн.

— Мне всегда нравилось море, но боюсь, Господь хочет, чтобы я отправился в Новый Свет.

Капитан Берли удивился:

— Еще вчера ты не знал, чем заняться. Откуда такое внезапное желание стать колонистом?

Их разговор заинтересовал Винтропа. Энди не сомневался, что Винтроп помнит его по тайному собранию в Эденфорде, однако губернатор колонии залива Массачусетс промолчал. Теперь, когда речь зашла о Новом Свете, он внимательно слушал беседу.

Энди не стал объяснять, что все изменилось в ту самую минуту, когда он увидел на палубе Нелл Мэтьюз. Впрочем, дело было не только в Нелл... Юноше не давал покоя библейский рассказ о том, как Павлу в Троаде привиделся человек и из-за моря позвал его нести Слово Божье македонянам. Эта история произвела на Энди глубокое впечатление. Казалось, Сам Господь говорит ему, что он, Энди, должен отправиться за море, в Америку, и помочь построить там город, который будет возведен по Слову Божьему. Неожиданная встреча с Нелл Мэтьюз лишь укрепила Энди во мнении, что именно в этом его предназначение.

Энди рассказал об этом сидящим за столом.

— Команда полностью укомплектована, на судне пятьдесят два моряка, — промолвил капитан Милбурн. — Учитывая, что вы — внук Амоса Моргана, я могу взять вас на борт, позволив отработать проезд. Что касается жизни в колонии, договаривайтесь с Винтропом, — капитан указал ножом в сторону губернатора, — это решать ему.

— Я с удовольствием поговорю с вами, — сказал Винтроп вежливым тоном, в котором не было и намека на обещание.

Завтрак закончился, и гости разошлись. Энди ждал, пока капитаны попрощаются.

— Чуть не забыл! — обращаясь к Милбурну, старый капитан хлопнул себя по лбу. — У меня плохие новости. В Дюнкерке ^[84] стоит не менее десятка судов, готовых в любую минуту напасть на английские корабли. Две недели назад они захватили «Уорик». С тех пор как это судно вышло из Даунса, о нем ни слуху ни духу. Между тем корабль очень неплохой — восемьдесят тонн и всего десять орудий. Его капитаном был Мэйсон. — Берли двинулся к выходу. — Так что будьте начеку и держитесь вместе.

Энди нужно было съездить в ярмутскую крепость за вещами. Когда они с Берли

покинули «Арбеллу», Милбурн дал в честь старого капитана четыре залпа из корабельных орудий. Спустя несколько часов Энди вернулся на судно и был принят в капитанской каюте. Милбурн встретил его без улыбки.

За время отсутствия Энди Винтроп поговорил с капитаном и рассказал ему, что юный Морган был виновен в казни Кристофера Мэтьюза. Он также поведал Милбурну о том, что одна молодая женщина категорически возражает против того, чтобы Энди взяли на борт.

— Видишь ли, Морган, я не спрашиваю своих матросов об их прошлом. У многих за плечами такое, о чем они предпочитают не вспоминать. На политику и пуритан мне тоже наплевать. Для меня на первом месте мое судно.

Капитан разглядывал Энди так, словно перед ним была морская карта и он сомневается, стоит ли пускаться в плавание по столь рискованному маршруту.

Наконец он сказал:

— Из уважения к твоему деду я возьму тебя с собой, если Винтроп позволит тебе поселиться в Массачусетсе. Ступай поговори с ним, как он решит, так и будет.

Когда Энди постучал в дверь каюты Джона Винтропа, тот писал что-то в дневнике. Винтроп внимательно выслушал рассказ юноши о событиях в Эденфорде, которые привели к гибели Кристофера Мэтьюза, и об обращении Энди.

— Дэвид Купер говорил, что ты помог организовать побег, — сказал Винтроп.

— Его семья тоже на борту «Арбеллы»?

Винтроп покачал головой.

— Они на «Толботе», — ответил он. — Когда было решено бежать из Эденфорда, Купер очень беспокоился за дочерей Мэтьюза, и не без оснований. Он прислал их ко мне. С тех пор девушки все время находились здесь. Кроме них, на этом судне нет никого из Эденфорда.

Сердце Энди забилось при мысли о том, что он снова рядом с Нелл и Дженни.

— Как мне убедить вас, что я искренен? — спросил молодой человек.

Винтроп задумчиво прикоснулся тонким пальцем к своему длинному носу.

— За завтраком ты говорил о видении, которое было апостолу Павлу. Ты на самом деле считаешь, что Господь через эту историю обратился к тебе?

Энди кивнул.

— Чем больше я об этом думаю, тем это для меня очевиднее, — сказал он. — В одной из последних проповедей Кристофер Мэтьюз говорил о Моисее, который вел свой народ в Землю обетованную. Потом викарий пригласил вас выступить на тайном собрании. Я знаю, что будь Мэтьюз жив, он постарался бы убедить горожан отправиться в Новый Свет. Мне кажется, я должен довести его дело до конца. Это единственное, чем я могу отблагодарить человека, так много сделавшего для меня.

— В детстве, — задумчиво сказал Винтроп, откинувшись на спинку кресла, — я не слишком интересовался вопросами веры. Я рос настоящим озорником. Когда мне исполнилось двенадцать, я прочел несколько книг духовного содержания и начал сожалеть о своих выходках. Я стал лучше, но не прекратил хулиганить. Во время учебы в Кембридже я тяжело заболел. Я был далеко от дома и, оказавшись в полном одиночестве, обратился к Богу. Но я помнил о Нем, пока не выздоровел. В восемнадцать лет — я был уже женат — мне довелось повстречать его преподобие Иезикиела Кальвервелла. Это по-настоящему благочестивый человек, великий пуританский проповедник. Его отстранили от должности за то, что он не носил положенного священнику облачения. Я стал читать Вильяма Перкинса [85] и страшно расстроился, когда осознал, что совершил много грехов и не могу рассчитывать

на спасение. Очень долго я вел праведный образ жизни, но не находил утешения в вере.

Винтроп закрыл глаза, и перед его внутренним взором прошли картины прошлого. Он задумался, какую из них выбрать для этой беседы.

— Когда мне исполнилось тридцать, — сказал он, — я понял, что моя жизнь бессмысленна. Образование, богатство и связи, которыми я обладал, ничего не стоили. Я погрузился в пучину отчаяния. Но я поднялся из этой пучины. Все, что сулило мне надежду, подталкивало меня к Иисусу, говорящему: «Я — спасение твое!» [\[86\]](#). И я стал новым человеком.

Энди внимательно слушал Винтропа. Он чувствовал, как важны для губернатора эти воспоминания.

— Я встретил Иезикиела Кальвервелла. Ты — Кристофера Мэтьюза. Божьей милостью служение этих людей свело нас вместе. Кто я такой, чтобы мешать человеку понять, что предназначено ему Господом?

Энди отправился к капитану, чтобы сообщить ему о решении губернатора. Капитан, бесстрастно выслушав его, сказал:

— Путешествие будет долгим. Если мы поладим, оно будет приятным, если нет — мы можем отправиться на тот свет. Твоя задача предельно проста: выполнять приказы и свои обязанности. Это все. Спустись в кубрик к мистеру Пруддену.

На следующий день на борт «Арбеллы» поднялся друг Винтропа, его преподобие Джон Коттон [\[87\]](#), чтобы прочитать колонистам проповедь. За основу проповеди «Что обещает Господь народу Своему?» он взял десятый стих седьмой главы Второй книги царств: «И Я устрою место для народа Моего, для Израиля, и укореню его, и будет он спокойно жить на месте своем, и не будет тревожиться больше, и люди нечестивые не станут более теснить его, как прежде».

Коттон подчеркнул сходство между пуританами и избранным народом, усматривая Божью волю в том, что колонисты отправляются осваивать Новый Свет. Он задал вопрос:

— Как узнать, что Господь предназначил мне покинуть одну страну и поселиться в другой? — и сам ответил на него: — Если вы видите, что зло, окружающее вас, нельзя уничтожить и преодолеть, значит, пора трогаться в путь. Это случается, когда тяжкие грехи, в которых погрязла страна, угрожают вам гибелью; когда люди отягощены сверх меры долгами и невзгодами; когда вас преследуют.

Задумайтесь, где вы живете и где могли бы жить. Взгляните именно так на то место, где вы намерены поселиться, и вы постигнете Божий промысел. Стоит ли жить в стране, про которую вы не можете сказать: жить здесь предназначено мне Господом? Можете ли вы сказать про свой дом: Господь усмотрел для меня это место и, несмотря на все преграды, поселил меня именно здесь? Считаете ли вы, что есть воля Божья в том, что вы получили свою землю в наследство, в дар, купили или приобрели иным законным способом? Если да, значит, это действительно судьба и ваше место здесь.

Красноречие Коттона и его мысли произвели на Энди большое впечатление. Но самым замечательным было то, что в дальнем конце палубы он увидел Нелл и Дженни Мэтьюз. Во время проповеди Нелл почти не поднимала головы, как будто ей нездоровилось.

После проповеди Энди пошел туда, где сидели Нелл и Дженни. Он заметил, что две женщины помогают Нелл спуститься на нижнюю палубу. Дженни, увидев Энди, вскочила и бросилась обнимать его.

— Энди, слава Богу, с тобой все в порядке! — заплакала она. — Я хотела предупредить тебя, что мы уезжаем из Эденфорда, но не смогла. Нелл и мистер Купер сообщили мне об отъезде в самую последнюю минуту. Я бы ни за что не уехала, не попрощавшись.

Энди тоже обнял ее. Как приятно было видеть ее вновь!

— Я знаю, — сказал он. — Ведь, кроме тебя, мне никто не верил. Я всегда буду помнить об этом, Дженни.

— Я и сейчас тебе верю, — сказала она, опустив глаза.

Молодые люди заметили, что на них смотрят пассажиры. Они неохотно выпустили друг друга из объятий.

— Нелл больна?

— С того дня, как мы уехали из Эденфорда, — ответила Дженни. — Сначала мы решили, что это от волнений и бессонницы, а теперь уж и не знаем, что думать. Она совсем ослабла и почти не встает с постели.

— Я буду молиться за нее.

Дженни просияла.

— Ты что?

— Так приятно, когда ты это говоришь, — сказала она. — Ты очень изменился с тех пор, как мы познакомились. Ты стал более уверенным, зрелым, и это здорово.

В шесть часов утра 8 апреля подул северо-восточный ветер. Хриплым голосом боцман скомандовал: «Все наверх! Поднять якорь!» Экипаж пришел в движение, поднимая паруса и извлекая из глубины тяжелый якорь. Капитан прохаживался по палубе, отрывисто отдавая команды. Большую часть из них Энди разобрать не мог. Впрочем, он не знал даже те слова, что расслышал. Остальные матросы, судя по всему, понимали капитана с полуслова и стремглав бросались выполнять его приказы. Не прошло и нескольких минут, как «Арбелла» снялась с якоря и покинула гавань. Энди слышал, как плещется вода за бортом судна, которое, повинуясь утреннему ветру, направилось в сторону Английского канала.

Ветер был таким слабым, что не всем кораблям удалось миновать канал до отлива. «Арбелла» прошла его часов в десять утра, после чего примерно в трех лье [\[88\]](#) от пролива попала в полный штиль. Лишь около десяти вечера подул сильный северный ветер. Судно снова снялось с якоря. К рассвету они были у Портленда.

— Все наверх! Готовься к бою!

С кормы были видны восемь парусников. Полагая, что это корабли из Дюнкерка, капитан приказал очистить батарейную палубу. Все подвесные койки были сняты, орудия заряжены и рядом с ними наготове поставлены ящики с порохом. Пассажиров, которых сначала разместили на этой палубе, временно переселили в кубрик. Двадцать пять мужчин, включая Энди, вооружились мушкетами.

С севера по-прежнему дул сильный ветер. Восемь кораблей приближались к «Арбелле». Для них ветер был попутным, поэтому расстояние между ними и «Арбеллой» быстро сокращалось. Это, без сомнения, были корабли из Дюнкерка.

Капитан сделал пробный выстрел, выпустив из арбалета стрелу с шариком зажигательной смеси. Смесь вспыхнула, когда стрела коснулась воды. При необходимости такие стрелы могли прийтись очень кстати.

Женщин и детей отвели на нижнюю палубу, где они были в безопасности. Когда все

заняли свои места, мужчины на верхней палубе начали молиться. Было отрадно видеть, как это ободрило их; даже женщины и дети не испытывали страха, хотя понимали, что их жизнь в опасности. У Винтропа всего четыре корабля, а на самом маленьком судне из Дюнкерка не менее тридцати медных пушек. Но экипаж и пассажиры «Арбеллы» полагались на Всевышнего. Хладнокровие капитана и вера помогали переселенцам преодолеть страх.

Около часа дня между вражескими кораблями и «Арбеллой» осталось не более одного лье. Чтобы показать противнику, что он не боится его, капитан Милбурн поменял галс ^[89] и развернул судно носом к преследователям. «Если они решатся атаковать, — подумал он, — пусть все закончится, пока не стемнело».

Мужчины, вооруженные мушкетами, выстроились вдоль бортов и приготовились открыть огонь.

Однако, когда корабли подошли вплотную, оказалось, что это не враги, а друзья. Одно судно было голландским, другое — французским, три корабля — английскими. Они направлялись в Канаду и на Ньюфаундленд. Суда обменялись приветственными залпами, и страх сменился всеобщим ликованием.

Поскольку опасность миновала, капитаны, заметив два рыболовных парусника, купили изрядное количество отличной свежей рыбы.

На следующий день суда миновали Плимут. Еще через день они оставили позади острова Силли и вышли в открытый океан.

Энди спустился в кубрик. После Ла-Манша распорядок дня стал совсем иным, и он почувствовал, как тяжела жизнь матроса. Он страшно устал. День начался рано, с утра дул сильный северо-западный ветер. Волны били о борт корабля не хуже кузнечного молота. Вода захлестывала палубу, и Энди, как и остальные матросы, промок до нитки. В снастях свистел ветер, концы канатов болтались в воздухе; раздавались команды и слышались отрывистые отклики. На всех парусах «Арбелла», рассекая волны, двигалась к берегам Нового Света. За ней следовали «Толбот», «Эмброуз» и «Джуел». Энди начал понимать, что морское путешествие состоит не из одной романтики, как казалось ему раньше, когда он слушал дедушкины рассказы.

Он все еще нетвердо держался на ногах. Один из матросов сказал ему, что нужно не меньше трех дней, чтобы привыкнуть к качке. Спустившись в кубрик, Энди обнаружил, что он набит бухтами ^[90] канатов, запасными парусами и прочими судовыми принадлежностями и хламом. Из-за качки все это превратилось в беспорядочную грудку, под которой были погребены и его вещи: одежда и Библия. Энди вспомнил, что матросы любили повторять: «Все свое носи с собой».

Здесь не было коек, а свет проникал только через люк. Спать удавалось не более четырех часов в сутки, после чего нужно было выходить на вахту. Энди рухнул на паруса и закрыл глаза. Он думал, что от изнеможения мгновенно уснет, но не тут-то было. Как только он начинал засыпать, его будил очередной приступ морской болезни. Четыре часа на него поочередно накатывали волны дремоты и тошноты. Дважды он выбежал на палубу и исторгал содержимое своего желудка за борт.

Промокшим, замерзшим и усталым Энди заступил на свою первую вахту. И все же он с облегчением вышел на свежий воздух; волны казались ему куда спокойнее той бури, что бушевала у него в желудке.

Поднявшись на палубу, Энди обнаружил, что он не одинок в своем несчастье. Здесь

было немало пассажиров, страдающих, как и он, морской болезнью. Из-за этого даже пришлось отменить воскресную службу.

На следующий день погода была ясная и больных привели на палубу. Между каютами и грот-мачтой ^[91]натянули канат, чтобы пассажиры за него держались. Солнечное тепло и свежий воздух помогли путешественникам прийти в чувство, многие из них заметно ожили.

Энди получил приказ смазать грот-мачту. Он залез на нее и приступил к делу, прижимая к себе ведро со смазкой. Сверху он увидел, как Дженни вывела на палубу Нелл, которая тяжело опиралась на руку сестры. Она была так слаба, что не могла держаться за канат. Остальные пассажиры повеселели и оживились, но Нелл было так плохо, что Дженни пришлось увести ее назад, в женскую каюту.

Продолжая работать, Энди молился о здоровье Нелл.

— Нет! — отчеканил капитан Милбурн, когда Энди в третий раз обратился к нему с просьбой дать добро на встречу с Нелл. — Мне не нужны неприятности! Господи, парень, да ведь она вообще не хотела, чтобы ты плыл на этом судне!

— Я знаю, — ответил Энди. — И все же мне надо ее увидеть. Я хочу лишь помолиться вместе с ней.

— Молись у себя в кубрике, Господь слышит все молитвы, — отрезал капитан. Видя, как расстроился Энди, он добавил: — Послушай, приятель, на борту полно других женщин. На берегу их будет еще больше. Зачем портить себе жизнь из-за той, которая не желает тебя видеть? Оставь ее в покое. Найди себе кого-нибудь еще.

С палубы послышалась команда сменить вахтенных.

— Мне пора заступать на вахту, — сказал Энди. — Спасибо вам за совет, сэр.

Энди поднялся на палубу. Море было спокойным, дул легкий ветерок. За этот день они почти не продвинулись вперед. В одиннадцать вечера вместе с Энди на вахту заступили еще три матроса. Один из них находился ближе к носу корабля, двое других — на корме. Энди подошел к правому борту и посмотрел на север. На темном и чистом небе ярко сияли звезды, светила луна, которая была гораздо меньше, чем в Англии. Дул прохладный ветер (с самого начала путешествия стояла холодная погода, и все пассажиры давно достали зимнюю одежду).

— Добрый вечер, сэр.

Энди вздрогнул от неожиданности и обернулся. Перед ним стояла Дженни.

Довольная тем, что напугала его, она засмеялась.

— Дженни! Что ты здесь делаешь?

Она потеплее закуталась в шаль, накинутую на плечи.

— Хотела сказать, что мне не уснуть, но, честно говоря, дело не в этом.

Энди недоуменно посмотрел на нее.

— На самом деле я узнала у одного из матросов, когда твоя вахта. Только в это время я могу побыть с тобой наедине.

Он взглянул на ее нежное лицо, освещенное мягким лунным светом. В синих глазах отражались звезды. Дженни едва заметно улыбнулась, и в уголках рта появились ямочки. Она, в отличие от Нелл, не отвергала его. Может, дело было в одиночестве, а может, в том, что она поверила Энди, тогда как остальные продолжали относиться к нему с подозрением, но юноша почувствовал, что ему хочется сжать Дженни в объятиях и выплеснуть на нее свою любовь — любовь, которую он так долго сдерживал, храня ее для девушки, не желавшей

иметь с ним ничего общего. Он с огромным трудом совладал с собой и опустил глаза.

— Я рад тебя видеть, — произнес он наконец. — Как Нелл?

Дженни обиделась. Надув губы, она отвернулась от него и облокотилась о перила. Встреча превратилась в обычный разговор. Им частенько случалось беседовать о Нелл, о викарии или о ком-нибудь из горожан. Они всегда говорили о других.

Дженни тревожило состояние сестры.

— С каждым днем ей все хуже и хуже, — ответила она. — Я очень волнуюсь за нее.

Девушка заморгала, сдерживая слезы, и посмотрела на лунные блики, играющие на поверхности воды.

— Когда умерла мама, мне исполнилось тринадцать. Папа сказал, что у нее была чахотка. Перед смертью она вела себя так же, как Нелл. Она тает на глазах, у нее совершенно нет сил, она едва дышит и иногда даже не узнает меня. Мне страшно, Энди.

Он положил руку ей на плечо. Она повернулась к нему, и они обнялись. Дженни тихо заплакала, уткнувшись Энди в грудь. Он бросил взгляд в сторону кормы. Вахтенные о чем-то оживленно беседовали, не обращая внимания на то, что Энди обнимается с девушкой. На всякий случай он отвел Дженни в сторону, чтобы их не было видно с кормы.

Она подняла глаза. Молодой человек ласково вытер слезы на ее щеках. Она привстала на цыпочки и, запрокинув голову, нежно прикоснулась губами к его губам, потом отстранилась и поцеловала его снова. Энди прижал ее к себе и погладил по длинным каштановым волосам. Ее губы были влажными и горячими от слез. Дженни обхватила Энди и прикинула к нему.

— Я люблю тебя, — прошептала она, целуя его. — Как только я увидела тебя, я сразу поняла, что буду любить тебя всю жизнь.

Внутренний голос подсказывал ему, что пора остановиться. Однако это был голос разума, едва ли властный над чувствами.

Он желал Дженни. Он ощущал живое тепло ее тела и чудесный запах ее волос. И самое главное — эта девушка любила его!

«Могу ли я полюбить ее? Если да, все просто. Почему я должен любить ту, которой до меня нет дела? Почему не принять неизбежное? Нелл никогда не снизойдет до меня, а Дженни любит и будет любить».

Но он не любил ее.

Энди мягко отстранился. Дженни стояла, закрыв глаза и откинув голову, ожидая продолжения.

— Я на вахте, — сказал он. — Вокруг люди. Если нас увидят, у меня будут неприятности.

Она открыла глаза. Его слова разрушили романтические чары.

Энди взял ее руки в свои. Она была такой красивой! А он просто болван.

— Я спросил капитана, могу ли я спуститься вниз, чтобы повидать Нелл. Он не разрешил. Не знаю, пойдет ли ей это на пользу. Разве что, увидев меня, она так рассердится, что ее кровь закипит и она выздоровеет.

Дженни засмеялась.

— Я могу потихоньку проводить тебя к ней прямо сейчас. Все уже спят.

Энди покачал головой.

— Это слишком рискованно. Если я оставлю пост, меня могут приговорить к смертной казни.

— Когда ты освободишься?

— В четыре утра.

— Приходи в женскую каюту. Я буду ждать тебя.

— Нет. Тебе нужно поспать.

Дженни улыбнулась своей очаровательной улыбкой.

— Поверь мне, сегодня ночью я вряд ли смогу уснуть.

— Я приду, как только освобожусь.

Энди сдал вахту ровно в четыре. Он потянулся и сонно побрел в сторону люка, но вместо того чтобы спуститься в кубрик, потихоньку направился к каюте, где жили женщины. Нервная дрожь пробежала по всему телу юноши, когда он чуть слышно постучал в дверь каюты. Дверь немедленно отворилась. Дженни ждала его. Она взяла его за руку и втащила внутрь. Он огляделся, стараясь привыкнуть к темноте. Дженни встала на цыпочки и поцеловала его.

Она повела его в угол, где стояла койка Нелл. Двигаться приходилось очень осторожно: каюта была битком набита женщинами и детьми, спящими вповалку прямо на полу.

Дженни и Энди встали на колени рядом с койкой Нелл. Щеки Нелл ввалились, а лицо покрылось испариной. Она лежала без движения, дыхания почти не слышалось. Энди было больно видеть ее такой. Она казалась слабой и беззащитной, и Энди не мог не осознавать, что в ее болезни есть и его вина. Если бы не он, она сидела бы сейчас у окна на Главной улице, плела кружево для ненасытного лорда Честерфилда или поверяла свои мысли бумаге, пытаясь изменить мир. Вместо этого Нелл умирала в душной и тесной каюте.

— Что ты здесь делаешь? — женщина, лежавшая на соседней с Нелл койке, приподнялась на локте, подтянув одеяло к подбородку. Энди узнал ее, это была леди, которая завтракала с Милбурном, когда капитан Берли впервые привел его на борт «Арбеллы».

— Я позову капитана! — предупредила она.

— Прошу вас, не надо, леди Арбелла! — взмолилась Дженни. — Он не хотел ничего дурного. Он наш друг. Я впустила его, чтобы он помолился за мою сестру.

Леди Арбелла оценивающе посмотрела на Энди. Она заметила, что он стоит на коленях.

— Вы можете позвать капитана, — произнес Энди, — но Дженни говорит правду. Я пришел помолиться за Нелл.

— Что ж, молись, — сурово промолвила леди Арбелла.

Опершись на постель Нелл, Энди сложил руки.

— Дорогой Господь, — сказал он, — я не умею молиться, но прошу Тебя, не ставь мне это в вину. Мне очень нужна Твоя помощь. Я знаю, что не имею права просить Тебя о милосердии, особенно если речь идет о Нелл. И все же я молю о нем, ведь это единственное, что я могу сделать. Дорогой Господь, прошу Тебя, исцели ее! Она ни в чем не виновата, она страдает за мои грехи. Всю жизнь она служила Тебе. Она учила детей вере. Она читала Библию, молилась и жила как святая. Она рисковала жизнью, чтобы помочь своей стране. Она не заслужила смерти. Это я должен умереть. Если кто-то должен страдать, отдай ее болезнь мне. Я с радостью приму смерть, если за это Ты даруешь ей жизнь. Прошу Тебя, позволь ей жить. Пожалуйста. Аминь.

Помедлив, Энди поднял голову.

— Дорогой Господь, — промолвила леди Арбелла, — прошу Тебя, услышь молитву

этого юноши и исцели Нелл Мэтьюз.

Энди с благодарностью взглянул на нее.

— Спасибо, — тихо сказал он.

Бросив прощальный взгляд на Нелл, он поднялся на ноги и, осторожно пробираясь между спящими, направился к двери. В темноте он не заметил, что какой-то малыш выпростал свою ручку из-под одеяла. Когда он сделал следующий шаг, раздался пронзительный детский крик. Женщины мгновенно проснулись и в ужасе и недоумении уставились на застывшего посреди каюты юношу.

В наказание Энди получил двадцать плетей. Его публично высекли, а потом заперли на ночь в трюме, не давая ничего, кроме хлеба и воды. Леди Арбелла попыталась вступить за него, но это не помогло. Капитана не интересовало, почему Энди находился в женской каюте. Он нарушил приказ и должен был понести наказание, которое оказалось довольно мучительным. От ударов на спине юноши остались красные рубцы. Но еще больнее ему было сознавать, что Нелл не стало лучше. Она все реже приходила в себя. Казалось, Господь не услышал молитвы Энди.

Во вторник 24 мая капитан изменил курс судна. «Джуел» и «Эмброуз» подошли ближе, чтобы выяснить, все ли в порядке. У экипажей и пассажиров появилась возможность обменяться новостями. На борту «Джуела» все были здоровы, однако на «Эмброузе» умерли двое пассажиров. Их болезнь протекала так же, как и у Нелл Мэтьюз.

Во время замера глубины 31 мая лот ^[92] не достал дна. В этот день два человека на борту «Арбеллы» пребывали в самом дурном расположении духа: Питер Милбурн и Энди Морган. Капитан был расстроен оттого, что «Толбот», который они потеряли из виду во время шторма 21 апреля, так и не появился, несмотря на попытки найти его. Оставшиеся три корабля продолжали идти выбранным курсом, но Милбурн отплыл от берегов Англии, имея под своим началом четыре судна, и хотел, чтобы все четыре прибыли в порт назначения. Энди тоже беспокоило исчезновение «Толбота», хотя и по иным причинам. На «Толботе» находилась семья Куперов и большинство переселенцев из Эденфорда. Неужели Господь помог им бежать из Эденфорда лишь ради того, чтобы они нашли свою смерть в морской пучине? Неужели так Он вознаградил их за веру?

А еще ему не давали покоя мысли о Нелл. Болезнь продолжала делать свое черное дело. По словам Дженни, от сестры остались кожа да кости. Энди молился о ней и Куперах днем и ночью, но его молитвы были полны упреков.

В среду 2 июня капитан сменил паруса. Он не сомневался, что до северного побережья уже недалеко, и, зная, что у южных берегов корабль может сесть на мель, поставил на грот-мачту прочный двойной парус. Он не хотел рисковать и подходить к скалистому берегу на старых парусах, которые могли в любой момент порваться.

В четверг 3 июня, утром, Милбурн приказал сделать еще один замер глубины. Лот опять не достал дна. Корабли окутал густой туман, потом стеной хлынул дождь. Около двух часов дня повторили замер. Лот достал дно на глубине восемьдесят морских саженей ^[93]. Дно было песчаным. Капитан изменил курс и, давая знать об этом другим кораблям, сделал несколько орудийных выстрелов.

В пятницу 4 июня около четырех утра «Арбелла» еще раз изменила курс. Туман был таким плотным, что даже в двух шагах ничего не было видно. Милбурн приказал мерить

глубину каждые два часа, но лот не доставал дна.

В субботу 5 июня туман рассеялся и подул сильный северо-восточный ветер, принесший с собой дождь. Ночью по приказу капитана глубину определяли дважды в течение каждой вахты, но лот по-прежнему не касался дна.

В воскресенье Бог услышал молитвы колонистов. Погода оставалась холодной и туманной, но замер глубины в два часа дня показал, что до дна восемь морских саженей. Туман начал постепенно рассеиваться. На севере на расстоянии в пять-шесть лье показался берег. Капитан решил, что это мыс Сэйбл.

В понедельник 7 июня промер глубины, сделанный в четыре часа, определил дно на глубине тридцати морских саженей. День выдался безветренный, и Милбурн предложил немного порыбачить. За два часа они поймали шестьдесят семь штук трески, причем почти все рыбины были не менее полутора ярдов в длину и около ярда в обхвате. Добыча пришлась как нельзя кстати: запасы рыбы на борту иссякали. Изголодавшиеся колонисты устроили настоящий пир.

Во вторник 8 июня погода стояла по-прежнему холодная. Около трех часов пополудни на горизонте вновь показалась земля. Судя по всему, это была гора Мэнселл. С берега дул чудесный освежающий ветерок, напоенный сладким ароматом, напоминающим о цветущих садах. И как случилось когда-то с обитателями Ноева ковчега, в знак своего расположения Господь прислал на корабль дикого голубя.

В среду 9 июня земля пропала из виду, затем снова появилась и опять пропала. Около четырех часов пополудни вахтенные увидели с правого борта берег. Это была гряда из трех холмов, которая называлась Головы Трех Турок. Ближе к ночи можно было уже различить деревья.

В пятницу 11 июня показался мыс Энн. Корабль бросил якорь у Шоальских островов. У берега виднелось несколько суденышек рыбаков.

В субботу 12 июня в четыре утра «Арбелла» подошла к гавани. Капитан сделал два орудийных выстрела, сообщая о прибытии судов. Корабли прошли через узкий пролив между островом Бейкер и островом Литл и встали на якорь. Около двух часов пополудни Джон Эндикотт ^[94], губернатор Сейлема, вместе с пастором Скелтоном и капитаном Леветтом поднялись на борт, чтобы поприветствовать колонистов, прибывших в залив Массачусетс.

Сказать, что путешественники были разочарованы, увидев поселение Сейлем, значит не сказать ничего или заявить, что епископу Лоду не было никакого дела до пуритан.

Сначала Энди подумал, что жалкая кучка лачуг и бараков на берегу залива — это то, что осталось от временной стоянки колонистов. Должно быть, самого поселения не видно из-за деревьев. Но когда он сошел на берег, стало ясно, что это и есть Сейлем. Энди пытался вспомнить, что он слышал о Новом Свете раньше. Возможно, он ожидал слишком много. Но выражение лиц его товарищей по путешествию говорило о том, что они потрясены не меньше.

Губернатор Эндикотт и Джон Винтроп, оживленно беседуя, прошли мимо Энди. У Эндикотта было круглое лицо и круглые глаза с тяжелыми веками. Он носил длинные белые усы, которые топорщились в разные стороны, и длинную редкую бородку, точно приклеенную к подбородку. Суровое выражение лица и резкая, отрывистая речь выдавали вспыльчивый нрав.

Энди услышал лишь обрывок разговора между Эндикоттом и Винтропом, однако и этого оказалось достаточно, чтобы понять: судьба поселения под угрозой. Из двухсот переселенцев, приехавших в прошлом году, осталось восемьдесят пять. Более восьмидесяти человек умерло, остальные вернулись в Англию. Зимой здесь началась настоящая эпидемия, то же самое происходило в Джеймстауне и Плимуте. Болезнь едва не уничтожила Сейлем. Положение было столь серьезно, что Эндикотт махнул рукой на идеологические разногласия и послал за Сэмюэлем Фуллером в Плимут. Доктор Фуллер имел богатый опыт по части цинги, лихорадки и различных заболеваний, которые начинаются после долгого морского путешествия. Если бы не он, болезнь могла бы выкосить все население Сейлема.

Когда Эндикотт и Винтроп отошли подальше, Энди заметил, что к берегу причаливает ялик Дженни. Он поспешил к девушке навстречу, не давая ей приблизиться к лидерам колонистов. Ему не хотелось, чтобы она услышала их разговор.

Энди и Дженни увидели грязных, одетых в лохмотья детей. Они были тихими и серьезными. Прибытие трех кораблей не вызвало у них интереса. Жители Сейлема тепло приветствовали вновь прибывших, но за их улыбками таилась печаль. Темные, запавшие глаза колонистов обнажали их израненные души: они устали от невзгод и голода, устали хоронить своих друзей и близких. Они были обессилены и сломлены. Появление новых переселенцев ничего не меняло. В прошлом году сюда прибыли такие же корабли; теперь большинство приехавших погребены в лесу.

Дженни, обычно веселая и оживленная, побледнела от ужаса. Она выглядела так, словно шла по кладбищу и увидела на одном из могильных камней свое имя. Энди пытался ободрить ее, но ему не удалось поднять ей настроение.

Единственной приятной неожиданностью были густые заросли земляники, усыпанные крупными, спелыми, сочными ягодами. Путешественники, столько времени сидевшие на одной солонине, с удовольствием срывали их, и это чуть-чуть скрасило невеселый день. Чтобы отвлечь Дженни от мрачных мыслей, Энди предложил ей собрать немного ягод для Нелл.

Первую ночь все пассажиры, включая Джона Винтропа, провели на борту корабля. Вождь индейцев, друг Эндикотта, потрясенный видом и размерами парусника, попросил

позволения заночевать на «Арбелле». Получив разрешение, он улегся прямо на палубе. Стоя в последний раз на вахте, Энди разглядывал спящего индейца. Это не было праздным любопытством, — капитан Милбурн дал вахтенным на сей счет особые указания. Он не хотел, чтобы среди ночи на судно пожаловали незваные гости. Индеец был смуглым и мускулистым; одежда из кожи и шкур свидетельствовала о том, к какой жизни он привык. Поднявшись на борт, он изумленно смотрел вокруг, беспрестанно улыбаясь. Обойдя корабль, он, удовлетворенный, улегся на палубе и мирно уснул. Легко этому индейцу быть довольным! Ведь ему не пришлось бежать от цивилизации, чтобы поселиться в диком и необжитом месте.

Энди уже слышал, как некоторые колонисты высказали желание вернуться в Англию на «Арбелле». Вместо града небесного их встретило царство мертвых. Энди понимал их чувства. Однако он приехал сюда не один. Он был в ответе за двух молодых девушек. Он обещал позаботиться о Дженни и Нелл. Энди сознавал, что Кристофер Мэтьюз не хотел бы чтобы его дочери поселились в такой... такой... Энди страшился выговорить вслух слово, которое пришло ему в голову. Глушь. Здесь была настоящая глушь. И это слово доказывало, что Энди неправ. Ведь именно его произнес викарий. «Пришло время спасаться. Им нужно бежать в глушь».

Внутренний голос говорил Энди, что он должен отвезти Дженни и Нелл назад в Англию для их же безопасности. Но он не мог забыть слова викария. Неужели Кристофер Мэтьюз на самом деле считал, что истинно верующим людям место здесь?

Как новый губернатор залива Массачусетс, Джон Винтроп объявил о собрании, которое было назначено на одиннадцать часов следующего дня. На него надлежало явиться всем переселенцам, кроме больных и тех, кто за ними ухаживал. Воспользовавшись этой оговоркой, Энди настоял, чтобы Дженни осталась на корабле. Лучше ей не слышать того, что там будет говориться.

Винтроп пришел на собрание в поношенных башмаках, старых штанах и потертой грязной рубашке. Он походил скорее на простолюдина, чем на богатого джентльмена с хорошими манерами. Миновав стоящие в беспорядке лачуги, он вышел на городскую площадь, которая напоминала небольшое болото, и обратился к народу.

— Не стоит говорить, что мы представляли себе жизнь в Новом Свете несколько иной.

Послышались нервные смешки. Никто не возразил губернатору.

— Но к осени у всех будет крыша над головой, а к следующему лету мы превратим это захолустье в нормальное поселение. Я не хочу вас обманывать. Запасы продовольствия на исходе. Мы должны немедленно посеять зерно и молиться о том, чтобы год был урожайным. При первой же возможности мы отправим корабль в Англию, чтобы пополнить запасы провизии.

— И я первым сяду на этот корабль! — воскликнул мужчина с модной заостренной бородкой, одетый в белую рубашку с плоеным воротником. Энди знал о нем лишь то, что он прибыл с женой и тремя сыновьями и что его звали Вортингтон.

— Я буду молить Бога, чтобы вы передумали, Питер, — сказал Винтроп.

— Я не нанимался жить в грязи, как свинья, — ответил Вортингтон. — Я взял с собой семью не для того, чтобы похоронить ее в лесу.

Его поддержали еще несколько человек.

Винтроп поднял руку, прося тишины. Он молчал, дожидаясь, пока все успокоятся.

Рядом с ним стоял Эндикотт. Губернатор протянул руку, и Эндикотт подал ему листы бумаги.

— Когда мы плыли сюда, я спрашивал себя, кто мы и что мы ищем в Новом Свете. Я записал свои мысли. Вчера ночью, как и вы, я размышлял, не совершили ли мы ошибку, покинув Англию. Потом я перечитал написанное в пути. Теперь более, чем когда-либо, я убежден, что Господь не зря направил нас сюда. Он хочет, чтобы мы остались здесь. Я прочту вам свои записи и надеюсь, что вы поймете то, что ясно мне.

Винтроп начал читать. Энди посмотрел на колонистов, на их скрещенные на груди руки, нахмуренные брови и поджатые губы. Все говорило о том, что губернатор взялся за безнадежное дело. Между тем Винтроп продолжал:

— Я назвал свои заметки «Христианское милосердие».

Пространно изложив взгляд Священного Писания на христианскую любовь, он заговорил о том, как применить ее принципы к новому обществу:

— Как применить изложенное выше на практике? Рассмотрим четыре момента: первое — человек, второе — работа, третье — цель, четвертое — средства.

Начнем с человека. Мы считаем себя братьями во Христе... Поэтому нас должны связывать узы любви, мы должны жить этой любовью, если мы действительно те, кем себя считаем...

Второе — работа, которую нам надо сделать. С помощью Высшего провидения и церковью Христовых нам предстоит создать гармоничное общество, где мирские и духовные власти будут вести себя достойно.

Третье. Наша цель — улучшить нашу жизнь, служа Всевышнему, создать и упрочить новую церковь, уберечь самих себя и наше потомство от разврата и зла этого греховного мира...

Четвертое. Мы наметили, что нам необходимо делать и какова наша цель. Нам предстоит небывалая по сложности работа. Разумеется, мы должны продолжать делать то, чем занимались в Англии, но этого мало...

И если мы уклонимся от своей цели и, забыв о воле Божьей, бросимся в объятия современного мира, ища плотских утех и стремясь умножить свое состояние, гнев Всевышнего обрушится на клятвопреступников. Тогда мы узнаем, какую цену нам придется заплатить за невыполнение своего долга.

Единственный способ избежать возмездия и позаботиться о своем потомстве — это последовать совету пророка Михея: «действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренно-мудренно ходить пред Богом» нашим [\[95\]](#). Надо поддерживать друг друга братской любовью, избегать излишеств, ради того чтобы другие могли удовлетворить свои потребности. В отношениях друг к другу мы должны быть кроткими, добрыми, терпимыми и щедрыми. Нам следует быть расположенными друг к другу, быть готовыми понять ближнего, вместе радоваться, вместе печалиться, вместе трудиться и переносить тяготы жизни, не забывая о своем предназначении и том обществе, которое мы хотим построить. Мы должны чувствовать себя единым целым.

Поэтому надлежит сохранять спокойствие. Оно поддержит наш дух. Господь — Бог наш, жить среди тех, кто избран Им, — подлинное счастье, и да благословит Он дела наши, и тогда мы еще глубже познаем Его мудрость, силу, милосердие и истину. Мы увидим, что Бог Израиля с нами, когда пойдем, что вдесятером сможем устоять перед полчищами врагов наших. И Он удостоит нас славы и воздаст нам по заслугам. И о новых колонистах, которым

удастся добиться успеха, скажут: «Подобное по воле Божьей произошло в Новой Англии». Нельзя забывать, что мы — город на холме [96]. Мы у всех на виду. Перед нами стоит нелегкая задача. Пройдет немного времени, и наступят холода. Вы знаете, что случилось прошлой зимой в Плимуте и Сейлеме, и понимаете, что, вероятно, кто-то из нас не доживет до весны. Но умереть ради мечты не означает умереть напрасно. Жертвы, которые мы приносим, — будь то жизнь или смерть, — заложат фундамент для нового общества. Это общество сделает жизнь наших детей, внуков и правнуков счастливой. Каждая семья должна выбрать свой путь. Я остаюсь здесь и при первой возможности привезу сюда жену и близких. В Англии меня ждут гонения. Я предпочитаю покорять дикую природу, а не воевать с епископами. Старая Англия утратила былое величие, а у Новой Англии впереди небывалый расцвет.

Кое-кто из переселенцев остался непреклонен в своем решении вернуться в Англию. Но в этот день у Джона Винтропа появилось множество сторонников, которых ему удалось переубедить. Среди них был Энди Морган.

Первым делом следовало выбрать место для поселения. Разместить всех вновь прибывших в Сейлеме было невозможно. В долины рек Чарльз и Мистик на поиск подходящих земель отправились группы разведчиков. Когда они вернулись и доложили об увиденном, мнения разделились. Принять решение было непросто, но времени на споры не осталось. Нужно сеять зерно и строить дома. Поэтому, несмотря на возражения Джона Винтропа, колонисты разбились на несколько групп.

В четырех милях вверх по течению реки Чарльз сэр Ричард Салтонстолл основал Уотертаун; Вильям Пинчон заложил Роксбери; Мэттэпэн был заселен и переименован в Дорчестер под началом Роджера Лудлоу; помощник губернатора Дадли обустроивал Ньютаун; Инкриз Новелл возглавил базовый лагерь в Чарлстоне; а Джон Винтроп стал основателем Бостона.

Для того чтобы выжить, все колонисты должны были работать с рассвета до темна. Несколько человек отвечали за снабжение поселенцев рыбой. Рыбаки разделились на бригады, и две лодки проводили в море круглые сутки, не простаивая ни минуты. Бригады соревновались между собой. Предстояло заготовить как можно больше соленой рыбы — иначе зимой не уцелеть.

Были сформированы бригады строителей. Для начала следовало возвести самые простые дома, чтобы перезимовать. Эти постройки, напоминающие жилища индейцев, получили название «английские вигвамы». В землю втыкали три тонкие жерди, концы которых сверху сгибали и связывали вместе. Чтобы конструкция была жесткой, к вертикальным стойкам привязывали горизонтальные распорки. С одной стороны дома находилась дверь, с другой — очаг. Внутри — только грубо сколоченный деревянный стол и скамейки. Крышу покрывали корой или тростником.

Женщины покрепче по утрам работали в поле, а во время отлива собирали на берегу съедобных моллюсков. Остальные ухаживали за детьми и больными под руководством мистера Скелтона, священника, который, кроме того, отвечал за ежедневное распределение провизии.

Мистер Хиггинсон, второй священник, должен был молиться и готовить воскресные проповеди, уча поселенцев служить Богу и поддерживать друг друга.

Каждое утро колонисты собирались вместе и распределяли работу на день, в полдень

они обедали, а затем трудились до четырех часов пополудни. Остаток дня они могли провести со своими близкими.

Когда 2 июля в порт на двадцать дней позднее «Арбеллы» наконец-то вошел «Толбот», работы были уже в разгаре. Первого июля пришли два корабля из второго каравана, «Мэйфлауэр» и «Вейл». Шестого июля благополучно прибыли остальные суда.

Вскоре сбылось пророчество Винтропа, который предрек, что кому-то неизбежно предстоит умереть. В день прибытия «Толбота» во время рыбной ловли утонул один из сыновей Винтропа, Генри. В августе заболела и умерла леди Арбелла; месяц спустя скончался ее муж, Айзек Джонсон. Переселенцы тяжело переживали их смерть.

А вот Нелл неожиданно пошла на поправку. С корабля она перебралась в один из английских вигвамов в Бостоне, где разместили больных. Девушка чувствовала себя все лучше, она начала понемногу вставать, ее бледная кожа порозовела. Когда прибыл «Толбот», Дженни и Энди сидели у постели Нелл. Дверь распахнулась, и на пороге появились Дэвид и Джеймс Куперы. Отец и сын сразу заполнили собой всю хижину. Им сказали, что Нелл при смерти. О том, что Энди Морган тоже отправился в Новую Англию, они не знали. Сапожник был удивлен, а Джеймс взбешен.

Молодой человек вышел вместе с Куперами наружу и рассказал им, как он попал в Новый Свет. Джеймс заявил, что Энди должен вернуться в Англию на «Лайоне», когда судно поплывет назад за продовольствием. Однако отец оборвал сына, заявив, что Господь знает, что делает, и если Энди оказался в Массачусетсе, значит, на то Божья воля. По его тону Энди почувствовал, что он тоже не в восторге от встречи, но понимает, что тут уж ничего не поделаешь. Джеймс остался при своем мнении.

Среди вновь прибывших оказались еще двое, у кого имя Энди Моргана не вызывало восторга, — Маршалл и Мэри Рамсен. Они стали мужем и женой. Когда Энди познакомился с ними в Колчестере, Мэри носила фамилию Седжвик, а Маршалл был молодым идеалистом, печатавшим пуританские памфлеты. На их щеках отчетливо виднелись клейма, выжженные по приговору суда. Чтобы скрыть отсутствие одного уха, Маршалл отпустил волосы. Нельзя сказать, что они встретили Энди враждебно, но и дружелюбия на их лицах не наблюдалось. Они молча развернулись и пошли в другую сторону.

Теперь Энди уже не так сильно сердился на Бога. Казалось, Он прислушался к его молитвам. Нелл начала выздоравливать. «Толбот» благополучно доставил жителей Эденфорда на берег залива Массачусетс. И хотя само поселение едва ли оправдало их ожидания, с каждым днем жизнь становилась лучше, совместная работа сплачивала колонистов, способствуя их духовной близости.

Энди трудился как заведенный. Каждый день юноша гнул спину на отведенном ему участке, а после четырех часов вечера, когда рабочий день подходил к концу и менее трудолюбивые колонисты отправлялись домой или просто беседовали, сидя под деревом для собраний, он, не дожидаясь, пока у бригады строителей дойдут до этого руки, строил вигвам для Дженни и Нелл. Молодой человек так старался, что обратил на себя внимание не только других поселенцев, но и индейцев из племени пекотов ^[97], которые откровенно потешались над его усердием.

Трое из них регулярно приходили понаблюдать за работой колонистов. Обычно они стояли на опушке леса, указывая на хлопчущих поселенцев пальцами, и смеялись.

Поскольку Энди трудился дольше всех, он стал основным объектом насмешек. Энди старался не обращать внимания на своих соотечественников. Молодой человек знал, что среди англичан он пользуется дурной славой: молва о его прошлом приплыла вместе с «Толботом». Однако он не мог понять, что так забавляет индейцев. Они смеются над его внешностью или над тем, как он работает? Может, он делает что-нибудь не так?

Основная работа была уже закончена: он прочно установил три жерди, согнул и крепко связал их сверху. Установил и дверную коробку, а внутри дома сложил каменный очаг с дымоходом из деревянных брусков и палок. Индейцы показывали пальцами на плоды его трудов, веселясь от души. Руками они делали непонятные круговые движения.

Наконец терпение Энди лопнуло. Взяв палку, он направился к пекотам. Те перестали смеяться. Мужчины, сидящие под деревом для собраний, внимательно наблюдали за юношей. Среди них был и Винтроп, который пришел разузнать, каково настроение колонистов. Пройдя примерно половину расстояния, отделявшего его от индейцев, Энди положил палку на открытую ладонь и, балансируя ею в воздухе, помахал им свободной рукой.

— Послушайте, — громко сказал он, — если я делаю что-то не так, покажите, как нужно.

Индейцы смотрели на него с опаской.

Энди снова сделал приглашающий жест:

— Покажите, как надо.

Индейцы не шелохнулись.

Энди сделал еще несколько шагов в их сторону. Индейцы отступили к лесу.

— Не уходите! — попросил Энди и снова помахал им рукой. — Помогите мне. Покажите, как надо.

Энди медленно приближался к индейцам. Он услышал, как один из сидящих под деревом довольно громко сказал:

— Болван! Ведь допрыгается, его убьют!

Мужчины вскочили на ноги.

Когда Энди подошел еще ближе, два индейца укрылись в лесу, а один остался стоять на месте. Энди протянул ему палку на открытой ладони.

Индеец посмотрел на палку, потом перевел взгляд на Энди. После этого он протянул руку и взял палку. Энди улыбнулся и кивнул. Указывая в сторону вигвама, он сказал:

— А теперь покажи, как нужно.

Индеец оглянулся на своих товарищей. Они с напряженным вниманием наблюдали за ним из леса.

Энди сделал несколько шагов в сторону вигвама и жестом пригласил индейца с палкой следовать за ним. Индеец посмотрел на палку, на вигвам и пошел за Энди.

Когда они приблизились к строению, Энди указал на дымоход и повторил странные круговые движения, которые делали индейцы, потешаясь над ним. Индеец с палкой кивнул и засмеялся, он ткнул пальцем в дымоход, тоже сделал круговое движение рукой и снова засмеялся.

Энди пожал плечами, показывая, что не понимает.

— Что я должен делать? — спросил он.

Индеец не ответил.

Энди указал на палку, затем на самого индейца и, взяв его за руку, подвел к строению.

Тот, похоже, понял, чего от него хотят. Несколько минут он ходил вокруг вигвама, внимательно изучая его. Взявшись за одну из поперечных жердей, он подергал ее, испытывая жилище на прочность. Потом он обошел вигвам и подергал поперечные жерди с другой стороны. Пара поперечин упала на землю. Индеец привязал их снова (не так, как это делал Энди), и опять подергал вигвам. Теперь жерди держались крепко.

Опустившись на четвереньки, он сунул голову в каменный очаг и посмотрел вверх, в направлении дымохода. Обследовав дымоход, он вытащил голову, улыбнулся и сделал круговое движение руками.

— Огонь... — догадался Энди. — Дымоход может загореться.

На этот раз индеец взял его за руку и повел на берег реки. Там они набрали глины, и пекот показал Энди, как нужно обмазать дымоход изнутри. Переселенцы знали, что это необходимо, однако делали это не всегда и далеко не так тщательно, как индеец. Пекот помог Энди обмазать дымоход глиной не только внутри, но и снаружи.

На следующий день индеец вернулся, чтобы помочь молодому человеку закончить работу. Еще день спустя они вместе настелили тростниковую крышу. Отныне не только Энди развлекал любопытных. Теперь они работали вдвоем, Энди и Сазакус [\[98\]](#).

Неизменный интерес помощника Энди вызывали двери — обязательная принадлежность английских вигвамов. Взяв за образец индейские вигвамы, англичане дополнили их двумя европейскими нововведениями — дымоходом и дверью на деревянных петлях. В индейских хижинах для отвода дыма использовалось отверстие в крыше, а вход завешивался шкурой. Сазакус, который по-видимому, очень гордился тем, что помог соорудить дымоход, затаив дыхание смотрел, как Энди устанавливает дверь.

Жилище Нелл и Дженни имело и еще одну особенность, отличавшую его от других хижин. Как-то вечером Сазакус указал на трубу, потом сделал порхающее движение пальцами, после чего уронил кисть руки на тростниковую крышу. Энди понял его. Пепел и зола, летящие из дымохода, могут опуститься на крышу и вызвать пожар. Пожары были общей проблемой и для колонистов, и индейцев. Поломав голову, Энди нашел выход.

Он отправился на «Арбеллу», которая все еще стояла в порту, и попросил капитана Милбурна продать ему рваные паруса. Старой парусиной он покрыл хижину. Сазакус был в восторге от незнакомого ему материала.

Увидев реакцию своего помощника, Энди купил у капитана еще парусины. Ее хватило и для него, и для Сазакуса. Вместе с новым приятелем он отправился в деревню, где жили пекоты, и два вечера подряд строительная бригада «Морган и Сазакус» развлекала зрителей-индейцев.

Рамсдены не заметили, как к их новому жилищу подошел Энди. Рабочий день уже закончился. Строители только что возвели этот дом, и Маршаллу и Мэри не терпелось в него въехать. Он был совсем крохотным, и все же в нем было куда удобнее, чем в палатке, где ютились еще несколько семей. В определенном смысле для молодой пары это стало началом новой жизни. Они уже забыли о боли и ненависти, которые испытали в Англии, и тут к ним явился незваный гость. Его присутствие напомнило все то, что они так хотели оставить в прошлом.

Маршалл и Мэри как раз принесли в хижину часть своего скарба и собирались отправиться за остальными вещами, как вдруг дверь отворилась и на пороге появился Энди Морган.

— Добро пожаловать в Новую Англию, — сказал он.

Маршалл остановился и загородил собой вход в дом. За его спиной показалась Мэри.

— Кто там, Маршалл? — спросила она.

Маршалл Рамсен ничего не ответил. Он помрачнел, шрамы на его щеках стали яркими.

— Маршалл? — снова раздался голос Мэри. — Что случилось?

Маршалл шагнул за порог, позволяя Мэри самой посмотреть на незваного гостя.

— О! — Молодая женщина никак не ожидала увидеть Энди. Она невольно прижала руку к груди. На ее лице мелькнул страх, спустя мгновение его сменила тревога. Она переводила глаза с Энди на мужа.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Маршалл. Вопрос прозвучал враждебно, он словно поставил перед Энди барьер, который тот должен был преодолеть.

— Не думаю, что мне удастся убедить вас поверить мне... — начал Энди.

— Не могу с тобой не согласиться. Теперь можешь идти, — слова Маршалла обожгли Энди словно удар плети.

Энди принял удар. Он понимал, что заслужил его. Юноша взглянул на Мэри, пытаясь понять, разделяет ли она чувства Маршалла. Она с тревогой смотрела на разгневанного мужа.

— Я пришел попросить у вас прощения.

Ответа не последовало. Хозяева не смягчились.

— Я причинил страдания многим. Самое страшное, что я делал это не по убеждению. Я просто жаждал славы и богатства и работал на тех, кто мог мне их дать.

Энди замолчал, ожидая реакции Рамсденов. Ее не последовало. Маршалл стоял скрестив руки на груди. На его скулах играли желваки. Было видно, что он с трудом сдерживается. Мэри испуганно смотрела на мужа.

— Как я уже сказал, у вас нет причин верить мне. Но с тех пор, как мы расстались, я стал христианином...

— Эту историю мы уже слышали, — резко оборвал его Маршалл. — И за то, что мы в нее поверили, нас наградили украшениями на щеках.

Продолжать не было смысла. Во всяком случае, сейчас.

— Простите меня, — покаянно сказал Энди. Бросив взгляд на Мэри, он повернулся и шагнул за порог.

— Энди, — окликнула юношу Мэри.

— Оставь его! — прогремел Маршалл.

— Не кричи на меня, Маршалл Рамсен! — вспыхнула Мэри. Она никогда не давала другим спуску. — Ты не представляешь, сколько горя ты нам причинил, — сказала она Энди. — Это ничто, — она указала на следы ожогов на щеках, — по сравнению с болью, которую мы испытали, когда узнали, что ты уничтожил Джастина.

При этих словах Энди почувствовал жгучую боль: он вспомнил о казни Кристофера Мэтьюза.

— Мы знали, что, печатая памфлеты, идем на риск, — продолжала Мэри. — Но мы верили, что, если нас схватят, их будет печатать кто-то другой. Мы просто помогали распространять идеи Джастина. Ты же заставил его замолчать. Во время суда над Кристофером Мэтьюзом мы молили Бога о чуде. На Тауэр-Хилл мы молились о том, чтобы Господь прислал кого-нибудь спасти его, — на глазах Мэри показались слезы. — Потом мы

услышали о приеме, который дал в твою честь король. В голове не укладывается, как Господь допустил, чтобы такой человек, как Кристофер Мэтьюз, погиб, а ты остался жить.

Энди готов был расплакаться вместе с Мэри.

— Я тоже не понимаю этого, — сказал он. — Тому, что я сделал, нет оправдания. Я не заслужил Божьего милосердия, но Его милостью я был прощен. Это все, что я могу сказать.

— Очень удобное милосердие! — с гневной насмешкой воскликнул Маршалл.

— Меня простил не только Господь, меня простил Кристофер Мэтьюз.

— Легко говорить за того, кого нет на свете.

— Я отказался от всего, к чему стремился раньше. Теперь мое единственное желание — продолжить дело человека, которого я уничтожил. Поэтому я здесь. Только поэтому. Здесь меня не ждут ни богатство, ни слава. Здесь нет ничего, кроме невзгод и возможности построить общество, которое будет жить по Слову Божьему. Бог свидетель, ради этого я готов отдать жизнь.

Энди сделал все, что мог, но по лицу Мэри, стоящей рядом с мужем, он понял, что сегодня прощения не будет.

Уходя, он дважды оглянулся. Они стояли на том же месте, в тех же позах: Маршалл — скрестив руки на груди, а рядом с ним Мэри.

Спустя несколько минут Энди вернулся к хижине Рамсденов. Хозяев в доме не было. Видимо, они ушли за своими вещами. Несмотря на это, молодой человек принялся за работу.

— Что ты делаешь с моим домом? — Еще издали заметив Энди, Маршалл бросил вещи и подбежал к юноше.

Тот натягивал парусину на тростниковую крышу.

— Это защитит крышу от искр, которые будут лететь из трубы, — ответил Энди, продолжая работать. — Завтра я обмажу глиной трубу. Строители обычно обмазывают глиной лишь часть дымохода, они слишком торопятся.

— Прочь от моего дома! — закричал Маршалл.

Мэри взяла мужа за руку:

— Он говорит разумные вещи, Маршалл!

— Никто не обтягивает крыши парусиной! — кипятился Маршалл.

— У Нелл и Дженни Мэтьюз тоже такая крыша.

— Мэтьюз? — переспросила Мэри.

— Это дочери Кристофера Мэтьюза. Они прибыли на «Арбелле».

На следующий день Энди обмазал глиной дымоход и трубу в доме Рамсденов.

Нелл сумела без посторонней помощи пройти от приюта для больных до своего нового дома. И хотя она брела, едва передвигая ноги, и то и дело отдыхала, прогресс был налицо. Ведь еще пару месяцев назад мало кто верил, что она поправится.

— Это Энди построил! — Дженни распахнула перед сестрой дверь. Энди стоял рядом с Нелл. Он был готов в любую минуту прийти ей на помощь.

Нелл постояла, прислонившись к косяку, потом подошла к грубо сколоченному столу и села на скамью. Дженни и Энди терпеливо ждали, пока она отдышится. Нелл посмотрела на три жерди, скрепленные сверху, на сложенный из неотесанных камней очаг, на земляной пол, покрытый соломой, и погладила рукой шершавую поверхность стола.

— Красиво, — сказала она и заплакала.

Энди не ожидал похвалы. Ему хватило бы и простого «спасибо». К слезам он тоже не

БЫЛ ГОТОВ.

— Это временное жилье, — объяснил он. — Весной я построю для вас настоящий двухэтажный дом. Где захотите. Сами выберете место.

Нелл с трудом сдерживала слезы. Она промокнула носовым платком глаза и вытерла нос.

— Спасибо, не стоит. Я благодарна вам за все, что вы сделали для нас, мастер Морган, особенно пока я болела. Но я скоро поправлюсь, и мы с Дженни сами сможем позаботиться о себе.

— Нелл! Почему ты так груба с Энди? — Дженни приблизилась к сестре.

— Ах, его зовут Энди? — сказала Нелл. — И когда же ты успела так сблизиться с мастером Морганом? Чем вы занимались, пока я болела?

— Это несправедливо, — сказал Энди. — Дженни не отходила от тебя. Ты неоправданно резка. И я не понимаю почему.

— Резка? А чего ты ждал? Как я должна себя вести? Из-за тебя мы оказались в этом забытом Богом месте. Из-за тебя вынуждены жить в сарае. Я чуть не умерла во время плавания. Неизвестно, переживу ли я зиму. Десятки тех, кто был куда крепче меня, не вынесли ее. И это ты убил единственного мужчину в нашей семье.

— Нелл, перестань. — Дженни тронула ее за плечо. — Ты просто устала. Ты отдохнешь, и тебе полегчает.

— Не надо меня опекать! Может быть, физически я ослабла, но голова у меня в порядке. Мастер Морган сказал, что ему непонятна моя резкость. Где уж ему понять! Ведь это не его отца предали и убили! Это не его семью уничтожили! Это не его жизнь разрушили!

— Нелл!

— Пусть говорит, — остановил Дженни Энди, — она давно хотела сказать мне это.

— Как мы будем зарабатывать себе на жизнь? — Нелл больше не стеснялась своих слез. — Много ли в Новой Англии тех, кому нужно кружево? Здесь нет даже ткацких станков! На что мы будем жить?

— Я позабочусь о вас, — сказал Энди. — Я обещал это вашему отцу.

— Вот как? Ты давал это обещание отцу, когда ему выжигали клеймо на щеках или отрезали ухо?

И тут Энди вспыхнул.

— Хватит, Нелл! Я старался помешать епископу Лоду добраться до твоего отца. Я пытался спасти его после ареста. Я отказался от всего, к чему стремился, надеясь, что когда-нибудь смогу стать похожим на него. Что же до этого дома, — Энди кивнул на хижину, — согласен, его нельзя назвать дворцом. Но это лишь временно. Обещаю, через год у вас будет отличный дом.

— Что ты понимаешь в домах? — возмутилась Нелл. — За всю жизнь ты построил лишь эту лачугу!

— Уж поверь мне, понимаю, — скрипнув зубами, ответил Энди. — Что до лачуги, то по сравнению с Морган-холлом ваш дом в Эденфорде — настоящая халупа!

В дверь постучали так энергично, что дом задрожал.

— Нелл? Нелл? У тебя все в порядке? — это был Джеймс Купер.

Дверь распахнулась, прежде чем Нелл успела ответить.

— Опять ты? Что ты здесь делаешь? — зарычал Джеймс, увидев Энди.

— То же самое я хотел спросить в Эденфорде, когда застал тебя в доме Нелл, — не

замедлил отозваться Энди.

Рыжий великан схватил юношу за рубашку и замахнулся на него кулаком.

— Джеймс Эйбел Купер,пусти его! — из последних сил прерывистым голосом закричала Нелл.

— Я вышвырну его отсюда, Нелл! — Джеймс потащил Энди к двери.

— Нет! — тихо, но решительно сказала Нелл.

Джеймс хорошо знал этот тон. Он неохотно отпустил Энди.

— Теперь послушайте вы оба. Вон из моего дома. И больше никогда не возвращайтесь сюда.

— Нелл, дорогая, — заскулил Джеймс.

— Значит, мне самой придется встать и выпроводить вас! — сказала Нелл.

— Нелл Мэтьюз, я и так слишком долго ждал тебя, — упорствовал Джеймс. — Твой отец умер, и тебе нужна опора. Я пришел сделать тебе предложение.

— Не сейчас, Джеймс, — сказала Нелл. — Уходи.

Джеймс Купер поднял толстый волосатый палец.

— Я не шучу, Нелл. Мне надоело тебя ждать. Если ты не согласишься выйти за меня, ты меня больше не увидишь. Если я уйду, то уже навсегда.

— Именно об этом я и прошу, — устало произнесла Нелл. — Я хочу, чтобы с этим было покончено. Уходи.

Джеймс ошарашенно взглянул на нее. Видя, что девушка не шутит, он резко толкнул дверь. Створка распахнулась и так сильно ударилась о стену дома, что одна из деревянных петель сломалась. Джеймс ушел.

— Ты тоже, — сказала Нелл Энди.

— Ты не можешь так поступить! — заплакала Дженни. — Ладно Джеймс, но Энди!

— Могу.

— Это и мой дом! И Энди может приходить сюда, когда захочет!

— Пока я жива — нет. — Было видно, что Нелл совсем обессилела. Поблуднев, она опустила голову на стол.

Дженни взглянула на Энди.

— Подожди меня снаружи, — сказала она. — Нелл надо отдохнуть. Я постелю ей постель.

Когда Энди увидел, как плохо Нелл, от его гнева не осталось и следа. Конечно, ему было тяжело слышать сказанное Нелл, но она серьезно болела и не знала, что ждет ее впереди. Он ругал себя за то, что забыл об этом и начал спорить с ней.

Энди вышел наружу и закрыл за собой сломанную дверь.

— Мне очень жаль, — сказала Дженни и взяла Энди за руку. — На самом деле Нелл так не думает.

— Нет, думает. Но она нездорова и напугана. И она права.

Дженни прижалась к нему.

— Пойдем в лес.

Было начало октября, листва уже начала менять цвет, и в лучах заходящего солнца лес пылал разными красками. Кое-кто из переселенцев занимался обычными будничными делами: шел за водой к реке, одалживал у соседа тлеющий уголек, чтобы растопить угасший очаг, занимался починкой жилища. Жизнь шла своим чередом, и люди постепенно

привыкали к этому, оправляясь от первого потрясения. Под деревом для собраний, как всегда, сидели несколько человек, наблюдая, как Энди и Дженни рука об руку идут к лесу.

Новостей было немного, а значит, и тем для разговора тоже.

— Ты построил замечательную хижину, — сказала Дженни.

— Ерунда, — ответил Энди, — Получилось не бог весть что... Я всегда восхищался дедом и хотел стать похожим на него. Он построил Морган-холл, а я — жалкий вигвам. Хвастаться нечем.

— Энди Морган, ты не должен так говорить! Когда твой дедушка возводил Морган-холл, разве его жизнь была в опасности? Разве он построил его для другого, а сам продолжал спать в старой палатке?

— Нет.

— Если бы у тебя были его возможности, я уверена, ты возвел бы особняк не хуже Морган-холла. Но еще неизвестно, смог ли бы он на твоём месте построить такой чудесный дом!

— Ты добрая. Спасибо тебе.

В этот момент они зашли в лес, и Дженни сказала:

— Нет, мастер Морган, это тебе спасибо! — она обвила руками его шею и страстно поцеловала.

Энди не понимал, что с ним творится. Он любил Дженни, но еще больше любил Нелл. Зря они пошли в лес. Он не должен обнимать Дженни! Но тепло ее тела было таким восхитительным! Задыхаясь, она сказала:

— Энди, любимый, я давно хотела отблагодарить тебя, но нам никак не удавалось остаться наедине.

Она вновь поцеловала его.

— Дженни, — Энди попытался остановить ее.

Она обхватила его голову и изо всех сил притянула к себе. Как он ни сопротивлялся, его губы встретились с ее губами.

— Дженни, нет! — выдохнул он. Но она не слушала. Ее губы продолжали искать его рот. Он взял ее руки в свои и осторожно высвободился из объятий. — Нет! Это неправильно! Он старался быть твердым, и его слова прозвучали слишком сурово.

— Что значит «нет»? — спросила она.

— Это неправильно. Нам не следует делать это.

На ее лице появилось озорное выражение.

— Оказывается, мастер Морган, — промурлыкала она, — вы очень застенчивы. — Дженни провела рукой по его груди и прикоснулась к воротнику рубашки. — Вы меня удивили. Я не думала, что вы такой правильный.

Энди вновь взял ее за руки.

— Дело не в этом, — сказал он.

— Вот и отлично! — ее глаза засияли, и она опять прижалась к нему.

— Дженни! Прошу тебя, послушай, — Энди осторожно отстранился.

Она резко отпрянула от него, обиженно оттопырив нижнюю губу. По глазам было видно, что Дженни сердится.

— Так нельзя, — объяснил он. — Мы не можем вести себя подобным образом.

Энди видел, что она поняла его, потому что отошла еще дальше. На ее глазах показались слезы. Нижняя губа задрожала.

— Дженни, я не хотел тебя обидеть. Ты — мой единственный Друг.

— Друг?! — воскликнул она.

Энди кивнул.

— Мой самый близкий друг. Ты поверила мне, когда не верил никто, и я никогда не забуду этого. Я люблю тебя как друга и буду любить всегда. Но мое сердце принадлежит Нелл.

Девушка беззвучно заплакала.

— Дженни, — Энди протянул к ней руку.

— Не трогай меня! — Она ударила его по руке.

— Дженни, прошу, пойми меня.

Не сводя с Энди глаз, она попятилась от него. Ударившись о дерево, Дженни поморщилась от боли и, не сдерживаясь, разрыдалась. Ее ноги подкосились, и она опустилась на землю у подножия дерева.

— Дженни, я не хотел тебя обидеть, но я не знаю, что еще сказать. — Он сделал шаг в ее сторону.

Она сверкнула глазами и, словно дикий зверек, который обороняется лапой, вытянула вперед руку. Медленно поднявшись, она сквозь слезы произнесла:

— Я тебе помогу. Скажи своему единственному другу «прощай»! — и бросилась прочь. Энди слышал, как, продолжая рыдать, она выбежала из леса. Ей не сразу удалось открыть сломанную дверь, закрыть ее тоже оказалось непросто. После того как дверь захлопнулась, плача больше не было слышно.

Собрания колонистов, обосновавшихся в Бостоне, и церковные службы проводились под большим деревом — в поселке не было здания, которое могло бы вместить всех. Энди приходил на службу рано, как было принято в Эденфорде. Он здоровался с другими прихожанами, и ему отвечали вежливо, но холодно. Нелл и Дженни взяли за правило приходить позже. Это позволяло им сесть подальше от Энди. Хотя Дэвид Купер держался довольно дружелюбно, он ни разу не пригласил Энди сесть рядом с ним и его семьей, что, впрочем, было и к лучшему. Энди не знал, сможет ли он слушать проповедь, находясь рядом с Джеймсом. Трудно думать о возвышенном, зная, что твой сосед готов разорвать тебя на части. К началу службы рядом с Энди всегда оставались свободные места.

Его преподобие Хиггинсон был прекрасным проповедником. Хотя по сравнению с проповедями Кристофера Мэтьюза его речам, умным и поучительным, недоставало страстности.

Когда служба заканчивалась, все шли заниматься своими делами. Энди пожимал руки, отвечал улыбкой на улыбки — и уходил. По воскресеньям ему было особенно одиноко. В будние дни люди, пусть и не по своей воле, трудились с ним рядом.

В конце октября Энди Морган привел на службу своего приятеля Сазакуса. Появление смуглого полуобнаженного гостя вызвало в рядах прихожан некоторое смятение. Европейцы пока не знали, как относиться к индейцам. Большинство считало, что местные жители должны узнать об Иисусе, но на то есть миссионеры. Одно дело дать индейцам Евангелие, совсем другое — пригласить их на проповедь.

Дело было улажено, когда Джон Винтроп лично поприветствовал Сазакуса и пригласил Энди и пекота сесть рядом с ним. Энди положил свою Библию между собой и Сазакусом и показывал ему нужное место в тексте, хотя индеец не умел читать. Сазакус обратил внимание на кружевной крестик, который лежал в книге. Юноша нежно прижал его к груди, давая индейцу понять, что это одна из самых дорогих для него вещей. Во время молитвы он жестом подсказывал Сазакусу, когда нужно склонить голову и закрыть глаза. Сам он решил потихоньку проследить за тем, что делает его приятель. Тот сидел с открытыми глазами и добродушно ткнул Энди в бок, увидев, что тот подглядывает за ним.

Индеец стал постоянным гостем Энди по воскресеньям. Сначала они шли на службу, а потом проводили вместе весь день. Молодой человек пытался донести до индейца суть Евангелия, несмотря на то что его подопечный почти не знал английского. Занимаясь с ним, Энди выучил несколько слов и фраз на языке алгонкинов [\[99\]](#).

— Господин Морган, можно вас на минутку?

Рабочий день уже закончился, и Энди покрывал тростником крышу своего вигвама, который был построен одним из последних. Он обернулся и увидел Джона Винтропа.

— Да, губернатор. Чем я могу вам помочь?

Губернатор колонии был серьезен. Судя по всему, разговор предстоял непростой. Энди слегка встревожился. Вдруг он заговорит о Нелл и Дженни? Или попросит больше не приводить Сазакуса на проповеди?

— Запасы продовольствия на исходе, — сказал Винтроп.

Энди вздохнул с облегчением: разговор не касался его личных дел.

— Зиму нам не продержаться.

Это звучало как приговор. Не предположение, но утверждение. Зимой люди будут умирать от голода.

— Чем я могу помочь? — повторил Энди свой вопрос.

— Я хочу, чтобы кто-нибудь уговорил пекотов продать нам еще кукурузы. Мы уже купили у них зерна, но нам нужно гораздо больше, — Винтроп наклонился к Энди. — Ты ведь дружишь с Сазакусом. Как ты думаешь, поможет он уговорить своих соплеменников продать нам зерно?

— Он хороший друг, — подтвердил Энди. — Его можно попросить о помощи.

Сазакус согласился помочь. Он, Энди и Винтроп провели переговоры с вождями пекотов о дополнительных закупках кукурузы. Но зерна, которое было у племени, едва хватало самим индейцам, и колонисты вернулись ни с чем.

И тогда губернатор отправил Энди в племя наррагансетт [\[100\]](#). Молодой человек предложил Сазакусу поехать вместе с ним, поскольку это племя, как и пекоты, говорило на алгонкинском языке. Но при упоминании о них Сазакус с отвращением содрогнулся, и Энди решил не настаивать. К радости колонистов, он вернулся с сотней бушелей [\[101\]](#) зерна. Теперь у переселенцев было достаточно провизии, чтобы продержаться зиму, если «Лайон» вернется в срок.

— Тебе помочь?

Маршалл Рамсен наблюдал, как Энди устанавливает дверь в своей хижине. За его спиной стояла Мэри. Она улыбалась.

— Твоя помощь мне не мешает!

Вдвоем Маршалл и Энди установили дверь в коробку и посадили ее на деревянные петли.

— Дымоход обмазал?

— Вчера.

— А парусину еще не натянул?

— У меня ее нет.

— Ты что — не поберег для себя парусины?

— Свою я отдал вам.

Маршалл с интересом взглянул на юношу. Затем усмехнулся, покачал головой и потер подбородок. Энди оставался для него загадкой.

— Я был к тебе несправедлив, — сказал он.

— Нет, ты был прав. Я вел себя как настоящий идиот и испортил жизнь многим хорошим людям, таким же, как ты и Мэри. Я буду раскаиваться в этом всю жизнь.

— Но ты изменился...

— Слава Богу.

— Жаль, — сказал Маршалл. — Прежний Энди Морган мне нравился.

Энди в замешательстве посмотрел на него. Маршаллу только это и было нужно.

— Но я готов любить и уважать нового Энди Моргана. И хотел бы стать его другом.

— Я тоже, — сказала Мэри.

Все трое обнялись на пороге почти готовой хижины. Это был первый дом Энди. В тот вечер они ужинали вместе, рассказывая друг другу, что произошло в их жизни после того, как они расстались.

Энди узнал, что клейма на щеках Маршалла и Мэри открыли перед ними множество дверей. Хотя простой народ считал такие отметины позором, богатые пуритане видели в них свидетельство мужества и честности. Один состоятельный пуританин из Оксфорда убедил их отправиться в Новый Свет. Сам он уже одряхлел, и такое путешествие было ему не под силу, но ему очень хотелось внести свою лепту в создание нового общества, живущего по Слову Божьему. Он решил сделать это, оказав помощь молодой паре. Благочестивый меценат сказал, что снабдит их средствами, а они за это должны работать и рожать детей.

— Неужели он сказал, что вы должны рожать детей? — смеясь, переспросил Энди.

Маршалл кивнул, сделав большие глаза, а Мэри засмеялась и покраснела.

— Старик был очень щедр, — сказал Маршалл. — Даже обещал прислать мне печатный станок, как только он понадобится в колонии.

— Печатный станок?

Маршалл радостно кивнул. Он не смог скрыть мальчишеского восторга.

— А пока, — продолжила Мэри, — он хочет, чтобы мы подробно описывали ему жизнь переселенцев. Он будет печатать наши рассказы и распространять их по всей Англии, чтобы воодушевить новых колонистов.

— Я уже отправил ему несколько писем, но вот беда — я не умею писать, — посетовал Маршалл. — Я печатник, а не писатель. Жаль, подвел хорошего человека.

Энди поднял глаза к небу.

— Спасибо тебе, Господь, — произнес он.

Мэри и Маршалл удивленно переглянулись.

— Ты благодаришь Бога за то, что Маршалл плохо пишет?

Энди покачал головой.

— Просто я знаю, кто может вам помочь.

— Ты имеешь в виду себя? — спросила Мэри. — Пожалуйста, скажи «да», а то мы в отчаянии.

— Нет, я писать не умею. Но в колонии есть тот, кто вам нужен.

Снег выпал только на исходе ноября, который был куда суровее, чем в Англии. Холодная зима принесла с собой голод и болезни. Продовольствие выдавалось строго по норме, и эти нормы постепенно снижались. Возвращения «Лайона» ждали не раньше декабря. Энди знал, что губернатор Винтроп вручил капитану корабля длинный список всего того, что требовалось жителям. Прежде юноша как-то не задумывался, кто за это платит. Но однажды ему по секрету рассказали, что поселок снабжается на деньги самого Винтропа. Однако Энди ни разу не слышал, чтобы губернатор проявлял неудовольствие, когда колонисты начинали обвинять его в том, что он недостаточно активно борется с голодом и болезнями.

К радости Энди, к наступлению холодов Нелл успела окрепнуть. Но теперь его беспокоила Дженни. С памятного дня в лесу она очень переменилась. Она почти перестала улыбаться. От ее веселой взбалмошности не осталось и следа. Она была все время серьезна и печальна.

— Что ты сотворил с моей сестрой? — прошептала Нелл. Закутавшись в толстую шерстяную шаль, она стояла за спиной Энди.

Молодой человек заглянул к девушкам, чтобы подправить парусину, местами сползшую

с крыши. Дело шло к вечеру, и Дженни прилегла вздремнуть.

— Не стой на ветру, Нелл, а то, чего доброго, опять заболеешь.

— Я не сойду с места, пока ты не ответишь мне, Энди Морган.

«Да ты еще и упрямец!» — подумал Энди.

— Целыми днями она сидит без дела и отказывается говорить, что случилось! Энди, кроме нее, у меня никого нет. Что ты с ней сделал?

— Я признался, что не люблю ее.

— Господи! Она ведь еще ребенок! Как ты мог?!

Энди сильно дернул за веревку. Хижина дрогнула.

Сложив руки на груди, Нелл внимательно смотрела на него. Она не собиралась уходить, не выяснив все до конца.

Энди обернулся и взглянул девушке прямо в глаза.

— Дженни надеялась, что у нас может что-нибудь получиться. Я сказал ей, что испытываю к ней самые теплые чувства, но не романтического свойства.

— Ты сказал впечатлительной юной девочке, что испытываешь к ней самые теплые чувства? А потом заявил, что не любишь ее?

— Это допрос?

— У меня в голове не укладывается, как ты, человек столь блестящего ума, можешь быть таким бесчувственным!

— Ты считаешь, что у меня блестящий ум?

— Нет, я считаю тебя бесчувственным.

— Нелл, я не хотел причинить ей боль.

— Для того, кто не хочет причинить другим боль, ты слишком хорошо умеешь это делать.

Энди проглотил обиду. Беседа была не из приятных, зато он разговаривал с Нелл. Общаться с ней ему удавалось все реже и реже.

Взвешивая каждое слово, Энди осторожно произнес:

— Я уже говорил, что не хотел обидеть ее. Объясни мне, как мужчина может сказать женщине, что не любит ее, и при этом не сделать ей больно?

Нелл не нашлась с ответом.

— И это еще не все.

— Вот как?

— Видишь ли, я признался Дженни, что люблю тебя.

Нелл покачала головой.

— Зачем ты ей это сказал?

— Потому что это правда.

— Между нами все кончено. Прошлое умерло вместе с моим отцом.

— Божьей милостью все может вернуться.

Нелл застыла в изумлении.

— Энди Морган! Ну и наглец же ты! Ты готов на любую низость! Ты не стесняешься использовать Бога, чтобы манипулировать мною?

— Нет, это не так! Каждую ночь я молюсь за тебя и Дженни и не помышляю ни о каких интригах. Мои молитвы и желания абсолютно искренни.

— Лучше бы ты молился за себя.

— Это я тоже делаю.

— И поскольку речь идет о вмешательстве в нашу жизнь...

— Мне показалось, что речь идет о моей любви к тебе.

Эти слова Нелл пропустила мимо ушей.

— ...Я должна сообщить тебе, что мы больше не нуждаемся в твоей помощи. Теперь мы можем позаботиться о себе сами.

— Каким образом?

— Господин Рамсен и его жена Мэри, те, что живут у самого леса, предложили мне работу. Они попросили меня описать жизнь колонии. Заметки будут публиковать в Англии. За это мне неплохо заплатят. Похоже, Господь решил позаботиться о бедных беспомощных девушках без твоего участия.

— Поздравляю, Нелл! Я очень рад за тебя.

В декабре в назначенный срок «Лайон» не появился. Не прибыл он и в январе. Запасы зерна почти закончились. Моллюски были съедены все до единого. Земляных орехов тоже не осталось. Переселенцам, обосновавшимся на заливе Массачусетс, оставалось уповать лишь на то, что волею Господа мука их не истощится и масло не убудет, как у бедной вдовы из Ветхого Завета [\[102\]](#).

Но среди них не было пророка Илии, они могли рассчитывать только на губернатора, который опасался, что с «Лайоном» случилось несчастье. Винтроп обратился за советом к священникам, Джону Эндикотту и лидерам колонистов, каковым считался и Энди Морган. Кто-то из них предложил послать за помощью в Плимут, кто-то уверял, что нужно силой отнять зерно у индейцев, если те не согласятся продать его. Винтроп внимательно выслушал всех. Он решил объявить 6 февраля днем поста. В этот день они предадут свою судьбу в руки Всевышнего, чего никогда не делали раньше.

Накануне губернатор выделил остатки муки беднякам, которые находились на грани голодной смерти. Родители отдали последнее детям и легли спать голодными. Получилось, что назначенный на 6 февраля пост начался днем раньше.

Утро 5 февраля выдалось холодным. Оно не сулило никакой надежды. Но когда приунывшие колонисты приготовились к худшему, на горизонте показался «Лайон»! Оказалось, что при возвращении в Англию «Лайон» наткнулся на корабль со сломанными мачтами. Изуродованное судно пришлось отбуксировать в порт, поэтому «Лайон» достиг места назначения позже назначенного срока. Судно было нагружено пшеницей, мукой, горохом, овсяными хлопьями, говядиной, свининой, сыром, маслом, почечным жиром и бочонками с лимонным соком для больных цингой. Губернатор Винтроп отменил пост и объявил вместо него день благодарения. Господь дал им знак! Он услышал молитвы Своего народа и помог переселенцам, как помог израильтянам, блуждающим в пустыне!

Колонисты встретили этот дар свыше танцами, объятиями и безграничным весельем. Долгие годы после этого события рассказ о том, как Господь спас колонию Массачусетса от голодной смерти, передавался из поколения в поколение. Во всеобщем ликовании приняли участие и двадцать шесть новых колонистов, прибывших из Англии. Среди них находился и весьма уважаемый священник Роджер Вильямс [\[103\]](#).

Энди вместе со всеми предавался безудержному веселью. Конец его радости пришел внезапно. В то время как народ вокруг пел и танцевал, Энди случайно заметил нечто такое, от чего его сердце похолодело. На волнах, приближаясь к берегу, покачивалась шлюпка. В тот день такие шлюпки беспрестанно сновали по бухте, выгружая на берег долгожданные

продукты. Однако эта привезла иной груз. С ужасом Энди Морган увидел, что на берег ступил Элиот Веннер.

Приподнятое настроение в колонии сохранилось до самой весны. Когда потеплело и почва подсохла, непреклонная решимость возвести в этом пустынном месте город удвоила силы переселенцев. Были разработаны проекты новых зданий. Закладка каждого строения означала, что кто-то еще переберется из крытой соломой хижины в настоящий дом и снова сможет заняться делом, которому учился и в котором достиг мастерства. Здесь, в Америке, люди вынуждены были браться за любую работу, перед ними стояла одна-единственная задача — выжить. И вот наконец сапожники снова смогут стать сапожниками, а кузнецы — кузнецами. Лишь теперь переселенцы по-настоящему поняли, как много для них значит их ремесло.

Нелл Мэтьюз осознавала это не хуже любого другого мастера своего дела. Создавая зарисовки из жизни колонии для покровителя Рамсденов, она просто ожила. Она работала каждое утро, описывая наиболее значительные события, чувства и впечатления людей и подбирая подходящие цитаты. Днем она ходила из дома в дом, из мастерской в мастерскую, беседуя с жителями поселка. Она хотела знать, что было у них на душе с той самой минуты, когда они решили покинуть Англию, до сегодняшнего дня. По вечерам Нелл систематизировала свои заметки, чтобы обработать их утром.

Она успела поговорить со всеми колонистами, а с некоторыми встретилась дважды. Даже Сазакуса Нелл не обошла своим вниманием. Не побывала она только у Энди Моргана.

Энди был готов ждать. Он знал, что это всего лишь вопрос времени. Да, Нелл была упряма, но вместе с тем и педантична.

Она не сможет спать спокойно, если летопись поселка будет неполной. Рано или поздно она поговорит с ним.

Тем временем Энди приступил к возведению двухэтажного каркасного дома. Незадолго до этого он добровольно предложил свои услуги плотнику, строившему жилище для семьи из семерых человек. В благодарность плотник обучил его своему ремеслу. В отличие от некоторых мастеров своего дела, это был честный человек, с уважением отнесшийся к желанию Энди приобрести плотницкий навык в обмен на труд. Теперь, когда угроза голода миновала, многие ремесленники заломили за свои услуги непомерные цены. Кое-кто требовал столь высокой платы, что мог безбедно существовать, работая день или два в неделю.

В доме, построенном Энди, могла разместиться целая семья. Входная дверь вела в просторную комнату, служившую одновременно гостиной и кухней. Здесь же находился большой, сложенный из кирпичей очаг. Лестница справа шла на второй этаж, там располагались две спальни. Как Энди и обещал, он построил дом для Нелл и Дженни. Сам он по-прежнему жил в вигваме, отложив постройку собственного жилища на неопределенный срок. Но сестры Мэтьюз переехать в новый дом отказались. Тогда Дэвид Купер пригласил их к себе, но у него и без того было слишком тесно. К тому же Нелл не представляла, как она сможет жить под одной крышей с Джеймсом после того, как выставила его за порог, хотя он больше не докучал ей и даже не пытался заговорить. Рамсдены тоже предложили сестрам пожить у них, но приближались холода, строительный сезон подходил к концу и Нелл не хотелось стеснять Маршалла и Мэри целую зиму.

Убедить Нелл и Дженни перебраться в новый дом удалось губернатору Винтропу. Он

сказал, что это всего на несколько месяцев. А весной он лично поможет им построить собственное жилье. Да и потом, просто глупо ютиться в хижине, когда в их распоряжении добротное здание. Так Нелл согласилась переехать в дом, который построил Энди.

В субботу утром Энди увидел на своей двери записку. Работа, как обычно, закончилась в три часа дня, после чего все отправились готовиться к воскресенью. В тот день Энди трудился в бухте. Теперь он носил с собой мушкет, который купил на «Хоупвелле» у помощника капитана. Хотя среди колонистов и ходили слухи о воинственности индейцев, он долгое время считал, что в оружии нет никакой надобности, но потом на берег сошел Элиот Веннер...

Записка была от Нелл. Он и не думал, что при виде строк, написанных ее рукой, у него так сильно забьется сердце. Нелл приглашала его на ленч в воскресенье. Она хотела задать ему несколько вопросов, чтобы завершить работу над летописью колонии.

В воскресенье Энди подошел к дому, построенному его собственными руками. Здание стояло на небольшом холме, откуда открывался вид на бухту. Был конец лета, на свежем ветру шелестели листья. Все дышало тишиной и покоем. Юноша чуть-чуть помедлил и, собравшись с духом, постучал в дверь.

— Мастер Морган... — Нелл встретила его с вежливым холодком.

Следом за ней Энди прошел в гостиную.

— А где Дженни? — поинтересовался он.

— Она отправилась погулять с друзьями, — ответила Нелл, — и просила не ждать ее.

Чтобы Энди не подумал, что она подстроила их встречу наедине, девушка поспешно добавила:

— После проповеди ее пригласили пройтись до бухты. И я рада за нее. Ты же знаешь, Дженни слишком долго была одна. С тех пор как мы приехали сюда, она впервые пошла погулять со сверстниками. Честно говоря, я не ожидала, что сестра согласится. Может, она просто не хотела встречаться с тобой.

Нелл говорила это, нарезаая хлеб. Она искоса взглянула на Энди. Тот сидел за столом, обводя пальцем очертания фигур, образованных волокнами древесины. Он не подал виду, что сказанное задело его.

— Зато, — продолжила Нелл, — мы закончим быстрее.

— Я не спешу.

— Нам не стоит долго оставаться наедине. Это могут неправильно понять. Люди ведь болтают всякое. Если бы я знала, что Дженни уйдет, я пригласила бы Рамсденов, — чувствовалось, что Нелл нервничает. Обычно она была немногословна.

Нелл поставила на стол холодную оленину и хлеб. Они помолились и приступили к еде.

Когда Энди принялся за вторую порцию, Нелл стала расспрашивать молодого человека о первых впечатлениях по прибытии в Новый Свет. Энди подробно рассказал, как его поразило убожество Сейлема, каково было ему, чье детство прошло в Морган-холле, жить в вигваме, как он неожиданно подружился с Сазакусом и как вел переговоры с пекотами и наррагансеттами о закупке зерна.

Во время беседы он старался не смотреть на девушку. С тех пор как погиб ее отец, они впервые разговаривали спокойно. Присутствие Нелл доставляло ему такое наслаждение, что он не чувствовал вкуса еды. Ее ум и уверенность в себе по-прежнему смущали Энди. Она волновала его так же, как и раньше. Сердце юноши колотилось, а кровь кипела.

Нелл отложила перо в сторону, давая понять, что разговор окончен. Все прекратилось слишком быстро. Энди подумал, не попросить ли добавки, — ему не хотелось уходить.

Нелл чуть наклонилась вперед, подперев руками подбородок.

— Дом очень хороший, — сказала она. — Я еще не поблагодарила тебя за то, что ты позволил нам пожить в нем. Спасибо.

— Я же обещал построить дом для вас.

Она покачала головой.

— Это твой дом. Весной мы освободим его.

Энди не стал с ней спорить. Ему не хотелось портить этот чудесный день.

— Кажется, я должна поблагодарить тебя еще кое за что, — продолжала Нелл. — Недавно я разговаривала с Мэри Рамсен.

Услышав о Мэри, Энди почувствовал себя неуютно. О чем они говорили? Неужели о том, что он успел натворить, будучи тайным агентом?

— Рамсены приятная пара, — сказал он. — Мне они нравятся.

— Оказывается, ты познакомился с ними еще в Колчестере.

— Что она тебе рассказала?

— Ничего особенного. Только то, что вы познакомились в Колчестере.

— Тогда за что ты хочешь меня поблагодарить?

Нелл усмехнулась.

— С ними тоже связано что-то из твоего таинственного прошлого? Или, вернее сказать, темного прошлого?

— Если я расскажу тебе об этом, ты возненавидишь меня еще больше, — ответил он.

Нелл перестала улыбаться.

— Извини, — произнесла она. — Я действительно хотела поблагодарить тебя.

Она выпрямилась и положила руки на стопку бумаги и перо, лежащие перед ней.

— Мэри сказала, что этой работой я обязана тебе.

Энди пожал плечами.

— Маршалл искал писателя. А я знал, что ты умеешь это делать.

— Им известно, что Джастин — это я? — ее голос задрожал.

— Конечно, нет! Я ни за что не стал бы рассказывать об этом.

— Я знаю, — призналась она, опустив голову. — И все же я должна была спросить.

Повисла пауза. Энди лихорадочно соображал, что бы еще сказать. Ему так не хотелось, чтобы этот день закончился.

— Я не поблагодарил тебя за ленч. Все было очень вкусно.

Она вежливо ответила, что рада это слышать.

— И за то, что поговорила со мной. Спасибо, что решила написать и обо мне.

— Пожалуйста.

Вновь последовала долгая пауза.

— Я скучаю по прежним временам, — сказал Энди.

— Каким временам?

— По тем дням, которые мы проводили вместе. По нашим прогулкам на развалины саксонского замка. Оттуда нам был виден весь Эденфорд.

Ошибка. Он переступил черту. Нелл обиделась. Ее лицо говорило о том, что он вторгся на запретную территорию. И все же, раз он оказался здесь, можно попытаться сделать еще один шаг.

— Нелл! Что мне сделать, чтобы ты меня простила? — воскликнул он.

— Прощение здесь ни при чем, — ответила она. — Я прощаю тебя. Но после всего, что ты натворил, я не могу любить тебя.

— Я не верю тебе, — возразил он.

— Меня не интересует, веришь ты мне или нет.

— Твой отец научил меня многому, — сказал Энди. — И один из самых важных уроков заключался в том, что любовь никогда не сдаётся.

— И к чему его это привело...

— Ты так не думаешь.

Нелл достала носовой платок.

— Ты будешь объяснять мне, что я думаю?

— Ты очень похожа на своего отца, — сказал он. — Но тебе причинили боль, и ты боишься любить, боишься вновь испытать страдание.

— Думаю, вам пора, мастер Морган.

— Полагаю, вы правы, мисс Мэтьюз. — Энди хотелось закончить беседу на спокойной ноте. — Может быть, у тебя есть еще вопросы?

Затуманенными глазами Нелл взглянула на свои записи.

— Я не задала тебе один вопрос, который задавала всем. Что ты почувствовал 5 февраля, когда в бухту вошел «Лайон»?

Не получив ответа, она подняла глаза.

— В чем дело? — спросила она.

— Ты помнишь... погоди, — Энди закрыл глаза, вспоминая, под каким именем Элиот жил в Эденфорде. — Томас Митчелл! Ты помнишь человека, который появился в Эденфорде после меня? Его звали Томас Митчелл.

Нелл покачала головой.

— Это имя мне ни о чем не говорит.

— Растрепанные рыжие волосы, странные глаза, рябое лицо.

Она опять покачала головой.

— Он человек Лода. Это он обучал меня.

При упоминании имени епископа на лице Нелл появился ужас.

— Энди, что ты хочешь сказать?

— Он приехал сюда на «Лайоне». Я видел, как он сошел на берег.

— Что он здесь делает? — в ее голосе зазвучали панические нотки.

— Он утверждает, что порвал с Лодом и хочет поселиться в Роксбери.

— Ты ему веришь?

— Нет.

— Тогда что ему нужно? — Нелл заплакала. Она думала, что этот кошмар остался в Англии, но он настиг ее и здесь.

— Не знаю, — сказал Энди. — С того дня я его больше не видел.

Нелл дрожала. Энди пожалел, что рассказал ей о Элиоте.

— Как его зовут? Митчелл?

— Под этим именем он жил в Эденфорде, — ответил Энди. — Его настоящее имя Элиот. Элиот Веннер.

Нелл охнула.

— Дженни ушла с ним! — воскликнула она. — Сестра сказала, что пойдет в бухту с

Биллингтонами и молодым человеком по имени Элиот Веннер!

— Кто такие Биллингтоны?

— Они приходят на богослужения. Он рыбак. Их дочка — ровесница Дженни.

Энди выскочил за дверь и стал вглядываться в бухту.

— Добрый день, мастер Морган, — прозвучал справа от него знакомый голосок. По холму поднималась Дженни. Она была одна.

— С тобой все в порядке? — закричал он.

— А почему со мной должно быть что-то не в порядке? — в голосе Дженни сквозило непритворное равнодушие.

— Дженни! — на пороге стояла Нелл.

— Что случилось? — спросила Дженни.

— Мы волновались за тебя, — ответила Нелл. — Все хорошо?

— Все отлично! — сказала Дженни. — Я чудесно провела время.

— С Элиотом Веннером? — уточнил Энди.

— С твоим учителем! — ответила она.

— Что он рассказал тебе?

— Он рассказал мне много интересного. Мы провели вместе почти весь день. Он очень милый.

Энди погрозил Дженни пальцем.

— Держись от него подальше, Дженни. Он опасен.

— С каких это пор ты стал таким заботливым? — язвительно спросила Дженни. Она прошла в дом и сразу поднялась наверх.

— Я поговорю с ней, — сказала Нелл, закрывая дверь.

Энди начал наводить справки об Элиоте и узнал, что он слывет образцовым колонистом. Не без труда Энди выяснил, где живут Биллингтоны. Эта семья состояла из пяти человек: родители, два сына и дочь. Манеры у них были грубоватыми. Веннера они знали несколько месяцев. Заметив, что Элиоту понравилась Дженни, они познакомили молодых людей и пригласили Дженни погулять вместе с ними. По словам Биллингтонов, Элиот все время держался как джентльмен.

Энди рассказал о приезде Веннера Дэвиду Куперу. Тот, как оказалось, повстречал Элиота несколько дней спустя после 5 февраля, но не слишком обеспокоился по этому поводу.

— Да, он преследовал нас. Это была его работа. Думаешь, его прислал сюда главный констебль? — Купер надул щеки и растопырил руки, изображая толстяка констебля. — Что он нам теперь сделает? Посадит на корабль и отправит в «Звездную палату»?

У губернатора Винтропа сообщение об Элиоте тоже не вызвало особой тревоги. Он переговорил с его преподобием Роджером Вильямсом, который познакомился с Веннером на корабле и отзывался о нем в самом лестном тоне. Священник сравнивал его с Иоанном Крестителем и полагал, что, возможно, Элиоту и недостает светского лоска, но тем не менее он является глубоко и искренне верующим человеком.

— Люди меняются, — сказал губернатор. — Тебе ли этого не знать!

Однако его слова не переубедили Энди. Он слишком хорошо знал Элиота и его методы. Нужно выяснить, зачем тот приехал сюда, и помешать ему осуществить свои планы.

— Элиот!

Энди увидел, как Элиот входит в хижину, стоящую в бухте. В руках он держал охапку одежды и какую-то домашнюю утварь. Он был один.

— Энди! — отозвался Элиот. — Я сейчас. — Он скрылся в вигваме и спустя несколько секунд появился вновь. — Энди! Как я рад тебя видеть! — Он протянул ему руку.

Не подавая руки, Энди спросил:

— Что ты здесь делаешь?

— В Роксбери мне не понравилось, меня там невзлюбили; в Бостоне лучше. — Элиот ткнул пальцем в сторону вигвама. — Биллингтоны разрешили мне пожить в своей старой хижине, ведь у них теперь есть дом.

В Элиоте что-то неуловимо переменялось. Это был уже не тот парнишка, который водил Энди смотреть на травлю медведя и болтал с ним в кабинете епископа, а уж с тем Элиотом, который набросился на него у реки Экс, и вовсе не имелось ничего общего. Он казался более спокойным, более зрелым, более уверенным в себе. Неужели Элиот повзрослел? Или это тоже игра? Даже его волосы были слегка приглажены щеткой.

— Что ты делаешь в Массачусетсе? — спросил Энди.

— Мы это уже обсудили, разве нет?

— Давай вернемся к этому еще раз. Что тебе здесь нужно?

Элиот скрестил руки на груди и широко улыбнулся. Улыбка не была хитрой или злобной, но из-за его странного взгляда она казалась пугающей.

— Почему ты мне не веришь?

— Я слишком хорошо тебя знаю.

— И знаешь, как я работал, мои приемы, мои роли.

— Именно.

— И твое любящее христианское сердце не допускает мысли о том, что Господь захотел спасти меня?

— Так вот в чем ты хочешь меня убедить? Что ты был спасен? — спросил Энди.

— Ты же стараешься убедить всех в том, что Он спас тебя.

— Расскажи мне о своем обращении.

— Хорошо, — Элиот поднял глаза к небу и заговорил монотонной скороговоркой: — Вскоре после казни Кристофера Мэтьюза я задумался о том, зачем я работаю на епископа Лода. Как мог епископ убить такого хорошего человека? Если кто-то и заслужил смерть, то это я. Ведь грешником был я, а не Мэтьюз. Моя жизнь была ужасна... Я не находил себе места... В отчаянии я обратился к тому единственному, кто мог спасти меня, Иисусу Христу. Я просил Иисуса очистить меня от грехов и прийти в мое сердце. И Он сделал это и чудесным образом изменил меня. Ну как? Нравится?

— Ты издеваешься надо мной, — сказал Энди.

— Естественно.

Энди разозлился по-настоящему. Он чувствовал, что кровь бросилась ему в лицо.

Элиот засмеялся.

— Твой рассказ, мой рассказ, какая разница? Все одно и то же.

— Что ты здесь делаешь, Элиот? Ты приехал за мной?

— Я еще не решил.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Епископ не желает, чтобы я причинил тебе вред, — фыркнул Элиот. — Старый дурак! Что он в тебе нашел? Он хочет, чтобы я уничтожил поселение.

— Как? Добившись отзыва Хартии [104]?

— Теперь, Энди, я больше не могу делиться с тобой своими секретами. По правде говоря, я еще не знаю как. Слушай, Морган, а ты еще больший болван, чем он. Почему ты отказался от золота и славы? Ты круглый дурак, Морган! Посмотри, с чем ты остался!

— Здесь у меня есть то, чего не мог дать епископ, — ответил Энди.

Элиот снова громко фыркнул.

— Поступай как знаешь, — сказал он. — Но епископ все равно отомстит тебе, навредив тем, ради кого ты его бросил. Выбирать средства он предоставил мне.

Дженни! Так вот почему Элиот решил сблизиться с Дженни! Энди сжал кулаки.

— От Дженни Мэтьюз держись подальше!

— Она очень милая крошка, верно? — На лице Элиота появилась дьявольская усмешка.

— Я не шучу, Элиот, не подходи к ней!

— А не то ты меня побьешь? Ты ударишь своего брата во Христе? А что ты скажешь потом своим замечательным соседям-христианам? Они во мне души не чают.

Энди сделал шаг назад.

— Я найду на тебя управу, — пригрозил он.

— У тебя не получится, — засмеялся Элиот, — и ты знаешь это не хуже меня. Христиане верят в лучшее в человеке. Им нравится думать, что их драгоценный Бог может спасти кого угодно! Сам знаешь, что это всегда срабатывало. В этом-то вся прелесть! Это беспроегрышный ход, и тут ты бессилён.

— Я найду способ! — закричал Энди. — И держись подальше от Нелл и Дженни. Я серьезно, Элиот! Не смей их трогать!

— Я тоже благословляю тебя, брат во Христе! — крикнул Элиот ему вслед.

Энди не спал всю ночь. Он ломал голову над тем, как разоблачить Элиота Веннера. Он вспомнил все приемы проникновения в среду пуритан, которым научил его Элиот. Нужно придумать, как обратить оружие Элиота против него самого. Проблема была в том, что переселенцы не знали Элиота так близко, как Энди. Они будут доверять Веннеру, пока не станет слишком поздно. Как предостеречь их? Как помешать людям верить в то, во что им хочется верить?

Энди просил у Бога мудрости. Он молился о безопасности Нелл и Дженни. И больше всего он молился об Элиоте. Молодой человек пришел к выводу, что остановить Веннера может одно из двух: либо Господь изменит агента Лода, либо его убьет он, Энди.

В следующее воскресенье его преподобие Хиггинсон прочел необыкновенно интересную проповедь, обратившись к Книге пророка Осип. Он объяснил, что несмотря на то, что жена пророка была не верна ему, Осия выкупил ее из рабства. Хиггинсон сказал, что Осия любил свою жену так же, как Господь любит Свою церковь.

Энди слушал проповедника вполуха. Он стоял позади прихожан и не сводил глаз с Элиота, сидящего в первом ряду. Энди молился, чтобы Господь остановил Веннера, но не верил, что это возможно. Он заметил, как Элиот несколько раз оборачивался, поглядывая на Дженни Мэтьюз. Поймав взгляд девушки, он улыбался и подмигивал. Дженни, мило морща носик, улыбалась в ответ. Энди был вне себя. Он помнил, что когда-то точно так же она улыбалась ему. Элиот не оставлял Энди выбора.

Юноша пришел на службу, намереваясь разоблачить Элиота как убийцу Шубала Элкинса. Конечно, можно было бы пойти к Винтропу и поведать ему об этом с глазу на глаз.

Но тогда Элиот стал бы все отрицать, а на получение из Англии доказательства его вины уйдет не меньше полугода. За это время он успеет натворить бед. Ждать так долго нельзя. Возможно, услышав публичное обвинение, даже если за недостатком улики сомнение будет истолковано в пользу Элиота, колонисты начнут остерегаться его.

Энди ждал конца проповеди, чтобы рассказать всем о преступлении своего бывшего наставника.

— Ваше преподобие, я хотел бы сказать пару слов, — Элиот опередил его. Пригладив непослушные рыжие вихры, он поднялся и вышел вперед.

— Ты хочешь обратиться ко всем присутствующим? — спросил Хиггинсон.

— Я хочу сделать признание, — сказал Элиот. — Поскольку теперь я живу среди вас, вы должны это знать.

— Что за признание?

— Я убийца, — произнес Элиот.

Послышался общий вздох. Именно этому Элиот в свое время учил Энди. «Признайся им в том, что совершил нечто ужасное».

— В прошлом году я убил человека на дороге из Тивертон в Эденфорд. Я не хотел убивать его, но он набросился на меня и мне пришлось защищаться. Об этом никто не знает. — И Элиот заплакал.

— Если позволите! — поднялся Дэвид Купер. — Я приехал из Эденфорда. Я знал убитого. Это было очень жестокое убийство. Совсем не похоже на самозащиту.

Казалось, Элиот потрясен и едва владеет собой. Его безумные глаза побелели от страха.

— Я ничего не знал об этом! Честное слово! — Теперь он рыдал вовсю. — Он напал на меня с ножом и повалил на землю. Еще немного, и он вонзил бы в меня нож, но я успел ударить его камнем в лицо. Мы были одни! Я бросил его посреди дороги. Честное слово, я не лгу!

Вперед вышел Джон Винтроп. Он обратился к Дэвиду Куперу:

— Возможно ли, что над телом надругался кто-то другой?

Купер покачал головой:

— Не знаю. Когда мы обнаружили труп Элкинса (так звали убитого), с момента его смерти прошло несколько дней.

— Есть ли еще какие-либо сведения, которые позволяют усомниться в показаниях этого человека? Элкинс был грабителем?

— Он служил главным садовником у лорда Честерфилда.

— Убитый отличался добрым нравом?

— Нет. Он был грубым человеком с сомнительной репутацией.

Винтроп обратился к Элиоту:

— Если никто ничего не знал, почему ты решил рассказать об этом?

Шмыгая носом, Элиот ответил:

— Воспоминания об этом страшном дне не дают мне покоя.

В беседу вступил его преподобие Хиггинсон:

— Ты покайся в этом перед Господом?

Элиот слабо улыбнулся и вытер нос.

— Да, конечно, — сказал он. — Если тот день и принес мне что-то хорошее, то это надежду на спасение, — Элиот посмотрел на Энди. — Меня вдохновил его пример.

Все оглянулись на Энди Моргана.

— Мы оба работали на Лода, — продолжал Элиот. — Я увидел, что казнь Кристофера Мэтьюза сделала Энди другим человеком. Епископ и король были готовы дать ему все, что он пожелает. Но Энди отказался от этого! Я не мог понять, почему. Потом я узнал, как изменилась жизнь Энди Моргана, и понял, что хочу быть таким же. Я молил Иисуса стать моим Спасителем. Я порвал с епископом и убежал. Лод продолжает меня преследовать. Если он найдет меня, мне грозит смерть. Сейчас я хочу лишь одного: поселиться в тихом, спокойном месте и служить Всевышнему. Но я понял, что мне нельзя здесь оставаться. Я убил человека. Я недостойн жить среди таких, как вы. На следующем же корабле я вернусь, в Англию, и пусть Господь, если может, защитит меня от епископа Лода.

Внутри у Энди все кипело. Это был старый проверенный трюк. Сначала признаться в преступлении, потом заявить, что ты недостойн жить среди тех, кто тебя окружает, намекнуть, что покидаешь их, после чего они начинают умолять тебя остаться. По глазам присутствующих было видно, что сейчас так и случится.

— Он лжет! — закричал Энди. — Он хладнокровно убил Шубала Элкинса. Он продолжает работать на епископа Лода. Он приехал сюда, чтобы уничтожить поселение!

Как только он сказал это, то понял, что совершил ошибку, подыграв Элиоту. «Если ты признался, они будут защищать тебя, — говорил ему Элиот. — Они будут стоять за тебя насмерть».

— Есть ли у вас какие-либо доказательства, господин Морган? — спросил Винтроп.

— Вчера Элиот сам заявил мне, что он приехал уничтожить колонию.

Элиот тотчас обратился к Энди со смиренным видом:

— Энди, зачем ты это делаешь? Почему ты говоришь неправду? Я считал тебя своим другом. Ведь я стал христианином благодаря тебе!

Винтроп продолжал спрашивать:

— Кто-нибудь слышал ваш разговор?

— Нет, — ответил Энди.

Элиот посмотрел на собравшихся:

— Бог свидетель, я не знаю, зачем Энди обвиняет меня в том, чего я не делал. Энди, я чем-то обидел тебя? Это из-за Дженни Мэтьюз? Если тебе неприятно, я не буду с ней встречаться.

— Вопрос остается открытым, — подытожил Винтроп. — Что делать с господином Веннером, пока его невиновность не доказана?

Поднялся Роджер Вильямс:

— В приватной беседе я уже говорил об этом и хочу повторить публично. Я знаю господина Веннера как истинно верующего христианина. За время, которое мы вместе провели на борту «Лайона», он показал себя глубоко порядочным человеком, искренне интересующимся вопросами веры. Я считаю, что пока за ним не замечено дурных поступков, совершенных на территории поселения, с нашей стороны будет несправедливо держать его под стражей. И даже если обнаружится самое худшее, что с того? Посмотрите на него!

Смиренный и подавленный, Элиот, понутив голову, стоял перед прихожанами.

— Господь не раз преображал людей. Не забывайте, чему учит нас Библия. Моисей был убийцей, и все же Господь избрал именно его, чтобы повести израильтян в Землю обетованную. Царь Давид был не только убийцей, но и прелюбодеем, тем не менее из-под его пера вышли лучшие псалмы и о нем говорит Господь: «...нашел Я мужа по сердцу Моему» [\[105\]](#)! Позволим же Господу проявить свое милосердие к этому юноше, а когда

узнаем подлинные обстоятельства происшедшего, мы сможем решить все спорные вопросы, касающиеся данного преступления.

Прихожане решили последовать совету Вильямса. Никто из колонистов не мог обвинить Элиота в дурном поведении, и он остался на свободе. После того как обсуждение было закончено, Элиота обступили колонисты. Все наперебой восхищались его мужественным признанием и уговаривали остаться в Бостоне. Они обещали вместе с ним молиться за Энди, чтобы Бог простил ему ревность. Дженни Мэтьюз стояла рядом с Элиотом, держа его за руку.

Энди слышал, что речь шла и о нем. Кое-кто припомнил, как Энди и Дженни вместе ходили гулять в лес, как девушка не отходила от него с того момента, когда они сошли на берег, как он построил дом для сестер. Неудивительно, что молодой человек возненавидел Элиота — ведь он потерял из-за него Дженни.

Энди остался в одиночестве. Толпившиеся вокруг Элиота старались держаться от Энди подальше. Он повернулся, чтобы уйти, но его окликнули.

В окружении целой свиты к нему с распростертыми объятьями подошел Элиот Веннер.
— Я прощаю тебя, брат, — сказал он. — Я буду молиться, чтобы мы стали друзьями, — и, склонившись к самому уху Энди, шепнул: — Ты не сможешь мне помешать.

Кто-то догнал Энди. Он поднял глаза и увидел Дэвида Купера.

— Этот спектакль мне знаком, — сказал сапожник. — Нечто подобное я уже видел в Эденфорде.

— Он сам меня этому учил. — Энди взглянул на Купера. — Вы ему не верите?

— Скажем так, теперь я знаю, что могу доверять тебе.

Энди остановился.

— Спасибо. Мне сейчас это очень нужно.

— Так Элиот заявил тебе, что он намерен уничтожить колонию?

— Да, вчера, когда я посоветовал ему держаться подальше от Дженни.

— Что он собирается делать?

— Не знаю.

Сапожник вздохнул.

— Похоже, у нас проблема.

— Я надеюсь, что он сам себя выдаст, — сказал Энди.

— Каким образом? — спросил сапожник.

— Элиот жесток и необуздан. Ему будет тяжело долго притворяться примерным христианином. Наступает момент, когда ему нужно выпустить пар, и он пускается во все тяжкие. Он пьет, волочит за женщинами... и еще, — Энди помолчал, — он любит убивать.

— Шубал Элкинс, — сказал сапожник.

Энди кивнул.

Как Энди и ожидал, Дженни страшно рассердилась.

— Как ты мог такое сказать?! — кричала она.

Это произошло в тот же день, после «покаяния» Элиота. Разговора было не избежать, и Энди отправился к сестрам Мэтьюз. Любой ценой он должен был убедить Дженни не встречаться с Элиотом.

— Я знаю его лучше тебя! — уговаривал ее Энди. Он расположился рядом с очагом. Перед ним стояла Дженни, разгневанная и готовая заплакать. Нелл сидела на скамье у стола,

спиной к столу и лицом к сестре и Энди.

— Ты говоришь про прежнего Элиота! Он стал другим!

— Дженни, прошу тебя, поверь мне. Элиот сказал мне, что его единственная цель — сделать тебе больно и расквитаться со мной. Поэтому он здесь. Его раскаяние, его смирение — все это спектакль! Он опасен!

Дженни расплакалась.

— Он добрый и благородный, — тихо сказала она. — Всю жизнь с ним дурно обращались из-за того, что он был беден и некрасив, но теперь это в прошлом. Он стал другим.

— Ничто не изменилось! Все это сплошная игра! — воскликнул Энди.

— В Эденфорде точно так же думали о тебе! — закричала в ответ Дженни. — Только я поверила тебе! А теперь я верю Элиоту! Ты заблуждаешься на его счет, и я докажу тебе это!

Энди оказался в безвыходном положении. Ему было нечего возразить. Она права. Если бы не Дженни, он никогда не вернул бы себе расположения горожан. Но она ошибается, доверяя Элиоту. И она в опасности.

На Энди нахлынули воспоминания. Он вспомнил, как впервые увидел Дженни, которая, спорхнув по лестнице, бросилась в объятия отца, украдкой поглядывая на Энди и улыбаясь своей чудесной улыбкой; как она хихикала до слез, когда он читал Песнь песней; ее нежные поцелуи за завесой струящихся волос, когда он выздоравливал; ее преданную заботу о Нелл во время плавания. Энди было жаль ее до глубины души. Нельзя допустить, чтобы Дженни пала жертвой своей доверчивости.

— Я согласна с Энди, — сказала Нелл, поднявшись со скамьи. Она говорила негромко, и в ее голосе слышались материнские нотки. — Какое-то время ты должна держаться от Элиота подальше. Если то, что сказал Энди, правда, скоро это выяснится.

Дженни бросила на сестру негодующий взгляд. Ее подбородок задрожал, и она заплакала.

— Не нужно говорить со мной, как с ребенком! Все эти годы, — сказала она сквозь слезы, — я любила тебя, слушалась тебя, поддерживала тебя. Когда все хотели, чтобы ты вышла замуж за Джеймса, я была на твоей стороне! Когда папу арестовали и тебе снились кошмары, я утешала и успокаивала тебя! — Слезы потоком бежали по ее лицу. Ее голос дрожал и срывался. — Я надеялась, что хотя бы ты, хотя бы ты... поймешь... каково это... когда тебя никто не понимает.

Нелл тоже расплакалась.

— Дженни, но я желаю тебе только добра! Я не хочу, чтобы тебе причинили боль!

— Ты не хочешь, чтобы я была счастлива! — выкрикнула Дженни.

— Это не так!

— Так! Так! У тебя всегда будет Энди! А с чем останусь я?

Услышав эти слова, Энди невольно почувствовал радость. «У тебя всегда будет Энди». Наверное, она имела в виду лишь его преданность, а может быть, знала про сестру что-то еще, чего не знал он.

— Дженни, дорогая. У тебя есть я, а у меня есть ты. Мы всегда будем вместе.

Дженни горько рассмеялась.

— Да, это очень удобно. У тебя есть я да еще Энди, а что делать мне? Стоять в сторонке и радоваться, когда вы в конце концов признаетесь, что любите друг друга, поженитесь и заведете детей? Так не пойдет! Я тоже хочу мужа и семью! И если тот, за кого я собираюсь

выйти замуж, тебя не устраивает, мне все равно! Это не тебе решать!

Дженни выскочила из дома. Нелл в слезах бросилась вверх, к себе в комнату. Энди надеялся, что через некоторое время она спустится, но этого не случилось, и он пошел домой.

В его ушах звучал голос Элиота: «Ты не сумеешь мне помешать!»

После разговора с Дженни Энди решил следить за Элиотом. Но уже на второй день Элиот исчез, словно провалился сквозь землю.

Никто из жителей Бостона не видел его две недели. По прошествии этого срока он вернулся с огромным мешком пушнины и сказал, что ходил на охоту. Продав свою добычу, Элиот вновь ушел в лес и вновь вернулся с охапкой отлично выделанных шкур. Он очень быстро завоевал репутацию великолепного охотника. Торговцы мехом в нем души не чаяли — Элиот стал одним из основных поставщиков пушнины. И Веннер, и торговцы начали богатеть.

Энди пригласил в гости Сазакуса. Многие колонисты до сих пор не могли простить юноше его отношения к Элиоту, и Энди был рад провести вечер с тем, кто по-прежнему считал его другом. Энди приготовил моллюсков, которых набрал Сазакус, и они поужинали.

После ужина Сазакус рассказал, что среди пекотов начались разногласия. Многие были очень недовольны переселенцами. Постоянно прибывавшие колонисты занимали все новые территории. Теперь пекоты были зажаты между бухтой Наррагансетт и рекой Коннектикут. Колонисты уже начали теснить их с востока. Кроме того, обострились противоречия между пекотами и могиканами [\[106\]](#). Долгие годы два племени жили под общим управлением, но теперь у могикан образовалась группа сторонников независимости.

— Пришли тяжелые времена, — подвел он итог сказанному.

— Для нас тоже.

— И для зверей в лесу, — добавил Сазакус. — В лесу появился злой дух. Наши воины находят кроликов, енотов и других животных, повешенных на деревья. Животы зверьков распороты, глаза выколоты.

— Может быть, тебе известно про это еще что-нибудь?

— Я видел только растерзанных животных, но мои товарищи разговаривали с голландскими и французскими торговцами. Кто-то убивает охотников и крадет шкурки. Торговцы думают на нас, но мы так не поступаем.

«Элиот. Он устал притворяться. Ему захотелось выпустить пар. Он любит убивать».

Рассказ Сазакуса объяснял и отлучки Элиота, и то, как простой лондонский парень сумел за несколько недель стать первоклассным охотником. Энди тяжело вздохнул. Что толку быть правым, если тебя никто не слушает! Элиот был на свободе. Охота началась.

Элиот Веннер и Дженни Мэтьюз поженились в середине ноября, за две недели до первых снегопадов.

Свадьба состоялась под деревом для собраний. Невеста и жених с сияющими улыбками обменялись брачными обетами. Колец не было. Обмениваться кольцами принято у католиков, а поселенцы не хотели жить по их правилам.

Нелл стояла рядом с Дженни. Во время свадебной церемонии сестры переглядывались и улыбались. Они по-прежнему были вместе. Когда-то они проводили долгие часы у окна дома на Главной улице за плетением кружев, разговорами и молитвами. Они были очень дружны и всегда поддерживали друг друга. Нелл не могла оставить Дженни в такой момент. И она изо всех сил старалась не портить сестре праздник. Но по ее лицу нет-нет да и пробегала тень, словно она предчувствовала недоброе.

Для жителей Бостона свадьба была не только поводом для веселья и благодарственных молитв, она дарила им надежду на будущее. У молодой пары появятся дети, вырастет новое поколение, для которого эта земля станет родным домом.

Энди не разделял общей радости. Он чувствовал себя немногим лучше, чем перед эшафотом на Тауэр-Хилл. Там перед ним стояли епископ Лод и Кристофер Мэтьюз, победитель и побежденный; здесь — Элиот Веннер и Дженни Мэтьюз, хищник и его жертва. «Это я во всем виноват. Ведь именно моя гордыня и мое проклятое тщеславие привели хищников в дом Мэтьюзов».

На какой-то момент Энди захотел не быть христианином. Тогда бы он мог убить Элиота и не допустить свадьбы! Энди стиснул зубы и сжал кулаки, чтобы не выругаться. «Только на одну минуточку, Господи, — взмолился он, — позволь мне играть по их правилам. Я все исправлю! Элиот знает: вера в Иисуса не позволит мне воздать ему по заслугам! Господи, освободи меня от моих обязательств перед Тобой на одну минуточку, больше мне ничего не нужно!»

Но ответом свыше на молитву Энди были знакомые слова Священного Писания: «Не воинством и не силою, но Духом Моим, говорит Господь Саваоф». Эти слова произнес отец Дженни, когда жители Эденфорда хотели организовать вооруженное сопротивление, те же самые слова он вспомнил перед смертью. «Кристофер Мэтьюз жил и умер, веря этим словам. Значит, я тоже должен верить им». Энди разжал кулаки.

После окончания церемонии Дженни пробралась через толпу поздравляющих и подошла к стоявшему в стороне Энди. Ее длинные волосы развевались на ходу, а глаза сияли. Она улыбнулась самой очаровательной из своих улыбок, которая так тронула юношу, что он пришел в полное смятение.

— Энди! Я так рада видеть тебя на моей свадьбе! — Она обняла его и нежно прижала к себе.

Свежесть, которой пахли волосы Дженни, тепло ее тела были невыносимы. Он притянул к себе девушку и прижался щекой к ее лбу.

— Мы с Элиотом будем счастливы! — воскликнула Дженни. — Увидишь, он хороший человек. Мы приглашаем тебя и Нелл на обед. — Она слегка отстранилась, чтобы посмотреть ему в глаза. — Она любит тебя, Энди.

— Дженни, я всегда желал тебе только добра, — сказал Энди.

— Теперь я понимаю это, — она улыбнулась ему, и на ее глазах показались слезы. — Все к лучшему! У тебя есть Нелл, а у меня — Элиот.

Энди прижал ее к себе. «Ах, если бы я не отпустил ее тогда... Неужели Элиот добился своего?»

— Дженни, — раздался голос Элиота, — иди-ка сюда на минутку. Я хочу тебе что-то показать.

Дженни Веннер высвободилась из объятий Энди и пошла на зов мужа.

— Господь с тобой, Дженни, — сказал Энди.

После долгого перерыва Энди поднимался на невысокий холм, на котором стоял дом, выстроенный для Нелл и Дженни. Теперь в нем осталась одна Нелл. Было воскресенье. Нелл пригласила его на обед. В прошлый раз она позвала его, потому что работала над летописью колонии. Но сегодня приглашение было неожиданным.

Октябрь подходил к концу. С холма было видно, как в бухте лениво плещется залив. Листья с деревьев уже облетели.

Энди хотелось, чтобы день прошел спокойно. Но он с грустью признавал, что это всего лишь мечта, — на душе у него скребли кошки.

Вместе с Дэвидом Купером он навестил Винтропа и рассказал про «злого духа», который хозяйничает в лесу. Сапожник пошел вместе с ним, чтобы подтвердить страшные подробности убийства, совершенного в Эденфорде. Уже у губернатора Энди пожалел, что не прихватил с собой Сазакуса: Винтроп мог получить информацию из первых рук. Как выяснилось, тот уже слышал об изувеченных животных от индейцев и охотников. Винтроп признал, что в обеих историях есть нечто общее и, вероятно, Элиот имеет к ним отношение. Но без прямых доказательств он ничего не мог предпринять. Когда Энди попытался проявить настойчивость, губернатор заявил, что Энди в обоих случаях тоже находился поблизости. Не исключено, что это его рук дело. Очередная попытка остановить Элиота закончилась ничем.

«Прошу тебя, Господи, — взмолился Энди, подходя к дому Нелл, — о немногом: подари мне спокойный день».

В этот момент дверь отворилась, и на пороге появился Джеймс Купер. За его спиной стояла Нелл. Молодые люди не замечали Энди. Джеймс обернулся, чтобы попрощаться, и Нелл обняла его. Рыжий великан тоже обнял Нелл, и Энди показалось, что он слишком крепко прижал ее к себе.

— Спасибо, — улыбаясь, сказала Нелл. — Я очень тебе благодарна.

Лишь когда Джеймс повернулся, чтобы уйти, они увидели Энди. Джеймс молча прошел мимо него. Он улыбался, приподняв густые рыжие брови.

— Входите, мастер Морган! — приветливо пригласила Нелл.

— Что он здесь делает? — недовольно пробурчал Энди.

Ее глаза гневно сверкнули.

— С каких это пор я должна спрашивать у тебя разрешения, кого мне приглашать к себе в дом?

«Не слишком хорошее начало, Энди», — сказал себе юноша.

— Ты права. Извини. Сорвался... В последнее время я сам не свой...

Он не закончил фразу, добавив мысленно: «Особенно когда дело касается тебя».

— Извинение принято, — сказала Нелл. Эти слова она произнесла ледяным тоном.

Энди вошел в дом и увидел, что в гостиной никого нет.

— Придет кто-нибудь еще? — спросил он.

— Нет.

Ему захотелось напомнить Нелл ее слова, сказанные в прошлый раз: «Тебе не стоит оставаться со мной наедине. Люди ведь болтают всякое. Если бы я знала, что Дженни уйдет, я позвала бы Рамсденов». Но Энди промолчал. Лучше не портить этот день.

Еда была очень вкусной. Запеченная треска, хлеб и кукуруза. Нелл вела себя тепло и сердечно. Энди пребывал в некотором недоумении, но ему было очень хорошо.

— Я думал, ты хочешь меня еще о чем-то расспросить, — сказал он.

— Нет, — ответила она.

Нелл начала убирать со стола. Энди не знал, куда девать руки.

— Понятно, — сказал он. Взяв ложку, он стал постукивать ей по столу. Она забрала у него ложку и положила ее вместе с остальной посудой. Они оказались спиной друг к другу. Нелл мыла посуду, Энди сидел за столом.

— Я хочу вернуться в Англию, — сказала она.

— Не может быть! — Энди вскочил.

Нелл продолжала стоять к нему спиной.

— Джеймс приходил из-за этого, — пояснила она. — Весной он собирается возвращаться. Ему здесь не нравится. Я смогу уехать с ним.

— Но ты говорила, что не любишь его! — в отчаянии закричал Энди.

— Да, я не люблю его! — Нелл резко обернулась и посмотрела на Энди, как на дурачка. — Я возвращаюсь не для того, чтобы выходить за него замуж! Мы просто поплывем на одном корабле, как друзья.

— Не могу поверить, что ты хочешь вернуться! А как же епископ Лод?

— Чем он хуже этого проклятого места?! — с сердцем крикнула Нелл. Она с трудом сдерживалась. — Если ты прав насчет Элиота, какая разница, где жить? С тем же успехом он может убить меня здесь! Если не он, так индейцы, если не они, я умру от голода или болезни! — Она расплакалась. — Мне здесь нечего делать! Здесь меня ждут только страдания и смерть! У меня нет близких... Я потеряла Дженни... Элиот заставит ее страдать, Энди! Я знаю это, я чувствую. Я не могу смотреть на это сквозь пальцы... Это убивает меня!

Всхлипывая, она упала в его объятия.

Энди прижал ее к себе. Помолчав, он тихо и твердо сказал:

— Если ты отправишься в Англию, я поеду с тобой.

Она слегка отстранилась и заглянула ему в глаза. Ее лицо было мокрым от слез. Она ничего не говорила, продолжая неотрывно смотреть на него.

— Я часто вспоминаю Эденфорд, — наконец сказала она. Достав носовой платок, Нелл села к столу.

Энди сел рядом. Он засмеялся.

— Ты что?

— Я вспомнил, как ты попросила меня описать Бога.

— Я попросила рассказать, во что ты веришь, — поправила она. Ей было приятно вспоминать об этом. — И ты сказал, что Бог живет на дереве!

— Я указал на небо! — возразил Энди.

Они дружно рассмеялись.

— Никогда не забуду выражение твоего лица, когда ты читал нам с Дженни Песнь песней.

— Ты нарочно это подстроила!

— Только потому, что ты хотел заставить нас слушать перевод отвратительного короля Якова!

Погрузившись в воспоминания, они замолчали.

— Я помню, как ты сказала, что никогда не уедешь из Эденфорда, — сказал Энди.

— Я никогда не хотела этого.

Воцарилось неловкое молчание. Нелл разглядывала кончик своего указательного пальца. Энди катал по столу шарик из хлеба.

— Энди, мне страшно здесь, — дрогнувшим голосом произнесла она.

— Я понимаю.

— Ты правда поедешь со мной в Англию?

— Без тебя мне здесь делать нечего.

— Но мне ничто не угрожает. Никто не знает, что Джастин — это я. А если ты вернешься, Лод может убить тебя!

— Я знаю.

— И несмотря на это, ты поедешь со мной?

Энди кивнул.

Нелл снова посмотрела на свой палец.

— Я помню выражение твоего лица, когда я сказала, что Джеймс сделал мне предложение.

— Я был в отчаянии, — признался Энди.

— Если не ошибаюсь, ты поздравил меня!

— А что мне оставалось делать?

— Ты мог запретить мне выходить за него.

Энди засмеялся.

— Ты бы меня послушалась?

— Нет, — улыбнулась Нелл.

Энди продолжал катать хлебный шарик по столу.

— Я помню, как ты сказала мне, что любишь меня, — тихо произнес он.

Нелл, не отрываясь, изучала кончик своего пальца. Она беззвучно заплакала. Подняв голову, она вытерла слезы.

— Я и теперь тебя люблю, — прошептала она.

Энди не верил своим ушам.

Нелл засмеялась, потом прикрыла рот рукой.

— Жаль, что ты не видишь себя со стороны, мастер Морган!

— Ты любишь меня?

— Да, Энди. Мой милый Энди.

Он обнял Нелл и, изо всех сил прижимая к себе, словно боясь, что что-то может их разлучить, стал целовать ее.

— Энди, мой дорогой Энди, сможешь ли ты когда-нибудь простить меня? — плача, спросила Нелл между поцелуями.

— Тсс! Все хорошо!

— После папиной смерти я возненавидела тебя. Я винила тебя во всем.

Энди гладил ее по голове.

— Теперь это не имеет значения.

— Я не хотела прощать тебя, но я всегда любила тебя.

— Ничто и никогда, — пообещал он, — больше не разлучит нас!

Когда Энди спустился с холма и направился к своей хижине, было уже поздно. Ему хотелось кричать. Ему хотелось петь. Ему хотелось рассказать кому-нибудь, все равно кому, что Нелл Мэтьюз любит его. Он засмеялся. Остановившись на склоне, он посмотрел вверх.

— Господь, Ты чудесен! — прокричал он в небо. — Ведь я просил лишь о том, чтобы день прошел спокойно!

В следующее воскресенье вместе с Энди и Нелл на утреннюю службу пришел Сзакус, а потом остался пообедать с ними. Индеец проявлял неподдельный интерес к Богу британских колонистов. Он регулярно посещал службы и теперь хорошо знал, когда нужно встать, когда сесть, и иногда тихонько подпевал прихожанам. Он внимательно слушал проповедь, несмотря на то что по-прежнему понимал меньше половины, и на протяжении всей молитвы держал глаза закрытыми (спустя какое-то время Энди перестал проверять его).

В то воскресенье Сзакус был сильно расстроен. Сначала все шло хорошо. Его преподобие Хиггинсон, как водится, обратился к Богу, после чего все исполнили первый гимн. Элиот и Дженни еще не пришли — они, по обыкновению, опаздывали. Спев гимн, прихожане стали усаживаться на свои места. В эту минуту появились Веннеры. С ними тоже пришел индеец.

Прихожане одобрительно переводили глаза с Энди, Нелл и Сзакуса на Элиота, Дженни и их друга-индейца Ункаса [\[107\]](#). Элиот делал все, чтобы поселенцы могли им гордиться. Он стал отличным охотником и, разбогатев, купил дом у состоятельной семьи, которая вернулась в Англию. Он женился на достойной девушке, исправно посещал церковные службы и хорошо исполнял домашние обязанности, а теперь последовал примеру Энди, который сумел подружиться с индейцами. Жители Бостона не понимали, почему Энди не радуется его успехам вместе с ними.

От восторга никто из прихожан не обратил внимания на реакцию Сзакуса. Увидев индейца, сопровождавшего Элиота и Дженни, тот пришел в такое смятение, что до конца службы был сам не свой. Энди наклонился к нему и спросил, что случилось. «Потом», — ответил Сзакус. Он так волновался, что едва ли был в состоянии слушать проповедь. Он даже не понял — пока люди не начали подниматься с мест, — что служба закончилась.

— Энди! Нелл! — Элиот помахал им рукой. Дженни держала его под руку, но по ее лицу было видно, что она делает это не по доброй воле. Она стояла, низко опустив голову и не поднимая глаз. Ее подбородок дрожал.

Ункаса окружили прихожане, которые хотели пожать ему руку. Оказавшись в центре всеобщего внимания, индеец держался довольно скованно.

Сзакус отошел в сторону. Когда Энди помахал ему рукой, тот покачал головой, предпочитая держаться поодаль.

— Я хочу вас кое с кем познакомить, — сказал Элиот, когда Энди и Нелл подошли к нему.

Энди почувствовал отвращение. Элиот наслаждался своим триумфом. С улыбкой он кружил над своей жертвой, словно гриф, не упуская случая нанести удар. Несмотря на внешнее дружелюбие Элиота, Энди понял, что он хотел сказать: «Ты не сможешь мне

помешать».

— Я представлю вам моего друга, — не умолкал Элиот. — Энди Морган, это Ункас. Ункас из племени могикан.

Энди протянул руку. Неулыбчивый индеец сжал ее так сильно, что ему стало больно. Нелл не подала ему руки. Могиканин устремил на нее холодный взгляд. Он разглядывал девушку столь пристально, что ей стало неловко.

— Может, нам с тобой суждено стать миссионерами! — Элиот говорил громко, чтобы его слышали все.

В то время как Элиот наслаждался одобрением окружающих, Ункас своим холодным взглядом смерил Сазакуса, который продолжал держаться в отдалении.

— Как твои дела? — спросил Энди, обращаясь к Дженни.

— Нет никого счастливее нас! — ответил за жену Элиот, похлопав ее по руке. — Она потрясающая женщина!

Дженни молчала. Когда она подняла голову, Энди заметил синяк у нее под глазом. Он с трудом сдержался, чтобы не наброситься на Элиота.

Энди и Нелл поняли, что в этот день им не стоило приглашать на обед гостя. То, что случилось с Дженни, не давало им покоя. Сазакус был еще молчаливее, чем обычно. Энди знал, что его друг не отличался разговорчивостью, предпочитая слушать и наблюдать, нежели говорить. Но в тот день, переступив порог дома, он не проронил и двух слов.

— Тебе не нравится Ункас? — спросил Энди, когда они приступили к еде.

— Он нехороший человек.

— Ты думаешь, что Бог его не интересуется? — спросила Нелл.

— Ункаса интересуется только Ункас.

— Тогда зачем он пришел в церковь?

Сазакус уставился в свою тарелку.

— Не знаю, — сказал он.

После обеда все трое какое-то время безуспешно пытались подыскать тему для общей беседы. Они поговорили о том, когда выпадет первый снег, и вспомнили, что в прошлом году осень была долгой. Сазакус обрадовался, узнав, что к этой зиме Переселенцы подготовились лучше, чем к минувшей. Он рассказал Нелл и Энди, что у него на примете есть одна индейская девушка и следующей зимой он надеется привести ее в свой вигвам.

Сообщил он своим друзьям и о том, что Ункас — второй человек после вождя в совете племени и лидер группы могикан, недовольных союзом могикан с пекотами. Он славился своей жестокостью и был очень честолюбив. Ункас хотел стать вождем могикан.

Сразу после обеда Сазакус ушел. Он любезно поблагодарил хозяев и вернулся в лес.

— Энди, я боюсь! Что нам делать? — спросила Нелл.

Они сидели у огня. Энди зарылся лицом в ее волосы.

— Мне тоже страшно, — ответил он. — Мы можем лишь уповать на Господа и ждать удобного случая.

— Но он бьет ее!

— Я знаю, — сказал он тихо. — Я знаю.

— Неужели нельзя ничего сделать?

— Многие мужья бьют своих жен, — сказал Энди. — Это не считается преступлением.

Перед ними уютно потрескивал огонь. Только здесь, дома, у камелька, сжимая друг

друга в объятиях, они чувствовали себя в безопасности. Именно здесь, дома, они приняли решение остаться в колонии. Опасность все равно будет подстерегать их повсюду, где бы они ни поселились. Наверняка они знали лишь одно: теперь они никогда не расстанутся.

— Думаешь, он убьет ее? — спросила Нелл.

— Ему нравится причинять боль.

— Ты не ответил на мой вопрос.

Энди почему-то — возможно, опрометчиво — не верил, что Элиот может убить Дженни. У него были более грандиозные планы.

— Думаю, нет. Но надо поразмыслить, как связаться с Дженни, если ей понадобится помощь.

Нелл заглянула ему в глаза, готовая немедленно действовать, делать все, что угодно, только бы не сидеть, беспомощно сложа руки.

— Мы должны сделать это как можно скорее, — сказал Энди. — Рано или поздно он посадит ее под замок.

— Почему?

— Дженни уже начала понимать, кто он такой. Для Элиота это опасно. Он не может рисковать, позволяя ей делиться своими мыслями с другими.

Нелл понимающе кивнула.

Энди рассказал Нелл про шифр, который он и епископ использовали при переписке.

— Ничего не выйдет, — быстро сказала Нелл.

— Почему?

— У нас разные переводы Библии, — объяснила она. — У меня и Джейн — Женевская Библия. А у тебя другой перевод.

Энди пропустил это замечание мимо ушей.

— Значит, Джейн должна писать только тебе, или, допустим, ей придется использовать стихи целиком. Мы найдем выход.

Он показал Нелл, как выглядит зашифрованное послание.

— Так вот что было на том листке в твоей Библии!

Энди взглянул на девушку.

— Ты видела в моей Библии шифровку?

Она кивнула.

— Да. Папа оставил Библию в своем кабинете. Я не поняла, что это за цифры, да меня это и не слишком интересовало.

— А письмо Элиота ты тоже видела?

— Не хотите ли вы, мастер Морган, упрекнуть меня в том, что я рылась в ваших вещах? На шифровку я наткнулась случайно.

Поддразнивая ее, он спросил:

— Ты потихоньку читала ужасную, запрещенную, возмутительную Библию короля Якова?

— Мне было интересно! — начала оправдываться Нелл.

Они поцеловались.

Энди понимал, что в его плане есть слабые места. Если Элиот заметит, что Дженни передала кому-то из них записку, ей несдобровать. Нужен человек со стороны. Куперы не подходят, поскольку они из Эденфорда. Кому они могли бы довериться? Рамсдены. Элиот не знает о том, что они с Нелл дружат с Маршаллом и Мэри.

— Нельзя допустить, чтобы Элиот нашел зашифрованную записку! — сказал Энди. — Прочесть ее невозможно, но он уже видел этот шифр и сразу поймет, чьих это рук дело!

— Будем молиться, чтобы Господь сделал его слепцом! — сказала Нелл.

Энди спускался по склону к своей хижине. Морозило. Скоро выпадет первый снег. На ясном небе светила луна. Энди никак не мог привыкнуть, что здесь она такая маленькая. В Англии луна была просто огромной.

Он заметил, что с его хижинкой что-то не так. Ему показалось, что рядом кто-то стоит. Силуэт был едва различим. Энди ускорил шаг, взглядываясь в вигвам, потом побежал. Это был человек. Он не просто стоял, он прижимался к хижине спиной. Энди побежал быстрее.

— Господи, нет! — закричал он.

К вигваму был привязан Сазакус. Его руки и ноги были прикручены к жердям кожаными ремнями. Он не шевелился.

Приблизившись, Энди увидел страшную картину. Обнаженное тело индейца представляло собой сплошную рану. Вспоротая кожа, покрытая сотнями кровоточащих ран, обнажала мышцы. Его заледеневшие щеки трепетали, как жабры рыбы, которую вытащили из воды.

На Сазакусе не осталось живого места, и Энди совсем потерял голову. Он не знал, как помочь другу, с чего начать. Молодой человек попытался отвязать одну руку.

— Сазакус! Держись! Я помогу тебе!

Индеец с трудом открыл глаза. Прижатый спиной к изогнутой стене вигвама, он мог смотреть только вверх, на звезды.

— Унн...кксс.

Энди не слышал друга.

— Потерпи чуть-чуть, сейчас я освобожу тебя, — но он говорил неправду. Трясущимися руками юноша пытался развязать кожаные ремни, но у него ничего не получалось.

— Унн...касс, — снова прошептал Сазакус.

— Ункас? Это сделал Ункас?

Индеец еле заметно кивнул.

— С ним кто-то был?

Снова кивок.

— Элиот Веннер?

Индеец опять кивнул.

— Помо...ись за ме...

— Держись, Сазакус, — в отчаянии закричал Энди, воюя с узлами.

— Помолись за ме...

— Помолиться за тебя?

Сазакус кивнул и уронил голову. Энди понял, что его друг умер.

Вне себя от ярости, Энди со всех ног бросился к дому Элиота. Он стучал в дверь, звал Элиота, угрожал, но в доме стояла тишина. Он обошел дом вокруг, стуча в закрытые ставни. Никто не отзывался. Сломав толстый сук и используя его как таран, Энди сумел открыть входную дверь. В доме было темно. Он обежал все помещения в поисках Элиота, но ни его, ни Дженни не было дома.

Элиот вернулся в поселок неделю спустя, увешанный связками шкурок. Он сказал, что ходил на охоту и взял с собой жену, чтобы показать ей, чем он занимается, когда уходит из дома. Часть времени она провела у пекотов. Когда ему рассказали об убийстве Сазакуса, он весьма правдоподобно изобразил потрясение и глубокую скорбь. Для большинства жителей колонии этого оказалось достаточно. Элиот не удивился, что к убийству приложил руку Ункас. Эти двое никогда не ладили. По словам Элиота, покойный был невменяем и опасен.

Несмотря на возражения Энди, губернатор Винтроп не видел причин обвинять Элиота в смерти Сазакуса. Исходя из рассказа Энди, индеец ни разу не произнес имени Элиота. Возможно, его кивок был агонией, а этого мало, чтобы осудить человека за убийство.

Под предлогом того, что ей нужно передать Дженни нитки для вышивания, Нелл пришла в дом Веннеров. Элиот не хотел пускать ее и сказал, что сам передаст жене то, что она принесла. Нелл настояла на своем, объяснив, что хочет повидать Дженни. Хотя ей удалось войти в дом, Элиот не отходил от сестер ни на шаг. Нелл не спеша стала показывать Дженни новые стежки и различные приемы вышивки. Элиоту было смертельно скучно, но он не уходил. Один раз он прервал женщин, потребовав, чтобы Дженни принесла ему кружку пива. Она оборвала разговор на полуслове и опрометью бросилась выполнять приказание мужа.

Пока сестры беседовали, Элиот выпил всю кружку. Нелл предложила Дженни принести мужу еще пива, а потом еще.

Когда Элиот вышел, чтобы облегчиться, Нелл рассказала сестре про шифр.

— Как она выглядит? — спросил Энди.

У Нелл задрожали руки. Она старалась не расплакаться.

— Энди, она боится его до смерти. Ты бы ее не узнал. Она исхудала и побледнела. Она вздрагивает, когда он заговаривает или приближается к ней. Она перестала улыбаться. У нее потухли глаза. Она сказала мне, что Элиот побьет ее за то, что я пришла в гости, — Нелл не могла больше сдерживать слезы. — Хорошо, что папа этого не видит!

Зима в 1631 году выдалась суровая. С января и до конца февраля не прекращались сильные снегопады. Женщины почти не выходили на улицу. Они хлопотали по хозяйству, стряпали и ухаживали за больными. Колонисты видели друг друга редко, поэтому отсутствие Дженни никого не встревожило.

Энди и Нелл удалось встретить ее вновь лишь в первое воскресенье марта на церковной службе. Дженни с Элиотом опоздали к началу. Нелл с трудом узнала сестру. Она была бледна как полотно, ее щеки ввалились, а под глазами виднелись темные круги. Правая рука у нее была подвязана; Элиот сказал, что она сломала руку, поскользнувшись на лестнице. За время службы Дженни ни разу не подняла глаз и не улыбнулась.

Весной Элиот опять стал ходить на охоту. Однако теперь он уже не отлучался на две-три недели, как раньше. Он уходил на день, самое большее на два.

Однажды Нелл случайно заметила, что он пошел в лес, выждала час и бросилась к его

дому повидать Дженни. Снаружи дверь была заперта на засов, а щеколда привязана полосами кожи. Ставни крепко заколочены. Нелл постучала, давая понять, что это она. Из-за двери послышался слабый голос Дженни. По голосу было слышно, что она нездорова. Она сипела, громко шмыгала носом и каждые несколько минут заходилась глухим, хриплым кашлем. Когда Нелл сказала, что хочет открыть дверь и войти, у Дженни началась настоящая истерика. Она умоляла сестру немедленно уйти. Нелл не соглашалась, и Дженни просто обезумела от ужаса. Заплетающимся от страха языком она сказала, что если Элиот узнает, что к ней приходила Нелл, он убьет и ее, и Энди. Только после того как Нелл пообещала уйти, Дженни немного успокоилась.

Нелл вернулась домой в отчаянии и проплакала весь день. Пыталась повидаться с Дженни и Энди, но тоже безуспешно.

В конце концов то, что не удалось им, смогла сделать Мэри Рамсен. Она уговорила Дженни позволить ей вскрыть ставни, чтобы передать еду и лекарства. Когда Элиот вернулся и обнаружил, что окно открыто, он избил жену.

Полтора месяца никто из колонистов не видел Дженни. Все это время Нелл считала своим долгом приходить к дому Веннеров всякий раз, когда Элиот уходил. Она подолгу ждала под окном, чтобы просунуть в щель листок бумаги. Она писала Дженни о том, как любит ее, и напоминала о любви Господа. Большинство ее письма содержали слова утешения и поддержки из Псалмов: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня» [\[108\]](#). Нелл надеялась, что сестра сжигает письма после прочтения.

Однажды, просовывая в щель листок, она услышала слабый голосок Дженни.

— Нелл?

— Дженни! Я так рада тебя слышать! Как ты, родная моя?

— Сегодня мне приснился папа.

— Папа?

— Он звал меня. Он сказал, что все будет хорошо, Нелл. Папа сказал, что все будет хорошо.

— Да, Дженни. Все будет хорошо.

— Нелл?

— Да, Дженни?

— Он сказал мне, что любит меня.

— Да, Дженни. Папа любит тебя. И я тоже.

Поселение Бостон разрасталось. Начался строительный сезон, и все стремились внести посильную лепту в изменение облика города. Дни стали длиннее, и переселенцы без сожаления расставались с зимней одеждой. Город дышал надеждой. Жители залива Массачусетс были близки к воплощению своей мечты — превратить пустыню в град Господень.

Энди вышел из хижины и потянулся, разминая ноющие мышцы. День выдался удачный. Мышцы у него болели из-за того, что он помогал Дэвиду Куперу таскать бревна. Дэвид решил построить мастерскую. Мысль о том, что у него снова появится собственное дело, приводила сапожника в восторг. У него не было денег на строителей, и Энди, владевший кое-какими навыками плотницкого ремесла, предложил ему свою помощь. В разгар рабочего дня Джон Винтроп и Алекс Хатчинсон, член совета колонии, отвели молодого человека в сторонку и спросили, не хочет ли Энди, к которому жители Бостона испытывают

глубочайшее уважение, войти в совет. Энди едва дождался обеда — ему не терпелось поделиться этой новостью с Нелл.

— Энди! Энди! — он увидел, что к его дому, запыхавшись, бежит Мэри Рамсен. В руке у нее было что-то похожее на рамку от картины.

— Дженни... — выдохнула она.

Энди схватил Мэри за плечи.

— Что с ней?

Тяжело дыша, Мэри сказала:

— Дженни дала мне вот это, — она показала ему вышивку. На ней был изображен домик, а над ним солнце и облака. — Я шла мимо их дома... Она помахала мне из окна и протянула вот это. Потом позади нее появился Элиот... Она испугалась, так испугалась... — Мэри судорожно перевела дыхание. — Она сказала, что благодарит меня за то, что я помогала ей, когда она болела. Но мне кажется, здесь зашифровано какое-то сообщение.

— Почему ты так решила?

— Она говорила, что особенно хорошо вышла кайма. Дженни повторила это дважды. Она была напугана. Просто в ужасе.

Энди впился глазами в кайму. Так... Крестики, вышитые коричневой, желтой и оранжевой нитью. На первый взгляд, они располагались совершенно беспорядочно. Сверху ничего, справа тоже... стоп! Вот оно! Внизу. Три числа — сорок, двадцать один, тридцать пять.

Энди сунул вышивку Мэри.

— Никуда не уходи! — Он нырнул в хижину и через секунду появился с Библией в руках.

— Какое первое число?

— Сорок, — взглядываясь в вышивку, ответила Мэри.

Энди отсчитал сороковую книгу.

— Сорок! Евангелие от Матфея. Дальше.

— Двадцать один.

Энди открыл двадцать первую главу.

— Дальше.

— Тридцать пять.

Он нашел нужный стих и прочитал вслух: «Виноградари, схватив слуг его, иного прибили, иного убили, а иного побили камнями».

— Господи, помоги нам! — воскликнула Мэри.

— Мэри, беги за Маршаллом. Скажи ему, чтобы шел к дому Нелл. Пусть возьмет ружье.

Мэри решительно кивнула и побежала домой.

Энди достал свой мушкет и зарядил его. Когда он высыпал на полку порох, у него дрожали руки. Схватив оружие, он помчался к дому Куперов.

Маленький Томас играл со своими друзьями на лужайке за домом. Уже почти стемнело, но его было легко отличить от других детей по неловким, скованным движениям. Он так и не оправился до конца после того, что случилось в красильне.

— Томас! Быстрее иди сюда!

— Господин Морган! — Мальчик радостно подбежал к нему.

— Томас, слушай меня внимательно, — почувствовав, как Энди серьезен, ребенок весь превратился в слух. — Беги домой и приведи отца и Джеймса...

— Но Джеймс завтра уплывает в Англию, — перебил его мальчик.

— Это важнее. Скажи им, чтобы шли к дому Нелл. Пусть возьмут с собой ружья. Скажи им, что Нелл нужна помощь. Бегом!

Томас заторопился, насколько позволяли ему непослушные ноги.

В письме Дженни говорилось об опасности, но что и когда должно произойти, было непонятно. Однако теперь для Энди уже не имело значения, замышляет Элиот что-то сегодня, завтра или через месяц. С этим необходимо покончить немедленно.

Прежде всего он подумал о безопасности Нелл. О ней позаботятся Маршалл и Куперы. Сам он зашагал к дому Элиота. Нужно выручать Дженни.

Дом Веннера был погружен во мрак. Энди обошел жилище Элиота со всех сторон, стараясь не подходить к нему слишком близко. Он хотел посмотреть, не мелькнет ли за ставнями огонек. Ничего не заметив, молодой человек бесшумно подкрался к дому и спрятался за деревом (взмокшими руками он сжимал мушкет). Затем осторожно поднялся на крыльцо и подергал дверь. Скрипнув, она поддалась. Тогда Энди распахнул ее, толкнув плечом, и бросился внутрь, в кромешную тьму. Лишенный возможности видеть, он напряженно ждал какого-нибудь шороха. Но комната была пуста.

От волнения юноша тяжело дышал. Он подождал, пока глаза немного привыкнут к темноте, и облизнул пересохшие губы сухим языком. В этом доме было что-то гнетущее. Попав сюда, Энди еще острее почувствовал, что должно произойти что-то страшное.

Когда его глаза начали различать предметы, от того, что он увидел, ему чуть не стало плохо. Его окружали мертвые животные... Еноты, кролики, белки... Они валялись на полу со вспоротыми животами и вываливающимися внутренностями. Они были прибиты к стенам.

— Элиот! — закричал он и, преодолевая тошноту, бросился на второй этаж.

Комнаты наверху выглядели не лучше гостиной. Столы опрокинуты. Повсюду разбросана одежда. Из комодов, точно высунутые с издевкой языки, торчали наполовину выдвинутые ящики. Повсюду валялись обезображенные трупы животных, некоторые из них были одеты в вещи Дженни.

От этого зрелища Энди сделалось так дурно, что, спускаясь вниз, он вынужден был держаться за стену.

Оказавшись на свежем воздухе, он немного пришел в себя. Впервые в жизни Энди был так рад, что вышел из дома на улицу. Ему оставалось только присоединиться к друзьям. Вместе они смогут решить, что делать дальше.

Чтобы добраться до дома Нелл, Энди должен был вернуться вдоль опушки леса к своей хижине и выйти на дорогу, которая поднималась на холм. Вокруг стояла тишина, словно ничего не случилось и наступал самый обычный вечер.

Из леса послышался крик. Дженни!

— Энди, беги! Он убьет тебя! — на опушке леса стояла Дженни. Одна. С трудом держась на ногах, она опиралась на дерево.

Энди ринулся к ней.

— Нет! — закричала она. — Беги, Энди, беги!

В эту секунду из-за дерева показалась рука, которая ударила ее, повалив на землю. Падая, она жалобно вскрикнула.

Чтобы добраться до Дженни, Энди нужно было пересечь лужайку.

Из-за дерева вышел Элиот Веннер. Даже издали Энди заметил на его лице большие

белые круги, обведенные вокруг глаз. На нем не было ничего, кроме набедренной повязки. Грудь, руки и ноги разрисованы краской. Он схватил Дженни за волосы и рывком заставил встать. С жутким смехом, напоминающим вопли гиены, он потащил ее в лес.

— Элиот! — крикнул Энди.

Юноша бросился в лес, пытаясь по шороху деревьев и кустов понять, куда они ушли. Вон они! Элиот тащил за собой Дженни, зажимая ее рот рукой. До Энди долетели приглушенные крики.

«Сопrotивляйся, Дженни, тогда я смогу догнать вас!»

Энди успел сделать три шага. Его нога зацепилась за какое-то ползучее растение, стелющееся по земле, и он упал, растянувшись во весь рост и выронив мушкет. Внезапно из-за деревьев появились индейцы. Пять. Десять.

Бумм! Буммм!

Они ритмично постукивали дубинами.

Буммм! Бу-уммм! Бу-у-уммм!

Резкий удар по затылку заставил его на несколько секунд потерять сознание. Очнувшись, он понял, что лежит уткнувшись лицом в землю. Глаза застилал туман. Послышался непонятный треск. Потом еще какие-то звуки. Голоса.

Дженни? Где-то плакала Дженни?

Он не мог разобрать слов. Голоса были мужские.

— Нет!

Снова треск.

— Сначала женщину в доме.

Все утонуло во тьме.

Он почувствовал вкус земли. В рот набились земля и листья. Затылок раскалывался, боль отдавалась в висках. Лес. Он все еще в лесу. Сколько он так пролежал? Вокруг было темно и сыро. Ружейные выстрелы. Энди понял, что за треск он слышал, когда пришел в себя. Это были выстрелы.

«Выстрелы! Дженни! Нет, Нелл! Женщина в доме!»

Энди встал на четвереньки. Голова раскалывалась на части. Он старался не обращать внимания на боль. Приступ тошноты едва не свалил его на землю. Он нащупал рукой ствол дерева и, опершись на него, встал.

Энди приказал себе сделать шаг. «Я нужен Нелл. Я обещал позаботиться о ней. Я должен идти».

Мушкет. Он оглянулся в поисках оружия. Мушкет исчез!

Спотыкаясь, Энди пошел вперед. Он пересек лужайку, отделявшую лес от английских вигвамов. Из труб к ясному небу поднимались тонкие струйки дыма. Хозяева некоторых хижин уже потушили свет и легли спать. Несколько человек вышли из своих жилищ и стояли, вглядываясь во тьму, — туда, где находился дом Нелл. Мужчины прижимали к себе жен. Они слышали выстрелы, но ничего не видели из-за деревьев.

Звук шагов Энди напугал их. Они бросились к нему с вопросами. Он не ответил.

Он выбежал на дорогу, которая спускалась к холму, где стоял дом Нелл. Быстрее. Надо спешить. Он задыхался. В висках стучало. Он бежал что было сил, думая об одном: «Спасти Нелл. Я должен спасти Нелл».

Обогнув выступ леса, он увидел дом. Ставни закрыты. Через щели виднелись узкие

полоски света. Энди остановился. На первый взгляд все было в порядке.

Немного успокоившись, он побежал дальше, напряженно вглядываясь во тьму и прислушиваясь. Когда Энди поднимался по склону холма, справа открылся вид на залив. Он безмятежно расстилался перед юношей, поблескивая бликами лунного света. До дома Нелл было еще далеко. Энди предстояло пересечь большой луг. Стояла полная тишина.

Подойдя поближе, Энди увидел на лугу темные пятна. Еще ближе. Это были люди. Они лежали ничком. Мертвые. Один, два. Три. Их было трое. Три мертвых индейца.

Дикий крик разорвал тишину. Из темной лесной чащи на полном скаку появилась лошадь, за ней бежали десятки индейцев. Элиот! Огненно-рыжие волосы развевались на ветру. Он мчался прямо на Энди.

— Беги, сынок! Беги!

Это кричал Дэвид Купер, который стоял на пороге дома Нелл с мушкетом в руках. Он махал Энди, показывая, что нужно бежать к дому.

Глаза Элиота вылезали из орбит от ярости, белая краска вокруг глаз усиливала жуткое впечатление. Его лицо искажала отвратительная гримаса. Он кричал, как раненый зверь.

На ватных ногах Энди изо всех сил бежал к открытой двери, каждый шаг отдавался в голове острой болью. До дома было слишком далеко. Элиот стремительно приближался. Ему не успеть. Сердце Энди готово было выскочить из груди. Индейцы не отставали от Элиота ни на шаг. Все они с оружием наперевес неслись прямо на Энди. На бегу они оглушительно кричали. Они бегут слишком быстро. Ему не успеть.

Ставни дома распахнулись.

Раздался треск. Из окон стреляли.

Лошадь Элиота почти поравнялась с Энди. Один индеец упал и покатился по земле.

Снова послышались выстрелы. Лошадь Элиота рухнула на землю, заставив ездока перелететь через ее голову. Еще один индеец упал.

Вжик! Рядом просвистела стрела и с глухим стуком вонзилась в куст у ног Энди. Он споткнулся. Еще одна стрела пролетела у него над головой.

Пригнувшись, Энди бежал вверх по склону к крыльцу.

Вжик!

Проскользнув мимо здоровяка сапожника, он влетел в дом. Дверь за ним захлопнулась. Он успел!

Нелл бросилась к нему.

— Энди, ты живой! Слава Богу!

Энди тяжело дышал. Нелл чуть не задушила его в объятьях. Все вокруг улыбались: сапожник, Маршалл Рамсен, даже Джеймс.

— Я думал, тебе конец, сынок, — сказал сапожник.

Однако их радость была недолгой.

Маршалл посмотрел наружу через щель в ставнях.

— Они возвращаются в лес, — сообщил он.

Пока Нелл перевязывала Энди голову, ему рассказали о первой атаке. Элиот и индейцы бесшумно пересекли поле и были очень удивлены, встретив вооруженное сопротивление. Энди в свою очередь поведал друзьям, как Элиот заманил его в засаду, используя Дженни в качестве приманки.

— Кто-нибудь видел ее? — спросил Энди.

Они не видели.

— Зачем это нужно Элиоту? — спросил Маршалл.

— Ему приказано отравить жизнь тем, кого я люблю, — ответил Энди.

— Приказано? — удивился сапожник.

— Приказ Лода. Он не может простить, что я предпочел ему Нелл и Дженни.

Благочестивый сапожник выругался.

— Энди Морган! — послышалось снаружи.

— Это Элиот! — воскликнул Маршалл, посмотрев в щель между ставнями. — С ним Дженни!

Энди подбежал к окну. Маршалл слегка приоткрыл ставни. Элиот стоял на опушке леса. Перед собой он держал Дженни, приставив к ее горлу нож.

— Я убью ее! — кричал Элиот. — Если ты не выйдешь, я убью ее!

Энди прикрыл окно.

— Что будешь делать? — спросил Купер.

— Я должен выйти.

— Нет! — закричала Нелл. — Энди, прошу тебя, я не могу потерять вас обоих.

— Она права, — согласился сапожник. — Если ты выйдешь, они убьют и тебя, и Дженни.

— Я должен попытаться, — сказал Энди. — Я обещал Мэтьюзу беречь ее. Я должен попробовать!

Он посмотрел на Нелл. Ей не нужно было ничего говорить, он слишком часто разглядывал ее лицо, то тайком, то открыто, чтобы не знать, о чем она думает. Ее карие глаза смотрели решительно и сурово, губы были плотно сжаты. Он понимал, что Нелл согласна с ним. Он обнял ее и прижал к себе. Они так долго шли к тому, чтобы быть вместе. «Прошу тебя, Господи, не допусти, чтобы все закончилось прямо сейчас».

Он разомкнул объятия и направился к двери.

— Возьми хотя бы мушкет! — закричал Маршалл.

— Если они увидят, что я вооружен, они не подпустят меня к ней.

— Вот. Бери это. — Джеймс сунул ему пистолет.

Энди покачал головой.

— Ты можешь спрятать его сзади, — сказал сапожник. Он взял у сына пистолет, развернул Энди спиной к себе и сунул оружие ему за пояс.

Пистолет был большой и мешал при ходьбе. Энди не представлял, как он выхватит его, если понадобится выстрелить.

— Давид вышел против Голиафа с пятью камнями, — сказал сапожник. У тебя всего одна пуля. Постарайся, чтобы она попала в цель.

— Насколько я помню, Давиду хватило одного камня, — ответил Энди. Он открыл дверь и шагнул за порог. Последнее, что он увидел, была Нелл, которая, стоя на коленях, молилась и плакала.

— Мы будем молиться за тебя, Энди! — От неожиданности он вздрогнул. Обернувшись, он увидел, что вдоль дороги лицом к лесу стоит целый отряд вооруженных колонистов.

— Мы слышали стрельбу, — пояснил Джон Винтроп. Рядом с ним стояли два священника, Хиггинсон и Вильямс.

Энди поблагодарил их и двинулся дальше.

Пока он шел через поле, колонисты не сводили с него глаз. На ходу изучая обстановку, Энди пытался понять, каковы его шансы на победу. Элиот стоял на опушке леса,

прикрывшись Дженни и приставив к ее горлу нож. Бог ведает, сколько индейцев пряталось в лесу за его спиной.

Дойдя до середины поля, Энди остановился. Когда он разглядел Дженни получше, у него оборвалось сердце. Ее руки и лицо были измазаны в грязи и крови. Платье порвано, чудесные темно-каштановые волосы потускнели от грязи и запутавшихся в них листьев. Элиот намотал их на руку, как матрос — корабельный канат. На ее шее, там, где он прижимал к нежной коже лезвие ножа, остались кровавые порезы. Глаза Дженни были распахнуты от ужаса.

Теперь Энди видел индейцев. Одного из них он узнал. Это был Ункас.

— Подойди ближе! — крикнул Элиот.

— Нет! — закричала Дженни. — Энди, беги!

Элиот злобно дернул ее за волосы.

— Заткнись!

Энди инстинктивно шагнул вперед. Несколько индейцев за спиной Элиота натянули тетиву луков. Энди остановился.

— Отпусти ее, Элиот!

— Иди сюда или я убью ее! — Глаза Элиота вылезли из орбит, он тяжело дышал, с подбородка капал пот.

— Зачем тебе Дженни? Тебе нужен я! — крикнул Энди.

Ункас что-то сказал. Энди не расслышал его слов. Но Элиот понял его. Он резко обернулся к индейцу, полоснув при этом ножом по шее Дженни и оставив на ней еще один алый след.

— Это моя добыча! — крикнул он индейцу.

Дженни заплакала, и ее ноги подкосились. Элиот дернул ее за волосы, заставляя встать. С трудом она повиновалась ему.

Энди ощутил беспомощность. Нужно что-то немедленно делать.

— Элиот! Это касается только нас с тобой! — закричал он. — Подойди ко мне поближе!

— Хорошо, синий мальчик, — прошипел Элиот. Энди не раз видел это выражение на его лице. Элиот пользовался им, когда хотел смутить или напугать кого-то. Он широко открыл свои безумные глаза и усмехнулся, по-звериному оскалив зубы. Элиот Веннер напоминал взбесившееся животное. Подталкивая перед собой Дженни, он дошел почти до середины поля, пока между ним и его бывшим учеником осталось не больше нескольких футов.

— Энди, прости, мне так жаль... — сквозь слезы проговорила Дженни.

— Да, Энди, нам так жаль. Т-а-а-а-к! — кривляясь, передразнил ее Элиот.

— Хватит, Элиот! Отпусти ее! — закричал Энди.

— Хватит? — вкрадчиво переспросил Элиот. — Нет, не хватит, веселье только начинается! — Он дернул Дженни за волосы. Она пронзительно закричала, потом заплакала. Было видно, что ее мучения доставляют Элиоту острое наслаждение.

— Ошибаешься, Элиот! Все кончено! Посмотри туда! — Энди кивнул на вооруженных колонистов. — Ты больше не навредишь им! Они знают, кто ты такой!

— Ну, кое-кому я еще смогу попортить кровь! — Элиот провел ножом по горлу Дженни, оставив еще один порез. Секунду он зачарованно смотрел на дорожку алых капель вдоль сияющего лезвия.

— Ты уже не единожды мог убить ее, но не сделал этого! — крикнул Энди.

Элиот сверкнул глазами в его сторону.

— Ты не убил ее, потому что тебе нужен я, — сказал Энди.

Элиот гаденько усмехнулся.

— Я бы и рад отпустить ее! — сказал он равнодушно. — Но не могу. Я обещал Ункасу, что отдам Дженни ему, — после того, как убью! По-моему, это будет справедливо, как ты считаешь? Тебе я подарил Розмари. Ему подарю Дженни. — Он осклабился еще шире. — Ведь насчет Розмари я был прав?

Энди попытался обойти Элиота справа.

— Или Дженни, или я, Элиот! Не можешь же ты убить нас обоих. Если тебе нужен я тебе придется отпустить ее.

Элиот молниеносно отреагировал на маневр Энди, сделав шаг в сторону. Он снова взмахнул лезвием. По шее Дженни потекла алая струйка.

Энди остановился. Слева от него был дом и колонисты. Справа — лес и индейцы. Если ему удастся заставить Элиота отпустить Дженни, может быть, колонисты сумеют прикрыть ее, и она добежит до дома.

— У тебя ничего не вышло, Элиот! Ты мог уничтожить колонию, но ты все испортил. Ты мог бы убить Дженни и Нелл, но теперь у тебя ничего не выйдет! — Энди смеялся над ним. — Подумай, Элиот, сколько времени и сил ты потратил, делая вид, что ты нормальный человек. Сколько месяцев ушло впустую! Ты ничего не добился! Как же так? И это лучший агент епископа Лода! Ты остался ни с чем, потому что я оказался умнее тебя! Бедного Элиота Веннера, уличного проныру, обвел вокруг пальца сын аристократа!

Элиот начал издавать странные звериные звуки.

Энди снова засмеялся.

— Ты оказался глупее жирного епископа, который подобрал тебя на улице! — крикнул он. — Лод думает, что он убил Джастина! Как бы не так! Джастин жив. Он здесь, в этом доме!

Элиот перевел глаза на дом за спиной Энди.

— Бедный, глупый епископ и его недотепа-агент! Убили не того, кого нужно! Кристофер Мэтьюз не Джастин! Джастин — это Нелл!

С диким криком Элиот толкнул Дженни вперед.

Падая, она задела Энди, и тот упал навзничь. Элиот бросился на них с ножом. Пистолет впился Энди в поясницу. Дженни, свалившись прямо на юношу, прижала его к земле; за ее спиной показалось потное, безумное лицо Элиота. Собравшись с силами, Энди резким движением оттолкнул ослабшую от боли и страха Дженни в сторону, и в ту же секунду в землю вонзился нож. Послышался гортанный крик раздосадованного охотника, который упустил добычу. Элиот выдернул нож из земли и попытался нанести повторный удар, но Энди, заехав своему врагу кулаком в висок, отбросил его в сторону.

«Дженни. Ее нужно отвести домой. Я должен отвести ее домой».

Одновременно со своим противником Энди вскочил на ноги и заслонил собой Дженни. Молодая женщина все еще лежала на земле. Она едва шевелилась. Оскалив в ухмылке желтые зубы, Элиот поигрывал ножом. Не поворачиваясь к нему спиной, Энди протянул руку Дженни и помог ей подняться. Она с большим трудом встала, и тяжело оперлась на Энди, уцепившись за его рубашку так, что он едва не потерял равновесия. Энди хотел повернуться и помочь ей, но не мог этого сделать. Он не сводил глаз с Элиота, не давая ему

застать себя врасплох. Наконец Дженни твердо встала на ноги. Теперь она могла бежать, бежать к дому. Она положила руку на поясницу Энди и случайно нащупала пистолет.

— Нет! — крикнул он ей. — Беги! Беги к дому!

Дженни его не послушалась. Она вцепилась в рукоятку. Энди оттолкнул ее руку. Пистолет упал на землю.

— Беги к дому! — закричал он. Дженни не двинулась с места. Он снова закричал.

Вжик! Энди, почувствовав острую боль в правой ноге, упал на одно колено. Из бедра торчала стрела. Жгучая боль распространилась по ноге, отдавая в бок. Юноша изо всех сил старался не упасть.

«Если я упаду, мне конец. Я должен спасти Дженни, спасти Нелл и остановить Элиота!»

Вжик! Издалека послышался крик. Это голос Нелл. Энди знал, что если он обернется Элиот убьет его, но почему кричит Нелл? Что случилось? Энди бросил быстрый взгляд в сторону дома.

Нелл кричала что-то про Дженни. Дженни ничком лежала на земле. Из ее спины торчала стрела.

— Нет! — вырвалось у Энди.

Раздался грохот ружейных выстрелов. Над ним засвистели пули. От деревьев на опушке отлетели кора и щепки. Огонь, который открыли колонисты, заставил индейцев отступить в лес. Двое из них остались лежать на земле, остальные убежали.

Как только Энди обернулся, Элиот бросился на него, яростно размахивая ножом. Увертываясь от ударов, Энди отклонился назад. Раз. Два. Элиот налетел на него и сбил с ног, повалив на спину. Своей раскрашенной потной грудью он прижал Энди к земле, усеянной камнями и покрытой колючей травой. Энди попытался оттолкнуть Элиота, но руки лишь скользнули по его влажному телу. В таком положении Элиот не мог размахнуться и нанести удар, он должен был приподняться. Раненая нога причиняла Энди нестерпимую боль, да и Элиот оказался очень тяжелым и сильным. Энди подумал о Нелл и Дженни, потом о Кристофере Мэтьюзе. Он подвел их всех. Он причинил им страдание, а теперь уже ничего нельзя исправить, слишком мало осталось времени. Это конец.

Элиот привстал, собираясь пронзить свою жертву ножом. Энди схватил его за руку, но силы были на исходе. Он понимал, что надолго его не хватит. Энди вспомнил деда. Он всегда думал, что умрет в старости, как адмирал. Элиот уселся поудобнее, чтобы нанести решающий удар. Меняя позу, он случайно задел коленом стрелу в бедре Энди. Тот вскрикнул от боли. Это понравилось Элиоту, и он снова пнул стрелу ногой. Стрела, точно раскаленная кочерга, развернулась в теле Энди. Молодой человек закричал от невыносимой боли. От восторга Элиот завыл, как гиена. Энди почувствовал, что теряет сознание, перед его глазами сгустилась темная пелена. Руки юноши бессильно упали, и в этот момент лондонский дикарь еще раз ударил по стреле.

Бах!

Звук был достаточно громким, чтобы заставить Энди очнуться. Выстрел прозвучал прямо у него над ухом. Элиот вздрогнул и вытянулся, его руки обмякли. Нож упал на землю. Безумные глаза невидящим взглядом смотрели куда-то вдаль, правый висок почернел от пороха. Спустя секунду Элиот рухнул прямо на свою жертву.

Преодолевая боль, Энди с трудом выполз из-под обмякшего тела врага. Отпихнув его в сторону, он приподнялся, чтобы посмотреть, кто спас ему жизнь.

Из слабеющей руки Дженни выпал дымящийся пистолет. Их взгляды пересеклись всего на долю секунды. И в этот миг, встретившись глазами с умирающей Дженни Мэтьюз, Энди понял, что она любила его до последнего вдоха.

Нелл подошла к мужу сзади и ласково обняла его.

— Предаешься воспоминаниям? — спросила она.

Энди кивнул.

— Нас ждут.

— Еще минутку.

Энди Морган сидел за столом в гостиной построенного им дома, из окон которого открывался вид на бухту. Перед ним лежали две книги: привезенная из Англии Библия и его дневник. С тех пор как он сделал в нем первую запись, прошло двадцать два года.

«16 мая 1632 года. Сегодня похоронили Дженни. Теперь она вместе со своим отцом. Я молюсь, чтобы он простил меня, ведь я не сдержал слова — не сберег Дженни. Единственное утешение: там, где она теперь, ее больше никто не обидит».

Нелл села рядом с мужем и погладила его по руке.

— Хорошо, что мы не вернулись в Англию. Господь был милосерден к нам здесь.

Энди кивнул, листая дневник. Одна из страниц была заложена конвертом.

«26 февраля 1645 года. Сегодня пришло письмо из Англии. Епископ Вильям Лод, архиепископ Кентерберийский, казнен 10 января сего года. На время судебного разбирательства он был помещен в Тауэр и по приговору суда обезглавлен».

Запись о казни Лода содержала две цитаты.

Неемия Валлингтон радостно заметил: «Его ничтожная светлость, злейший враг Господа, лишился головы».

Джон Дод написал: «Тусклый светоч кентерберийский угас на Тауэр-Хилл».

«Я испытываю смешанные чувства. Епископ Лод был жестоким и злым человеком. Но он всегда был добр ко мне».

— Я говорил тебе, что твой отец оказался пророком? — спросил Энди.

Нелл улыбнулась:

— Ты о чем?

— Когда ему поручили наблюдать за мной в Эденфорде, мы вместе с ним и Дэвидом Купером играли в боулинг. Потом мы сидели у реки, и твой отец рассказал нам историю о бедняке, который пытался обобрать вора. Вор отругал его, сказав, что он ничего не смыслит в воровстве, а потом научил правильно грабить людей. После этого бедняк ограбил своего наставника по всем правилам.

Нелл засмеялась.

— Отец любил такие истории.

— Он сравнил вора с епископом Лодом и сказал, что епископ учит Англию ненавидеть и убивать и что рано или поздно это погубит его самого. Я читал отчеты о суде над Лодом. Его обвинителем стал тот, кто когда-то сидел на скамье подсудимых «Звездной палаты». У этого человека не было ушей, а на щеках были выжжены клейма.

Нелл указала на конверт.

— Почему ты его не выбросишь?

— Не знаю. Тебе это неприятно?

— Немного.

Это было письмо Лода, отправленное из Тауэра за день до казни. Энди получил его

спустя несколько месяцев после смерти архиепископа. Лод написал, что никто на свете не причинил ему такой боли, как Энди, и что тому, что он сделал, нет ни прощения, ни оправдания. Об Элиоте не было сказано ни слова. В конце письма епископ приписал: (6/1/17/11–17) (40/13/30/10–11) (23/57/10/3–4), (22/5/4/1–2). «Господь, Бог твой, да будет с тобою во время пути твоего, возлюбленный мой». Эти же слова Лод написал ему, когда обучал шифру.

Нелл протянула руку и закрыла дневник.

— Не стоит сегодня вспоминать о епископе Лоде. Это особый день, и я не хочу, чтобы он испортил его.

— Нравится тебе или нет, но, если бы не он, мы никогда бы не встретились.

— И все же сегодня мне не хочется о нем думать, — Нелл кивнула в сторону Библии, которая лежала рядом с дневником. — И это издание Библии я все равно не люблю. — Она сжала руку мужа и, наклонившись, нежно поцеловала его в щеку. — Нам пора.

Энди и Нелл Морган спустились с холма к старому дереву для собраний. В городе давно уже построили церковь, и службы здесь больше не проводились.

Там их ждала вся семья. Кристоферу, старшему сыну, было двадцать. Девятнадцатилетняя Люси стояла рядом со своим женихом, Вильямом Синклером, школьным учителем. За их спинами маячил шестнадцатилетний Роджер.

Энди стоял перед ними, — гордый, счастливый отец.

Под руководством Джона Элиота ^[109], бывшего пастора Роксбери, Кристофер занимался миссионерской деятельностью среди индейцев. Вместе со своим наставником он изучал индейские диалекты, помогая создавать группы «молящихся индейцев». Таких объединений насчитывалось уже тринадцать, и в них состояло около тысячи членов.

Люси была своенравной девушкой с твердыми убеждениями. Она любила мучеников, отверженных и изгоев. Ее откровенность и прямота не раз доставляли ей неприятности. Отцу нравился решительный характер дочери, хотя он и не всегда соглашался с ней.

Кто такой Роджер, было пока непонятно. Он грезил историями о первых поселенцах и временах освоения Дикого Запада. Энди не сомневался, что из мальчика вырастет настоящий искатель приключений.

— С сегодняшнего дня в нашей семье устанавливается традиция, — обратился Энди к своим близким на правах отца семейства, — которая будет соблюдаться из поколения в поколение, до Дня Господа нашего Иисуса Христа.

Он обвел глазами всех своих детей, взглянул в лицо каждому. У Кристофера были карие глаза, как у матери; Люси длинными, прямыми темно-каштановыми волосами напоминала Дженни, свою тетьку, которую она никогда не видела. Неугомонный непоседа Роджер очень походил на юного Энди Моргана.

— Традиция, начало которой будет положено сегодня, состоит в передаче духовного наследия нашей семьи от старшего поколения к младшему. — Энди показал свою Библию. — Это символ нашего наследия, Библия, которую я привез из Англии. В ней, — Энди открыл книгу и извлек маленький предмет, — лежит кружевной крестик. Он напоминает о вкладе вашей матери в духовное наследие семьи.

Энди положил крестик на место и закрыл Библию.

— Получивший эту книгу будет нести двойную ответственность. Во-первых, он должен позаботиться о том, чтобы духовное наследие Морганов было передано следующему поколению; во-вторых, именно ему предстоит выбрать достойного преемника. Во время

такого же семейного торжества он передаст ему эту Библию и этот крестик, чтобы его потомки оставались верны Господу и Его Слову.

Нелл нахмурилась, посмотрев на Роджера. Носком башмака он что-то чертил на земле, не слушая отца. Увидев недовольный взгляд матери, юноша вздохнул и оставил свое занятие.

— На первой странице, — Энди открыл книгу, — будет список тех, кому доверено хранить духовное наследие Морганов. Этот список открывается моим именем.

Он прочел вслух:

— «Энди Морган, 1630, Захария 4:6». Ниже я написал: «Кристофер Морган, 1654 Матфей 28:19».

Кристофер улыбнулся. Он был доволен, что отец выбрал именно этот стих.

— Строки Священного Писания, упомянутые рядом с моим именем, завещал мне мой духовный отец, ваш дедушка Кристофер Мэтьюз. Они стали девизом моей жизни. Как отец Кристофера, я выбрал для него стих из Евангелия от Матфея: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа».

Энди Морган с улыбкой протянул книгу старшему сыну.

— Как глава семьи, я с гордостью поручаю тебе нести ответственность за веру нашей семьи. Я буду молиться, чтобы Господь послал тебе сына и когда-нибудь ты смог передать ему эту Библию с подобным напутствием. Я буду молиться и о том, чтобы ты мог гордиться им так же, как я горжусь тобой.

Энди обнял сына, а Нелл поцеловала его в щеку.

— Перед Всевышним я обещаю сделать все, чтобы вы могли гордиться мной, — сказал Кристофер.

— Мы уже гордимся тобой, сынок.

Остаток дня Морганы и Вильям Синклер провели под деревом для собраний. Они вспоминали прошлое бостонской колонии и разные события из жизни семьи, многие из которых казались совершенно невероятными. Солнце было в зените, когда Энди Морган рассказал своим близким об истоках семейной веры.

— Эта история началась в Виндзорском замке во время правления Карла I, — медленно произнес он, — в тот день, когда я встретил епископа Лоу. Именно с этого дня все в моей жизни пошло не так.

Ткань исторического романа представляет собой переплетение двух нитей: исторических фактов и фантазии автора. Используя одновременно и то и другое, писатель воссоздает картину прошлого. Читатель, который берет в руки литературу такого рода, часто задается вопросом о соотношении реальности и вымысла. Правильно определить эту пропорцию — одна из основных творческих задач, стоящих перед автором. Это послесловие для тех, кого интересует данная проблема.

Описание жизни и быта Англии XVII века по большей части основано на исторических исследованиях. Обращаясь к ним, я пытался воссоздать в романе материальные, эмоциональные и духовные реалии той эпохи. Это помогло мне наметить художественную канву произведения и определиться с выбором героев.

В основном конфликте романа задействованы исторические личности: епископ Вильям Лод, король Карл I и Джон Винтроп. Среди второстепенных персонажей также есть реально существовавшие лица. Это Джон Коттон, Роджер Вильямс, Фрэнсис Хиггинсон, Скелтон и губернатор Эндикотт. Члены семей Морганов, Мэтьюзов, Рамсденов и Элиот Веннер — персонажи вымышленные.

В основе сюжета — жизнь и приключения Энди Моргана. Его глазами мы видим властолюбивые устремления англиканской церкви и короля, пробуждение евангелической веры пуритан, пустоту и бессмысленность существования богатых сквайров и насыщенную духовную жизнь последователей Иисуса Христа, живущих в бедности и страдающих от гонений.

Исторические места, где разворачиваются события романа (Виндзорский замок, Лондон, Тауэр, Винчестер, Кембридж и поселение на берегу залива Массачусетс), описаны с привлечением разного рода документов, в том числе карт, планов и дневниковых записей.

Конфликт между епископом Лодом и пуританами — факт истории. Непоколебимая решимость Лода заставить пуритан подчиниться власти церкви, его всепоглощающая ненависть к пуританам, преследования и наказания пуританских священников и памфлетистов, требования обносить алтарь ограждением, носить традиционное облачение и не читать импровизированных проповедей действительно имели место.

Работая над образом епископа Лода, я обращался как к его собственным сочинениям и дневниковым записям, так и к мемуарам современников. К его реальному облику я добавил кое-что от себя, наделив героя чувством юмора и потребностью в напернике. По воспоминаниям очевидцев, епископ Лод не обладал чувством юмора и не имел близких друзей. Он предпочитал мужское общество и презирал женщин — в частности, не позволял им появляться в своей лондонской резиденции. Дневник епископа свидетельствует о мучительной борьбе со склонностью к гомосексуализму, и этот мотив косвенно присутствует в романе. Епископ Лод стремился всецело подчинить государство англиканской церкви, недооценивая при этом силы оппозиции как в Англии, так и в Шотландии. Он закончил жизнь на эшафоте, где был обезглавлен по приговору суда.

Описание морского боя в 1588 году, приведшего к поражению «Непобедимой армады» и рассказ о сражении при Сан-Хуане основываются на исторических источниках. Джон Хокинс и сэр Фрэнсис Дрейк — личности исторические; суда «Миньон» и «Юдифь» существовали в действительности. Реальным фактом является и перестройка Хокинсом

английских боевых кораблей. Участие в их перевооружении Амоса Моргана — художественный вымысел.

Морган-холл — типичный особняк XVI–XVII веков. Постоялый двор Короля Альфреда; описан с привлечением исторических документов, содержащих сведения о подобных заведениях тех лет. Внешний вид и обстановка дома Мэтьюзов характерны для большинства домов Девоншира того времени.

Сочинения памфлетиста Джастина большей частью написаны мною. Кое-где использована дихотомическая форма памфлетиста Питера Рэймеса, а несколько фраз позаимствованы у Томаса Катрайта. Я воздержался от введения язвительных нападок личного характера на епископа Лода, которые были нередки в произведениях памфлетистов и особенно характерны для Вильяма Прина. Проповеди Кристофера Мэтьюза также принадлежат моему перу.

Травля медведя была в XVII веке весьма популярной забавой не только среди простолюдинов. Так, король Яков I любил травить диких животных собаками в зверинце лондонского Тауэра. Жестокие и кровавые увеселения характерны для нравов той эпохи. Публичные казни воспринимались как развлечение и отдых.

При описании охоты в поместье лорда Честерфилда использованы рассказы о королевской охоте из «Тюбервильской книги охоты», изданной в 1576 году.

Случайная гибель сына лорда Честерфилда и то, как она помогла Лоду сфабриковать обвинения против Кристофера Мэтьюза, — плод авторской фантазии. Этот эпизод позволил мне описать методы, характерные для епископа Лода. Чтобы достичь своей цели, он не брезговал ничем. Тем не менее я хочу сказать слово и в его защиту: несмотря на жестокие методы, он искренне верил, что действует во благо Англии, церкви и Бога.

Использование Библии для передачи зашифрованных посланий — мое изобретение.

Эденфорд — вымышленный город. Путешествуя по Девонширу, вы не обнаружите его на западном берегу реки Экс, к югу от Тивертон. Однако, рассказывая об Эденфорде, я ориентировался на документальные источники. Более всего мне помогла книга «Первые путешествия по Девонширу и Корнуоллу» (1967), которая содержит дневниковые записи тех, кто странствовал по этим местам в 1540 и 1695 годах.

Прибытие Энди в Эденфорд и его последующее задержание основаны на воспоминаниях современников об этом периоде в истории Англии: в частности, на «Истории жизни Томаса Эллвуда, написанной им самим» — издана в 1661 году. Притча Кристофера Мэтьюза о конце епископа Лода как исторически достоверный рассказ приведена в «Дневниках» Абрахама де ля Прайма, которые относятся к тому же периоду. Оба источника свидетельствуют о том, как было опасно путешествовать в XVII веке по Англии.

«Книга спортивных развлечений» короля Якова, которая не только разрешала, но и поощряла разного рода спортивные состязания по воскресеньям, действительно существовала. Король Яков I и его сын Карл I издавали указы, обязывавшие пуритан зачитывать эту книгу с церковных кафедр.

То, что Женевскую Библию пуритане предпочитали Библии короля Якова, — тоже реальный факт. На самом деле пуритане признавали две Библии: Женевскую и Епископскую. Король издал приказ, который разрешал печатать только одобренный им вариант текста, что способствовало его широкому распространению.

Производство шерсти и процесс изготовления сержа и костюного кружева описаны на

основании исторических источников.

Документально подтвержденным фактом является и беспрепятственное использование королем и епископом решений «Звездной палаты» в своих целях. После смерти герцога Букингема Лод стал вторым лицом в государстве и главным советником Карла I. Приговоры, которые выносила «Звездная палата», описаны в романе в соответствии с протоколами судебных заседаний. «Звездная палата» не выносила смертных приговоров, к смертной казни осужденного мог приговорить только Суд общего права.

Названия кораблей, которые отправились в Америку, подлинны. Основные события и детали морского путешествия даны на основе дневниковых заметок Джона Винтропа и свидетельств очевидцев. Речь идет о задержках при отплытии судов, завтраке на борту «Арбеллы» с капитаном Берли, командующим ярмутской крепостью, рассказе Винтропа о себе, присутствии на корабле леди Арбеллы, возможном столкновении с судами из Дюнкерка, порядке прибытия кораблей, датах их отправления и частых замерах глубины при приближении к месту назначения. Первые впечатления колонистов и описание их временных жилищ также воспроизведены по документальным источникам.

Проповедь его преподобия Джона Коттона перед переселенцами накануне выхода в море является сокращенным изложением подлинного текста, в котором дословные цитаты используются наряду со сжатым изложением основных идей.

Когда Джон Винтроп, обращаясь к недавно прибывшим в Массачусетс колонистам, зачитывает свои заметки, я использую цитаты из его работы «Христианское милосердие». Винтроп еще в море делился с переселенцами этими размышлениями. Я полагаю, он возвращался к ним, стараясь убедить колонистов остаться, поэтому в романе Винтроп излагает свои мысли позднее, чем это происходило на самом деле.

Столкновения с индейцами из племени пекотов действительно имели место. Пекоты были обеспокоены быстрым ростом поселений и вторжением колонистов на их территории. Отношения резко ухудшились в 1636 году, после того как произошло убийство торговца из Бостона и подозрение пало на индейца из племени пекотов. В ходе карательной экспедиции колонисты уничтожили поселение пекотов: были убиты и сгорели в пожарах от пятисот до шестисот индейцев. Это был один из первых крупных вооруженных конфликтов между колонистами и индейцами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Джек Кавано

Сан-Диего, Калифорния

1993

Карл I (1600–1649) — английский король с 1625 г. В ходе буржуазной революции 1640–1653 гг. был низложен и 30 января 1649 г. казнен.

Лод Вильям (1573–1645) — один из ближайших сподвижников Карла I; архиепископ Кентерберийский с 1633 г. Жестоко преследовал пуритан. Казнен по приговору Долгого парламента.

Король Артур — легендарный король бриттов, герой мифов и многочисленных средневековых сказаний и поэм о рыцарях Круглого стола, Святом Граале и т. д.

Круглый стол — во дворце короля Артура (Камелоте) для того, чтобы не было ни лучших, ни худших мест и все рыцари чувствовали себя равными, был установлен круглый стол.

Святой Грааль — согласно западноевропейским средневековым сказаниям, чудодейственный сосуд из цельного алмаза, в котором была собрана кровь распятого Христа. В рыцарской литературе рассказывается о подвигах и самопожертвовании рыцарей, отправившихся на поиски этой таинственной чаши.

Ланселот — герой артуровских легенд и средневековых рыцарских романов, влюбленный в королеву Гвиневру, в честь которой им было совершено множество подвигов.

Гвинебра — жена короля Артура, возлюбленная Ланселота.

Гавэйн — племянник короля Артура. Слыл образцом галантности и благородства.

Пуритане (от лат. *puritas* — чистота) — протестанты, не довольствовавшиеся половинчатой, незавершенной реформацией в Англии. Настаивали на дальнейшем очищении церкви от католических обрядов и возвращении к библейским принципам веры.

Серж — шерстяная костюмная ткань.

Часовня Святого Георга — находится в Виндзорском замке; возведена в 1477–1511 гг. Здесь хранятся мощи святого Георгия и часть креста, на котором был распят Иисус Христос. В часовне находятся гробницы многих английских королей.

Пенс — правильное — «пенни». Мелкая монета стоимостью 4 фартинга.

Дрейк Френсис (1540–1596) — прославленный английский мореплаватель и пират, впоследствии вице-адмирал (1588). Человек, который, по словам вице-короля Перу, «открыл путь в Тихий океан всем еретикам — гугенотам, кальвинистам, лютеранам...». Второй европеец, совершивший кругосветное путешествие (1577–1580). В 1588 г. участвовал в разгроме «Непобедимой армады».

«Золотая лань» — флагманский корабль Фрэнсиса Дрейка во время кругосветного путешествия в 1577–1580 гг.

Королева Елизавета (1533–1603) — английская королева с 1558 г. Во время ее правления были укреплены позиции абсолютизма, восстановлена англиканская церковь, разгромлена «Непобедимая армада».

Виндзорский замок — резиденция английских королей. Построен в XI в.; в XIV Эдуард III (1312–1377) разрушил его и построил новый; с той поры замок неоднократно перестраивался.

Виндзор — городок, расположенный к западу от Лондона, на реке Темзе, известен благодаря королевскому замку.

Стрэнд — одна из торговых улиц Лондона, находится между лондонским Сити и районом Вестминстер.

Бэйсингсток — небольшой живописный городок неподалеку от Лондона.

Уайтхолл — королевская резиденция в Лондоне. Название Уайтхолл стало общераспространенным во времена правления Якова I. В 1689 г. старое тюдоровское здание дворца было почти полностью уничтожено пожаром. Перед этим дворцом казнили Карла I.

Фунт — денежная единица, равная 20 шиллингам (один фунт серебра).

Генрих VIII (1491–1555) — король Англии с 1509 г.

«Звездная палата» — высшее судебное учреждение в Англии, основанное в 1487 г. для борьбы с противниками королевской власти и англиканской церкви. Судей назначал только король, решения суда не обсуждались. «Звездная палата» могла присудить человека к конфискации имущества или тюремному заключению, но не имела права выносить смертный приговор. Упразднена Долгим парламентом в 1640 г. Название получила по Звездной палате Вестминстерского дворца, в которой проводила свои заседания.

Тайный совет — постоянно действующий совет, назначался королем. Возник во времена Генриха VII (1457–1509). Пять членов Тайного совета образовывали высший королевский суд — «Звездную палату».

Фут — английская единица длины, около 30 см.

Миля — единица длины; одна сухопутная миля равна 1,609 км.

Хэмптонкортская конференция — церковная конференция, прошедшая в январе 1604 г. в Хэмптон-Корте, на которой Яков I заявил священникам-пуританам следующее: «Вы хотите собрания пресвитеров на шотландский манер, но оно так же мало согласуется с монархией, как черт с Богом. Тогда начнут собираться Джек с Томом, Уилл с Диком и будут обсуждать меня, мой Совет, нашу политику». Свою речь Яков завершил словами: «Нет епископа — нет короля». В итоге священникам-пуританам предложили либо подчиниться англиканской церкви, либо сложить с себя священнические обязанности. После этой конференции преследования пуритан ужесточились, в результате из страны хлынул поток эмигрантов. Эмиграция пуритан фактически положила начало основанию североамериканских колоний Англии.

Церковь Святого Павла... — Речь идет об одной из двух древних церквей, носивших имя святого Павла и стоявших на том же месте, где ныне находится одноименный лондонский собор. Сгорели во время пожара в 1666 г.

Иер. 1:5.

Иер. 1:9.

Диссентеры — противники государственной церкви в Англии XVI–XVII вв.

Сепаратисты — представители так называемого левого, радикального крыла пуритан. Отвергали государственную церковь и церковную организацию. Выступали за полную автономию каждой общины — конгрегации. Отсюда другое название сепаратистов — конгрегационалисты. Впоследствии сторонники этого направления стали называться индипендентами (букв: «независимые»).

«Книга общей молитвы» — книга, по которой в англиканской церкви совершаются основные богослужения и таинства. Была подготовлена видным деятелем английской Реформации Томасом Кранмером (1489–1556). Введена в обиход в 1549 г., впоследствии была существенно изменена.

Имеется в виду Иустин, св. отец и учитель церкви II в., известный как философ и мученик.

Полкроны — здесь: серебряная монета стоимостью 2,5 шиллинга.

Шиллинг — серебряная монета стоимостью 12 пенсов.

Oc. 13:8.

Хокинс Джон (1532–1595) — английский адмирал, пират-работорговец. Участник сражения с «Непобедимой армадой».

Галеон — испанский трех- или четырехпалубный военный корабль. В дальнейшем это название перешло на торговые суда.

«Непобедимая армада» — военный флот Испании, созданный в 1586 г.; в 1588 г. во время сражения с англичанами и сильного шторма в Ла-Манше понес огромные потери.

Ховард Чарльз (ок. 1536–1624) — адмирал, командовал английским флотом в сражении с «Непобедимой армадой».

Цицерон Марк Туллий (106–43 до н. э.) — римский оратор, политический деятель, писатель.

Ливий Тит (59 до н. э. — 17 н. э.) — римский историк, автор «Римской истории от основания города».

Светоний Гай Транквилл (ок. 70 – ок. 140) — римский историк и писатель. Из его многочисленных трудов полностью сохранились лишь жизнеописания цезарей — «О жизни двенадцати цезарей».

Диодор Сицилийский (ок. 91–21 до н. э.) — древнегреческий историк, автор «Исторической библиотеки». Его украшенное анекдотами, хронологически не всегда выверенное, но интересное изложение ранней истории до времен Цезаря было очень популярным.

Джерард — знаменитый английский травник.

Элиот Томас (1490–1546) — английский гуманист и писатель.

Сидни Филип (1554–1586) — английский гуманист, поэт, романист, теоретик искусства, дипломат, полководец.

Стена императора Адриана... — Имеется в виду стена (вал), построенный по приказу римского императора Адриана (76–138) на границе между Англией и Шотландией для защиты территорий, принадлежащих Римской империи, от набегов кельтов. Строительство частично земляного, частично каменного вала длиной более 118 км продолжалось 14 лет. В этот вал через каждую римскую милю (1481 м) были встроены укрепленные форты (один из них — Хаустидс), между которыми располагались сторожевые башни. С внешней стороны был прорыт ров, а с внутренней построены склады и лагеря.

Стоунхендж — по-саксонски «висячие камни». Каменная астрономическая обсерватория XVI в. до н. э., находящаяся на Солсберийской равнине в Англии. Памятник древних кельтов.

Скофелл — живописная скалистая вершина в Камберлендских горах высотой 978 м; ярко выраженные формы ледникового рельефа.

Эндрю — английская форма имени Андрей.

Джонс Иниго (1573–1652) — английский архитектор. Утверждал в английской архитектуре ясность композиции и благородство пропорций классического зодчества (проект Уайтхолла, Банкетный зал, вилла королевы в Гринвиче). Находился под влиянием выдающегося итальянского архитектора Андреа Палладио (1508–1580).

Яков I (1566–1625) — король Англии с 1603 г. Во время его правления обострилась борьба между короной и парламентом. Занимал враждебную позицию в отношении пуритан.

Иов. 3:3–6.

Имеется в виду случай с жителями Гаваона, описанный в Книге Иисуса Навина (Нав 13).

Евр. 13:2.

Мария Тюдор (1516–1558) — английская королева с 1533 г. Ее правление ознаменовалось преследованием и многочисленными казнями протестантов.

Чис. 32:13.

Мф. 8:20.

Евр. 11:13; 1.

Пет. 2:11.

Иш. 9:4.

Тимофей — преданный ученик и верный помощник апостола Павла, уроженец Листры Ликаонской. Павел отзывался о Тимофее, с которым встретился во время своего первого миссионерского путешествия, с величайшей теплотой. Тимофей сопровождал апостола и в третьем миссионерском путешествии.

«Корабельные деньги» — Имеется в виду старинный налог на постройку судов и организацию обороны побережья. Был вновь введен Карлом I в период одиннадцатилетнего правления без парламента.

Мф. 22:16–21.

Мф. 6:25–33.

Пс. 117:24.

Зак. 4:6.

Ярд — английская единица длины, около 91 см.

Втор. 32:48–52.

Винтроп Джон (1588–1649) — один из основателей Массачусетса и первый его губернатор.

Акр — участок земли, равный 4,047 м².

Рэли Уолтер (ок. 1552–1618) — английский политический деятель, полководец, историк, поэт, драматург, мореплаватель и пират. Один из руководителей разгрома «Непобедимой армады». Исследовал Южную и Северную Америку. Основал в 1584 г. первую колонию — Виргинию. Провел в Тауэре тринадцать лет. Казнен по обвинению в государственной измене.

Мф. 10:28.

Дюйм — английская единица длины, равная 0,0254 м.

Мф. 28:19–20.

Деян. 9:26–27.

Елима — «волхв», «мудрец» — второе имя иудейского мага и лжепророка из свиты римского наместника на Кипре Сергия Павла. Когда наместник пожелал услышать проповедь Варнавы и апостола Павла, Елима воспротивился этому, за что по слову Павла на время ослеп.

Ялик — небольшая шлюпка с одной или двумя парами весел.

Роу Томас — английский мореплаватель.

Сквайр (эсквайр) — здесь: представитель нового дворянства, богатый джентльмен.

Каперы — каперское судно, владельцы которого с разрешения властей воюющих и даже нейтральных стран занимались в XVI–XIX вв. захватом торговых судов. Каперство было запрещено в 1856 г. Декларацией о морской войне.

Дюнкерк — город-порт на севере Франции, на берегу Северного моря. Одна из основных каперских баз.

Перкинс Вильям (1558–1602) — протестантский мыслитель, теолог, политически-умеренный пуританин. Автор сочинений «Реформированный католик», «Искусство пророчества», «Призвание служения».

Пс. 34:3.

Коттон Джон (?—1727) — пуританский священник, лидер колониального конгрегационализма.

Лье — старинная французская путевая мера; морское лье равно 5565 м.

Галс — курс судна относительно ветра; если ветер дует в правый борт, говорят, что судно идет правым галсом, если в левый борт — левым галсом.

Бухта — канат или трос, сложенный кругом, цилиндром или восьмеркой.

Грот-мачта — вторая мачта от носа судна.

Лот — прибор, служащий для измерения глубины воды с судна.

Морская сажень — единица длины, равная 1,83 м.

Эндикотт Джон (1589–1665) — основатель пуританского поселения в Сейлеме. Возглавлял колонию Массачусетского залива до прибытия Джона Винтропа. Избирался губернатором в 1649, 1651–1653, 1655–1664 гг.

Мих. 6:8.

Город на холме — символ американского национального сознания, одно из основных философских понятий пуритан, приехавших в Новый Свет для того, чтобы построить там идеальное общество — Царство Божие. Взятое из Библии выражение (Ис. 2:2; Мф. 5:14) впервые появилось в 1630 г. в дневнике будущего губернатора Массачусетса Джона Винтропа.

Племя пекотов — алгонкинский народ, населявший долину Коннектикут. Название этого племени означает «разрушители», «истребители». Пекоты были очень воинственны и хорошо организованы. В начале XVII в. племя насчитывало несколько тысяч человек. После эпидемий и Пекотской войны (1636–1637) большинство индейцев этого племени было уничтожено.

Автор дал этому индейцу имя одного из пяти вождей пекотов.

Речь идет о группе индейских племен (пекоты, могикане, оджибве и др.) Северной Америки; говорят на алгонкинских языках, относящихся к алгонкино-ритванской семье индейских языков.

Наррагансетт — «народ маленького места». Конфедерация алгонкинских племен. Проживали на берегу залива Наррагансетт и в западном Род-Айленде.

Бушель — мера объема жидкости и сыпучих веществ в системе английских мер. Один британский бушель равен $36,3687 \text{ дм}^3$.

Речь идет о чуде, совершенном пророком Илией в жестокую засуху в Сарепте Сидонской. У приютившей его вдовы, по слову Господа, мука и мало не истощались до конца засухи (3Цар. 17:8–16).

Вильямс Роджер (1603–1684) — пуританский проповедник, основатель первой баптистской церкви в Северной Америке. Проповедовал в Бостоне и Плимуте. Настаивал на отделении церкви от государства, выступал за религиозную свободу. За свои убеждения был выслан из Сейлема. Проповедовал среди индейцев. Основал в 1636 г. поселение Провиденс, впоследствии Род-Айленд.

Имеется в виду Хартия 1629 г., предоставляющая колонии Массачусетс землю между реками Мерримак и Чарльз.

Деян. 13:22.

Могикане — североамериканское индейское племя, говорящее на алгонкинском языке.

Ункас (?—1683) — вождь могикан, под предводительством которого могикане отделились от пекотов. Поддержал колонистов в Пекотской войне. В 1643–1647 гг. воевал с наррагансеттами. При поддержке англичан получил контроль над многими племенами региона, став таким образом самым могущественным вождем в Новой Англии. Его именем назван один из героев романа «Последний из могикан» Дж. Ф. Купера.

Пс. 22:4.

Элиот Джон (1604—?) — миссионер, пуританский проповедник, писатель. Его перевод Библии считается первым, вышедшим в Северной Америке (Новый Завет — 1661, Ветхий Завет — 1663). При поддержке монашеского братства создавал группы «молящихся индейцев».